

WARHAMMER
40,000

СЕРЫЕ
РЫЦАРИ

БЕН КАУНТЕР

Орден Серых Рыцарей с древнейших времен специализируется на изгнании демонов и тесно сотрудничает с Инквизицией. Десять веков назад на планете Корион IX Серый Рыцарь Мандулис сражался против демона Гаргатулота. В бою, который стоил ему жизни, Мандулис все же сумел изгнать тварь обратно в Имматиум.

Спустя тысячу лет инквизитор-отступник вновь открывает демону путь в реальное пространство. Правосудор Аларик, командир элитного отряда Серых Рыцарей, должен обнаружить и истребить культ, готовящий возвращение могущественного демона. Но времени остается в обрез, предотвратить появление Гаргатулота уже нельзя и надо отыскать способ снова загнать его в преисподнюю...

- [Бен Каунтер](#)

- [1.](#)
 - [2.](#)
 - [3.](#)
 - [4.](#)
 - [5.](#)
 - [6.](#)
 - [7.](#)
 - [8.](#)
 - [9.](#)
 - [10.](#)
 - [11.](#)
 - [12.](#)
 - [13.](#)
 - [14.](#)
 - [15.](#)
 - [16.](#)
 - [17.](#)
 - [18.](#)
 - [19.](#)
 - [20.](#)
-

Бен Каунтер
«Серые Рыцари»

КОРИОН IX

Это было волнующееся море ненависти, беспредельный океан зла. Далеко внизу поверхность Кориона IX была покрыта лесом, наполненным пыточными столбами, крестами, звездами и квадратами из пропитанного кровью дерева. Их оплетали, словно вьющиеся лозы, сотни тысяч изувеченных тел. Как будто на кошмарном винограднике, бесчисленные ряды распятых орошали землю кровавым соком. Жертвы оставались на грани жизни и смерти: их тела были почти полностью обескровлены, но разум оставался достаточно ясным, чтобы осознавать агонию. Все они были слугами Тысячеликого Принца, культистами и проповедниками, собравшимися на планете своего господина в надежде на вечную награду, которую и получили.

С течением лет деревья росли, люди срастались с опорами, конечности превращались в ветви из плоти. Тела деформировались, пока не утрачивали все человеческие черты. Оставалось только страдание.

Говорят, что стенания слышались еще с орбиты. И это было правдой.

Повинуясь неслышному сигналу, земля стала содрогаться. Жертвы Кориона IX завопили сильнее. И когда влажная почва взорвалась фонтанами грязи и крови, когда из глубин стало подниматься нечто непонятное и страшное, агонию сменил еще более мучительный ужас. На поверхность вырвались переливчатые, извивающиеся существа. Некоторые — с длинными растопыренными пальцами и огромными хищными мордами на маленьких туловищах; другие — с раздутыми грибовидными телами, изрыгающие фонтаны разноцветного пламени. Вылезли стаи крошечных ненасытных уродов, вгрызавшихся в корни жертвенного леса. Вылетели крылатые чудовища, похожие на гигантских хищных птиц, плевавшиеся магическим огнем. Каждое из этих существ было ярким воплощением ада, и каждое из них было лишь бледным отражением своего господина, Тысячеликого Принца, Кузнеца Преисподней, Шепота во Тьме — Гаргатулота, повелителя демонов, избранника Повелителя Перемен.

Тьма демонов с голодным визгом хлынула из недр земли и океанским приливом затопила жертвенный лес. Во главе встали самые крупные демоны, остальные заполнили лес, образовав гигантскую радужную мантию из своих тел.

Этот поток выливался на поверхность, пока сверху не стало казаться, будто вся планета укрыта демонской плотью. Меньшие существа просачивались между рядами жертвенников, более крупные крушили когтистыми лапами жертв Гаргатулота. Воля Гаргатулота, внятная каждому из слуг Тзинча, эхом звучала в коре Кориона IX.

Было сказано, что следующий поворот событий произойдет здесь. От этой битвы зависели тысячи замыслов Повелителя Перемен; здесь начиналось сплетение судеб, образующее дорогу к будущему. Судьба предоставила медиума, через которого Тзинч по своему желанию изменял Вселенную, и в этой священной битве судьба была оружием, наградой и полем сражения.

Крики и бормотание демонов смешались с воплями жертв, воздух вибрировал от страшного гвалта. Безумные возгласы и крики отчаяния, мрачный шепот и пронзительные стоны проникали в мысли каждого на расстоянии в несколько световых лет. Вокруг Кориона IX почти не было человеческих поселений, но те немногие, кому довелось услышать призывы демонов в преддверии битвы, лишились разума.

Но мысли тех, кому предстояло встать против орды демонов, оставались ясными. С незапамятных времен воины тренировали мысли, учились противостоять уловкам самого

Тзинча и его развращающим посулам, которые привели столь многих под власть Гаргатулота. Воины обладали лучшим оружием Ордо Маллеус. От ударов врага их берегли освященные доспехи, изготовленные сотни, если не тысячи лет назад. От колдовства — татуировки на коже в виде гексаграмм и пентаграмм, выполненные мудрецами из архивов Инквизиции.

Они были готовы. Да и как же иначе? Ведь если кто-то и мог сражаться против таких, как Гаргатулот, то только они, Серые Рыцари, истребители демонов из Адептус Астартес, воспитанные орденом инквизиции Ордо Маллеус, а значит — самим Императором. Их было совсем немного по сравнению с триллионами граждан Империиума. Но перед лицом угрозы со стороны Гаргатулота они, без сомнения, были единственной надеждой человечества.

Три сотни Серых Рыцарей устремились на Корион IX, чтобы сказать свое слово в распределении судеб.

И Корион IX ждал их.

Первое, что увидел грандмастер Мандулис на Корионе IX, — густые скопления белых, пронизанных красными разводами облаков. Они закрыли обзорное окно десантной капсулы при входе в нижние слои атмосферы. Вопли с поверхности были слышны даже сквозь грохот двигателей снижающейся капсулы. Миллионы голосов летели навстречу в мольбах и проклятиях, предвещая новые кровопролития, взывая к новым душам, готовым стать жертвами на наковальне колдовства Гаргатулота.

На кратком инструктаже Серым Рыцарям было сказано, что местом приземления должен стать курган, сооруженный еще до возникновения Империиума. Планы, согласно которым предстоит действовать, взяты из исследовательских дневников, составленных три сотни лет назад. С тех пор на Корионе IX все могло измениться. Целое столетие ушло на то, чтобы выследить Гаргатулота на планете, и демонский принц знал, что сюда идут Серые Рыцари. Сражение будет жестоким: весьма вероятно, что никому не удастся выжить. Грандмастер Мандулис знал и принимал это обстоятельство, поскольку давным-давно поклялся, что уничтожение демонов для него важнее собственной жизни. За его плечами был опыт многих десятилетий службы в рядах Серых Рыцарей. Он сражался в сотнях миров в бесконечной войне против ужасов варпа, но если ему предстоит умереть здесь ради изгнания Гаргатулота из реального пространства, Мандулис с радостью отдаст свою жизнь.

Но все не так-то просто.

Тревожные сигналы десантной капсулы предупредили о близком контакте с поверхностью и залили тесное помещение насыщенным красным светом. Из сумрака появилось лицо правосудора Шемюэля — командира отделения, с которым Мандулису предстояло идти в атаку. Шемюэль, как и всякий Серый Рыцарь, был отличным солдатом, и Мандулис видел, как он командует отделением зачистки. Его десантники были вооружены псипушкой и огнеметами, и Шемюэль тренировал воинов до тех пор, пока огонь не достиг самой высокой точности. Именно Шемюэлю предстояло пробить дорогу в толпе слуг Гаргатулота, чтобы дать возможность отделению ветеранов-терминаторов вступить в бой с крупнейшими демонами и самим Тысячеликим Принцем.

Таков был план, но планы никогда не выполняются от начала и до конца. Серые Рыцари потому и побеждали в битвах, что каждый из них был обучен и психически подготовлен выжить в суматохе боя даже в том случае, если останется один. Шемюэль, как и все боевые братья, готов драться в одиночку, если бой перейдет в беспорядочную резню.

Точнее, не если, а когда. С демонами не могло быть иначе. Они всегда старались посеять панику и получали наслаждение от кровопролития. Гаргатулот окружил себя несметной армией подобных существ, и если Серым Рыцарям придется сразиться со всеми ими сразу, они не

отступят.

Ремни безопасности, удерживающие Мандулиса, Шемюэля и всех воинов в гравитационных креслах, натянулись перед ударом о поверхность. Окрашенные кровью облака мелькнули перед наблюдательным окном и исчезли. Снова взвыли двигатели десантной капсулы, и судно замедлило ход. Мандулис на мгновение увидел извращенный кошмар, в который превратился Корион IX. Вся поверхность казалась разбитой, словно ударами гигантского молота. До самого горизонта во все стороны террасами уходили поля, покрытые рядами принесенных в жертву тел — привязанных к столбам или распятых на крестах. Вдали кровавый водопад вливался в пенящееся багровое море.

Сеть доимперских курганов — единственная заметная деталь поверхности, обнаруженная на древних картах, — была окружена кольцом флагштоков, на которых развевались бесчисленные знамена из лоскутов содранной кожи. И, что еще хуже, армия из сотен тысяч демонов волнующимся морем окружала ближайший курган.

Мандулис с незапамятных времен состоял в рядах Серых Рыцарей. Он побеждал силы Хаоса и демонов в самом сердце Солнечного Сегмента и в обширных демонических мирах. Он изгонял их из дворцов правителей планет и бескрайних трущоб городов-ульев. Мандулис повидал так много, что тома его боевых отчетов занимали целые полки в Архивуме Титана. И все же за свою жизнь Серому Рыцарю не приходилось встречать ничего подобного армии Гаргатулота.

Мандулис не был испуган. Сам Император провозгласил, что космодесантники не должны испытывать страха. Но при виде огромного превосходства сил зла его душа содрогнулась.

— Я — молот! — затянул он, когда перед самым приземлением десантной капсулы реактивные двигатели взвыли еще громче. — Я — правая рука моего Императора, инструмент Его воли, латная перчатка на Его руке, наконечник Его копья, лезвие Его меча...

Десантники отделения Шемюэля присоединились к грандмастеру в финальной боевой молитве, произнося нараспев священные слова, хотя сами едва слышали их в грохоте тормозящих двигателей.

Последовал гулкий удар, словно капсула врезалась в стену. Ремни безопасности натянулись еще сильнее, а корабль продолжал двигаться, круша деревья и кости, в самую середину толпы демонов. Даже сквозь шум двигателей был слышен вой существ, раздавленных при приземлении, и обзорное окно мгновенно оказалось залитым их разноцветной кровью.

— Капсула на поверхности! — закричал правосудор Шемюэль. — Взорвать крепления!

Пилот-сервитор, отвечающий за механизмы капсулы, выполнил приказ согласно заложенной программе. Крепления капсулы, удерживающие борта, взорвались с металлическими щелчками. Боковые панели капсулы разошлись, и в тот же миг расстегнулись ремни безопасности. Внутри хлынули зловещий красноватый свет и настолько густой запах разложения, словно Рыцари окунулись в море крови. Моторы стихли, но вместо них раздался сверхъестественно громкий и пронзительный вой тысяч демонов, как будто их огромный хор вздыбил звуковую стену. Демонами кишел весь лес. Мрачное небо перечеркивали простертые вверх исковерканные руки-ветви, и концентрированная ненависть, исходящая от армии Гаргатулота, наполнила капсулу потоками боли.

У Мандулиса были доли секунды, до того как демоны снова сомкнулись. При падении капсулы образовался кратер, заполненный обрывками демонской плоти и окруженный сломанными деревьями-распятиями. Из трещин в земле, словно из разорванных артерий, вытекала кровь. Запах, проникавший через фильтры шлема Мандулиса, говорил о пожарах и кровопролитии, а завывания демонов налетали порывами шторма.

— Отделение, огонь на уничтожение! — крикнул Шемюэль.

Псипушки его десантников уже были заряжены и наведены. Единый мощный залп разорвал кольцо демонов, заглядывавших в кратер.

Мандулис увидел, как неподалеку приземлилась еще одна капсула, взметнув к небу фонтан крови и обрывков демонских тел.

— Это Мартель! — передал он по воксу. — Шемюэль, прикрой его огнем, и соединяйте свои силы!

Два космодесантника взбежали по стенам кратера, и их огнеметы «Инценераторы» выбросили струи голубого огня в толпу выбегающих из леса демонов. Мандулис поднялся следом, ощущая, как гудят сервосистемы его древних доспехов терминатора. Встроенный в его рукав болтер беспрестанно посылал освященные снаряды в злобные морды демонов. Он добрался до верхней кромки и впервые увидел армию врагов с уровня земли. Кривые конечности, переливающиеся розовым и голубым цветами; раздутые тела и головы, изрыгающие пламя; кривобокие силуэты старших демонов, похожих на хищных птиц... И все они рвались к посадочной площадке.

Мандулис выдернул меч Немезиды из заплечных ножен, и оружие мгновенно ожило. Его силовое поле было откалибровано на разрушение нематериальной сущности демонов, и стилизованная золотая молния, вплавленная в серебряное лезвие, уже разгорелась ярким пламенем. Мандулис размахнулся, и меч описал широкую дугу по демонам, карабкавшимся по телам своих сожженных братьев. Мандулис почувствовал, как под натиском оружия распались сразу три нечестивых тела.

У него было великолепное оружие. Одно из лучших, которые имелись в распоряжении ордена, и Мандулис получил его, когда был возведен в ранг мастера. И если он хочет добиться успеха в этой миссии, клинку предстоит испытать так много демонской крови, как никогда прежде.

Мимо Мандулиса пронесся залп псипушки Шемюэля. Модифицированные болтерные снаряды стали взрываться яркими серебряными звездами, разрывая на части атакующих демонов. Вскоре к Мандулису поднялись воины с огнеметами и окатили напиравшую толпу струями огня, в то время как меч Немезиды продолжал разить тварей, оказавшихся в пределах досягаемости.

Отряд терминаторов Мартеля прорубал себе дорогу к Мандулису. Массивные тактические доспехи воинов позволяли одним движением сносить деревья-распятия. Залпы штурмболтеров и треск ломающихся деревьев гремели по всему лесу.

— Брат Мартель,— обратился по воксу Мандулис. — Шемюэль прикроет тебя. Мы находимся неподалеку от первого кургана, следуйте за нами.

— Рад встрече, грандмастер, — ответил капитан Мартель, не переставая пронзать демонов наконечником своей алебарды — Немезиды. — Юстиниан идет сразу за нами, а остальные, как мне кажется, безнадежно отрезаны.

— Значит, нам самим придется вести атаку, — ответил Мандулис. — Мы знали, что так может случиться. Вознеси молитву Императору за наше участие в битве и продолжай двигаться вперед.

— Мы вышли на позицию! — раздался на вокс-канале голос правосудора Шемюэля.

Обернувшись, Мандулис увидел, что воины отделения зачистки выстроились на краю кратера среди останков сгоревших демонов. Серые Рыцари, как и прежде, были готовы посылать залп за залпом в орду Гаргатулота.

Грандмастер Мандулис чувствовал, как на фоне дрожи пропитанной кровью земли среди гвалта демонов и воплей жертв выделяется низкий злобный рык пробуждающегося существа. Где-то внизу огромное и злобное создание готовилось в решающий момент нанести удар.

Предположения, сделанные при подготовке к битве, оказались верны: цель Серых Рыцарей находится глубоко под курганами, в окружении самых древних и могучих слуг.

Демоны ринулись в новую атаку, и Мандулис мысленно вознес короткую молитву Императору. Злобные существа с воплями и визгом метались между деревьями, скакали по земле, разбрасывая пламя и магические заряды.

Мандулис вдавил на латной перчатке кнопку стрельбы и послал в приближающихся демонов очередь разрывных болтерных снарядов. Затем, подняв обеими руками меч Немезиды, ринулся вперед вместе с терминаторами Мартеля.

Ударный отряд Серых Рыцарей, атаковавших Корион IX, был самым мощным из того, что мог собрать Ордо Маллеус. Компактный, быстрый, с тремя грандмастерами во главе, укомплектованный лучшими истребителями демонов Империиума, он все же не давал уверенности в полном успехе. Целое столетие ушло на то, чтобы выследить Гаргатулота, который через десятки своих воплощений и адептов склонял тысячи культистов Хаоса к неповиновению и террору.

Гаргатулот, во имя своего бога Тзинча, стремился повсюду распространить смуту и кровавые конфликты. Он действовал по плану, который оказалось почти невозможно предугадать. Ордо Маллеус потребовалось много сил и времени, чтобы выяснить, что Гаргатулот находится на Корионе IX. Это была ненаселенная и почти неиспользуемая планета в глубине зоны Мутных Звезд сегмента Обскурус. Туда с трудом проникали сигналы маяков Астрономикана.

Все это время Гаргатулот собирался с силами. Ордо Маллеус не оставалось ничего другого, как послать отряд в его ловушку, поскольку другого шанса сразиться могло и не быть. Корион IX был слишком изолированным местом для действий флотилий Империиума; кроме того, обычные воины не продержались бы на его поверхности и несколько секунд. Даже Искоренение — крайняя мера Инквизиции — не было достаточно надежным средством: Гаргатулот имел шанс уцелеть после разрушительных обстрелов с орбиты. Кто-то должен был своими глазами увидеть, что он мертв.

Это задание предстояло выполнить Серым Рыцарям. Если кто и мог выстоять в битве с принцем демонов, то только они.

Быстроходные боевые крейсеры «Отвага Сатурна» и «Возмездие» везли более двух с половиной сотен Серых Рыцарей — ровно столько, сколько можно было быстро доставить в пустынный сегмент Обскурус. Все воины подчинялись приказам лорд-инквизитора Ордо Маллеус Лакониоса, но после того, как десантные капсулы устремились к поверхности, командование перешло непосредственно к Серым Рыцарям.

Грандмастер Ганелон, который, еще будучи правосудором, лично убил Короля-Преступника на Калентии, приземлился довольно далеко от центра. Он угодил в самую гущу армии демонов. Почти с сотней Серых Рыцарей, остававшихся под его командой, он завязал доблестную битву против накатывающихся одна за другой атак врагов. В борьбе за выживание окруженным со всех сторон воинам пришлось встать спина к спине.

Один за другим падали космодесантники, убитые магическими снарядами или когтями крупных демонов. Вскоре сам Ганелон начал молитву очищения, чтобы подготовить души своих людей к неизбежному посмертному путешествию и присоединиться к Императору в финальной битве против Хаоса.

Десантники грандмастера Малквайанта врезались в опушку жертвенного леса и образовали неустрашимую штурмгруппу из семидесяти Серых Рыцарей. Во главе ее шло передовое отделение терминаторов с самим Малквайантом, вооруженным освященными молниеносными

когтями. Огромные орды демонов бросились, чтобы остановить их продвижение. Но тех, кому удавалось избежать ударов терминаторов Малквайанта, ожидал жестокий и слаженный огонь идущих за ними тактического отделения и отряда зачистки.

Силы Малквайанта оттянули на себя из леса значительную часть орды демонов и обескровили их армию. Но орда все же была слишком велика. Пересеченная местность замедляла продвижение Серых Рыцарей. Малквайант понимал, что они не смогут добраться до цели, но воины продолжали сражаться изо всех сил в надежде помочь боевым братьям и отвлечь как можно больше демонов от курганов. Когда штурмгруппе пришлось остановиться, Малквайант обратил прилегающее пространство в смертельную зону, обрушив залпы огня на все, что оказалось поблизости.

Грандмастер Мандулис приземлился ближе всех к курганам. Вместе с отделением Шемюэля, воинами Мартеля и тактическим отделением Юстиниана, пришедшим как раз вовремя, чтобы обеспечить прикрытие, Мандулис нанес первый удар по логову Гаргатулота. Сквозь атмосферные помехи он слышал вести о самопожертвовании Ганелона и неумолимом, но обреченном сопротивлении Малквайанта. Грандмастер понял, что теперь все зависит от него. Те, кто успел, сказали ему о силе Императора, ведущей его в бой и грядущем торжестве Его воли.

Мандулис повел воинов вверх по склону кургана. В тучах над головами засверкали колдовские молнии. Демоны всей ордой начали выкрикивать молитвы своему повелителю, и связь прервалась.

На вершине кургана стояли тела, превращенные в высокие шесты из плоти и костей. На них, под жарким и влажным от испарений крови ветром, развевались знамена из содранной кожи. Символы, украшавшие эти флаги, могли выжечь глаза более слабым людям. Мандулис узнал в них те же знаки, что были вырезаны на коже культистов Гаргатулота и написаны кровью на полу их храмов.

И еще над вершиной кургана раздавался рев невидимого, но явно огромного существа. Мандулис, чьи бронированные доспехи почернели от крови и дыма, вылетавшего из сдвоенного дула штурмболтера, оглянулся на идущих за ним Серых Рыцарей. Один терминатор из отделения Мартеля упал, как и несколько воинов Юстиниана, в проходе, пробитом Мандулисом. Сам Юстиниан лишился одной руки, его шлем стащили с головы кривые лапы демона. Лицо Юстиниана почернело от гари, дыхание было тяжелым и хриплым.

Позади Шемюэль выстраивал кордон для защиты Мандулиса и идущих с ним воинов. Мандулис ничуть не сомневался, что Шемюэль пожертвует жизнью, защищая псипушкой и огнеметами склон кургана от нахлынувших демонов. Он с честью закончит свои дни, но жертва будет напрасной, если Мандулис не преуспеет в своей миссии.

— Мартель! За мной! — приказал грандмастер по воксу. Капитан в сопровождении своих терминаторов быстро догнал Мандулиса на скользкой поверхности кургана.— Да пребудет с тобой Его милость, брат. Идем на вершину.

Под прикрытием огня воинов Юстиниана Мандулис вместе с Мартелем и его отделением устремились к вершине. Перед ними открылся весь комплекс курганов — множество округлых могильных холмов, окружавших разрушенную каменную башню. Она торчала в центре, словно гигантский пенёк. Повсюду высились исковерканные деревья — самые преданные слуги Гаргатулота, лидеры культа, превратившиеся теперь в сплетения почерневшей плоти и издающие пронзительные вопли. В низинах между курганами кровь стекала в глубокие рвы и беспрестанно бурлила, словно под землей извивалось и корчилось огромное существо.

Пока Мандулис глядел вокруг, земля задрожала и вспучилась. Каменные гробы, прорвав

толщу почвы, высыпали на поверхность полусгнившие кости и похоронные принадлежности. Зло, находившееся под курганами, было настолько велико, что мертвецы, похороненные здесь тысячи лет назад, еще до открытия Кориона IX разведчиками Империи, покидали могилы, лишь бы обратиться отсюда подальше.

Мандулис продолжал вести воинов вперед. Едва он спустился с обратной стороны кургана, вблизи произошел титанический взрыв и нечто бледное, огромное и ужасное вышло из недр. Во все стороны разошлась волна демонической магии — так, что обереги, вытатуированные на коже Мандулиса, отражая ее, раскалились добела. Грандмастер увидел сторбленное, искривленное тело с рыхлым раздувшимся животом, гнилой кожей, поросшей перьями, и длинной шеей, на которой повисла злобно ухмыляющаяся голова с клювом. Существо раскрыло голубые огненные крылья и рванулось вверх; затем, стремительно спикировав, ударило брата Гайуса и схватило его когтистой лапой за ногу. Залп штурмболтеров прорезал воздух, псипушка брата Джокула выжгла дыры в прогнившей груди чудовища, но оно лишь злорадно вскрикнуло и, подняв Гайуса, разорвало его пополам своим клювом.

— Вперед! — крикнул Мандулис в свой вокс. — За мной, братья рыцари! Шемюэль, Юстиниан, не отставайте! Обеспечьте огонь прикрытия!

Мандулис слышал по воксу последние вздохи Рыцаря Гайуса, все еще стремившегося пронзить огромного демона своим оружием Немезиды. Рыцарь силился произнести молитвы ненависти. Спустя несколько мгновений погиб огнеметчик из отделения Юстиниана брат Тьелн, разрубленный пополам гигантским ржавым мечом, вылетевшим из лап второго огромного демона со склона кургана.

Приближенные демоны Гаргатулота — Предвестники Перемен, как их называли культисты, генералы армии бога Повелителя Перемен — вырывались из-под курганов, чтобы уничтожить Серых Рыцарей, осмелившихся напасть на Тысячеликого Принца. Здесь был самый центр западни Гаргатулота. Мандулис предвидел, что все так и случится: безумный рывок и слабая надежда, что они сумеют добраться до Гаргатулота в достаточном количестве, чтобы с ним совладать.

Совсем рядом из-под земли вырвался еще один демон и осыпал Мандулиса комьями земли, пропитанной кровью. Капитан Мартель рванулся вперед, пронзив алебардой бедро похожего на птицу чудовища. Мандулис успел пригнуться от брошенной дубины, но магический снаряд попал в доспехи, до предела загрузив систему антипсихической защиты. Грандмастер взмахнул мечом и вонзил клинок в самый центр переливчатого сияния. Голова демона покатилась на землю; из разрубленной шеи хлынула струя густой мерцающей голубой крови.

Мандулис уже слышал голоса, шепчущие и визжащие в его голове. Это безумное бормотание могло смять разум менее закаленного человека. Но мысли Серого Рыцаря были накрепко прикованы к стержню чистой и безграничной веры. Там, где обычные люди могли испытывать страх, Серые Рыцари ощущали решимость. Имперские воины, какими бы они ни были смелыми, все же имели в душе пространство, которое могло заполниться сомнениями, отчаянием, алчностью или ужасом. У Серого Рыцаря такого пространства не было. Психические уловки Гаргатулота разбивались о мысли Мандулиса, как волны разбиваются о скалистый утес.

Вот почему атаковать Корион IX должны были только Серые Рыцари. Военственные лорды могли собрать армии в сотни миллионов, но ни один из их воинов не смог бы и секунды уберечь свой разум под взглядом Гаргатулота.

Из-под земли поднялись пылающие руки — настолько огромные, что схватили брата Трентиуса и швырнули с невероятной силой. Его тело ударилось о каменную башню, стоящую в окружении курганов. Один из демонов поднял окровавленную дубину из темного дерева. Из черепов, прибитых к ее концу, брызнули розовые молнии и ударили в силовые доспехи, швыряя

космодесантников на землю, где их мгновенно окружали другие демоны.

Воины Шемюэля обеспечивали прикрытие ценой своих жизней. Они были окружены высокими птицеподобными демонами, на которых горело освященное топливо из огнеметов. В телах тварей дымились дыры, прожженные снарядами псипушки. Сам Шемюэль обнажил свое оружие Немезиды, оформленное ремесленниками Титана в виде копья, и продолжал колоть ближайшего демона, несмотря на то, что тот отрывал его свободную руку.

Воины Юстиниана старались не отставать от Мандулиса и Мартеля, но их попытка провалилась. Сам Юстиниан погиб в море розового пламени, вырвавшегося из-под земли, и был утащен вниз ужасными когтями. Его десантники были разбросаны в стороны поднявшимся из огня демоном. Чудовище раскрутило на цепи огромную металлическую болванку с шипами и успело сбить с ног двух воинов, пока их братья развернулись и изрешетили его огнем штурмболтеров.

Мандулис взбирался по склону последнего кургана. Терминаторы Мартеля, которых осталось совсем немного, остановились, чтобы прикрыть огнем самого Мартеля и Мандулиса. Целая стая мелких демонов перекатилась через дальний курган и разноцветным водопадом влилась в комплекс, стремясь присоединиться к своему господину. Мандулис бросил последний взгляд на правосудора Шемюэля, за мгновение до того, как громадный демон швырнул того в демонский поток и мелкие существа разорвали добычу в клочки.

Мандулис продолжал идти. Сама почва сопротивлялась ему: под ногами разбегались глубокие трещины. Впереди высилась каменная башня; с обветшалых стен срывались и падали камни. Под землей нарастал, становился все пронзительнее скрежещущий вопль — это Гаргатулот пытался завладеть мыслями Мандулиса.

Но принцу-демону не удастся проникнуть в его разум. Мандулис, даже потеряв большинство братьев-рыцарей, способен и сам защитить себя.

Башня задрожала, взлетела в воздух и осыпалась на землю тысячами камней. Земля разверзлась, и Мандулис крепче уперся ногами в противостоянии внезапно налетевшему ужасному ветру.

Небеса раскололись и почернели. Волна разложения кольцом разошлась от башни и обратила всю поверхность Кориона IX в истерзанную и кричащую плоть. Мандулис мельком увидел, как капитан Мартель, подхваченный завывающим ветром, взлетел в небо и пропал из виду, только огонь из его штурмболтера еще несколько мгновений сверкал среди туч.

В самом центре бури стала расти темная колонна. Она поднялась из обломков башни и вытянулась до самых черных туч, клубящихся над головой. Это было создание извращенной плоти, нечто живое, но никогда не жившее. Появление существа сопровождалось непрерывным хором полного безумия. Рев бился в защитные барьеры Мандулиса с такой яростью, что грандмастер впервые за всю свою долгую жизнь ощутил вспыхнувшую искру сомнения в своей способности противостоять подобной атаке.

Усилием воли Серый Рыцарь потушил эту искру и обеими руками поднял над головой меч. Штурмболтер был не помощник в этой битве, поскольку даже освященные пули не могли сокрушить такого врага.

Центр урагана пронесся над грандмастером Мандулисом, и внезапно воздух стал совершенно неподвижен. Затем какофония воплей обрушилась с новой силой, скрежещущий вопль превратился в подавляющий всё низкий рев.

Истинное лицо Тысячеликого Принца показалось над Мандулисом. Грандмастер Серых Рыцарей вознес последнюю молчаливую молитву и ринулся в бой.

Прошло тысячелетие. Империи преследовали испытания, в подтверждение тому человечество несло неисчислимые потери. Армагеддон был уступлен оркам. Дамоклова Воронка была захвачена и заселена новыми неизвестными расами. Силы Хаоса осаждали миры Шабаша, и для их защиты был организован огромный крестовый поход.

Стратикс погиб в ужасном море смертоносной эпидемии, Сталинваст — в огненном вихре Искоренения. Открылось Око Ужаса, и через Кадианские Врата излился адский поток. Инквизиция не прекращала истязаний еретиков во имя благочестивого человечества, Адептус Терра пытались прекратить действие законов и деклараций, выражающих волю Императора. За пределами реального пространства варп создавал новые круги ада. Безумие охватывало целые системы, и число зараженных миров неуклонно множилось.

В Галактике лишь две вещи оставались неизменными. Первая — это упорное нежелание Империи сломиться под тяжким бременем ереси, раскола, чужеродной агрессии и демоничества. Второй была война — нескончаемая, безжалостная и всепоглощающая война, означавшая для Империи и несчастье, и продолжение деятельности, и избавление.

Одна тысяча лет ненависти, одна тысяча лет войны. Достаточно долгое время, чтобы появились новые ужасы, а старые напасти были почти забыты.

При первом попадании снаряда правосудор Аларик подумал о последних днях — тех самых, когда восстанет Император, когда в бой плечом к плечу пойдут герои Империи прошлых веков и солдаты настоящего. Когда настанет время последней расплаты.

Второй снаряд ударил Аларика в ногу и прошел до самой брюшной полости. Правосудор понял, что еще жив; последние дни для него пока не настали. Аларик помнил красные руны, безумно плясавшие на сетчатке глаз: они говорили, что кровяное давление падает. Оба сердца правосудора бились с перебоями, два из трех его легких были пробиты после ранения в грудь, брюшная полость наполнялась кровью. Аларик помнил, как сумел отползти под прикрытие и совсем рядом в каменный пол ударили выстрелы перезаряженной лазпушки.

Аларик помнил чувство стыда за то, что сознание расплывалось в смутное серое пятно. Правосудор помнил, как заставлял свои конечности двигаться, чтобы выпустить последний залп по культистам, так тяжело его ранившим.

Все это Аларик ощутил, как только очнулся. Стыд. Это чувство напомнило правосудору, каким он был молодым по сравнению с некоторыми грандмастерами, проходившими по залам Титана. Конечно, Аларик обладал кристально чистым моральным стержнем Серого Рыцаря, но опиравшийся на него разум должен был еще многому научиться. Не военному делу — эти знания были заложены во время сна так глубоко, что затмили все воспоминания Аларика о детстве, — а великой дисциплине, означавшей, что ни стыд, ни ярость, ни гордыня не должны отвлекать грандмастера и заслонять собой чувство долга перед Императором.

Аларик был всем телом погружен в цистерну с прозрачной жидкостью — изобретением аптекариев Титана. В ней быстро заживали поврежденные ткани и гибли вредные бактерии. Правосудор ощутил множество обвивавших тело трубок, через которые в вены поступали лекарства. Данные о его состоянии передавались автоматическому регистратору, тихонько гудевшему и пощелкивающему где-то в стороне. Цистерну с лежащим в ней Алариком заливал свет люмосфер, укрепленных по кругу на каменном потолке.

Вся крепость-монастырь Серых Рыцарей была высечена в толще камня, образующего Титан. Помещения уровень за уровнем располагались под поверхностью спутника. Они образовывали запутанные переходы между кельями, часовнями, тренировочными и учебными залами, лечебными отсеками, площадками для парадов, оружейными комнатами. В самой глубине лабиринтов находились могилы всех Серых Рыцарей, павших в боях за десять тысяч лет существования ордена.

Аларик повернул голову и увидел блестящий бронзой регистратор. Из него медленно, один за другим, выползали листы с длинными зигзагообразными диаграммами жизненных показателей правосудора. В этом медицинском отсеке ему приходилось бывать и раньше: именно здесь он получил гексаграммы-обереги из тонких нитей освященного серебра, вживленных под кожу.

Между другими такими же восстановительными цистернами и столами автохирургов тихо передвигались помощники медиков. Они проверяли состояние пациентов из состава армии или другого персонала Ордо Маллеус. По нечеловечески высоким и массивным телам Аларик узнавал в некоторых пациентах своих братьев — Серых Рыцарей. Все помещение походило на сводчатое подземелье: нависающий низкий потолок и стены из холодного и влажного камня. Люмосферы заливали пятнами света пациентов, но оставляли в тени стоящих в стороне регистраторов и тихонько жужжащих сервиторов-санитаров.

Аларик узнал брата Тателона: ему взрывом оторвало руку у самого локтя, а все тело иссекло мелкими осколками шрапнели. Дознаватель Йатонн, сопровождавший во время атаки инквизитора Никсосу, лежал на столе с вывороченными внутренностями, и проворные металлические пальцы автохирурга сновали над ними, стараясь соединить органы в систему. Аларик видел, как Йатонн упал после удара мечом в живот. Насколько он помнил, Никсос не пострадал в бою, но заключительных моментов сражения Аларик не мог видеть.

Один из помощников — мужчин и женщин с бесцветными лицами, которым Ордо Маллеус доверял обязанности прислужников, — заметил, что Аларик очнулся, и подошел к регистратору, чтобы проверить записи его показателей. Аларик поднялся в цистерне и стал отрывать от кожи электроды и выдергивать иглы. В черном панцире, лежащем под кожей груди и живота, зияла большая дыра с неровными краями — след от первого снаряда, пробившего доспехи. Между отвердевшими краями раны Аларик мог рассмотреть костяную пластину, образованную из сросшихся ребер. В мякоти бедра было еще одно отверстие, побольше: от него к брюшной полости тянулся узкий канал внутренней раны.

Правосудор ощущал слабую боль от внутренних ранений, но они почти зажили, благодаря улучшенному строению его организма и апотекариям ордена. Все тело Аларика покрывали мелкие шрамы и ожоги в тех местах, где доспехи раскалились докрасна от попадания лучей лазпушки; были царапины и порезы, нанесенные осколками керамитовой брони. Новые шрамы перекрывали следы прежних ран, полученных в битвах или при хирургических процедурах.

Из противоположного угла комнаты к нему уже спешил апотекарий Глайван. Глайван был очень стар — один из немногих Серых Рыцарей, кто достиг преклонного возраста. Его руки уже давно были заменены на бионические манипуляторы — это давало возможность проводить хирургические операции с большей точностью, чем обычными пальцами. Длинные конические пальцы Глайвана заканчивались скальпелями и пинцетами.

Обычно Серые Рыцари вне своих келий, даже в часовнях, носили боевые доспехи, но Глайван давно забросил свою броню. Под длинным белым одеянием апотекария его тело было охвачено стальными и латунными скобами, а резервные органы были удалены, так что Глайван лишь внешне оставался космодесантником. Его удлиненное лицо густо покрывали морщины, и Аларику с трудом верилось в то, что апотекарий когда-то был молодым. Глайвану — одному из

первых Серых Рыцарей, служивших Ордо Маллеус, — давно минуло четыреста лет.

— А, юный правосудор, — заговорил он глуховатым из-за поврежденной гортани голосом. — Ты быстро пошел на поправку. Это говорит о сильной воле. У тебя были большие ожоги от лазпушки, очень глубокие. Твое быстрое восстановление удивило меня, а я редко чему удивляюсь.

— Я не видел, чем все закончилось, — заговорил Аларик. — Мы...

— Семеро погибли, — с печалью в голосе сказал Глайван. — Двенадцать воинов привезли ко мне, и большинство из них скоро будет в порядке. Ах да, Никсос добился успеха. Валинов был схвачен живым, и они держат его на Мимасе.

Аларик выбрался из цистерны, чувствуя тяжесть в отвыкших от движения мускулах. Он увидел Валинова как раз перед тем, как шквал огня лазпушки вырвался из подземного храма, где собрались культисты из его команды. Молодой правосудор успел рассмотреть высокого стройного мужчину с тонким лицом и обритым наголо татуированным черепом. Этот человек беспрерывно выкрикивал приказы на омерзительном наречии варпа. Его культисты — на инструктаже перед боем говорили, что в подземном храмовом комплексе их собралось несколько сотен, — были сгорбленными и очень бледными, в ветхих одеждах грязно-желтого цвета. Но они были прекрасно вооружены и полны желания погибнуть от огня штурмболтеров и оружия Немезиды Серых Рыцарей.

Аларик во главе отделения, которым командовал совсем недавно, ворвался внутрь одним из первых. Теперь штурм закончен, и те, кто уцелел, возвратились на Титан.

— Сколько времени прошло? — спросил Аларик.

Помощник аптекаря протянул ему полотенце, и правосудор стал стирать с тела лечебную жидкость — холодную и вязкую, уже стекающую к его ногам на каменный пол.

— Три месяца, — ответил Глайван. — «Рубикон» на обратном пути набрал отличную скорость. Они хотели как можно быстрее убедиться, что Валинов заперт на Мимасе. Этот человек полностью поражен злом! — Глайван сплюнул на пол, и крошечный сервитор тотчас появился под ногами, чтобы стереть плевок. — Подумать только! Инквизитор!.. Боюсь, радикализм становится все сильнее.

Только благодаря всеобщему уважению Глайван мог свободно говорить о подобных вещах. Формально Серые Рыцари были абсолютно независимы, но на самом деле они подчинялись Ордо Маллеус. Те вряд ли одобрили бы мятежные высказывания Серых Рыцарей по поводу инквизиции. Официально угрозы радикализма не существовало, и это все, что Маллеус могли бы сказать подчиненным.

Аларик мысленно перебрал последние воспоминания об операции: вспышки стрельбы пронзают сумрак подземных туннелей, боевые братья в вихре взрывов рвутся вперед. Если «Рубикон» и в самом деле хорошо разогнал, значит, Аларик находится на попечении Глайвана около двух недель.

— Кого мы потеряли? — спросил Аларик.

— Дознаватель Йатонн не выживет. — Глайван печально посмотрел на тело дознавателя, лежавшее перед автохирургом. — Ле Мал, Энкалион и Балигант были убиты в сражении. Гайгнун и правосудор Наймон умерли на «Рубиконе», Толас и Эвайн — у меня.

— Энкалион и Толас были моими солдатами.

Аларик три года назад был произведен в правосудоры. Ему приходилось терять людей, но он всегда видел, как они умирали. Между ним и отделением существовала прочная связь; они делили все опасности. Но на сей раз Аларика там не было.

— Я понимаю, правосудор, — кивнул Глайван. — Им уготовано место в гробницах. Грандмастер Тенцендур объявил, что их погребение состоится после твоего отчета. Я скажу

ему, что ты готов.

Апотекарий поднял один из листов регистратора и прошелся по нему металлическими пальцами, считывая информацию о сердечной деятельности и кровяном давлении Аларика.

— Я не стану много говорить, пока Тенцендур не выскажет свое мнение, — продолжал Глайван, — но я слышал от Никсоса, что ты можешь гордиться своими боевыми братьями. Когда ты упал, они в отместку усилили натиск, а не растерялись от отчаяния. Мне пришлось повидать многих лидеров в нашем ордене, и вот что отличает некоторых: что бы они ни делали, даже если погибали от рук Врага, они вдохновляли идущих за ними людей. Твои десантники решили, что ты мертв, и стали сражаться еще яростнее. Запомни это, юный Рыцарь. Я чувствую, что ты недолго будешь оставаться простым правосудором.

Аларик выдернул из своего тела последние иглы.

— Мне надо вернуться в келью, — сказал он. — Надо совершить обряд раскаяния над доспехами, пока ремесленники не взялись их ремонтировать. И я пропустил слишком много молитв.

— Делай, что считаешь нужным. Скоро ты вновь будешь готов к сражениям. Капеллан Дурендин принимает исповеди в Мандулианской часовне, и тебе стоит прислушаться к его советам, прежде чем составлять отчет. Сейчас прикажу сервиторам принести тебе облачение.

Глайван жестом отдал приказ, и два сервитора поспешили на своих гусеницах к кладовой аптекариона подыскать одежду для Аларика, чтобы он мог пройти по переходам Титана с подобающей скромностью. После каждого сражения Аларика ждало множество дел — а, тем более, после такого, в котором он был жестоко ранен и подвергся опасности заражения злом. Ему предстояло исповедаться, пройти обряд очищения, отремонтировать и заново освятить доспехи. Затем — проследить, чтобы его имя было внесено в тома подробных записей деяний Серых Рыцарей. А после всего — отчитаться перед грандмастером Тенцендуром и инквизиторами, которые несли ответственность за эту операцию.

Жизнь Серых Рыцарей подчинялась строгим ритуалам. Очищение следовало за каждым жестоким сражением против злейших врагов, которые сокрушили бы менее сильных воинов за несколько дней. Иногда Аларик радовался, что не может больше ничего вспомнить. Но сейчас не стоило поддаваться еретическим сомнениям. Валинов схвачен, и его культ уничтожен. Эту победу стоило отметить — как и помянуть павших братьев.

Инквизитор Голик Рен-Сар Валинов был членом ордена Ордо Маллеус, с тех пор как последний лорд-инквизитор Барбиллус сделал его одним из своих дознавателей. Барбиллус был инквизитором старой школы, похожим на тех, кого запечатлели фризы храмов Маллеус, кого ставят в пример на благочестивых церемониях как образец бесстрашного служения ордену. Барбиллус надевал доспехи с золотой филигранью, изображавшей демонов, попранных ногой Императора. Он носил силовой молот, изготовленный из метеоритного железа. Его военная кафедра побывала в самых далеких демонских глубинах. Лорд-инквизитор был солдатом, борцом, карателем зла и бичом еретиков. И когда слухи о тайных защитниках из рядов инквизиции доходили до граждан Империиума, они воображали себе людей, подобных Барбиллусу.

В подчинении у Барбиллуса был обширный штат — в основном, воины, набранные из армий различных миров со всего Империиума. Они с радостью шли за ним в бой, но Барбиллус нуждался и в тех, кто готовил для него поле битвы. Дознаватели. Разведчики. Ученые. Некоторые деятели работали на Барбиллуса в глубокой тайне: они выявляли представителей аристократии, подозреваемых в склонности к демоничеству, или бандитские группировки из отбросов общества, опекаемые тайными обществами культистов.

Деятельность таких людей, как правило, длилась очень недолго, поскольку им грозили ужасные пытки в случае обнаружения или безумие от слишком близкого знакомства с Врагом. Они делали то, что было в их силах, и для них это был единственный шанс принять участие в борьбе против Хаоса.

Немногие жили достаточно долго, чтобы присоединиться к личной армии Барбиллуса. Одним из таких исключений стал Голик Рен-Сар Валинов.

В Ордо Маллеус сохранились лишь отрывистые сведения о происхождении и прошлом Валинова, поскольку он сумел уничтожить или подменить большую часть документов о своей личности, хранившихся в архивах Инквизиции. Было известно, что Валинов происходил из Солнечного Сегмента, одного из миров центральной части Империи с высокоразвитой промышленностью, где выделиться и обратить на себя внимание мог только самый умный и самый жестокий человек. Записей о точном месте его рождения не сохранилось, но Барбиллус взял его на службу во время показательной чистки развращенной верхушки военно-морских сил на Ранне.

Существовало предположение, что работа Валинова в Администратуме Ранне давала ему доступ к статистическим данным. При некоторой сноровке это могло привести Барбиллуса к кельям колдунов и искателям наслаждений среди аристократии планеты.

Другие инквизиторы утверждали, что способности Валинова ограничивались только обществом Адептус Арбитрес, или силами планетарной обороны, или даже преступными бандами, правившими огромными районами трупоб Ранне. Но самые полезные навыки Валинова ни у кого не вызвали сомнений с самого начала: он был отличным манипулятором, мог одинаково хорошо льстить и прибегать к насилию. Он мог выведать самые деликатные сведения у любого из подозреваемых.

Валинов был как раз тем человеком, какой требовался в секретной команде Барбиллуса. В поисках источников ереси и запрещенного колдовства он мог приблизиться к аристократическим семействам, войти в дом зажиточного торговца или вступить в преступный картель. Более шести лет Валинов прокладывал для Барбиллуса путь к сердцу преступной империи палача К'Зарра — тайного культа, заполонившего еретиками доки и гавани Талшена III. Валинов искал подходы к жестоким доимперским племенам человеческой расы на Малом Герентулане; он производил разведку в десятках других очагов загнивания. Он стал прекрасным работником. Барбиллус распознал в нем многообещающие задатки и произвел в старшие дознаватели. Многие ожидали, что Валинов вскоре займет место советника Барбиллуса, выйдет из тени секретности и встанет рядом с лордом-инквизитором.

А затем пришел черед крепости Агнарссона. Если Барбиллус и не погиб, сражаясь на поверхности планеты против принца-демона Малигримма Кровавого, то он наверняка был уничтожен в результате проведенного Искоренения.

Барбиллус не впервые приговаривал тот или иной мир к гибели.

И в тот раз циклонические торпеды с борта военного корабля лорда-инквизитора были запущены его подчиненными. У них имелся приказ самого Барбиллуса об уничтожении крепости Агнарссона, если лорд-инквизитор в назначенное время не вернется с поверхности планеты, пораженной демоничеством.

Старший дознаватель Валинов с флагманского корабля наблюдал, как зеленый сельскохозяйственный мир был залит потоками магмы, хлынувшей из разорванной коры. Малигримм был уничтожен, но Барбиллус так и не вернулся на корабль,

В честь лорд-инквизитора Барбиллуса были построены храмы. Статуи, обычно изображавшие героя в разгаре битвы, с покрытым копотью лицом, с неизменным молотом в руках, украшали все инквизиторские крепости в Солнечном Сегменте и далеко за его

пределами. Его имя было высечено на стене Зала Героев Имперского дворца и навеки занесено в анналы истории Империи.

Материалы архива Инквизиции умалчивают о том, как команда Барбиллуса и его средства перешли под контроль Великого Конклава Ордо Маллеус и как Валинов вместе с десятком других инквизиторов проходил второй срок обучения. Но не было и свидетельств о том, при каких обстоятельствах в Ордо Маллеус обнаружили, что Валинов действует по собственному усмотрению, хотя это, безусловно, было раскрыто.

Валинов активно проявил себя в окрестностях Трациан Примарис во время жестоких кампаний вокруг Ока Ужаса. Возможно, он играл какую-то роль в покорении попавших под влияние Хаоса племен, обнаруженных в заключительный период Дамоклова Крестового Похода. Но более точных сведений не сохранилось. Валинов действовал крайне осторожно. Возможно, к тому времени он уже переменялся и старался скрыть свои следы, чтобы другие инквизиторы не обнаружили никаких улик его отступничества.

И о самой важной миссии Валинова тоже не сохранилось почти никакой информации. Он отправился в густонаселенный мир В'Ран в сопровождении штурмовой дивизии Ластрати-79, состоящей из легальных псайкеров, воспитанников Академии Психана, и эскадрильи кораблей класса «Меч». Валинов исправно посылал донесения о регрессирующем культе, который правил обширными районами трущоб и развалин В'Рана. Но впоследствии было сделано заключение, что Валинов сам создал эту угрозу, чтобы оправдать свое вмешательство.

Кроме этого, о миссии на В'Ран было известно, что по прошествии двух недель после прибытия туда Валинова планета была поглощена бурлящей, источающей молнии пеленой раскаленного звездного облака. Возникший варп-шторм был слишком компактным и направленным: таким могло быть только преднамеренно вызванное возмущение. Густонаселенный мир потонул в кошмарах варпа. После этого непонятного шторма никто не мог с уверенностью сказать, что произошло с девятнадцатью миллиардами мужчин, женщин и детей, составлявших население В'Рана. Но астропаты докладывали о воплях на планете, разнесшихся на несколько световых лет вокруг.

Следы жестокости тянулись за Валиновым по всему Солнечному Сегменту. Он сжег столицу порта Св. Индры, устроив перегрузку в сетях теплоотводов. Пираты на звездных кораблях, которые поклонялись варпу, истребили конвой пилигримов в окрестностях Немемеанского Облака и назвали Валинова своим предводителем. Сам Валинов, словно стараясь совершить как можно больше злодеяний во имя Хаоса, сеял вокруг себя разорение и опустошение.

К тому времени Ордо Маллеус уже поручил нескольким инквизиторам выследить его и попытаться предугадать следующие действия. Они отыскали Валинова в пораженных эпидемией общинах Пояса Гаолвен. Валинов присоединился к культу, образованному выжившими после чумы людьми, которые верили, что своим спасением обязаны пантеону Хаоса. В течение нескольких недель он превратил культистов в хорошо вооруженную и фанатически настроенную армию, занявшую укрепленный астероид.

В Ордо Маллеус сочли, что Валинов готовится к решительному противостоянию. И они предоставили ему то, чего он добивался. Конклав обратился к грандмастеру Тенцендуру, и тот направил штурмгруппу Серых Рыцарей, чтобы овладеть крепостью Валинова.

Первым, кто выскочил из абордажной торпеды и ворвался в крепость, был правосудор Аларик.

Мандулианская часовня представляла собой длинную галерею с головокружительно высоким потолком, полную колонн и статуй в стенных нишах. Для того чтобы дойти до

огромного алтаря в передней части часовни, Серому Рыцарю предстояло выдержать строгие взгляды сотен героев Империи. Некоторые из них уже стали легендами, другие были почти забыты, но каждый был частью организационной сети, которая охватывала весь Империи. Ближе всего к алтарю находилась статуя самого грандмастера Мандулиса, погибшего тысячу лет назад. Его фигура была вырезана в одной из колонн: герой словно поддерживал потолок часовни.

Смысл был ясен. Мандулис, как и любой Серый Рыцарь, уберегал Империи от краха.

Аларик шел по центральному проходу. Фильтры, встроенные в его нос и горло, улавливали частицы ладана, горевшего в курильницах в сумраке под самым потолком. Вокруг колонн мерцали зажженные свечи, а маленький сервитор, тихонько жужжа, катился между ними и убирал погасшие фитили. Неровный свет отражался от золотого алтаря, сработанного ремесленниками ордена триста лет назад. Центральный образ был посвящен Императору и изображал сцену из времен, предшествовавших ереси Хоруса.

Император глядел в сторону, словно предчувствуя свою почти смерть в последние дни ереси. Он был с обеих сторон окружен Серыми Рыцарями, но не сокрушающими демонов или еретиков, нет — коленопреклоненными, опустившими руки. Вся картина говорила о смирении: она была призвана напоминать Серым Рыцарям, что, при всей своей силе, они могут достичь цели только благодаря воле Императора.

Аларик еще не получил от ремесленников доспехи после ремонта и был в обычном черно-сером одеянии. Босые ноги касались гладкого пола, отполированного за столетия тяжелыми ботинками, и в этом священном месте рыцарь чувствовал себя голым. Раны все еще побаливали; Аларик ощущал, как быстро заживает шрам в том месте, где лазпушка прожгла ему живот. Кожа после лечебной жидкости оставалась слишком чувствительной. Но гораздо большее было сознание собственного бессилия. Когда умирали боевые братья, он не стоял рядом с ними.

Капеллан Дурендин ожидал его в пустынной часовне. Как и всегда, он был в массивных доспехах терминатора. Один рукав, выкрашенный в черный цвет, указывал на его ранг капеллана, остальная броня, как обычно, оставалась серой. На руках капеллан носил энергетические когти, с которыми не расставался с первых дней службы в Ордене.

Аларик, дойдя до алтаря, где стоял Дурендин, поспешно встал на колени перед капелланом. Затем они оба преклонили колени перед алтарным образом Императора.

— Тенцендур сказал, что ты хотел со мной встретиться, — заговорил Дурендин, как только они поднялись.

Лицо его оставалось почти полностью закрытым капюшоном накидки и, как у всякого настоящего капеллана, хранило бесстрастное выражение.

— Капеллан, тебе известно, что произошло. Я был ранен и без сознания. Энкалион и Толас погибли. Мне и раньше приходилось терять воинов, но я всегда был рядом с ними. В этот раз меня с ними не было.

— Я не стану отпускать тебе этот грех, правосудор. Каждый из нас должен нести ответственность за смерть боевых братьев. Ты не так давно стал правосудором, Аларик. У тебя имеется определенная способность вести за собой людей, но на этом пути ты сделал только первые шаги.

— Вот это и беспокоит меня, капеллан. Я еще не испытывал таких сомнений. Будучи Серым Рыцарем, я твердо усвоил одно: если стержень моей веры покачнется, я стану ничего не стоящим воином.

— И ты считаешь, что должен сомневаться в чистоте своей души, если не в силах забыть ощущения беспомощности после ранений, нанесенных людьми Валинова? — Дурендин повернулся и из глубины капюшона заглянул словно бы в самую душу Аларика. — Запомни это,

Аларик. Запомни, что значит быть сломленным и побежденным. Лидер отличается не тем, что способен избежать таких несчастий, а тем, что может преодолеть их и стать еще сильнее. Твои боевые братья мертвы, но ты в силах сделать так, чтобы их гибель не осталась бессмысленной. Вот что значит быть лидером.

— Я знал, что это не просто, капеллан, — ответил Аларик. — Но никогда в полной мере не осознавал всей тяжести долга. Я знаю, что это не последнее испытание и далеко не самое трудное. Я только начинаю понимать, какие тяжелые жертвы должны нести грандмастера, чтобы Рыцари пошли за ними. Их вера должна быть абсолютной. Мне кажется, что во всем Империи нет более достойной цели, чем заслужить доверие и стать грандмастером Серых Рыцарей.

— А ты бы смог это совершить?

Аларик помолчал. Он посмотрел на пластинки полированных драгоценных камней, образующих позолоченные доспехи Императора, на тени, скрывающие далекий потолок, на фигуру Мандулиса, державшего на своих плечах Империи.

— Да. Да, я бы смог.

— Вот в чем разница, Аларик. Ты не можешь верить ни во что другое. То, что ты считал сомнениями, — это боль трудного урока. И ты усвоил его, доказал, что орден в тебе не ошибся. Ты любознателен и разумен, ты пользуешься доверием своих людей. В тебе есть особое сочетание свойств: оно не даст почувствовать удовлетворение до тех пор, пока ты не выполнишь долг до конца.

Аларик встал и быстро поклонился сверкающему образу Императора.

— Капеллан, теперь меня ждет Тенцендур. Я подумаю обо всем, что ты мне сказал.

— Вряд ли ты сможешь позволить себе подобную роскошь, — сказал Дурендин, когда правосудор повернулся к выходу. — Судя по тому, что было обнаружено в Поясе Гаолвена, захват Валинова может оказаться только первым шагом.

Ордо Маллеус занял кольца Сатурна в первые годы существования инквизиции и превратил их в свое неофициальное государство. Лорд-инквизиторы обладали абсолютной властью над спутниками Сатурна: это давало им единственный шанс сохранить в тайне свои средства. Под контролем Ордо Маллеус находились самые опасные в Галактике артефакты, тексты и люди. Чрезвычайно сложная конфигурация колец Сатурна не позволяла вражеским армиям пролететь мимо тысяч турболозерных защитных сооружений, охранявших комплекс с астероида, захваченного притяжением планеты. Единственно возможный путь внутрь пролегал через тщательно оберегаемую Орденом крепость-порт на внешнем спутнике Япет.

Мимас, из всех спутников — ближайший к огромной клубящейся массе Сатурна, при столкновении был обезображен шрамом, тянувшимся через четверть поверхности. В этом кратере была построена тюрьма инквизиции, где в комплексе изолированных келий содержались худшие из худших. В стенах тюрьмы имелись психогенные обереги; охранялась она отрядом штурмовиков, подчинявшихся Ордо Маллеус.

На Энцеладе, следующем за Мимасом спутнике, располагалась цитадель Инквизиции — обширный роскошный дворец. Там содержался двор лорд-инквизитора Ордо Маллеус, и в личных покоях жили старшие инквизиторы ордоса.

Тефия была отдана под Либрариум Демоникум — хранилище опасных знаний, собранных за тысячелетия борьбы против зла. Либрариум был совершенно не виден с поверхности: тысячи защищенных от бездны келий и галерей, уставленных книжными стеллажами, находились в сферическом помещении, выдолбленном в сердцевине спутника. Огромное количество книг, электронных записей, свитков и пиктов содержались при низкой температуре, чтобы

предохранить от порчи хрупкие страницы и неустойчивые электронные носители. Доступ туда могли разрешить только сами лорд-инквизиторы. Сектор, где хранились документы наибольшей секретности, был одним из самых недоступных мест в Галактике.

Титан, самый крупный спутник, под своей плотной оранжевой атмосферой скрывал огромную крепость-монастырь, охватившую всю поверхность. Со стороны могло показаться, будто весь спутник состоит из башен и укреплений.

Доки Япета, самого удаленного из крупных спутников, простирались в космос на многие километры. Там всегда находили пристанище эскадры крейсеров, конвойных и боевых кораблей, включая ударную флотилию Серых Рыцарей и огромные корабли класса «Император», реквизированные с флота Солнечного Сегмента.

Только при абсолютном контроле за этой миниатюрной империей инквизиторы могли обеспечить территориальную безопасность собранных ими знаний и изоляцию схваченных и заключенных в тюрьму личностей. Одним из требований безопасности было условие, что все захваченные вещи Валинова будут храниться отдельно. Там их могла тщательно изучить инквизитор Бризейс Лигейя.

Слабый голубовато-серый свет заполнял исследовательские помещения. В его лучах тускло мерцали заставленные книгами стеллажи, закрывающие все стены на сто метров в высоту. По стенам архива карабкались на тонких металлических ногах паукообразные сервиторы. Их органы зрения, когда-то принадлежавшие людям, внимательно изучали заглавия на корешках книг, чтобы выполнить заказы исследователей Ордо Маллеус. Эти люди проводили в архиве всю свою жизнь, тщательно исследуя древние книги по поручению своих начальников. Многие инквизиторы высокого ранга имели на Тефии одного или двух личных исследователей: их единственной целью был поиск неизвестной, но потенциально важной информации о врагах Императора.

Большая часть помещений между высоченными громадами книжных полок обычно пустовала. Лишь несколько бледных большеглазых исследователей склонились над потрепанными томами. На случай, если разоблаченное ими зло овладеет разумом исследователя, у каждого за плечом стоял вооруженный сервитор. Дыхание облачками пара клубилось в воздухе, а все исследователи носили облегающие термокостюмы. В хранилище поддерживалась такая температура, при которой человек мог прожить не более нескольких минут.

Инквизитору Лигейе нравилось здешнее спокойствие. В такой обстановке лучше думалось. Сервитор-проводник с негромким жужжанием петлял по различным залам, затем спустился на два пролета по ступеням и привел Лигейю в помещение, где для нее были приготовлены вещи Валинова.

Лигейя носила роскошные меха и накидку, отороченную горностаем. Она предпочитала экстравагантную одежду благородных дам Империиума, поскольку и сама была такой — по крайней мере, когда-то была... Поверх таррхидовых перчаток она надевала кольца, а ее ботинки были изготовлены из шкур карликовых гроксов. Когда-то давно Лигейя была очень красивой, но жизнь настолько закалила ее душу, что изменения отразились и на лице. Хотя Лигейя все еще оставалась привлекательной и ей нравилось, что в первое мгновение люди обращали внимание только на внешность.

Ее недооценивали, и это обстоятельство не раз спасало инквизитору жизнь.

Лигейя не была прирожденным воином, хотя успела получить свою долю неприятностей. Она была исследователем, ученым; она окончила лучшие учебные заведения, которые могли обеспечить деньги аристократов. Ордо Еретикус забрал ее к себе прямо из благородного

семейства Гаталамора, сочтя, что способности Лигейи превосходят неловкость, внушаемую некоторым из них ее растущим даром медиума.

Ордо Маллеус переманил Лигейю из-за ее умения читать древние тексты. Там она и осталась, оказывая все более ценные услуги различным инквизиторам Маллеус, пока не получила постоянную должность. Ее способности медиума становились острее с каждым годом.

Члены Ордо Маллеус по большей части были типичными истребителями демонов: они сроднились с оружием и доспехами под стать Серым Рыцарям. Оружием Лигейи были знания. Предполагалось, что инквизитор-псайкер Ордо Маллеус должен разить молниями или уничтожать демонов с помощью слов, но главной силой Лигейи были понимание и восприятие.

Не будь Лигейи, Ордо Маллеус не смог бы предотвратить многие несказанные бедствия. Как и теперь, когда планы Валинова, возможно, не были разрушены с его поимкой.

Лигейя села, и сервитор-проводник укатился прочь. Вооруженный сервитор не подошел к исследователю: одной из привилегий Лигейи было доверие, оказанное ее силе воли. Подавляющее поле, окружавшее Лигейю, выключило защитные устройства в непосредственной близости от ее стола. Никакие особенности ее дара не могли привести в действие оружие, установленное в стенах.

Перед Лигейей лежали все предметы, найденные в личных помещениях Валинова и на нем самом в момент пленения; почти все они носили следы крови или попадания болтерных снарядов. На рукаве одежды Валинова — темно-красной, затейливо отделанной серебром, тоже виднелась огромная рваная дыра от болтерного снаряда. Из отчетов Лигейя помнила, что Валинов был ранен. То, что он преодолел шок от попадания болта в не защищенное доспехами тело, говорило об огромной силе.

Валинов был вооружен особым лазерным ружьем истребителя демонов, оставшимся с тех пор, когда он работал под покровительством Ордо Маллеус. Приклад и ствол этого красивого оружия были покрыты темной кроваво-красной эмалью, а некоторые детали — позолочены. Энергетический накопитель, явно сделанный по особому заказу, судя по оплавленным краям, был сильно перегружен. Кроме ружья Валинов имел при себе и кинжал-убийцу — небольшой клинок, похожий на обычный боевой нож, но с поражающим нейросистему процессором. Именно этот кинжал и превратил в кашу внутренности дознавателя Йатонна.

Оружие не заинтересовало Лигейю. Оно было проверено группой псайкеров и не содержало никаких секретов. Документы казались ей более важными. У Валинова были найдены пара электронных блокнотов, несколько свитков, перевязанных чем-то похожим на обрывок сухожилия, и большая книга. В электронных блокнотах содержались сведения о численности воинов и опись оружия, что доказывало удивительную способность Валинова организовать банду невежественных фанатиков. Больше ничего важного там не было.

Свитки выглядели более интересными. Листы были заполнены непонятными текстами, написанными мелким почерком, сложными схемами пантеонов и магических заклинаний, транскрипциями молитв и описаниями церемоний. Лигейя поднесла руку к ветхому пергаменту и позволила своим ощущениям просочиться на лист, воспринимая не форму букв и диаграмм, а заключенный в них смысл. Эту способность она открыла в себе, будучи ребенком, в школе на Гаталаморе. Хотя обучавшие Лигейю Сестры считали этот дар колдовским, ей повезло, что его признали не угрозой, а полезным свойством псайкера.

Здесь проявился один из парадоксов центральной части Империиума. Мужчины и женщины, чьи способности затрагивали варп и образовывали мостик между темными силами и реальным пространством, вызывали страх, но в то же время Империиум не мог обходиться без псайкеров. Среди них были астропаты, передающие телепатические послания, и пси-инквизиторы, как Лигейя, чей разум мог решать такие задачи, которые не поддавались обычным людям.

Содержание свитков оказалось слабым и ускользающим, рассеянным и разочаровывающим. Лигейя подозревала, что в них заключен какой-то сложный код, но чем сильнее она углублялась в свитки, тем выше становился барьер бессмысленности. Слова не имели никакого значения. Единственным достоинством свитков был их внушительный вид. Но настоящие знаки богов Хаоса взорвались бы в ее ощущениях ярким фейерверком.

Ради пущей уверенности Лигейя потратила еще немного времени на исследования, но быстро пришла к выводу, что в свитках не было никакого смысла. Скорее всего, Валинов сам их изготовил, чтобы убедить культистов в сотрудничестве с темными силами. Это означало, что он не считал их достойными настоящего сотрудничества с Хаосом. Возможно, он и не собирался их к этому готовить: фанатики были для него просто пушечным мясом, людьми, которыми он мог манипулировать и послать на смерть вместо себя. И они погибли, все до одного.

Лигейя оставила свитки и пододвинула к себе книгу. Фолиант был очень старым и сильно пострадал от сырости и плесени. Страницы были сделаны из плотного пергамента, но почти рассыпались — Лигейя догадалась, что книгу не раз переплетали заново. У нее не было заглавия: если оно когда-то и существовало, то исчезло вместе с первоначальным переплетом.

Инквизитор осторожно открыла книгу. Даже не применяя свой дар, Лигейя ощутила странное покалывание в кончиках пальцев, точно содержание книги стремилось вырваться наружу и быть понятым. Перед ней открылась страница, и Лигейя узнала устаревший высокий готик.

«Codicium Aeternum».

Под заголовком шли рукописные строки, созданные уверенной рукой какого-то сервитора-писца сотни лет назад:

«Здесь содержится полное и правдивое описание уничтожения демонов, чудовищ и представителей тьмы, дополненное экстраполяциями их возвращения после изгнания».

Еще ниже виднелся оттиск печати Ордо Маллеус.

У Лигейи перехватило дыхание. Этого она никак не могла ожидать. Она пролистала несколько страниц.

На них всплывали ужасные имена. Лигейя узнала имя Ангрона, демона-примарха, изгнанного из реального мира в первом сражении за Армагеддон. Увидела имена Черубаэля и Думбрета, Н'Кари и сотни других, с указанием дат и предполагаемых сроков их изгнания. Некоторые из этих имен могли смутить мысли любого из обычных людей.

«Codicium Aeternum». Великий Трон, если это правда...

В последний раз эту книгу видели в тех же самых залах несколько десятилетий назад. Ее считали потерянной, спрятанной где-то в недрах Тефии, где она могла стать жертвой излишнего стремления к секретности. Многие тома были утрачены таким образом. Ордо Маллеус даже содержал специальный поисковый отряд, который осматривал нижние уровни хранилища в поисках давно забытых, но ставших необходимыми текстов.

Однако с этой книгой все было по-другому. Вероятно, Валинов похитил ее из собрания Ордо Маллеус в те дни, когда еще работал на инквизитора Барбиллуса. Много раньше, чем проявились первые признаки его отступничества. Валинов лелеял какой-то ужасный план гораздо дольше, чем предполагали инквизиторы! «Codicium Aeternum», содержащий сведения о тысячах демонов, изгнанных Серыми Рыцарями, был одним из самых ценных справочников, имеющихся в распоряжении Маллеус. Одному Императору ведомо, что собирался сделать с книгой Валинов.

Лигейя встала из-за стола и махнула рукой сервитору-проводнику, ожидавшему на подобающем расстоянии.

— Лигейя зрителям Либрариума. У нас появился текст, требующий особого внимания.

Пришлите вниз команду хранителей и передайте в Конклав, что это «Codicium Aeternum». Лигейя закончила.

Сервитор покатился прочь, унося послание Лигейи к смотрителям Либрариума. Они знают, как сохранить и защитить столь ценную и потенциально опасную книгу. Повернувшись снова к столу, Лигейя заметила, что книга раскрылась как будто бы на случайной странице, потемневшей от времени и сырости, с едва различимым текстом. Одно слово, одно имя, написанное красными чернилами красивым почерком, бросилось ей в глаза.

Гаргатулот.

Встреча была назначена в зале Упавшего Кинжала. Там несколько столетий назад грандмастер Колгано вызвал подчиненных ему Серых Рыцарей на бой, с одними кинжалами, обещая тому, кто его победит, свои доспехи терминатора, инкрустированные драгоценными камнями. Тело грандмастера, вместе с боевым кинжалом, давно покоилось в глубине катакомб Титана, но высокий гулкий зал получил это название.

Помещение использовалось для занятий, обучения новобранцев рукопашному бою или, как сейчас, для встреч Ордо Маллеус с Серыми Рыцарями.

В центре зала стоял большой круглый стол из потемневшего твердого дерева. Его окружали штурмовики Маллеус в парадной форме, с серебряными масками на лицах. Молчаливые и зловещие стражники, никогда не открывавшие своих лиц, сопровождали инквизитора Никсоса почти на всех официальных собраниях. Никсос уже сидел за столом. По обе стороны стояли советники: почти неправдоподобно старый астропат и очень стройная молодая женщина, по слухам приглашенная из самой престижной академии Имперского флота.

Старый суровый воин Никсос был в простом черном одеянии, оттенявшем посеребренные скобы и пластины. Они придавали его хрупкому телу удивительную силу и ловкость. Его лысая голова, покрытая старческими пятнами, выдавалась вперед, словно у ястреба, а маленькие глазки постоянно двигались, выискивая жертву.

Рядом с Никсосом сидела инквизитор Лигейя — красивая и величественная, похожая скорее на элегантную хозяйку аристократического салона, чем на истребителя демонов. Ветхий фолиант «Codicum Aeternum» она принесла с собой в портативном герметичном сейфе, предохранявшем древние страницы от повреждений.

Грандмастер Тенцендур пришел на встречу в доспехах терминатора. Он снял только шлем, открыв изборожденное хмурыми морщинами лицо с тяжелой волевой челюстью. Его сопровождало отделение терминаторов личной охраны. Правосудор Аларик, получивший свои доспехи из ремонта, замыкал строй воинов.

Аларик полностью отчитался перед Тенцендуром и успел поговорить с воинами своего отделения. Они уже начали обряд прощания с павшими боевыми братьями. Энкалиону и Толасу были отведены ниши в катакомбах Титана, где их тела будут отдыхать до того часа, когда Императору вновь понадобятся его верные слуги. Брат Ликкос начал интенсивные тренировки с лазпушкой, которую прежде носил Толас. Остальные десантники пронесут тела павших боевых братьев на погребальном параде, где Аларику предстоит сказать прощальную речь. Ему и раньше приходилось произносить слова прощания, но теперь это будет сделать особенно трудно.

Со временем в отделение Аларика выберут новых рекрутов. Они заменят погибших, но это случится не скоро. А до тех пор в отделении Аларика будет недоставать двух воинов — словно в напоминание о постоянно грозящих им опасностях.

— Грандмастер, — заговорил Никсос, поднявшись со своего места в знак уважения. — Примите мои извинения за поспешность вашего приглашения. Мы были вынуждены пренебречь многими правилами протокола.

— Как я понимаю, в вещах Валинова были найдены особо важные материалы, — ответил Тенцендур. Голос его был глух и мрачен из-за раны горла, полученной в те времена, когда он еще был правосудором. — Если бы это не было так важно — я уверен, вы бы не стали меня

приглашать, — закончил грандмастер.

Никсос махнул рукой Лигейе. Она поставила на стол сейф и подвинула его в сторону Тенцендура. Затем приложила большой палец к генному замку — и крышка распахнулась, показав тронутый плесенью том «Codicium Aeternum».

Грандмастер подошел к столу, наклонился, неожиданно ловкими пальцами в латных рукавицах вынул книгу и осторожно перевернул обложку. Он прочитал вслух заголовок.

— Мы считаем, что Валинов украл книгу до того, как его предательство было обнаружено, — пояснил Никсос, пока Тенцендур перелистывал покрытые пятнами страницы. — Сама по себе она не представляет опасности, и мы даже вынесли книгу за пределы защиты Либрариума. Но вот содержащаяся в ней информация может доставить массу проблем, учитывая то, что книга была в руках радикала.

— Вам известно, для чего он ее украл?

— Пока Валинов ничего не сказал нашим дознавателям, — признал Никсос. — На Мимасе имеются лучшие мастера пыток нашего ордена, но процесс будет длительным. Однако мы можем сделать кое-какие предположения. Лигейя?

— «Codicium Aeternum», — заговорила Лигейя звучным, хорошо поставленным голосом, столь непохожим на глухое ворчание товарищей по истреблению демонов, — содержит имена многих тысяч демонов вместе с описаниями и датами их изгнания. Будучи энергетически сильными существами, они не уничтожаются до конца — лишь отсылаются обратно в варп, где могут восстановиться. Мы уверены, что «Codicium Aeternum» был составлен в попытке предугадать их возвращение. Безусловно, Хаос не поддается систематизации, но поначалу авторы старались учитывать все возможности.

В самое важное место книги Лигейя вложила закладку, и Тенцендур, открыв его, задержался.

— Гаргатулот, — бесстрастно произнес он.

— Гаргатулот, — повторила Лигейя. — Он был изгнан из реального мира тысячу лет назад. Это произошло на Корионе IX, и победил его грандмастер Мандулис.

— И он был изгнан, — прочитал дальше Тенцендур, — на одну тысячу лет.

— Теперь вы понимаете, почему мы сочли эти сведения столь важными, — сказал Никсос.

Тенцендур закрыл книгу и положил ее обратно на стол:

— Что вам требуется?

Никсос заглянул в блокнот, переданный ему советником:

— Грандмастер, мы все знаем, что творится на Кадии. Открылось Око Ужаса, и Кадия может пасть. Орден поручил мне связаться с дознавателями, до сих пор действующими на подконтрольной Хаосу территории, так что я не могу лично принять в этом участие. За операцию будет отвечать инквизитор Лигейя. От ее имени я прошу как можно скорее собрать и предоставить в ее распоряжение ударную силу Серых Рыцарей, чтобы воспользоваться возможностями, вытекающими из полученной информации.

Слова инквизитора не произвели на Тенцендура большого впечатления. Он повернулся к Лигейе:

— Галактика велика, инквизитор. Вам известно, в каком месте вернется Гаргатулот? Корион IX был уничтожен в результате операции Искоренения.

— У нас есть определенная идея, — ответила Лигейя. — Таро Императора учли видения, посетившие астропатов, которые находились в то время поблизости от Кориона IX. Скорее всего, Гаргатулот вернется где-то в Шлейфе Святого Эвиссера.

— Насколько точны эти догадки?

— Они в свое время были записаны в «Codicium Aeternum». И это все, что мы имеем.

Лигейя отыскала в книге заключительные параграфы описания Гаргатулота, сохраняя удивительную невозмутимость. Шлейфом Святого Эвиссера называлась совокупность систем, находившихся к востоку от Солнечного Сегмента и получивших общее название по имени имперского святого. Тенцендур даже не разобрал имени: Империиум был огромен, и в нем имелось множество почти забытых уголков, где мог притаиться Хаос.

Тенцендур покачал головой и подтолкнул книгу по столу в сторону Лигейи:

— Не слишком обнадеживает, если это все, что у вас имеется. Никсос, вы сами упомянули об открывшемся Оке Ужаса. Всех нас могут призвать туда, чтобы остановить поток. Несколько подразделений уже находятся на пути к Кадии, и вскоре я сам к ним присоединюсь. Совесть не позволит мне игнорировать долг ради ваших догадок. Валинов мог взять книгу по любой причине. Он мог украсть ее, поддавшись ярости, или чтобы проверить системы защиты, или обратить на себя внимание. Но даже если он надеялся подготовить возвращение Гаргатулота, Валинов схвачен и изолирован на Мимасе, где он подвергнется пыткам, будет сломлен, а затем казнен.

— Вам известно, — спокойно произнесла Лигейя, — кто такой Гаргатулот?

Тенцендур нахмурился. Аларик представлял, насколько грандмастер не привык к возражениям, даже возражениям инквизитора.

— Конечно, — сказал Тенцендур. — Принц-демон.

— Ордо Маллеус потребовалось сто лет, чтобы узнать его имя. Даже не настоящее имя, а то, которое он использовал при образовании культов по всему Империиуму. Затем нужно было несколько десятилетий, чтобы выследить его на Корионе IX, и когда, наконец, его загнали в угол, были посланы три сотни Серых Рыцарей, чтобы его изгнать. Ни один из них не вернулся назад. А похоронить смогли только Мандулиса. Если Гаргатулот намерен вернуться, нам потребуется помощь. Он до сих пор, даже из варпа, способен влиять на незрелые умы. Но до тех пор, пока они не в силах окончательно вернуть его в реальный мир, Гаргатулот очень уязвим. Это наш единственный шанс нанести удар раньше, чем он обретет силу, с которой мы не справимся. Орден пытался подсчитать, сколько граждан Империиума погибли из-за культов Гаргатулота, но целый корпус логистов не мог определиться с числом. Если есть малейшая возможность его остановить, мы обязаны ею воспользоваться. Если потребуется, я пойду одна, но у меня есть обязанность перед Империиумом, и она должна быть выполнена.

Тенцендур помолчал.

— Я не могу вести их, — сказал он наконец. — Мое присутствие требуется в других местах, и другие командиры тоже... Я могу предоставить вам экспедиционный корпус, но офицера...

— Вот поэтому я и попросила присоединиться к нам правосудора Аларика, — сказала Лигейя, взглянув на молодого воина. — Я понимаю, что вы не в состоянии предоставить боевого командира. Правосудор Аларик первым ворвался в крепость Валинова и отлично зарекомендовал себя в бою. Я прошу направить со мной Аларика с его отделением, еще два тактических отделения терминаторов и «Рубикон». Я понимаю, что прошу слишком многого, когда Враг наводняет Империиум через Око. Но и вы должны понять, что меньшими силами невозможно предотвратить возвращение Гаргатулота.

— Если дознаватели расколуют Валинова... — начал Тенцендур, но Лигейя прервала:

— Грандмастер! Гаргатулот все равно будет взывать к своим последователям. Через четыре месяца исполнится ровно тысяча лет после его изгнания, и тогда, вернувшись в реальное пространство, он сможет образовывать новые культы и направлять их деятельность. Раскалывать Валинова придется слишком долго. Мы должны отправиться прямо сейчас.

Тенцендур обернулся к Аларику:

— Правосудор?

Такого Аларик не ожидал. У него до сих пор осталось впечатление, что на Поясе Гаолвена его постигла неудача. Он еще чувствовал раны, едва не ставшие смертельными. Дурендин говорил о том, какой долгий путь предстоит пройти Аларику, пока он не станет лидером Серых Рыцарей, а ему уже сейчас предлагают вместе с Лигейей выполнить миссию, которую она, по всей видимости, считает очень важной.

На мгновение он засомневался. Отказаться? Слуга императора должен быть честным, когда дело касается его возможностей. Но если он откажется, кто тогда пойдет? Тенцендур сказал правду. Око Ужаса вскоре потребует всех ресурсов Серых Рыцарей. Все старшие офицеры должны быть там.

Аларик подошел к столу и поднял «Codicium Aeternum». Книга оказалась тяжелой и сырой от плесени. На страницах мелькали отвратительные имена демонов, описания их зверств и обстоятельств изгнания. Статья о Гаргатулоте занимала несколько страниц. Тысячеликий Принц создавал культы фанатиков по всему Империи, и каждый действовал отдельно от остальных, даже не подозревая об их существовании. Каждое общество почитателей исполняло свои жестокие планы, которые выходили на поверхность только в тот момент, когда разыгрывалась финальная драма.

Изгнание демона было довольно сложным понятием. Могущество демона, метод изгнания и обычная удача — вот что определяло, как долго он будет томиться в варпе. Вероятно, Мандулис нанес Гаргатулоте свирепый удар, раз тот оказался изгнанным на тысячу лет. «Codicium Aeternum» был написан в попытке систематизировать все факторы и возможно точнее предсказать, где и когда произойдет возвращение демона. Но Хаос по своей природе не поддавался систематизации, и книга осталась незаконченной. Однако приход Гаргатулота предсказать успели.

Если Кадия падет, основной удар Хаоса будет направлен против Солнечного Сегмента. И тогда там понадобятся все Серые Рыцари — единственные воины, которые могут противостоять демоническим союзникам Воителя Абаддона. Но если все Серые Рыцари соберутся к Оку Ужаса и возникнет нечто ужасное, чтобы поразить незащищенный тыл Империи...

Валинов выкрал книгу. Забрав фолиант из Либрариума, он открыто восстал против Ордена. Был ли Гаргатулот источником его морального разложения? А может, Валинов на Мимасе смеется над ними, зная, что запустил в Шлейфе Святого Эвиссера такие силы, которые ударят по Империи в момент его слабости?

— Мое отделение будет с вами, — сказал Аларик. — Валинов заставил моих воинов скорбеть. Танкред тоже был там. Из других отделений я бы рекомендовал правосудоров Генхайна и Санторо. Они оба были в составе сил, нанесших удар по крепости со стороны солнца.

— Правосудор, тебе придется самому принимать решения, — сказал Тенцендур. — Я могу поддержать твою кандидатуру здесь, но в сражении ты будешь старшим.

— Я полагаюсь на суждение Инквизиции.

Тенцендур кивком велел охране двигаться к выходу.

— Вы получите «Рубикон». Он стоит на Япете и будет готов к запуску через двенадцать часов. Теперь ты будешь подчиняться инквизитору Лигейе. За Трон, правосудор!

— За Трон, грандмастер! — ответил Аларик и склонил голову.

Тенцендур ушел, и шаги его отделения громким эхом разнеслись по залу Упавшего Кинжала. Инквизитор Никсос в сопровождении своих молчаливых советников и личной стражи направился в противоположную сторону, и механизмы его тела вздохнули на прощание.

— Ты — пси-инквизитор, — сказал Аларик, когда Лигейя, забрав книгу, встала из-за стола.

— Мои обереги реагируют на это.

Лигейя улыбнулась:

— Я видела, как мои товарищи инквизиторы бросались пылающими молниями, но, боюсь, не способна на столь грандиозные зрелища. Я имею дело со знаниями. Я ученый, а ты?

— Все Серые Рыцари обладают пси-способностями. Но я не слишком на них полагаюсь. Тебе это и так известно, инквизитор.

— Да, конечно. Еще мне известно, что ты умен и любознателен, у тебя развито воображение. Я ценю эти качества. Я знаю, что ты — прирожденный лидер, даже если грандмастера предпочтут наблюдать за тобой еще пару десятков лет, пока ты не заработаешь нашивки. Ты сможешь увлечь за собой десантников, когда надо будет сражаться, и считаться с моим мнением, когда придет время учиться. Боюсь, нам обоим придется учиться, если мои догадки насчет Гаргатулота окажутся верными.

Лигейя изящно развернулась и ушла, взмахнув полами отороченной горностаем накидки.

Она была уверена, что он согласится возглавить ударный отряд. Она понимала, что Аларик захочет снова выступить против Валинова — хотя бы ради того, чтобы расстроить его планы.

В свою очередь, и Аларик уже усвоил образ мыслей инквизиторов. Все люди, будь то Серые Рыцари, обычные граждане или даже другие инквизиторы, представлялись им орудиями, которые следовало сосредоточить на определенных позициях и направить на выбранного противника. Аларик понимал, что лишь таким образом возможно направить сложный комплекс Империи на путь борьбы с врагами человечества. Но это не означало, что он с радостью чувствовал себя частицей чужих планов.

Голик Рен-Сар Валинов был обнажен и скован кандалами по рукам и ногам. На нем был металлический ошейник, начиненный взрывчаткой. Она оторвала бы Валинову голову, если бы он попытался выйти из камеры допросов, использовать психологическое воздействие (хотя Валинов никогда не проявлял подобных способностей) или просто разозлил бы надзирателя до такой степени, чтобы привести в действие взрыватель.

Камера была вырублена в толще обсидиана, испещренного белыми прожилками; гладкие голые стены заливал яркий свет подвешенной к потолку люмосферы. Валинов сидел в центре камеры на металлическом стуле, представлявшем единственный предмет обстановки.

Несмотря ни на что, Валинов все еще казался опасным. Его стройное тело обвивали прекрасно развитые мускулы. Кожу покрывали шрамы, слишком правильно расположенные, чтобы появиться только в результате ранений. Непонятные татуировки испещряли края живота, извилистыми темно-синими полосами переходили на спину, потом на плечи и превращались в широкий воротник на горле и верхней части груди, словно застежка накидки, струившейся по его коже.

Продолговатое, с резкими чертами, лицо Валинова выражало настороженность и скрытое коварство. Глаза были умны и чуть насмешливы. После пленения отступнику обрили череп, и многочисленные кольца в ушах теперь казались потускневшими и неуместными.

Аларик остался на наблюдательном пункте по другую сторону стены и наблюдал за изображением с пикт-камер, установленных по углам помещения. Камера освещалась только экранами, бросавшими серебристые блики на лица наблюдающих дознавателей. Тюрьма на Мимасе была укомплектована мужчинами и женщинами, у которых сначала полностью стирались все мысли, а затем внедрялись строго определенные знания: меры безопасности, техника допросов и лютая ненависть к заключенным. Таким образом уменьшался риск воздействия на разум надзирателей — воздействовать было не на что.

Одна из надзирателей наклонилась к укрепленному на кронштейне микрофону:

— Безопасность подтверждена. Вы можете войти, инквизитор.

Каменная дверь камеры отошла в сторону. Внутри вкатился сервитор, поставил напротив Валинова еще один стул и покинул комнату. Затем вошла и села на стул инквизитор Лигейя. В строгой темной форме, с украшениями, подчеркивающими высокий ранг, она выглядела как военный офицер.

Валинов поднял голову. В его глазах Аларик заметил усмешку — такую же, как в тот момент, когда отступник вонзал клинок в живот Йатонна.

Лигейя принесла с собой толстую папку с бумагами, открыла ее на коленях и стала демонстративно зачитывать один из имеющихся у Инквизиции документов.

— Голик Рен-Сар Валинов, — отрывисто прочитала она. — Ты обвиняешься в ереси первой степени, подлом предательстве, демоничестве, сношениях с варпом и сотрудничестве с лицами, представляющими нравственную угрозу. Довожу до твоего сведения, что тяжесть каждого из этих обвинений исключает возможность помилования и любое из них карается смертью.

— Значит, — спокойно и размеренно заговорил Валинов, — вы собираетесь казнить меня пять раз?

Лигейя подняла на него взгляд:

— Да, таковы были наши планы.

Валинов ничего не ответил.

— Ты слишком долго отсутствовал, Валинов. Возможно, тебе неизвестны изменения, которые претерпела эта процедура. Она сильно усложнилась, поскольку институт наказаний пригласил псайкера, который способен поддерживать в тебе жизнь даже после смерти. Адепты Астра Телепатика потратили немало сил на его обучение, чтобы оказать услугу ордену. Следовательно, тебе предстоит пять раз ощутить смерть. Должна признаться, это нелегко — представить, как тебе удастся сохранить сознание, когда твое тело уже начнет разлагаться. — Теперь легкая улыбка промелькнула на лице Лигейи. — Но я думаю, у тебя больше воображения, чем у меня.

Поначалу Лигейя держалась строго официально. Она сжато перечислила все преступления Валинова и назвала органы, которые его осуждали. Аларику все это было известно: Конклав Ордо Маллеус на Энцеладе уже пришел к заключению, что Валинов виновен, и принял решение о возмездии.

Теперь Лигейя время от времени будет исподтишка льстить Валинову — например выражая удивление быстротой, с какой он организовал культистов на поясе Гаолвена. Затем она подстрекнет его похвастаться своими достижениями, выразит плохо замаскированное отвращение его способностью убивать на расстоянии и не испытывать при этом угрызений совести...

Валинов не мог не видеть все эти уловки, но Аларик подозревал, что так и было задумано. Они вели игру. Валинов точно так же играл со всеми основными дознавателями, и Лигейя надеялась, что, обрадованный своей догадливостью, он допустит какой-то промах.

Лигейя играла очень хорошо, решил Аларик. Но все же он подозревал, что Валинов был лучше.

— А я тебя помню, — внезапно произнес тот тихим угрожающим голосом, прерывая Лигейю на середине фразы.

Аларик заметил, как дознаватель кивнул одному из своих подручных, который держал палец на кнопке взрывателя ошейника.

— Они взяли тебя из Ордо Еретикус, — продолжал Валинов. — Такое нечасто случается. Они, вероятно, решили, что в тебе есть некоторая твердость, но, похоже, обманулись в своих ожиданиях. Скажи, эти угрозы действуют на мелких ведьм и задолжавших правителей?

Неужели ты думаешь, что инквизитора Ордо Маллеус так легко сломить? Девочка, я видел Хаос, и видел его с обеих сторон. Ты ничего мне не сможешь сделать.

Лигейя не дрогнула.

— Возможно, я выразилась недостаточно ясно. Мы заставим тебя страдать, Валинов. У тебя никогда не было доступа к самым щепетильным процедурам. Мы можем продемонстрировать их тебе, пока не иссякло желание сопротивляться.

— И что вы желаете получить в обмен на единственную смерть? — насмешливо спросил Валинов.— Информацию?

— Я рада, что мы, наконец, поняли друг друга.

— В твоей голове не хватит места, чтобы осознать все, что я мог бы рассказать. Я видел силы, которые на самом деле удерживают эту Вселенную, — и это не ваш Император. Эти имперские паразиты направляют ваши усилия на то, чтобы сломить дух людей, довести до такого состояния, когда ни один мужчина или женщина не сможет выжить, узнав правду. — Валинов откинулся назад. — Ты ведь этого не знала, не так ли? Они тебе не сказали. Ты всего лишь посыльный, Лигейя. Лакей. Ты думаешь, что у тебя есть будущее, поскольку ты в состоянии сделать нечто большее, чем просто размозжить голову демона энергетическим молотом, но ты самая жалкая из всех их. Они тебе лгут. Те, кому известна истина, обманывают тебя.

Лигейя снова перелистывала документы в папке, словно слова Валинова ее не касались.

— Будучи на службе у инквизитора Барбиллуса, ты имел доступ в Либрариум...

— Целью Инквизиции, — неожиданно продолжил Валинов, — является сохранение власти в руках Адептус Терра. И она добивается своего, рассказывая сказки о вашем мертвом Императоре и выдумки, называемые историей. Хаос — вот сущность бытия. Ему можно придать любые очертания, его можно использовать. Хаос мог бы освободить человечество. Тебе известно, что такое свобода? Я говорю о настоящей свободе, без штор на твоём разуме.

— К грозящим тебе смертям прибавилась еще одна, — заметила Лигейя, — шестая.

— Лигейя, тебе когда-нибудь приходилось убивать целый мир? Убить всех до единого обитателей планеты, уничтожить все, чем они были и чем могли бы стать?

— Ты это сделал. Ты уничтожил В'Ран.

— В'Ран теперь свободный мир. Но мне и раньше приходилось убивать миры. На службе у Барбиллуса я делал все, только что не нажимал на кнопку. Целые цивилизации погибали за несколько часов. А тебе известно, что он сделал с Джурном? Пришлось пригнать несколько грузовых кораблей с беженцами, чтобы снова населить этот мир. И они по сей день разыскивают в окрестностях города неразорвавшиеся вирусные торпеды. — Глаза Валинова оживленно сверкнули. — Надо было там присутствовать, а не просто наблюдать. Я не псайкер, но даже я чувствовал, как они умирали. Я всегда говорил себе, что поступаю правильно. Но лишь когда узнал, что Барбиллус не вернется из крепости Агнарссона, — вот тогда я поступил правильно. Он сторел, как и все те, кого он приговорил к сожжению. Вот тогда я понял: то, что делает Империи, чтобы уничтожить свободы, называемые им ересью, — и есть настоящая ересь. Ты ничего не знаешь об истинном могуществе Хаоса. Если бы знала, то поняла бы, что свобода и сила, исходящие от него, были бы лучшей судьбой для Галактики, чем страдания, причиняемые Империей в попытке скрыть истину.

— Страдания причиняет Хаос, — сказала Лигейя. — Я видела не меньше, чем ты.

Валинов покачал головой:

— Дело в перспективе, инквизитор. Кое-кто всегда должен страдать. Но всем остальным Хаос дает гораздо больше. Под властью Империи страдают все.

— У тебя остался один шанс, — сказала Лигейя. — И это больше, чем ты предоставлял

другим. Расскажи все о Гаргатулоте и Шлейфе Святого Эвиссера. Что ты успел сделать для его возвращения? Кто поручил тебе эту работу?

Валинов оперся о спинку стула и вздохнул.

— Ты меня чуть не испугала, инквизитор. Какой-то миг я думал, будто тебе и в самом деле что-то известно.

Лигейя захлопнула папку и поднялась. Она окинула Валинова одним из тех строгих, официальных взглядов, что ей так хорошо удавались. Глаза Валинова в ответ блеснули, как будто он прятал усмешку.

Дознаватель рядом с Алариком отдал несколько отрывистых приказов, и дверь камеры вновь открылась. Лигейя быстро вышла, затем сервитор вытащил стул, и дверь снова закрылась.

Свет в камере погас, оставив Валинова в полной темноте. Аларик теперь лишь слышал прерывистое дыхание инквизитора. Из прежних донесений дознавателей он знал, что этого пленника невозможно сломить обычными методами. Лигейя была последней надеждой расколоть Валинова.

В вокс-приемнике раздался голос Лигейи:

— Правосудор, мы сделали здесь все, что могли. Переводи своих воинов на «Рубикон». У нас очень мало времени.

ШЛЕЙФ СВЯТОГО ЭВИССЕРА

Шлейфом Святого Эвиссера назывался небольшой мрачноватый участок на краю галактического запада Солнечного Сегмента, неподалеку от центра средоточия Экклезиархов, обосновавшихся вокруг Гаталамора и Чироса. Шлейф состоял из двух дюжин заселенных миров,двигающихся по длинному запутанному маршруту вокруг туманности и астероидных полей, словно по пути паломничества самого святого Эвиссера.

Перед отправлением Лигейя отобрала и взяла с собой некоторые исследовательские труды. Часть времени в путешествии Аларик потратил на их прочтение. Как оказалось, когда-то Шлейф был средоточием культа Императора. Это был сверкающий образец благочестия с соборами и храмами в каждом из миров, многочисленным харизматическим духовенством и налетом неумеренно щедрой экзальтации, благодаря чему все кафедральные шпили были покрыты позолотой. Жители каждого мира соревновались в проявлении поклонения, пока шествия Адептус Министорум не превратились в недельные фестивали с процессиями, пересекающими целые континенты. Во внешних проявлениях благочестия и материальных восхвалениях Императора они соперничали с хранителями мощей Себастиана Тора.

Но с тех пор прошло немало столетий. Империиум был огромным и постоянно изменяющимся организмом, и циклы нищеты и процветания, славы и забвения неуклонно сменяли друг друга в межзвездных мирах. Шлейф Святого Эвиссера оказался почти забытым — просто еще один мир, где миллиарды граждан Империиума проживали свои жизни. Численность населения, как понял Аларик, снизилась на четверть от самого высокого уровня. Густонаселенный когда-то Вулканис Ультор теперь наполовину опустел, а многие сельскохозяйственные миры и вовсе оказались заброшенными.

Религиозная лихорадка, в конце концов, пошла на спад, что позволило значительно продвинуться силам варпа. Это привело к окончательной изоляции Шлейфа. По сравнению с прошлыми временами, космические корабли почти не заходили в этот район, и от бывшего Шлейфа Святого Эвиссера осталось одно название.

Ударный крейсер Серых Рыцарей «Рубикон» был очень быстроходным судном, но даже ему потребовалась не одна неделя, чтобы добраться до Шлейфа. Лигейя отправила астропатическое послание органам Инквизиции, которые контролировали Шлейф. После этого оставалось только молиться, тренироваться и ждать.

Аларик и Лигейя каждый вечер встречались в парадных залах «Рубикона» — роскошно убранных помещениях, отделанных деревянными панелями. Если бы не отсутствие окон и не постоянный монотонный шум варп-двигателей крейсера, эти помещения походили бы на залы дворца правителя.

— Что ты помнишь? — спросила как-то Лигейя, после того как Аларик вернулся с тренировки Серых Рыцарей. — Что ты помнишь из своей прежней жизни?

Аларик, сняв доспехи, в обычном сером одеянии сидел напротив инквизитора. Лигейя накрыла стол для ужина — как всегда, изысканными деликатесами с миров на противоположной стороне Империиума. Аларик, по своему обыкновению, ел мало.

— Ничего, — ответил он.

— Ничего? — Лигейя удивленно подняла бровь. — Мне в это трудно поверить. Именно то, что я делала еще до того, как впервые услышала об Инквизиции, сделало меня инквизитором.

— У Серого Рыцаря должен быть непоколебимый стержень веры. — Аларик положил на серебряную тарелку филе рыбы-демона. По правде сказать, правосудору было неловко среди роскоши, которой окружала себя Лигейя. — Стержень, крепкий, как скала в океане. Именно это мы учим в первую очередь, хотя никто из нас и не помнит, как это происходило. Понимаешь, мы не можем представить, как это — жить без веры. Если бы мы это помнили, в стержне появилась бы трещина. Через нее могло бы проникнуть что-то постороннее. У нас нет места для воспоминаний.

Лигейя наклонилась вперед, на лице мелькнула слабая улыбка. Сейчас в ней было что-то от девчонки, которая секретничает со своей подружкой.

— Но ты был кем-то другим, Аларик. Интересно, кем?

Аларик покачал головой:

— Это был совсем другой человек. Ордо Маллеус применяет самые совершенные методы укрепления психики. После них ничего не остается. Я мог быть членом банды в каких-нибудь трущобах, или охотником в диком племени, или кем угодно. Орден набирает рекрутов с сотен самых разных планет. Кем бы я ни был — меня выбрали еще подростком, а потом превратили в кого-то другого.

Лигейя отпила глоток вина.

— Может показаться, что это слишком высокая цена.

Аларик посмотрел в ее лицо. Он знал, что Лигейя играет с ним. У нее было ненасытное любопытство, и Серые Рыцари стали очередным объектом изучения.

— Цена не может быть слишком высокой, — сказал он. — Если бы не мы, никто бы не стал этого делать. Хаосу всегда не хватает самой малости, чтобы поглотить нас, и отсутствие посторонних мыслей — ничто по сравнению с нашим поражением.

— Я должна признать, — сказала Лигейя, — что мы сражаемся совершенно различными методами.

— Я понимаю, что ты не сразу была призвана в Ордо Маллеус, — продолжал Аларик, уступая собственному любопытству. — Насколько я знаю Инквизицию, это не совсем обычно.

— Сначала меня взяли на службу в крепость Ордо Еретикус, что на Гаталаморе.

Не переставая говорить, Лигейя уверенно разрешила рыбу на своей тарелке, и Аларик мысленно представил, какую школу она прошла, чтобы получить подобную привычку. Его слегка удивляло, что в благородном семействе душной атмосферы Гаталамора могла появиться такая свободомыслящая женщина.

— Они посчитали меня полезной, — продолжала Лигейя. — Будучи псайкером, я могла извлекать информацию независимо от формы, в которой она была записана. А Ордо Маллеус... Они сделали предложение, и я его приняла. Было некоторое сопротивление, но у Ордо Маллеус есть свои методы решения подобных проблем.

Лигейя искоса взглянула на Аларика и загадочно улыбнулась.

— Сопротивление? — спросил Аларик. — Похоже, я знаю об Инквизиции меньше, чем предполагал.

— Возможно, это делается намеренно, правосудор. Наша политика может быть очень сложной, а ты не политик, ты — оружие. Тебе незачем разбираться в наших постоянных интригах и распрях. Все они в основном — предмет гордыни и догм. Но можешь мне поверить: людей вроде Валинова гораздо больше, чем признает любой из нас.

— Ты очень откровенна, — заметил Аларик.

Забыв о вежливости, он проглотил кусок рыбы-демона. Вкус был немного острым и насыщенный — ничего похожего на сбалансированную, но совершенно безвкусную кормежку, которую синтезировали для Серых Рыцарей на Титане. Ему не понравилось. Такие ужины

казались Аларику чем-то неестественным, вроде проявления гордыни. Он считал, что слишком много космодесантников уже погибли из-за гордыни, чтобы гнаться за подобными удовольствиями.

— Я доверяю тебе, правосудор, — ответила Лигейя. — Мы зависим друг от друга. Ты не можешь проводить исследования, а я, безусловно, не в состоянии сражаться. Так что нам остается, если не доверять друг другу?

В качестве личной охраны Лигейя взяла с собой шестерых культистов смерти. Они и сейчас стояли в сумрачных углах ее покоев — в облегающих черных комбинезонах и масках, вооруженные десятками клинков. Все они были прекрасно натренированы и каким-то образом связаны лично с Лигейей. Аларик ни капли не сомневался, что с их помощью инквизитор сможет постоять за себя даже под пулями.

В вокс-сети «Рубикона» раздался звонок, извещающий о получении астропатического послания. Астропаты на службе у Серых Рыцарей были не более чем шифровальщиками, и после каждой миссии их мозги подвергались чистке, чтобы никто не смог воспроизвести ценную информацию. После звонка раздался голос, тусклый и невыразительный:

— Астропатический канал открыт. Крепость Инквизиции планеты Трепитос заявляет о своей юрисдикции, запрашивает маршрут следования, декларацию пассажиров и цель поездки.

Лигейя поднялась из-за стола, разгладила длинное синее платье и щелкнула пальцами, подзывая колесного сервитора-лакея, чтобы тот убрал остатки ужина. Затем она тщательно вытерла пальцы салфеткой, и Аларик счел это еще одним проявлением гордыни, поскольку Лигейя за едой брала в руки лишь серебряные приборы.

— Мы почти прибыли. Теперь, боюсь, наступает черед той самой политики, о которой я говорила. Инквизиторы Ордо Еретикус, курирующие Шлейф Святого Эвиссера, базируются в этой крепости Трепитоса. Если я хочу свободно действовать в пределах их влияния, следует соблюсти некоторые формальности.

— Пойду скажу своим воинам, что мы скоро будем на месте, — отозвался Аларик.

— Хорошо. Пусть они сияют своими доспехами, правосудор. Вид сверкающих Серых Рыцарей только поможет нам действовать увереннее.

Аларик окинул ее взглядом.

— Мои десантники исправно исполняют обряды ухода за своим военным имуществом, инквизитор.

Лигейя улыбнулась:

— Конечно. А теперь, прошу меня извинить, но я могу понадобиться на капитанском мостике.

Она вновь щелкнула пальцами. Культисты смерти плавно вышли из тени и превратились в почетную стражу — шестеро одетых в черное убийц,двигающихся с кошачьей грацией. Каждый из них держал одну руку на рукояти оружия. Лица по-прежнему закрывали маски. Аларик признавал, насколько устрашающий эффект произведет их появление, и в очередной раз задумался, где их нашла Лигейя. Вряд ли подобные телохранители могли быть проявлением гордыни аристократической дамы.

На мгновение правосудор задумался, кем мог быть раньше... Когда-то, ребенком, его забрали к себе Серые Рыцари или Черные Корабли Инквизиции, а потом бесконечные сеансы укрепления психики стерли из его памяти все детали прошлой жизни. Кем бы он стал, если бы не был Серым Рыцарем?

Кем бы он ни был, это не шло ни в какое сравнение с нынешним Алариком. Так ему всегда говорили, и в это он твердо верил. Он выбросил эти мысли из головы и поспешил на тренировочную палубу, чтобы провести смотр своим боевым братьям.

За последние несколько столетий на планете Трепитос «Рубикон» был лучшим из всех кораблей, встававших в доке. Его корпус сиял оружейной броней и выведенными золотом защитными молитвами. Корабль представлял собой улучшенную версию ударных крейсеров, используемых космодесантниками Адептус Астартеc. Он отличался увеличенным отсеком для десантных капсул, отлично укрепленным помещением для штата Инквизиции и сетью гексаграмм охранительных оберегов, встроенных в каждую балку и каждую переборку.

Крепость на Трепитосе знавала и лучшие дни. Это был величественный замок из темного гранита, с внушительными укреплениями, где скрывались лазерные орудия обороны планеты и ракетные комплексы. Под их защитой из цитадели инквизиторов Ордо Еретикус велось наблюдение за всеми мирами Шлейфа Святого Эвиссера. Вокруг крепости располагались полуразрушенные строения, когда-то бывшие процветающим и богатым городом. Отсюда аристократы Шлейфа наблюдали за службой офицеров армии и флота, а также за многочисленными представителями Экклезиархии.

Трепитос был средоточием власти всего Шлейфа, но теперь он пришел в упадок. И больше всего этому способствовало снижение интереса к самому святому Эвиссеру. Живописные окрестности, ранее заселенные аристократами, предпочитавшими охоту и прогулки, теперь совершенно одичали и срослись с вымирающими городами. Население еще кое-где сохранялось, и присутствие Ордо Еретикус было призраком прошлого могущества в высокой, но почти опустевшей цитадели.

«Рубикон» перешел на низкую орбиту. Сквозь мрачные серые тучи торчал причальный шпиль крепостного дока. Открылись бортовые шлюзы, и, пока крейсер пополнял запасы топлива, инквизитор Лигейя, ее телохранители и правосудор Аларик на представительском челноке спустились на поверхность, чтобы посмотреть, в какое состояние пришел Шлейф Святого Эвиссера за несколько столетий упадка.

Инквизитор Ламерриан Клаэс поджидал их в продуваемом сквозняками, огромном приемном зале в самом сердце крепости. Помещение, судя по количеству скамей, было рассчитано на многие сотни посетителей. Раньше здесь собиралось высшее общество миров Шлейфа, чтобы обсудить свои дела или выслушать эдикты Инквизиции. Теперь зал большую часть времени оставался пустым и тихим, как и все остальные помещения крепости.

Гигантский пикт-экран, установленный под самым потолком, был затянут темной, изрядно запылившейся тканью. Углы помещения скрывала темнота; лишь в самом центре зала полукругом стояли регистраторы и накопители информации, наполнявшие воздух бледным зеленоватым сиянием. Здесь работал инквизитор Клаэс. Несмотря на скудность оставшегося в крепости штата и гарнизона, он и в одиночку трудился так же эффективно, как прежде.

Тощий, угловатый и беспокойный Клаэс больше был похож на адепта Администратума, чем на инквизитора. Если бы не меч с резной рукоятью на поясе и печать Инквизиции на шее, его вполне можно было бы принять за одного из миллиардов писцов, которые обеспечивали работу бюрократической машины Империи.

Аларика и Лигейю в зал проводил один из штурмовиков гарнизона Ордо Еретикус. Клаэс, окруженный мониторами и стопками отпечатанных сводок, при появлении гостей раздраженно поднял голову. Но, завидев Аларика, он удивленно выпрямился. Конечно, Лигейя была права: Аларик, почти трех метров ростом, в массивных сверкающих доспехах, выглядел впечатляюще.

— Инквизитор Лигейя, — пронзительным и удивительно сильным голосом заговорил Клаэс и встал, приветствуя коллегу. — Я вас ждал. — Затем кивнул Аларику. — Правосудор.

Аларик в ответ тоже кивнул. Очевидно, что Клаэс не ожидал появления Серого Рыцаря.

— Боюсь, наш приход помешал вашим занятиям, — сказала Лигейя, кивая на светящиеся экраны и не перестававшие печатать принтеры.

На экранах отображалась информация с камер слежения, колонки статистических данных и бесконечные страницы текста. Печатающие устройства выбрасывали заполненные листы прямо на пол.

— Информация — это источник нашей жизненной силы, инквизитор, — заметил Клаэс. — Даже в настоящее время Шлейф Святого Эвиссера выдает массу различных данных. Я здесь единственный наделен достаточной властью, чтобы принимать меры, так что обязан просматривать все.

— Значит, нам придется тесно сотрудничать, инквизитор Клаэс, — ответила Лигейя. Она подошла к рабочему месту Клаэса и взяла в руки один из листков. — У нас есть причины считать, что где-то в Шлейфе Святого Эвиссера появилась или может появиться в скором времени демоническая угроза. Моя работа состоит в том, чтобы ее выявить, а с помощью правосудора Аларика и его воинов — уничтожить.

Клаэс подошел к Аларику. Увидев на рукояти меча инквизитора геральдический крест, Аларик задумался, какое из благородных семейств так многим обязано Клаэсу, что передало ему семейную реликвию.

Клаэс протянул правосудору руку, и тот ответил рукопожатием.

— Для меня это большая честь, правосудор. Я слышал о Серых Рыцарях, но в нашем Ордо Еретикус подобные встречи весьма редки. Добро пожаловать на Шлейф Святого Эвиссера, что бы вас сюда ни привело.

— Нам почти нечего сказать, инквизитор, — промолвил Аларик, чувствуя себя неуютно на этой дипломатической встрече. — Моя цель проста. Мы солдаты и, как всякие солдаты, нуждаемся в поддержке.

— Да, конечно. Но вы понимаете... — Клаэс повернулся к Лигейе. — Упадок Шлейфа начался очень давно, теперь я здесь единственный постоянный представитель Инквизиции, и мои возможности невелики. Я могу обратиться к Адептус Арбитес, чьи отряды гораздо многочисленнее, чем гарнизон Ордо Еретикус, но они и сами порядком заняты. После того как вся знать разлетелась, они взяли на себя управление несколькими мирами. А теперь, когда Абаддон пробивается сквозь Кадианские Врата, здесь не осталось ни одного космодесантника. Я готов оказать посильную помощь, но Шлейф давно пришел в упадок. Если он когда-нибудь и возродится, нам придется долго ждать этого.

— Как раз времени нам и не хватает, — сказала Лигейя. — Мне потребуется доступ ко всем донесениям о культах и любой другой подозрительной активности. Мне нужны подробности. Встречи с дознавателями, если это возможно. Боюсь, мне понадобится доступ ко всем материалам. Полноценные полномочия.

— Многие из наших дознавателей работают под прикрытием, и я не рискну добраться до них в короткие сроки. Остальных можно пригласить, но при этом мне придется нарушить строгие инструкции и отвечать перед Конклавом. Я должен знать, о какой угрозе идет речь.

— Гм... — Лигейя ненадолго задумалась. — Если вы готовы нарушить протокол, я отвечу тем же. Существо, за которым мы охотимся, известно под именем Гаргатулот. Правосудор Аларик может рассказать о нем лучше, чем я. Прошу, правосудор.

Аларик никак не ожидал, что ему будет отведена роль рассказчика. Но он понимал, что Лигейя права: для Серых Рыцарей история о грандмастере Мандулисе и Тысячеликом Принце Гаргатулоте была почти религиозной притчей. Лучший пример сверхъестественного зла и самопожертвования в борьбе с ним, достойного каждого Серого Рыцаря.

Он поведал Клаэсу историю гибели Мандулиса и изгнания Гаргатулота так же, как ее

рассказывали капелланы, когда сам Аларик был зеленым новичком и с благоговением ждал своей очереди стать Рыцарем.

Рассказ был закончен; инквизитор Клаэс сел перед экранами и некоторое время молчал, даже не глядя на постоянно поступающие данные.

— Наши архивы в весьма плачевном состоянии, — заговорил он наконец. — Адептус Механикум еще два столетия назад перестали обслуживать лексикомеханические устройства. У меня были дознаватели, которые пытались разобраться с неполадками, но только сделали еще хуже.

— При мне у вас с этим не будет проблем. Информация — моя специальность.

— Хорошо. Тогда вы узнаете все, что известно нам. Я познакомлю вас с проводом Марешалем, это высший чин среди наших Адептус Арбитес. Вряд ли он будет благодарен мне за это, но не сомневайтесь: ему известны ваши полномочия и он окажет любую помощь. Могу предложить вам место на стоянке здесь и в любых доках Шлейфа, имеющих возможность принять ударный крейсер, но их не так уж и много. Я прикажу службе приготовить для вас комнаты в крепости, а правосудор может занять казармы, все равно они наполовину пусты.

Лигейя любезно улыбнулась, что, как успел убедиться Аларик, у нее получалось отлично.

— Я рада, что вы понимаете значение нашей миссии, инквизитор. Я должна приступить к работе немедленно. Как только заберу своих людей с «Рубикона», сразу же займусь записями.

— Я пошлю с вами проводника, — предложил Клаэс. — Учитывая состояние крепости, думаю, это будет не лишним.

Под началом инквизитора Клаэса в крепости служили около двухсот человек, в основном набранных из рядов Администратума и Адептус Арбитес. Гарнизон состоял из трех сотен штурмовиков Ордо Еретикус. Архив крепости оставался на попечении небольшой группы архивистов и исследователей, ранее состоявших в Администратуме. Их опыт, приобретенный на службе необычайно сложной бюрократии Империи, позволял работать с обширным потоком информации, предоставляемой мирами Шлейфа.

Едва увидев архив, инквизитор Лигейя заметила его плачевное состояние. Сокращенный штат не мог справиться с огромным количеством гроссбухов, электронных блокнотов и рукописных донесений. Множество записей оставалось не внесенными в каталоги, заполняя подгнившие и прогнувшиеся полки. Они громоздились в сводчатых катакомбах продуваемой сквозняками крепости, теряясь во тьме под потолком. Каждая запыленная желтоватая люмосфера давала света не больше обычной свечи, и в вечном сумраке слабо мерцали остатки позолоты корешков книг.

— Поначалу Адептус Механикум поддерживали здесь порядок, — сказала архивариус. Это была молодая, быстроглазая женщина с бледной от недостатка солнечного света кожей, в серой форме служащей Администратума. — А без их лексикомеханики слишком трудно разобраться. Сюда поступают рапорты Арбитес, данные астропатических наблюдений, донесения дознавателей, статистика со всего Шлейфа. Мы стараемся отсортировать самую важную информацию от обычных докладов и хранить ее отдельно, но ускользает от внимания так много, и вы знаете, инквизитор...

— Наша работа зависит от деталей, — сказала Лигейя. — Сколько здесь всего таких комнат?

Лигейя показала на помещение, до самого потолка занятое книжными стеллажами, от которых распространялся запах пыли и гниения.

— Семнадцать, — ответила архивариус. — Мы так думаем. Большая часть этой информации относится к расцвету Шлейфа. Несколько помещений затопило, а двадцать лет

назад семейство крыс прогрызло сотни книг. Имы постоянно ищем место, куда складывать записи, поскольку помещения архива давно переполнены.

— Сначала я должна взглянуть на разобранные документы, — сказала Лигейя, сняла бархатные перчатки, и тотчас кожа рук покалыванием отреагировала на насыщенный словами воздух. — Я попрошу предоставить всю информацию, касающуюся исчезнувших еретических культов. Особенно меня интересуют апокалиптические секты. Выясни, нет ли на Шлейфе оставшихся в живых заключенных. Я начну отсюда.

— Конечно, инквизитор, — кивнула архивариус, не в силах скрыть смущение.

Едва женщина покинула комнату, Лигейя вытянула руки перед собой. Она ощущала груз информации, скопившейся под сводами хранилища, — в основном скучной и ничего не значащей. Но в толще сведений, словно прожилки в мраморе, встречались трещинки жестокости и ереси. Затем ее мозга коснулось слабое эхо ушедшего величия Шлейфа. Хотя его миры и населяли миллиарды граждан Империи, он уже постепенно умирал и тосковал по утраченному процветанию и благочестию. Война не могла не оставить своих следов в Шлейфе: народы некоторых планет пытались получить независимость от имперского ига, и легионы мужчин и женщин сгинули в сражениях, постоянно сотрясавших разные районы Империи.

Лигейя начала обзор с того мира, в котором находилась в данный момент. Его особенности были видны из записей об инвентаризациях и содержании самой крепости. Лигейя выяснила, что светское общество почти покинуло Трепитос, оставив лишь холодное, алмазно-твердое ядро Инквизиции. Оно становилось все меньше и меньше, но до сих пор отчаянно пыталось удержать Шлейф.

Инквизитор позволила Трепитосу выскользнуть из зоны ее внимания и перешла к самому значительному из миров — Вулканису Второму. Это был старый, медлительный и раздражительный мир. Но несмотря на ветхость, он еще хранил потенциал для последней битвы. Некоторые из его городов-ульев почти опустели, другие были переполнены сверх меры, словно горожане пытались найти безопасность в общей массе. Над Вулканисом раскинулся бархатный покров Экклезиархии. Власть над планетой, принадлежащая кардиналам, была реликвией религиозного прошлого всего Шлейфа.

Мир-кузница Магнос-Омикрон сотрясался от работы заводов по изготовлению оружия, которое сейчас же отправлялось в Око Ужаса. Но Адептус Механикум были крайне замкнутым сообществом, и грузовые корабли, посещавшие этот мир, не приносили никакой выгоды остальным жителям Шлейфа. Лигейе эта планета казалась темной и закрытой тучами. Проскальзывали только отдельные всплывшие технические информации: новые модели танков или лазерных ружей, выходящие с производства, неудавшиеся дипломатические переговоры о приведении Магнос-Омикрона под юрисдикцию властей Шлейфа. Механикумы держали свой мир в изоляции от остальных производств Шлейфа. Насколько поняла Лигейя, этот мир был одним из немногих здесь, кого не коснулись упадок и разложение.

Наполовину заселенные или совсем обезлюдившие миры не производили никакой информации и отбрасывали лишь тень неведения. Садовый мир Фарфаллена сиял яркой звездочкой. Он был слишком малолюднен, чтобы оказывать какое-то влияние, но славился красотой. Скучные серые сельскохозяйственные миры поведали лишь о количествах вырабатываемой продукции и уровне церковной десятины. Металлический блеск выдавал присутствие наблюдательных станций на орбитах более значительных систем: они производили лишь поток слепых цифр, поступающих с различных датчиков.

Экстрасенсорные способности Лигейи позволяли ей получать данные от любых медиумов. Здесь, под крепостью Трепитоса, ее взору открывался весь Шлейф. Она могла видеть висящие в пространстве планеты, и потоки их историй беспрепятственно вливались в сознание.

Замеченные культы представлялись колодцами злобы и развращенности. Ответные действия Империи наносили глубокие раны, источающие стремление к возмездию. Но этого было недостаточно — Лигейе требовались детали.

Она подошла к ближайшей полке, и подол дорожного платья инквизитора тотчас покрылся слоем слежавшейся пыли. Первая взятая книга оказалась сборником ежегодных отчетов Медицинского департамента Виллендиона — сельскохозяйственного мира на самом краю Шлейфа — за последние тридцать лет. С пожелтевших страниц поднялся поток болезней и отчаяния.

Лигейя положила ладони на обложку и впустила информацию в свои мысли.

Молча, используя способности, шокирующие светское общество, из которого она вышла, Лигейя начала работу.

Аларик вытянулся, почти поднявшись на цыпочки, и напряженно поводит руками, готовый в любое мгновение нанести удар. Он двигался так, как его учили; усиленные мускулы готовы были в долю секунды уклониться или атаковать.

Танкред, командир отделения терминаторов, был выше, и потому он немного пригнулся, готовясь использовать преимущество в росте. Все десантники обладали большим ростом, и Серые Рыцари — не исключение, но Танкред был не только выше остальных, но и шире, с огромной грудной клеткой, прикрытой имплантированным черным щитом, с длинными руками, готовыми схватить и швырнуть. Голову Танкреда покрывала сплошная путаница шрамов, на шее висела серебряная цепь с терминаторским крестом.

Аларик ринулся вперед и замахнулся ногой по колену Танкреда. Противник заметил его движение и отреагировал так, как и надеялся Аларик, — он повернулся и отступил на полшага, чтобы избежать удара. Аларик проскочил мимо Танкреда и стукнул того локтем в спину, выводя из равновесия.

В следующее мгновение Аларик навалился на Танкреда сверху, изо всех сил стараясь опрокинуть более крупного противника. Танкред, падая на пол, сумел перевернуться. Ловкость огромного воина, как и всегда, казалась пугающе неправдоподобной. Ноги Танкреда уперлись в живот Аларика. В тот момент, когда спина терминатора коснулась пола из заклепанных стальных листов, Танкред резко выпрямил колени, и Аларик полетел спиной на пол.

Он перевернулся со всей скоростью, на какую был способен, и был готов ринуться вперед, чтобы прижать Танкреда к полу, но внезапно ощутил тяжесть на шее — нога Танкреда не давала подняться. Противник стоял над ним, словно охотник над добычей.

— Правосудор, ты убит, — раздался раскатистый бас.

Танкред убрал ногу с шеи, и Аларик смог подняться. В схватке он сильно запыхался, но Танкред дышал ровно и даже не вспотел.

— Хорошо, — продолжал Танкред. — Ну и чему ты научился?

— Не пытаться победить тебя в рукопашном поединке.

— А кроме этого?

Танкред был настоящим ветераном, весь покрыт шрамами и по праву командовал штурмовым отделением терминаторов. Он был старше Аларика, дольше сражался и знал абсолютно все о рукопашных боях и индивидуальных схватках.

— Не вступать в бой с превосходящим по силе противником на его условиях.

— Неверно.

Танкред вышел из тренировочного круга и шагнул в почерневшую от времени стальную арку, ведущую к кельям. При постройке «Рубикона» была спроектирована целая палуба, где располагались кельи, в которых боевые братья проводили редкие минуты свободного времени,

часовня, тренировочные арены, оружейная мастерская, небольшой аптекарион и все остальное, что необходимо для поддержания здоровья тела и мыслей. Серые Рыцари были отделены от остальной команды «Рубикона», состоящей из искусных механиков и артиллеристов, целиком принадлежащих к Ордо Маллеус.

— Вот тебе урок, — продолжал Танкред, пока оба десантника шли по сумрачным коридорам корабля. — Надо пользоваться имеющимися преимуществами. Я сильнее и тяжелее. Ты меньше и быстрее. Я использовал свое преимущество, а ты — нет.

Аларик покачал головой.

— А ты когда-нибудь проигрывал?

— Да. Брату-капитану Стерну, — ответил Танкред. — Он оказал мне честь, сломав нос.

Брат-капитан Стерн был одним из самых заслуженных воинов среди всех Серых Рыцарей. То, что он превзошел Танкреда в борьбе, не удивило Аларика.

— Что говорят твои люди? — спросил Аларик.

У Танкреда не было таких задатков лидера, как у Аларика. Ветеран уже долгое время оставался правосудором, зато его связь с воинами терминаторского отделения была необычайно крепка. Танкред всегда прекрасно знал состояние морального духа своих воинов.

— Я чувствую, что они предпочли бы отправиться к Оку Ужаса, — печально сказал Танкред. — Они ничего не говорят, но я ощущаю их сомнения. Они не считают Лигейю воином.

— Она и не воин, — ответил Аларик. — И не старается быть похожей на воина. Я ей доверяю.

— Значит, и они будут доверять. Но если мы и дальше останемся здесь, не сражаясь с Врагом, это не приведет ни к чему хорошему.

Танкред предпочитал не произносить имя Гаргатулота. Это было скорее привычкой, чем исполнением приказа: все имена демонов считались нечистыми.

— Мы даже не уверены, что он находится в пределах Шлейфа, — сказал Аларик. — Но даже если его здесь нет, это место слишком долго оставалось без внимания Императора. Я чувствую, что нас скоро призовут.

Вскоре они дошли до кельи Танкреда — небольшой комнаты с приколотыми на стенах цитатами из «Истребления демонов». Строгие слова обряда Отвращения были первым, что видел Танкред после пробуждения, и последним перед погружением в полусон. В одном углу были сложены терминаторские доспехи Танкреда: тщательно отполированные изогнутые пластины брони тускло мерцали в сумеречном свете. На плече был укреплен Знак Отваги, выполненный в форме щита и содержащий личный геральдический знак Танкреда. Одна половина поля оставалась непроницаемо-черной, что символизировало космос; другая была красной, усеянной белыми звездами. По звездочке за каждую операцию на поверхности планет:

— Прочитай со своими людьми Катехизис Нетерпимости, — предложил Аларик. — Мне кажется, это самые подходящие молитвы для Шлейфа. Я проведу с отделением Санторо стрелковые обряды. Когда придет наше время, это будет не лишним.

— Санторо — надежный человек, — сказал Танкред и взял личный экземпляр «Истребления демонов», постоянно лежавший рядом с доспехами. — Крепкий. И Генхайн тоже потерял боевого брата на Поясе Гаолвен, он тоже захочет отомстить. Мне кажется, ты правильно выбрал правосудоров для этой миссии.

— Танкред, дело не в отмщении. Наша задача — остановить Гаргатулота.

— Возможно, — кивнул Танкред. Он перелистал страницы «Истребления демонов» и открыл изрядно запятнанную страницу Катехизиса Нетерпимости. — Но мысль о мести очень помогает.

Камера IX почернела от крови.

Ордо Маллеус обладал лучшим персоналом дознавателей и самым совершенным пыточным оборудованием в Империуме. Камеры пыток видели не одну тысячу психологических идей, осуществленных на практике.

Например, психохирургия, при помощи которой в голову пленника внедрялась новая, покорная личность.

Или сложная последовательность стрессовых ситуаций, способных убедить человека в том, что Вселенной настал конец, а дознаватели стали богами. Или полное разрушение личности, затрагивающее все грани человеческого разума, кроме той, что содержала нужную Маллеус информацию.

Как правило, дознаватели начинали с каких-нибудь старомодных приемов. И этим объяснялось обилие крови.

На Голике Рен-Саре Валинове, содержащемся в камере IX, были испробованы все традиционные методы. Дознаватели трудились несколько недель, но он не сломался. При тщательном обследовании его тела можно было найти едва заметные хирургические шрамы, где пришлось исправлять нанесенные повреждения. Ордо Маллеус не допускал проявлений злобы, чтобы не покалечить своего противника.

Допросы Валинова были почти формальными действиями. Он получил закалку инквизитора, идеологическую обработку и богатый опыт. Традиционные методы вряд ли могли сломить его волю. Персонал Мимаса с угрюмой деловитостью продолжал работу, прерываясь только для того, чтобы задать вопросы. На кого работал Валинов? Что связывало его с Гаргатулотом? Зачем ему понадобился том «Codicium Aeternum»? В конце концов, настало время переходить к следующей стадии, одобренной самим лорд-инквизитором.

Экспликатор Риггенсен принадлежал к небольшому персоналу псайкеров, разум которых сочли достаточно крепким, чтобы развивать и совершенствовать найденный у них дар. Их отдали под начало Ордо Маллеус. Риггенсен был телепатом: под руководством инквизитора Котеаца он учился использовать свою силу, чтобы проникать в мысли упорствующих пленников. Немногочисленных мужчин и женщин, обладавших подобными способностями, присылали на Мимас добывать необходимую информацию из мыслей самых стойких заключенных Ордо Маллеус.

Камеры наблюдения, установленные в комнате дознавателей, передавали изображение в крошечную смежную комнату. Большое окно соединяло оба помещения, и сквозь него был виден обнаженный Валинов, сидящий в пустой камере. Экраны на стенах повторяли это изображение в разных ракурсах, еще несколько мониторов отображало данные о физическом состоянии пленника. На стенах комнаты наблюдения висели обереги против демонических и экстрасенсорных воздействий, выполненные в виде благочестивых текстов и печатей чистоты. Риггенсен под охраной двух вооруженных сервиторов просматривал записи предыдущей психологической атаки. Он был не первым экспликатором, которому достался столь психически неподатливый пленник.

Двое дознавателей следили за физическим состоянием Валинова и поддерживали связь со штаб-квартирой инквизиторов на Энцеладе. Несмотря на то, что самые яркие личности Ордо Маллеус находились на передовой или были на пути к Оку Ужаса, во дворце на Энцеладе не утихала деятельность. Оставшиеся там инквизиторы следили за происходящим на Мимасе дознанием.

— Снимайте защиту, — произнес Риггенсен, и дознаватель рядом с ним отключил встроенные в стены обереги.

Риггенсен прикрыл глаза и мысленно устремился вперед. Камера виделась ему унылой; в

ней пульсировала перенесенная боль, и стены были покрыты многовековой кровью. Валинов представлялся мысленному взору сложным живым узлом с тонким, но алмазно твердым стержнем упрямой решительности. Риггенсен и раньше ощущал нестигаемую волю пленника и всегда знал, что именно ему предстоит попытаться ее сломить. И еще экспликатор был уверен, что потерпит неудачу. Но до уничтожения пленника надо было воспользоваться любым шансом получить как можно больше информации, и Риггенсен, возможно, был последней надеждой Ордо Маллеус расколоть Валинова.

— Открывайте, — скомандовал Риггенсен.

Передняя стена комнаты наблюдения медленно отошла в сторону, и Риггенсен вошел в камеру. Под ногами блестели пласты засохшей и почерневшей крови, воздух пропах застарелым потом.

Валинов поднял голову. Инквизитор-отступник был лишен еды и сна, но словно из гордости не допускал, чтобы его здоровье пошатнулось.

— Экспликатор? Значит, вы совсем отчаялись. А я гадал, сколько это займет времени.

— Этого можно было бы избежать, инквизитор, — сказал Риггенсен.

— Не стоит. Пусть все идет своим чередом. Вы делаете все возможное, чтобы выкачать из меня как можно больше, а потом убить. Так что, приступай — и давай скорее покончим с этим.

Риггенсен протянул руку к самому лицу Валинова и сконцентрировал энергию, чтобы направить поток в мозг пленника.

Валинов сопротивлялся, и его противодействие оказалось сильным. В голове этого человека Риггенсен видел целые поля ненависти и бушующий шторм высокомерия. Валинов опирался на те же убеждения, что и любой другой инквизитор, — на абсолютную веру, которую невозможно поколебать. Но вера Валинова принадлежала тьме. Он весь провонял Хаосом. В немногих участках памяти, куда изменивший Инквизиции Валинов допустил экспликатора, звучали запрещенные имена богов.

Валинов издевался над ним. Риггенсену еще никогда не приходилось сталкиваться с такой силой мысли. Валинов не мог скрыть измены, но мог произвольно выбирать детали и позволять Риггенсену вытаскивать их на поверхность. Он и не думал сдаваться. Алмазный щит силы воли закрывал все. О том, что Валинов мог быть псайкером, не существовало никаких свидетельств, только его решимость казалась нечеловеческой.

Внезапно Валинов нанес ответный удар. Встречный поток энергии мысли был так силен, что отшвырнул Риггенсена через всю камеру и бросил обратно в комнату наблюдения. Экспликатор свалился на пол и сбил двух дознавателей. Сервиторы с сердитым урчанием направили ружья и на Риггенсена, и на Валинова.

Риггенсен успел отгородиться от атаки Валинова, прежде чем та лишила бы его сознания. Он поднялся на ноги и увидел разгромленную комнату наблюдения с искрящимися от перегрузки приборами.

— Прекратить! — крикнул один из дознавателей и протянул палец к кнопке включения оберегов во всей камере.

— Нет! — воскликнул Риггенсен, схватив его за руку.

Валинов поднялся на ноги и медленно прошелся по камере.

— Я убил миллионы вредителей по одному только знаку вашей Инквизиции, а они посылают ко мне мальчишку. — Он презрительно фыркнул. — Этот разум никогда не расколется, неужели вы не видите? Мне уже нечего бояться.

Риггенсен послал в мозг Валинова раскаленный добела луч и увидел, как тот вырвался из комнаты наблюдения и вонзился в лоб узнику. Валинов конвульсивно вздрогнул: части мозга, отвечающие за контроль над мыслями, испытали колоссальную перегрузку. Но луч разбился о

стержень решимости пленника.

Мысли Риггенсена растеклись по разуму Валинова, но обнаружили только кипящие озера ненависти. В ответ Валинов бросил безмолвные оскорбления. Он называл экспликатора слабаком. Ничтожеством. Неудачником. Ребенком. Пустьшкой.

Тогда Риггенсен послал в мозг Валинова молитву. Слова, которые могли исторгнуть слезы у демонов, омывали бушующий шторм ненависти. Валинов вцепился в копые психического зонда Риггенсена, и они схлестнулись. Сила воли Валинова противостояла психической мощи Риггенсена. Валинов, стоя на коленях, усмехался стиснутыми зубами. В углах его рта показалась кровь, но мысль осталась незатронутой.

— Показатели жизнедеятельности неустойчивы, — раздался голос дознавателя где-то на самом краю сознания Риггенсена.

Экпликатор слышал тревожные сигналы прибора, говорившие о том, что у Валинова слабеет сердечная и дыхательная деятельность. Но Валинов продолжал бороться.

Яркие вспышки боли осветили мысленное поле битвы, когда тело Валинова подошло к пределу возможностей. Риггенсен ощущал сердце Валинова — оно билось неровно и слишком часто — и агонизирующие рывки легких, пытающихся вобрать воздух.

Риггенсен, прихрамывая, вошел в камеру. Сопротивление Валинова было подобно порыву сильного ветра. Валинов метнул в него молнию беспредельной злобы, и Риггенсена отбросило к стене камеры. Он отскочил от нее и ударился о противоположную стену. Риггенсен продолжал удерживать мысль Валинова, цеплялся за нее, а сильнейшая психическая воля, с которой ему не приходилось сталкиваться, подобно дикому зверю, рвала его на части.

— Показатели на критическом уровне! Зовите команду аптекариона! — закричал кто-то.

Риггенсен не слушал. Все, что он презирал, смотрело ему в лицо огромными горящими глазами ненависти. Разложение. Предательство. Капитуляция перед извечным Врагом. Валинов был полон ненависти, но и Риггенсен тоже.

Риггенсен призвал последние капли своей силы воли и мысленным кулаком обхватил алмаз в сердце разума Валинова. В глазах его помутилось, но Риггенсен напряг волю сверх всех своих возможностей и попытался сокрушить алмаз.

Струпья высохшей крови слетали со стен. Вслед за ними стали осыпаться белые плитки облицовки, взрываясь на полу снежными вихрями. Сервиторы гудели клаксонами, требуя приказа стрелять. Приборы, регистрирующие показатели, пронзительно выли, предвещая скорую смерть Валинова. Дознаватели выкрикивали приказы. Какофония звуков разрасталась все сильнее и сплеталась с грохотом, который извергали мысли Валинова.

А когда звуковой вихрь поднялся до оглушительного крещендо и Риггенсен почти потерял сознание, Валинов раскололся.

Алмаз решимости треснул, и его осколки пробили разум Валинова. Сам он опрокинулся на спину, из ушей и носа хлынула кровь, окровавленные губы беспомощно хватали воздух.

— Говори, — едва дыша, приказал Риггенсен.

Мысли Валинова открылись настежь. В отвратительных картинах воспоминаний Риггенсен увидел разложение и жестокость. Кричащие лица. Потоки крови. Гибель целых миров прошла перед мысленным взглядом Риггенсена.

— Принц восстанет, — слабым голосом произнес Валинов. — Тысяча лиц обратится к Галактике, и она станет нашей. Принц передаст человечество Повелителю Перемен, и Галактика под его взглядом обратится в Хаос.

— Еще.

— Ему... подвластны приливы судеб, в его руках люди станут оружием, течение времени будет изменяться по его желанию, все, что создает тебя и решает твою судьбу, станет орудием

его правления...

— Еще. Скажи мне все. Все.

Валинов закашлялся, и новая волна крови выплеснулась на его подбородок.

— Мой принц Гаргатулот никогда не умрет. Только сверкающая молния может очистить эту реальность от Гаргатулота, а молния погребена так глубоко... Там нет ни времени, ни пространства, ни судьбы, ни воли, только Хаос... Молния погребена так глубоко...

Валинов забился в конвульсиях и не смог больше говорить. Риггенсен ощутил слепой ужас, завладевший его мыслями, и понял, что пленник говорил правду. Он ужаснулся своему поражению и испугался, что выдал так много. Это означало, что в его словах таилась великая и ужасная тайна, которую Валинов поклялся хранить.

Риггенсен обернулся к дознавателям в комнате наблюдения. Они все были ранены осколками мониторов, но продолжали оставаться на своих местах.

— Это передано на Энцелад? — спросил Риггенсен.

— Все передано, — ответил один из дознавателей. — Записано и отослано. Система связи никогда еще не подводила.

— Хорошо. Необходимо сделать копию для астропатов, чтобы они переслали это инквизитору Лигейе. — Риггенсен снова взглянул на Валинова, у которого едва хватало сил дышать. — И позовите сюда бригаду аптекариев. Перед уничтожением он должен быть здоров.

5. ВИКТРИКС СОНОРА

Испачканная серыми облаками бирюза неба над Виктрикс Сонорой к вечеру потемнела. Осада длилась уже восьмой час. В центре Теограда, второго по величине населенного пункта этого сельскохозяйственного мира, вокруг здания Администратума был возведен стальной кордон из усеянных шипами баррикад, отражавших огонь с любой точки. Несколько групп арбитров, в чьи обязанности входило подавление беспорядков, под прикрытием АПС пытались подойти к мрачному зданию с затемненными окнами.

Некоторые из окон были выбиты. Кое-где на тротуаре лежали убитые — их либо сбросили с верхних этажей, либо застрелили на бегу. Остатки Двенадцатого отделения Адептус Арбитрес, пытавшегося взять штурмом вход, сгрудились вокруг двери. Их встретил огонь мощной лазпушки из обширного вестибюля и прекрасно пристрелянные авторужья снайперов.

Офицеров Арбитрес призвали со всей Виктрикс Соноры; некоторые прибыли и с других планет. Адептус Арбитрес — высшие правоохранительные силы Империи — подчинялись не местным властям, а собственному начальству. Задачей их организации, охватившей всю Галактику, было следить за выполнением имперских законов.

Какие бы ересь и предательство ни расцвели в комплексе Администратума Теограда, они уже проявили себя. Двенадцатое отделение пыталось действовать согласно правилам и обойтись как можно меньшим ущербом, как призывал провост Марешаль. Но еретики встретили их огнем: многие воины правопорядка были ранены, восемь офицеров отдали свои жизни на службе Имперскому закону. Теперь арбитры со всей планеты собрались, чтобы свершить правосудие.

После шести часов осады через орбитальный док Виктрикс Соноры прибыл сам провост Марешаль. К тому времени, как он взошел на передвижной командный пункт, офицеров, окруживших комплекс зданий, уже несколько раз обстреляли с верхних этажей. Снайперы Арбитрес раз за разом нацеливали длинные лазружья на выбитые окна, ища в них силуэты противников. Информация о них до сих пор была крайне отрывочной.

Силы еретиков оказались многочисленными и отменно вооруженными. Они досконально изучили комплекс, были хорошо организованы под руководством толкового лидера. Двое уцелевших воинов из Двенадцатого отделения доложили о мужчинах и женщинах в алых масках, испускавших ужасные пронзительные боевые кличи. Они были одеты в типичные для служащих Администратума черные шинели. Если не считать этой малости, арбитрам приходилось работать вслепую.

Никто не знал, есть ли у еретиков заложники. Возможно, они были, но заложники не представляли большой ценности для арбитров. В сердце Теограда пустила корни ересь — и Арбитрес были готовы искоренить ее любой ценой.

Вскоре после того, как Марешаль принял командование, местные станции наблюдения доложили о снижающихся с ближней орбиты двух военных кораблях «Тандерхок». В тот же миг на небольшую установку планетарной обороны, вращающуюся по орбите Виктрикс Соноры, пришло сообщение о приближении ударного крейсера, назвавшего себя «Рубиконом».

Лица офицеров Арбитрес, окружавших Аларика, были напряжены. Ни тени улыбки. Каждый знал, что вскоре им придется штурмовать здания Администратума. Каждый понимал, что может закончить свои дни так же, как и воины Двенадцатого отделения. Но более всего

офицеров потряс тот факт, что к ним присоединились легендарные космодесантники — почти мифические воины из детских сказок и проповедей священников. Адептус Астартес не появлялись в пределах Шлейфа около восьми столетий. Их приход означал, что Враг гораздо опаснее, чем кто-либо мог предположить.

Аларику догадывался, что арбитры боятся его самого и подчиненных ему гигантов больше, чем предстоящей атаки. Офицеры не повышали голоса, когда находились поблизости от десантников, а только уважительно шептались. Они не понимали, почему эти воины оказались здесь. Достаточно того, что прибыл провост и взял на себя командование операцией, но космодесантники!.. Это неслыханно. Их появление шокировало даже командиров, ведущих отделения в бой. Они без конца связывались с командным пунктом, чтобы получить объяснения из штаба Марешаля.

Аларику оставалось надеяться, что офицеры не будут испытывать отвращения к сражающимся рядом с ними Астартес.

Из слов Лигейи молодой правосудор понимал, что обосновавшийся в Теограде культ — не просто изолированная секта почитателей Хаоса. Аларику не мог взять в толк, как Лигейе удалось переработать такое колоссальное количество информации на Трепитосе. Лигейя сопоставила данные о тысячах культов Шлейфа и поняла, что некоторые имеют сходство между собой. Культисты уничтожали или портили священные объекты, поклонялись существам, имеющим множество форм. Люди исполняли планы, недоступные человеческому пониманию. Все это были нигилистические культы; их члены считали себя ничтожеством по сравнению с виденными мельком хозяевами. Люди были безликой массой, которую использовали и уничтожали ради неведомых прихотей Хаоса.

Культисты хотели служить. Они хотели умереть. И собранные со всего Шлейфа Адептус Арбитрес были полны решимости исполнить их второе желание.

— Санторо на позиции, — раздался в канале вокса голос правосудора.

Отделение Санторо было ближайшим к Аларику. Эти воины первыми окажутся в гуще сражения, и личная палица Санторо пожнет обильную кровавую жатву. Терминаторы Танкреда и отделение возмездия Генхайна затаились на противоположной стороне площади. Они медленно продвигались вперед вместе с арбитрами, готовясь штурмовать вход в задней части здания.

— Братья Арбитрес, офицеры закона, — раздался на вокс-канале Арбитрес мрачный голос провоста Марешаля. — Пришло время покончить с ересью. Все мы готовы к этому. В этом мире, родном для многих из вас, пустили корни злые силы. Мы — единственные, кто может восстановить справедливость на Виктрикс Соноре. С нами идут Адептус Астартес, могущественные космодесантники. Одно это говорит о том, как много поставлено на карту.

Провост Марешаль слышал, что космодесантники появились в Шлейфе по требованию Инквизиции. Если его и нервировало неожиданное появление Аларика или оскорбляло стремление космодесантников возглавить атаку, что по праву надлежало сделать его арбитрам, Марешаль ничем не показывал своего раздражения.

При встрече провост показался Аларику величественным и грозным: огромный человек с обветренным лицом, в полном парадном костюме и с энергетической булавой в руке. Сидя на передвижном командном пункте в АПС, Марешаль уверенно координировал передвижение вокруг площади двух сотен офицеров Арбитрес. Он действовал решительно и не тратил время зря.

Аларику и Санторо предстояло вести воинов на штурм вестибюля под огнем, который почти полностью уничтожил Двенадцатое отделение. Превосходные штурмовики Танкреда проложат себе путь через заднюю часть здания. Там вместо боя на открытом пространстве их

ждет кошмарный лабиринт кабинетов, коридоров, часовен и мастерских. Генхайн огнем своего отделения создаст штурмовикам заслон и подавит артиллерию еретиков, чтобы она не смогла превратить грузовой двор позади здания в смертельную западню.

Арбитрес пойдут с ними. Пятьдесят офицеров, стоявших рядом с Алариком под прикрытием баррикады, опасливо разглядывали гигантов в сияющих серебром доспехах, которые прибыли сюда без всякого предупреждения. Арбитрес были вооружены карабинами с разрывными снарядами; идущие впереди несли с собой энергетические палицы и широкие щиты. В целом войска защиты порядка и Арбитрес насчитывали более двухсот человек, и это был весь контингент Виктрикс Соноры. Предстоящая атака будет кульминацией борьбы против культов планеты. Если силы Хаоса возьмут верх, пострадает весь Шлейф.

— На позиции, господин провост, — передал Аларик.

Санторо, Генхайн и Танкред доложили то же самое. Аларик обернулся к своим воинам, укрывшимся за массивным выступом пластальной баррикады.

— Ликкос, останешься со мной. Дворн, ты бежишь первым. Если потребуется, выбей двери.

Дворн, самый мускулистый и сильный воин отделения Аларика, молча кивнул и подбросил в руке молот — свое персональное оружие Немезиды. Редкий вид оружия, почти забытый ремесленниками Ордена, но великолепно подходивший Дворну.

— Остальным — стрелять на ходу, — командовал Аларик. — Арбитрес завяжут бой, а нам необходимо пробиться в центр дворца и уничтожить всех, кого найдем. У Танкреда такая же задача. Помните, нам неизвестно, на что способны засевшие внутри враги. Никто не может обещать нам победу, если мы застрянем там надолго. Мы и так потеряли слишком много боевых братьев в битве с приспешниками Принца.

Ликкос крепче сжал свою лазпушку. Дворн, Вьен, Холварн и Клостус приложили ладони к специальным отделениям в нагрудниках, где хранились их копии «Истребления демонов», чтобы священные знания направляли воинов в бою.

— Я — молот, — затянул Аларик.

— Я — молот, — вторили ему воины отделения. — Я — ненависть. Я несущу бедствия демонам...

Это была старинная, одна из самых древних, молитва перед боем. Одной из главных обязанностей Аларика как правосудора было приготовить к сражениям мысли людей — точно так же, как они готовили свои тела и оружие. По воксу Аларик слышал, что Танкред со своими людьми выводят ту же молитву; к ним присоединился и Санторо. Рядом беспокойно переглядывались офицеры Арбитрес, наблюдавшие за старинным боевым обрядом.

— ...от безумия, соблазна, разложения и лжи избавь нас, наш Император, и пусть враг увидит Твою ярость в нашем лице...

— Марешаль — всем подразделениям! — раздался строгий голос провоста. — Атака по плану один! Всем отделениям вперед!

Передние плиты баррикады разъехались в стороны, и перед Алариком открылась площадь. Почти мгновенно с верхних этажей уродливого здания с черными окнами протянулись вниз огненные цепочки выстрелов. В ответ пронеслись разрывные снаряды арбитров и выбили из передней стены фонтаны стекла.

Привычные к беспорядкам на улицах, арбитры двинулись быстрым шагом, подняв щиты, чтобы защитить своих офицеров. Аларик отказался от прикрытия и вырвался вперед. Перед ним шел Дворн. Аларик видел, что Санторо поступил точно так же — повел своих воинов бегом. Они первыми ударят в двери на одной стороне вестибюля, а Аларик попытается проникнуть с другой стороны. Там, где погибли солдаты Двенадцатого отделения.

В гладкий железобетон площади беспрестанно ударялись пули. Сдавленные крики

раздавались там, где выстрелы противника ранили офицеров. Щиты при попадании издавали металлический звон. Очередь из карабина угодила в наплечник Вьена, а следующая задела ногу Аларика. Силовые доспехи, проверенные столетиями службы, легко отразили оба выстрела.

— Клостус, прикрой меня! — крикнул Аларик, когда здание нависло над ним.

Он различал выбитые окна и даже тени еретиков, занимавших огневые позиции. Клостус, лучший стрелок во всем отделении Аларика, выпустил оглушительную очередь из встроенного в рукавицу болтера; оружие с такой отдачей при стрельбе очередями могло сломать руку обычному человеку. Разрывные снаряды разнесли в щепки раму одного из окон. Притаившийся там еретик бросился было бежать, но успел лишь дернуться, когда пуля снайпера пробила ему горло.

— Холварн, Вьен, заставьте их спрятать головы! — приказал Аларик, и болтерный огонь воинов его отделения застучал по высокой стене.

Ответная стрельба сверху стала еще интенсивнее — у еретиков были скорострельные лазружья, может быть, даже мультилазер. Его красные лучи выпускали на приближающихся офицеров смертоносные красные копыя. Люди бросились на землю. Холварн пошатнулся, когда выстрел лазера ударил его по ноге, оставив на доспехах светящиеся вмятины.

Санторо уже добрался до двери. Он выбил внутрь одну створку, и брат Миктос поливал вестибюль струей пламени из своего огнемета.

— Дворн! — крикнул Аларик. — Давай к двери!

Огонь сверху еще усилился, и отделение стремительно ринулось к дверям. Дворн, не останавливаясь, прочертил молотом Немезиды широкую дугу, и закаленное стекло взорвалось сверкающим веером осколков.

Аларик был уже рядом. Авточувства мгновенно обострились, реагируя на полумрак вестибюля. В одно мгновение правосудор окинул взглядом все помещение. Вверх уходили этажи, увешанные знаменами. На них были начертаны призывы к повиновению и прилежанию — обычные мантры Администратума. Над вестибюлем возвышался фонтан с навершием в виде статуи действующего Верховного Лорда Администратума, у которого были отбиты руки и выдолблены каменные глаза. Вода, выливающаяся из основания статуи в забитый трупами бассейн, почернела и протухла.

Стрельба послышалась со второго и третьего этажей. Аларик успел увидеть закрытые алыми масками лица и форменную одежду Администратума — словно печать предательства. Тела в бассейне тоже принадлежали служащим Администратума: это были рабочие в серых комбинезонах и куртках бригадиров. Тела офицеров в черных доспехах лежали у двери.

Аларик открыл ответный огонь, и светящиеся полосы снарядов унеслись вверх. Один из болтов оторвал руку еретику. Он неловко повис на перилах второго этажа, но рядом с ним были десятки других. Еретики перевернули столы, используя их как прикрытие. Хотя доски были слабой защитой от болтерного огня, Серые Рыцари не стали завязывать бой. Достаточно было заставить отступников прижаться к полу.

Санторо, перепрыгивая через обломки мебели, уже продвигался вглубь здания, к многочисленным кабинетам.

Остальные воины Аларика прорвались сквозь разбитые двери. Внезапно сверху обрушилась стрельба из тяжелого орудия. Аларик резко взмахнул рукой в направлении входа в часовню, открытого в ближайшей стене. Снаряды выбивали из пола обломки мраморных плит, а один рикошетом снес полголовы каменному Верховному Лорду.

— У них там автопушка! — передал по воксу Дворн.

— Подавить огневую точку и продолжать движение! — крикнул в ответ Аларик.

Автопушка была громоздким, неэффективным и вышедшим из употребления орудием, но

ее огромные снаряды могли пробить даже силовые доспехи. Воины отделения Аларика обрушили на источник стрельбы залп беглого болтерного огня и устремились под арку, ведущую в часовню.

Часовня представляла собой узкую и длинную комнату стены, которой были облицованы черным мрамором и увешаны портретами усердных граждан Империи, проживших жизнь в благочестивом повиновении. С кафедры свесилось тело подконсула, вероятно убитого во время поучения адептов.

Аларик знал, что враги здесь, — это подсказывал инстинкт и замеченное мимолетное движение. Едва он повернулся, как они с криками выскочили из-за скамеек — десятки культистов с окровавленными тряпками, закрывавшими лица до горящих ненавистью глаз.

Один, со сверкающим ножом в руке, кинулся на Аларика. Правосудор отшвырнул его в сторону и услышал, как человек ударился о стену. Затрещали сломанные ребра. В следующее мгновение алебарда Аларика обезглавила второго еретика и, не останавливая движения, вонзилась острым концом в живот третьего. Удар поднял отступника в воздух и швырнул на скамью, разлетевшуюся от тяжести его тела.

Мимо Аларика пронеслась светящаяся полоса снарядов из штурмболтера. Они, словно бумагу, прошли деревянные скамейки и прячущихся за ними врагов. Умирая, еретики кричали — но не от боли, а от ненависти.

Из толпы уцелевших еретиков раздался выстрел лазпистолета. Аларик схватил за шиворот ближайшего и в упор выстрелил из штурмболтера, встроенного в доспехи. Тело культиста вырвалось из руки правосудора и бесформенной массой впечаталось в стену.

Дворн шагнул к кафедре прямо по скамьям. Аларик видел, как тяжеловесный гигант одним ударом молота пригвоздил к полу сразу двоих еретиков; третьего пронзил мечом Холварн.

Бойцы отделения заполнили часовню, и воины быстро осмотрели помещение, проверяя дулами болтеров все темные уголки между скамьями. Аларик, нагнувшись, перевернул ближайшее тело. Закрывавшая лицо ткань упала, и под ней открылось лицо молодого адепта, похожего на миллиарды других мужчин и женщин, двигавших бесконечную бюрократию Империи. Вот только кожа этого человека была другой. Чешуя, словно струпья после ожога, окружала вытаращенные глаза и спускалась по шее под остатки дурно пахнущей униформы Администратума. Тела явных приверженцев Хаоса были отмечены, как и их души. Значит, культ глубоко пустил корни на Виктрикс Соноре.

Из вестибюля донеслась стрельба: арбитры и офицеры обменивались залпами с оставшимися культистами. Аларик понимал, что, если штурм затянется, еретики сумеют окружить и уничтожить арбитров. Серым Рыцарям необходимо двигаться вперед.

— Дворн! — крикнул Аларик и указал рукой на ближайшую стену часовни. — Нам надо идти.

Дворн кивнул, разбежался и со всей силы ударил плечом в облицованную камнем стену. Тонкие мраморные плитки разлетелись на мелкие осколки, а тело Дворна, пробив дерево и штукатурку, вылетело в соседнее помещение.

Следом, сверкая мечом, ринулся Холварн. За ним проскочил в дыру Аларик. Он увидел ряды светильников над головой и бесконечные рабочие столы, заполнявшие просторную, но невысокую комнату. Рядом с регистраторами громоздились кипы бумаг. Помосты надзирателей, словно колонны, возвышались над морем разделенных перегородками рабочих мест. Еще выше, на потолочных балках, висели назидательные лозунги: «Повиновение — путь к спасению», «Око Императора наблюдает за тобой».

Едва Аларик успел окинуть комнату взглядом, как на него обрушился лазерный залп. Правосудор пригнулся за тонкой перегородкой у ближайшего стола. Выстрелы застучали по

силовой броне. Культисты оглушительно вопили, а Дворн с ревом расшвыривал столы, стараясь добраться до ближайших противников. Он очень хорошо усвоил одно из правил космодекантов: сражайся на близкой дистанции, тогда твоя сила окажется значительным преимуществом.

Аларик, используя столы в качестве пусть слабого, но прикрытия, побежал вперед. Он видел, что культисты стреляли из-за перевернутых столов. Двоих еретиков уже достали болты Холварна, пробившие хлипкую баррикаду. Вокруг Дворна бушевал смерч деревянных обломков; великан пробивался к ближайшей группе культистов, размахивая молотом и почти в упор стреляя из штурмболтера. Подтянулись и остальные воины отделения, стрельба стала еще сильнее.

Аларик так отчетливо услышал голос, словно тот звучал у него в голове. Голос пробивался через фильтры авточувств и проникал прямо в душу. Это наречие Аларик слышал когда-то давно, в отсталом лесном мире, где чащи изобиловали колдовскими куклами. Это наречие культистам внушали темные силы, которым они поклонялись. Его понимали только высшие жрецы и избранники Хаоса, но Аларик по интонациям знал, что говорящий призывает своих людей идти в атаку.

В вихре лазерного огня вперед бросились десятки мужчин и женщин. Все они выжидали в кабинетах Администратума, пока схлынет первая волна штурма, чтобы устремиться в контратаку. Среди них были адепты и прислужники, надзиратели и даже один подконсул. Еретики сжимали в руках лазганы и карабины, похищенные со складов департамента снабжения. Еще у них были штыки и мечи, пистолеты и голые руки. Атакуя, они выкрикивали злобные проклятия на языках Хаоса.

— Держись! — крикнул Аларик.

За секунду, оставшуюся до столкновения, воины собрались вокруг командира. Орудия Немезиды были готовы встретить натиск атакующих, хотя огонь лазружей уже разрывал воздух и сверкал на доспехах. Аларик ощущал слабый гул на границе слышимости — это обереги, встроенные в доспехи, боролись с перегрузкой, и отдача передавалась его психическому восприятию.

И еще правосудор физически чувствовал ненависть — словно непереносимое зловоние, исходящее от культистов.

Волна из сорока или пятидесяти еретиков обрушилась на Серых Рыцарей. Их предводитель продолжал выкрикивать приказы. Аларик и его боевые братья рубили и кололи, и каждый удар отсекал руку или голову врага. Молот Дворна выбивал из толпы кровавые полукружия. Поверх красных масок Аларик различал вытаращенные глаза мужчин и женщин, молодых и старых. Отчаянные проклятия живых и крики умирающих сливались в сплошной оглушительный шум.

Аларик рванулся вперед из толпы, расшвыривая атакующих в стороны. Жрец оставался на противоположной стороне комнаты — подконсул, высший чиновник, какого можно было обнаружить в таком мире, как Виктрикс Сонора. Он был в черной шинели с серебряными шнурами и золотым поясом, подтверждавшим его высокий ранг. Лицо отступника так густо покрывали чешуйки, что оно превратилось в нагромождение уродливых шишек.

При виде рвущегося ему навстречу Аларика жрец вытянул перед собой руку. С пальцев сорвалась ослепительная вспышка, бело-голубое сияние взорвалось вокруг правосудора, но обереги защитили тело, а непоколебимая вера предохранила разум. Штурмболтер Аларика выплюнул десяток снарядов, но все они разорвались, не долетев до жреца.

Колдун повернулся и побежал, и Аларик помчался следом. По шуму за спиной он понял, что воины его отделения прорываются сквозь толпу культистов, чтобы бежать за ним, но Аларик не мог ждать. Колдун выбежал из комнаты и через узкий проход устремился вглубь

здания. Аларик прорвался через нагромождение деревянных столов и стал протискиваться по узкому переходу, быстро восстанавливая зрение в темноте.

Когда-то всю центральную часть Администратума занимали рабочие комнаты. Там, сидя на длинных деревянных скамьях, без отдыха трудились младшие адепты. Они проштамповывали бесчисленные справки и заполняли бесконечные ведомости. Со всех сторон их окружали иконы, прославляющие прилежание, и бранили подконсулы Администратума, не забывая внушать тщетность любой деятельности, кроме той, что служит во имя Императора.

Теперь ничего этого не было. Потолок и пол были сорваны. Всю середину здания занимало обширное, похожее на пещеру помещение. Пол был усеян дымящимися обломками. С перекрытий свисало множество знамен с омерзительными символами и нечестивыми изречениями, написанными кровью и нечистотами.

В центре зала, поднимавшегося на три этажа, стоял гигантский регистратор. Из его верхушки, словно трубы механического церковного органа, торчали раскачивающиеся информационные стержни. Похожее на печку основание выпускало клубы дыма. Вероятно, все рабочие регистраторы были объединены в этот колоссальный вычислитель, покоившийся в окружении целого гнезда принтеров. Потускневшая черная поверхность была обезображена красными рунами, и машина, все еще работая, угрожающе ворчала и жужжала, как рой насекомых.

Колдун перебирал ногами над заваленным мусором полом, и магическая энергия потрескивала вокруг его подошв. Он обернулся, увидел, что Аларик не отстаёт, и еще быстрее устремился к гигантскому регистратору, затянув пронзительным голосом отвратительное заклинание.

Машина злобно заурчала, и вокруг нее клубились тени непроглядной черноты. Обереги Аларика раскалились, показывая, что стена между двумя реальностями стала совсем тонкой и вот-вот начнет распадаться. Ужасный трескучий хохот прокатился по залу. Из темных дыр в воздухе появились ухмыляющиеся морды и кривые конечности.

— Демоны! — крикнул в вокс Аларик. — Отделение Аларика, отделение Санторо, скорее ко мне!

Демоны состояли из плоти, созданной волей Хаоса: они были одновременно и частицей темных богов, и их слугами. Демоны занимались искушением глупых людей и служили пехотинцами в армиях тьмы. Они представляли как моральную, так и физическую угрозу: небольшая кучка демонов могла разложить дух целой человеческой армии, посланной против них. Вот почему были созданы Серые Рыцари: для них посулы демонов не представляли искушения, а только еще вернее говорили о принадлежности врагов к силам зла.

«Похоже, Лигейя была права», — подумал Аларик и прыгнул вниз.

Он слышал, что его отряд совсем близко. Аларик приземлился на ноги и помчался к возникающим из темноты, мерцающим и переливающимся силуэтам.

Правосудор быстро добежал до первой группы демонов и ощутил, как они содрогнулись, почуяв щит веры, защищающий его душу. Десяток демонов уже образовал перед ним стену мерцающей плоти. Аларик воспользовался их замешательством, чтобы нанести первый удар. Ударом алебарды он рассек одного из демонов, но внезапно оказался в окружении. Вероятно, колдун был более могущественным, чем предполагала Лигейя, поскольку призвал из варпа целую орду демонов.

Аларик колот и рубил окружившую его сплошную стену демонских тел. Искривленные лапы тянулись ему навстречу, воющие пасти изрыгали огонь, безумные глаза сверкали ненавистью. Отделение Санторо уже появилось на краю зала, и боевые братья пытались отвлечь демонов, стреляя в них из штурмболтеров.

Аларик протянул обе руки в толпу, выдернул одного демона и разорвал его пополам. Он ринулся в образовавшийся проход, и снаряды штурмболтеров за его спиной стали разрывать тела демонов. Впереди громоздился регистратор; внутри него полыхало темно-красное пламя, а из труб со злобным свистом вырывались клубы пара. Аларик увидел кольцо примитивных деревянных скульптур вокруг основания машины и мелькающие над ними черные молнии. Колдун, освещенный серебристым огнем своих рук, стоял на самом верху. Аларик прицелился, надеясь нарушить его равновесие и помешать закончить начатое заклинание. Серые Рыцари были защищены от прямого воздействия колдовства и психического воздействия, но это не значило, что колдун не мог вызвать еще больше демонов или обрушить здание на их головы.

— Я — молот! — раздался громкий голос в воксе, и Аларик увидел огромную фигуру правосудора Танкреда, появившуюся рядом с колдуном.

Жрец обернулся, и серебряный огонь из его рук окутал броню терминатора сверкающим ореолом. Танкред взмахнул мечом Немезиды и одним ударом рассек тело колдуна наискосок, от шеи до пояса. Верхняя часть тела покатила вниз, на раму чудовищной машины, из нижней взметнулся сверкающий серебряный огонь, угасавший по мере того, как иссякала питавшая его сила.

Ужасный пронзительный вопль сопровождал душу колдуна, вылетевшую с последним проблеском могущества из его мертвого тела. Руны на гигантском регистраторе вспыхнули белым пламенем, словно они впитали в себя энергию смерти жреца. Затем обе половины тела звучно шлепнулись на пол, и руны погасли.

— Рад встрече, брат Танкред! — воскликнул Аларик. — Ты пришел вовремя.

— Пришлось разделаться с несколькими демонами, чтобы добраться сюда, — ответил по воксу Танкред, а его воины заняли позади него позиции для стрельбы.

Над толпой демонов пронесся оглушительный вопль. По команде правосудора Санторо его десантники выпустили сокрушительный залп по врагам, и воины Генхайна с дальнего края зала сделали то же самое. Под перекрестным огнем ключья плоти демонов полетели в разные стороны. Танкред махнул своим воинам, спустился с машины и вслед за Алариком ринулся в вопящую толпу. Вопли разбросанных его ударами демонов стали еще пронзительнее, когда идущие следом воины стали рубить и колоть их оружием Немезиды.

Аларик видел, как брат Локат снес голову одному демону, брат де Варн рассек надвое второго. Отделение Аларика не осталось в стороне, и Дворн своим молотом вбил в пол третьего. Через несколько мгновений все демоны превратились в зловонные пятна разноцветной крови, оставив после себя только затухающее эхо.

С разных сторон в зал врывались отряды офицеров. Грохот разрывных снарядов слышался из углов здания, где еще оставались отдельные группы еретиков. На канале Арбитрес слышались приказы Марешаля разбить комплекс Администратума на части и, пользуясь успехом Серых Рыцарей в зале демонов, довести до конца уничтожение культистов. Арбитрес обозначили зоны, и каждый отряд произвел зачистку, уничтожая все, что двигалось. Культ на Виктрикс Соноре умирал, его предводитель подконсул был убит, а регистратор, бывший объектом поклонения, находился в руках Империи.

Аларик перешагнул груды мусора и поднял одну из свернувшихся полосок бумаги, выпущенных регистратором. Гигантская машина продолжала дымить, но ее урчание смолкло.

«...и когда Принц восстанет, вся Галактика станет его игрушкой, и люди — его слугами на пути Перемен, а Изменяющий Пути затмит все звезды, а по правую руку будет стоять Тысячеликий Принц...»

Напыщенные разглагольствования покрывали все листы. Вероятно, регистратор служил способом общения между Гаргатулотом и культом. Теперь огни в машине постепенно затухали,

и без лидера культа и его магии, обеспечивающей работу, изнутри слышался скрежет разваливающихся частей.

Аларик бросил бумагу и подошел к одной из статуй, окружавших основание машины. Это была грубая деревянная фигура, вырубленная из целого ствола темного дерева и уже обуглившаяся. Фигура отдаленно напоминала человека, но у нее была дюжина рук, а все лицо вокруг широко ухмыляющегося рта покрывали глаза. Статуя была изготовлена очень грубо, и это делало ее еще более нелепой и угрожающей.

— Аларик — Маршалю, — произнес правосудор, включив вокс. — Мы здесь закончили. Мы возьмем то, что нам нужно, а остальное оставим на вас. Я предлагаю все сжечь.

— Понятно, — отозвался Маршал. — Я слышал, с чем вам пришлось столкнуться. Это правда?

— К сожалению, правда, лорд провост. Не позволяйте вашим людям здесь задерживаться. Надо разрушить все.

— Конечно, правосудор... Мои люди польщены, что могли сражаться рядом с вами. Я не думаю, что кто-то из них мог мечтать о встрече с Астартес.

Маршал почти не отличался от остальных офицеров: он был шокирован появлением космодесантников и так и не смог этого скрыть.

— У нас общие враги, лорд провост, — сказал Аларик. — Ваши арбитры отлично себя проявили. Просто проследите, чтобы работа была закончена и чтобы от культа ничего не осталось.

— Обязательно. Да пребудет с вами Император, командир.

— Да пребудет с вами Император, лорд провост.

Аларик поднял статую и несколько листовок. Статуя оказалась тяжелее, чем можно было предположить, словно она не желала уходить со своего места.

— Аларик — всем отделениям! Возвращаемся к «Громовому ястребу». Мы получили все, что было нужно. Санторо, прикрой нас на площади. Генхайн, встречаемся в зоне приземления. Танкред, следуй за мной.

Аларик махнул рукой воинам и по засыпанному мусором полу зашагал к выходу из зала. Космодесантники миновали усеянные телами кабинеты и часовню, прошли через вестибюль, где затихала жестокая перестрелка между Арбитрес и еретиками с верхних этажей. Теперь арбитры подсчитывали потери и помогали раненым, а пол стал липким и красным от крови.

Серые Рыцари прошли через площадь с выбоинами от снарядов и вернулись к ожидавшим их «Грозовым ястребам». Аларик, оглянувшись, увидел клубы дыма, поднимавшиеся с верхнего этажа. Маршал последовал его совету: здание Администратума уже загорелось.

Култ нашел себе на Виктрикс Соноре почти идеальное убежище. Администратум — как самая крупная и известная своей замкнутостью организация — мог бесконечно долго отклонять всевозможные запросы и проверки. Только личное вмешательство провоста Марешаля положило конец этой волоките, и силы правопорядка вошли, наконец, в здание.

Никто не знал, сколько времени существовал култ. В дни благоденствия Шлейфа Виктрикс Сонора был процветающим сельскохозяйственным миром с несколькими большими городами. Со временем угасло почитание святого Эвиссера, города сохранили численность населения, но лишились доходов. Самым надежным способом выжить стал разбой.

С началом упадка на Шлейфе правоохранительные силы предоставили этот мир самому себе. Военная полиция охраняла лишь имперские владения, а все остальное было оставлено гнить. Полиции не хватало ресурсов, чтобы поддерживать порядок в мире, а среди гражданского населения Шлейфа не нашлось лидера, способного восстановить порядок. Не осталось никаких сведений о том, что творилось в тущобах Виктрикс Соноры, пока култ не проник в Теоград и не завладел зданием Администратума.

Возможно даже, что все началось с подконсула. Эта пугающая догадка казалась, однако, весьма правдоподобной.

Деятельность культа по большей части протекала скрытно, но Лигейя из разрозненных донесений в архивах Трепитоса сумела сложить законченную картину. Опустившиеся жители Виктрикс Соноры в течение пятидесяти лет грабили те немногие святые места, что еще оставались на планете. Были украдены все реликвии. Двадцать лет назад неизвестные сбили грузовой корабль, вывозивший с планеты уцелевшие святыни; весь груз пропал.

Тогда влиятельные лица в Администратуме высказали предположение о разборках между кланами контрабандистов. Теперь стало ясно, что реликвии понадобились культу и он использовал свое влияние в преступном мире, чтобы их получить.

Не обошлось и без убийств, поскольку мало найдется культов, которые не давали бы выход ненависти и не восхваляли бы своих повелителей кровавыми жертвоприношениями. Култ выискивал случайных жертв по всей Виктрикс Соноре и всегда забирал с собой все части тела. Такие незначительные преступления мало что значили для разлагающихся городов планеты, но в восприятии Лигейи они засверкали драгоценными камнями. Она уверилась, что выслеженный арбитрами култ в здании Администратума был тем самым, который несколько десятков лет работал на Гаргатулота.

И сам Гаргатулот, вероятнее всего, находился где-то на Шлейфе, дергая за ниточки, которые должны вернуть его в реальное пространство.

Тысячеликий Принц во времена своего господства, пока его не изгнал Мандулис, создавал культы с так далеко идущими целями, что сами культисты редко могли их понять. И култ на Виктрикс Соноре был частью такого же непостижимого и медленно развивающегося плана.

Большинство людей не смогли бы осознать эту едва уловимую связь, но для Лигейи она была очевидной. Лигейя могла извлечь доказательства из самых несопоставимых фактов; она ощущала уверенность там, где любой другой терялся и опускал руки. Теперь Аларик ясно видел, почему Лигейя была призвана Инквизицией, и Ордо Маллеус потратил немало усилий, чтобы переманить ее из Ордо Еретикус.

Гаргатулот находится на Шлейфе, культисты на Виктрикс Соноре пострадали по его воле,

и свидетельства, принесенные Алариком, только подтвердили ее выводы.

Во время стоянки на Трепитосе Лигейя поручила персоналу обставить ее комнаты так, чтобы они соответствовали статусу благородной дамы. У рабочих было три недели, пока она перерабатывала информацию. Теперь ее покои, увешанные гобеленами и отделанные панелями темного дерева, поражали глаз великолепием убранства. В открытом камине ярко пылал огонь, а старинная мебель, собранная в заброшенных помещениях крепости, была отреставрирована и отполирована до блеска. Ковры — некогда пыльные и заплесневевшие, а теперь отчищенные лучше новых — легли на деревянный пол. Пикт-экраны висели на стенах, вставленные в золоченые рамы, а вокс-комплект был встроен в крышку письменного стола из твердой древесины. Под потолком висела изящная хрустальная люстра. В углу каждой из комнат стоял культист смерти, охранник Лигейи. Безмолвные стражи были настолько молчаливы и неподвижны, что почти терялись среди роскоши, к которой стремилась Лигейя, где бы она ни оказывалась.

Лигейя понимала, что Серые Рыцари не могли этого одобрить. Они спали на жестких кроватях монастырских келий, лишенных даже намека на удобство. Лигейя не могла не заметить смущения правосудора Аларика, когда ему пришлось столкнуться с предметами роскоши, взятыми ею с собой, — оно доставило ей удовольствие. Возможно, в изящных безделушках Аларик видел предвестников слабоумия и разложения. Для Лигейи они были способом поддержать образ богатой и благородной дамы, чтобы скрыть свои истинные таланты.

На фоне изящно отделанного помещения статуя, стоящая в центре комнаты, казалась особенно неуместной и отталкивающей. Лигейе вовсе не хотелось знать, что олицетворяла фигура, но такова была работа инквизитора. Несомненно, в статуе заключалось нечто демоническое. Каждый ее изгиб кричал о безумии. Даже просто глядя на нее, Лигейя чувствовала, как статуя причиняет боль психической составляющей ее разума. В ее сознание проникали намеки на предназначение фигуры; воображение завершало незаконченную картину, которую скульптор видел и стремился передать в своем произведении. Это явно было прославление какого-то зла.

Лигейя щелкнула выключателем вокса, и прибор начал записывать ее голос в электронный блокнот. Многие инквизиторы в путешествиях пользовались услугами писцов или лексикомеханическими устройствами, чтобы сохранить записи и классифицировать находки. Но Лигейя предпочитала странствовать только в сопровождении своих культистов смерти и самостоятельно фиксировать мысли.

— Этот... предмет, — начала Лигейя, не желая присваивать название отталкивающей скульптуре, — состоит из твердой древесины, не характерной для Виктрикс Соноры. Вероятно, он был изготовлен за пределами этого мира и привезен культистами, что говорит о его большом ритуальном значении.

Инквизитор помолчала. Половина из множества глаз статуи уставилась на нее своими жесткими деревянными зрачками, а остальные осматривали комнату, словно в поисках выхода.

— Текст, отпечатанный на регистраторе культистов, вкуче с очевидными еретическими резными изображениями, дает возможность заключить, что скульптура представляет собой изображение одного из тысячи лиц Гаргатулота.

Лигейя несколько минут молча рассматривала скульптуру. Затем она неохотно открыла канал психического восприятия и ощутила океаны информации, заключенной в резной фигуре. Возможно, слишком обширные для того, чтобы охватить их сознанием.

Во рту Лигейи появился металлический привкус. Где-то очень далеко она услышала смех... а может, рыдания?

Прозвучало какое-то имя, но очень слабо и слишком далеко, чтобы его понять. Инквизитор напрягла слух и погрузилась глубже. Глаза скульптуры стали окнами в абсолютную Галактику, произведение архитектуры Хаоса. Ухмыляющийся рот произносил бесконечное заклинание, которое переделывает Вселенную по воле Повелителя Перемен. Структура волокон дерева превратилась в извилистый поток судьбы, обвивающий все вокруг, подталкивающий к неизбежному концу — к окончательному Хаосу, к полноте Перемен, к бесконечному могуществу и непреходящему ужасу, глашатаем которых был Гаргатулот.

Лигейя видела Галактику, переполненную властью Перемен. Она видела, как плачут и умирают звезды. Она видела миры, разлетавшиеся хрустальными осколками ненависти. Она видела, как Галактика раскручивается и выбрасывает все свои создания в небытие, в глотку распорядителя Хаоса — господина Гаргатулота, Повелителя Перемен, бога Тзинча...

Лигейя успела вовремя прервать свои мысли. Она стояла на коленях, задыхалась и была покрыта испариной. Пряди заботливо уложенных волос свесились на лицо. Лигейя дрожащей рукой поправила прическу.

В углу комнаты культист смерти, Тайци, едва заметно склонил набок голову. Немой вопрос стражника был совершенно ясен: «Нужна помощь? Вызвать медиков?»

Лигейя покачала головой, с трудом поднялась на ноги и оперлась о стол, где стояли несколько хрустальных бокалов и графин сладкого выдержанного амасека. Она налила себе изрядную порцию и выпила залпом. Лигейя знала, что это не поможет, но мозг уверил ее в обратном — напряжение немного уменьшилось, картины впавшей в безумие Галактики слегка потускнели.

— Этот... предмет, — продолжила она диктовать, — находится теперь под абсолютным карантинном. Доступ к нему разрешен только мне. Если меня не станет, доступ можно будет получить только с разрешения Конклава Верховных Лордов Ордо Маллеус.

Лигейя открыла ящик стола и вынула из плоского деревянного футляра хирургический скальпель. Она аккуратно срезала со скульптуры тонкую стружку и положила ее во флакон для образцов.

— Образец материала этого предмета будет исследован под моим руководством, как только это представится возможным.

Лигейя налила себе новую порцию амасека и, кажется, успокоилась. Если ей нужно было доказательство, оно здесь. Лишь она одна может его видеть: ее дар встречался чрезвычайно редко, Лигейя никогда не слышала об инквизиторе с подобными способностями. Это ее огорчало. Возможно, со временем она получит доказательства, не зависящие от ее умения извлекать информацию из любого предмета. Но для Лигейи и этого было достаточно.

Перед ее мысленным взором до сих пор маячил образ Гаргатулота на фоне звезд и бесконечного океана бурлящих Перемен. Более слабый ум, не тренированный под строгим руководством дознавателей и надзором лордов-инквизиторов, не выдержал бы этого испытания. А если это безумие вырвется из варпа в реальное пространство, устоит ли против него людской разум?

Наконец-то Аларик был чист. Двенадцать часов молитв об избавлении от разложения, к которому он был так близко, очистили душу от нацеленного на нее колдовства. Кожу покалывало после ритуальной дезинфекции; доспехи сияли от церемониального омовения в слабом растворе кислоты с ладаном. Даже «Рубикон» во время ритуалов, обязательных после битвы, стал тихим, словно задумчивым. Боевые братья пытались осознать пережитое, не допуская в свою душу и намека на соблазн.

Аларику и раньше приходилось видеть ужасные вещи: с кровоточащего алого неба над

Солигором IV он смотрел на легионы бога вождения, марширующие по Алазону. Все это не могло пройти бесследно, но обряды очищения Серых Рыцарей и молитвы смывали следы. Других воинов подобные испытания могли лишить рассудка, но Серые Рыцари после очищения становились только сильнее.

В скудном освещении кельи Аларик прочел несколько страниц из своего экземпляра «Истребления демонов». В заключительной молитве душа, защищенная верой, сравнивалась с планетой, окруженной атмосферой, или с одетым в доспехи воином. Вера — это щит, символ правоты; она жизненно необходима солдатам Императора. Эти слова Аларик читал тысячу раз, и всегда, как и сейчас, они приносили успокоение. Он не один. Если бы Император не наблюдал за ними, вера была бы бессмысленной, но душа Аларика оставалась невредимой — значит, щит веры уберег ее от разложения. Значит, око Императора неусыпно следит за Серыми Рыцарями.

В безграничной, холодной и враждебной Вселенной, где будущее многих триллионов людей висит на тончайшей из нитей, где щупальца Хаоса проникают повсюду, только Император может указать правильный путь. Сознание того, что Он рядом, придавало Аларику необходимые силы.

Ритуалы выполнены. До следующей битвы Аларик был в безопасности от посягательства врагов — но, как он знал, очередного боя ждать недолго.

Аларик закончил застегивать доспехи как раз перед приходом Санторо. Правосудор Санторо славился выдержкой и спокойствием; он редко позволял эмоциям вырваться наружу. При этом Санторо вовсе не был угрюм и нелюдим, и воины шли за ним, точно каждое его слово было словом самого Императора.

Если Санторо и дальше будет проявлять такие же качества воина и командира, он может занять место в семинарии ордена под руководством Дурендина. Аларик не сомневался, что его брат воспользуется этим шансом.

Санторо остановился на пороге кельи Аларика. Он был в полном боевом облачении и, как каждый правосудор, имел собственный геральдический знак на стилизованном щите наплечника. Герб Санторо состоял из единственной белой звезды на черном поле — свет среди тьмы, очищающее пламя Императора, ярость Серых Рыцарей, пронзающая сердце Врага.

— Правосудор, — заговорил Аларик. — Как твои люди?

— Ритуалы закончены, — ответил Санторо. — Джаэгнос получил заряд лазера под колено, но через пару дней поправится. Их души в порядке, но они не считают, что достаточно знают здешнего врага.

— Они сами тебе об этом сказали?

— Я это чувствую. И мои люди всегда чувствуют то же самое.

— С этим ничего не поделаешь. Когда дело касается Врага, знать слишком много так же опасно, как ничего не знать.

— Ты прав. Но я хотел с тобой поговорить не только об этом. Несколько минут назад инквизитор Лигейя связалась с капитанской рубкой и передала новые приказы. Она настаивает, чтобы мы отправились к миру под названием Софано Секундос.

Аларик на мгновение задумался, затем шагнул вглубь кельи и отыскал блокнот, куда заносил всю информацию о Шлейфе. В нем он прочитал, что Софано Секундос — захолустный феодальный мир, еще не достигший технологии изготовления пороха. Единственный представитель власти Империи там — проповедник Галактической Миссионарии. Препревание Шлейфа не коснулось этого мира, поскольку в нем не было никаких ресурсов. Упоминания о нем затерялись в бюрократической волоките департамента заселения и развития.

— Звучит не слишком обещающе, — сказал Аларик. — В таких мирах обычно слишком немногочисленное население, чтобы скрыть хоть какой-то культ.

— Инквизитор Лигейя считает, что привезенная тобой с Виктрикс Соноры статуя оттуда, — пояснил Санторо. — Инквизитор полагает, что между культурами Шлейфа есть связь, и надеется отыскать ее на Софано Секундосе. Мы должны будем оставаться на орбите и прикрывать ее. Она считает, что должна спуститься сама, без сопровождения.

— А ты не согласен?

— Миссией руководит инквизитор. Здесь не над чем раздумывать.

Аларик отлично знал людей, с которыми, плечо к плечу, ходил в многие сражения. Санторо не мог, да и не хотел скрыть от молодого правосудора недостаток энтузиазма.

— У инквизитора Лигейи много общего с аристократами, а ей придется с ними общаться, — сказал Аларик. — Вряд ли ее примут лучше, если она повсюду будет водить за собой эскорт из вооруженных супервоинов. В этом случае ей легче справиться одной.

— Да, конечно. Я все расскажу своим воинам.

— И передай Генхайну и Танкреду тоже, — попросил Аларик. — А я почитаю материалы о месте назначения.

После ухода Санторо Аларик включил терминал в своей келье и запросил в банке данных «Рубикона» информацию по Софано Секундосу. Правосудор не ожидал, что окажется в неразвитом мире на задворках Шлейфа, когда вокруг так много густонаселенных миров, где, как он знал по опыту, можно скрыть целые армии культистов.

Галактическая Миссионерия, через которую Адептус Министорум рассылали проповедников и духовников невежественным народам, не замедлила бы призвать Сестер Битвы или даже Ордо Еретикус, если бы заметила хоть что-то подозрительное в своей пастве. Если на Софано Секундосе и имеется какая-то связь с Гаргатулотом, она должна быть искусно замаскирована. А в таких делах, подозревал Аларик, Лигейя разбирается лучше других.

Он должен ей доверять, но если... Если предчувствия инквизитора Лигейи не оправдаются, отвага Серых Рыцарей окажется бессмысленной. Конечно, она псайкер, причем весьма могущественный. И эта женщина предана делу изгнания Врага, но она всего лишь человек. Все ее точные предсказания основаны лишь на догадках.

Аларику приходилось сражаться против таких чудовищных существ, что один лишь Император мог его защитить. И доверять правосудор привык только Императору. Аларик был отнюдь не уверен, что сможет так же положиться на силы инквизитора Лигейи.

Софано Секундос был открыт настолько давно, что проследить его историю под номинальной властью Императора было почти невозможно. В последние годы Великого Крестового Похода, когда Императора уже почитали как бога, миссионерии его недавно образованной церкви были посланы в том числе и на Софано Секундос, чтобы обратить мир в свою веру. Они обнаружили почти бесплодный и однообразный мир с одним лишь обитаемым континентом. Его население могло обеспечить несколько феодальных семейств, живших в немногочисленных городах. Такие повторно открытые планеты встречались довольно часто. В период Века Раздора человеческие миры оказались разрозненными, и во время Крестового Похода были найдены те из них, кого успели забыть после первой волны колонизации.

Галактическая Миссионерия поддерживала свое присутствие на Софано Секундосе, и лишь потому об этом мире сохранились хоть какие-то упоминания. Первый миссионерии, о котором было известно только то, что его имя Крусьен, описывал примитивные, но определенно безвредные королевства. Их правители подчинялись Сверхкоролю и время от времени чередовали споры с ожесточенными междоусобными боями. Затем на долгий период времени Администратум забыл о Софано Секундосе. Вследствие этой ошибки планета осталась на попечении Адептус Министорум, а там не желали ни тратить средства на захолустный мир, ни

посылать значительный персонал, чтобы поддерживать миссию.

В Империи было множество подобных планет: большая их часть находилась на окраинах населенных участков космоса или была разбросана по зоне Мутных Звезд. Но немало заброшенных миров находилось и в окружении развитых систем. Официальная политика Империи провозглашала необходимость «цивилизации» таких миров и их заселения. Но даже в лучшие времена средства Империи постоянно отвлекались на бесконечные войны и восстания в других местах. А времена очень редко бывали лучшими...

Согласно просочившимся на Шлейф донесениям миссионеров, мир Софано Секундоса был почти неспособен воспринимать новые технологии и передовые идеи. Руководство Экклезиархии сочло за лучшее не рисковать населением планеты и не стало предоставлять людям лазганы из опасений, что они перестреляют друг друга. Поэтому Сверхкороль правил своими феодалами беспрерывно весь период, который был отражен в донесениях. Он не знал об Империи ничего, кроме двух вещей: что личность миссионера священна и неприкосновенна и что с неба, в случае появления ереси, прольется огненный дождь.

Представители Миссионерии сочли веру местного населения достаточно твердой, если не считать некоторого недопонимания, неизбежного везде, где народные верования соприкасаются с официальной религией Империи. Не было никаких сведений о том, что Экклезиархии доводилось подавлять здесь какие-то восстания или возникшие культы.

Инквизитору Лигейе предстояло стать первым человеком извне, который появился на планете за все это время, — если не считать миссионеров и, возможно, любопытствующих богачей, желающих посмотреть, как выживают люди в подобных местах.

Все эти сведения Аларик прочел в электронном блокноте, ожидая на капитанском мостике «Рубикона», пока челнок Лигейи не выйдет с орбиты и не начнет спуск. Пытаясь понять, для чего Гаргатулота понадобилось высунуть нос из варпа именно в этом мире, Аларик рассеянно постукивал блокнотом по перилам ограждения вокруг капитанского помоста.

Принц-демон и раньше, до изгнания, влиял на деятельность культов в феодальных и слабо развитых мирах — и Корион IX тоже считался захолустьем. Но была ли у Гаргатулота особая причина так поступать, или это очередная уловка? Аларик знал, что Тысячеликий Принц не стал бы наводить Серых Рыцарей на свой след, оставляя на Виктрикс Соноре безобразную статую. Но может быть, на планете внизу есть какие-то улики и Лигейе удастся их отыскать. Много будет зависеть от ее отношений с нынешним Сверхкоролем по имени Рашемха Отважный и с действующим миссионером — мужественным проповедником Полонием.

Все стены просторного помещения капитанского мостика украшали тщательно отполированные металлические панели с затейливыми гирляндами орнамента. Они образовывали прекрасную раму для гигантского экрана, встроенного в наклонный потолок. Вдоль стен стояли пульта управления, и за каждым находился мрачный и молчаливый член экипажа. Ордо Еретикус содержал собственный флот и почти полностью обеспечивал Серых Рыцарей экипажами судов. Каждый член команды имел сложный психотриггер, внедренный в мозг во время сна. Это устройство по команде Серых Рыцарей могло стереть все высшие функции мозга. Таким образом в случае воздействия Хаоса на команду корабля она мигом могла быть превращена в сборище слюнявых идиотов. Беспольных, но и неспособных испортить корабельное имущество.

Экипаж знал об этом. Вероятно, потому все его члены были вечно хмурыми и невосприимчивыми к юмору. Они не разговаривали и даже не здоровались с Серыми Рыцарями. Кроме того, на всех кораблях каждые несколько лет проводилась смена экипажа. Сам «Рубикон» — значительно улучшенный вариант ударного крейсера, ведомый этой мрачной командой, легко справлялся с немалым грузом и расстоянием.

На огромном потолочном экране возникло изображение поверхности Софано Секундоса, наполовину освещенной солнцем. Большая часть территории казалась серо-коричневыми глыбами земли, поднимавшимися из темно-синего океана. Лишь у самого экватора один цветущий континент — всплеск зелени на сером однообразном фоне — указывал на присутствие жизни. Где-то в центре этого оазиса находился Хаджишейм — главный город Софано Секундоса, названный по имени легендарного древнего Сверхкороля. Там были дворец нынешнего правителя и храм, построенный вокруг первой миссии Крусьена. Туда направлялась инквизитор Лигейя.

Аларик хотел бы тоже оказаться внизу. И пускай он не слышал от своих воинов ничего похожего на жалобы, — он знал, что и они предпочли бы знать, где находится противник, и получить шанс сразиться. Это лучше, чем ждать на орбите, пока Лигейя проводит непонятную политику, на которую у Серых Рыцарей не было времени. Особенно сильно переживал Танкред. Старый боевой конь в гуще сражения чувствовал себя как дома, но каждую минуту ожидания считал непростительным пренебрежением долгом.

Аларик и сам томился от нетерпения. Так было всякий раз, когда силы Хаоса опережали Имперскую разведку и вынуждали Серых Рыцарей ждать, пока они допустят промах. Как хороший правосудор и главный офицер этой миссии, Аларик не мог не понимать, насколько подобные переживания могут ослабить инстинкты воинов. Серые Рыцари были главной вооруженной силой Империиума, но это не означало, что они не могут ослабить бдительность.

Аларик надеялся, что сумеет поддержать боевой дух воинов до тех пор, пока не придется сразиться с Гаргатулотом. Он верил, что Лигейя все же приведет их к нему.

— Седьмой уровень, — раздался монотонный голос одного из членов команды, стоящего за пультом управления. — Контроль атмосферы в действии.

— Снижаемся, — отозвался пилот челнока, прорвавшись через треск помех.

Челнок Лигейи вошел в атмосферную оболочку Софано Секундоса.

— Пожелай мне удачи, правосудор! — звонко воскликнула Лигейя, воспользовавшись воксом капитанской рубки.

— Тебе это не требуется, инквизитор, — ответил Аларик. — Просто отыщи, что они там прячут.

На экране мелькнула оранжевая полоса входящего в атмосферу челнока, затем судно исчезло из виду.

Теперь настала очередь Лигейи при помощи слов сделать то, на что неспособно оружие Серых Рыцарей.

Первым впечатлением инквизитора Лигейи от Софано Секундоса был вкус теплого, слегка влажного воздуха, заполнившего кабину, едва задний борт челнока медленно опустился. Воздух был слегка пряным и пыльным; и еще пахло лесами, покрывавшими весь континент. Внутрь челнока ворвался яркий желтоватый свет, сильно отличавшийся от холодных резких люмосфер «Рубикона» и слабого освещения архива Трепитоса.

Лигейя надеялась, что перемена климата пойдет на пользу ее здоровью. Она страдала головной болью и воспалением суставов; по ночам инквизитора мучили кошмары, в которых ее пытались схватить невидимые лапы. Она никогда прежде не тратила столько сил, как это было в архиве Трепитоса. Отыскивая информацию о деревянной скульптуре и ее возможном пути в Шлейфе, Лигейя дошла до грани истощения. Пришлось вспомнить, что она уже не та молодая женщина, какой была раньше.

— Тайци, — обратилась она к командиру культистов смерти, окружавших свою госпожу немым угрожающим кольцом. — Следуйте за мной.

Культисты смерти отстегнули ремни безопасности и приготовились выйти. Ксианг,

обманчиво хрупкая молодая женщина, чья культовая маска позволяла видеть только пару глаз необычного разреза, взяла простой черный чемоданчик. В нем хранились вещи Лигейи.

Оставив на борту челнока команду Еретикус, Лигейя легко спустилась по трапу и огляделась. Челнок, по совету миссионера Полония, приземлился на большой круглой площади. Отсюда начиналась самая длинная улица Хаджишейма, ведущая ко дворцу Сверхкороля.

Перед инквизитором стояли здания Хаджишейма, выстроенные из светлого камня, с крышами из мраморной черепицы, ослепительно блестевшей в лучах яркого солнца. Дорога была вымощена светло-серыми, похожими на гранитные плитами. Стены домов были увешаны разноцветными знаменами, вывесками и занавесями. Надписи на уличных табличках и в витринах магазинов были выполнены на языке, в алфавите которого использовались аккуратные петли и завитки.

На этой улице и была подготовлена встреча. Лигейя заранее дала знать Полонию о своем визите, чтобы Сверхкороль мог приветствовать ее как высокопоставленного сановника.

Рашемха не разочаровал инквизитора. Вдоль всей улицы тянулись шеренги солдат в начищенных доспехах поверх ярко-красных мундиров, с копьями и щитами, на которых красовался двойной полумесяц — знак действующего Сверхкороля. За их спинами поглазеть на приезд гости собрались тысячи гомонящих мужчин, женщин и детей: слухи о посланце с неба распространились быстро, хотя, вероятно, и вопреки желанию Полония. Лигейя заметила у жителей Софано Секундоса странное сочетание смуглой кожи и светлых волос. Вкупе с принятой здесь яркой одеждой это придавало им весьма экзотический вид.

Улица между рядами солдат упиралась в королевский дворец — массивное сооружение из светлого камня, стоявшее на возвышении в центре города и украшенное многоцветными знаменами и стягами.

Из дворца показалась почетная стража. Сотня всадников личной кавалерии Сверхкороля, в сверкающих от яркого света полированных латах, с лентами на копьях, рысью приближалась к Лигейе. Всадники подъехали ближе, и Лигейя заметила, что большая часть воинов ехала не на конях, а на таррах. Согласно отрывистым сведениям о Софано Секундосе, эти странные горбатые животные с темной, шершавой и чешуйчатой шкурой могли бесстрашно нестись в самые яростные атаки.

Передняя шеренга офицеров, чей ранг подтверждали золотые шнуры на доспехах, скакала на более привычных глазу лошадях с Терры. Это было знаком престижа.

Из строя галопом вырвался вперед одинокий всадник. Лигейя ощутила, как напряглись ее культисты смерти, готовые в любой момент схватить рукояти мечей или метательных кинжалов. Одним движением пальца инквизитор остановила охранников. Вместо копья в руках всадника виднелся длинный изогнутый рог.

Герольд резко остановился в нескольких шагах от Лигейи и, поднеся рог к губам, издал долгий, пронзительный и скрипучий звук. По этому сигналу все воины Сверхкороля остановились.

— В девятнадцатый год правления Сверхкороля Рашемхи, — выкрикнул герольд на низком готике, приправленном местным акцентом, — его Сверхвеличество объявил, что его дом — это дом представителя небесных царств! Что его солдаты — это ее солдаты, что его народ — это и ее народ. Он восхваляет гостью и обязуется ее защищать. Во имя Императора и давно ушедших королей! Так повелел Сверхкороль!

Последовал еще один протяжный сигнал, и герольд вернулся в ряды отряда. Воины, подъехав медленной рысью, окружили Лигейю, чтобы сопровождать ее ко дворцу. Вперед на тарре выехал один из сопровождающих и предложил ей сесть на лошадь с Терры. Лигейя

кивнула в знак благодарности и села в седло боком, как это принято у благородных дам. В юности ей приходилось раз или два садиться на лошадь, но она сочла нелишним предоставить сопровождающему держать поводья по пути во дворец.

Культисты смерти быстрым шагом двинулись параллельно эскорту. Им не надо было переходить на бег, чтобы держаться наравне с отрядом, скачущим быстрой рысью. Лигейя посмотрела на людей, стоявших вдоль улицы за спинами солдат, и поняла, что культисты смерти привлекли больше внимания, чем она сама. Скорее всего, на Софано Секундосе никогда не видели ничего подобного: полдюжины прекрасно натренированных мужчин и женщин в облегающих черных комбинезонах, неся на себе по три-четыре единицы оружия, двигались с такой ловкостью и грацией, что трудно было поверить в их принадлежность к человеческому роду. Их зловещие, почти безликие маски только усиливали впечатление; казалось, что под ними не может быть человеческих лиц.

Сверхкороль Рашемха встретил Лигейю в воротах дворцового комплекса — среди широких ухоженных газонов, цветочных клумб и экзотических деревьев, окружавших ослепительно белые стены. Рашемха оказался настоящим гигантом с ореховой кожей, снежного цвета волосами и бородой. Он был облачен в длинное разноцветное шелковое одеяние. Позади него стояла небольшая армия придворных и советников. Они как будто соревновались друг с другом в яркости и вычурности одежды, но все же уступали своему королю.

Немного в стороне от них стояла небольшая делегация скромно одетых молодых мужчин и женщин, представлявших миссию Полония.

Лигейя подъехала к королю и спешила. Сверхкороль с тщательно отрепетированной улыбкой шагнул вперед и схватил руку Лигейи обеими своими лапищами.

— Наш народ — ваш народ, — пророкотал он мягким басом. — Приветствую вас.

Лигейя улыбнулась в ответ. От Сверхкороля сильно пахло какими-то специями.

— От имени Империи приветствую вас, ваше Сверхвеличество, — сказала инквизитор. — Я рада, что вы с такой готовностью согласились со мной встретиться. У меня срочное дело к миссионарию Полонию.

— Конечно. Но давайте войдем во дворец, Лигейя из далекого мира. Не могу допустить, чтобы небесные царства сочли Сверхкороля негостеприимным.

Вся делегация прошла по парку ко дворцу. Лигейе бросилась в глаза сероватая бледность представителей миссии. Инквизитор решила, что из-за многочасовых молитв под крышей храма эти люди почти не видели солнца. Все они носили простые балахоны из некрашеной ткани — вероятно, с целью продемонстрировать свое смирение перед Императором. Как они удивились бы, увидев экстравагантных епископов, отправляющих службы в храмах столичных миров Империи!

— Наши земли богаты и плодородны, — рокотал Сверхкороль, заглушая поддакивания своих придворных. — Наш народ обожает своего короля и преклоняется перед духами давно умерших предшественников. Мы преуспеваем и почитаем вашего Императора...

Лигейя почти не слушала. Она уже знала, что центр Хаджишейма производит благоприятное впечатление, но остальная часть города — так же как и остальная часть государства Сверхкороля — погрязла в бедности и невежестве. Местечковые царьки и бароны не могут управлять своими людьми надлежащим образом.

Хвастовство Сверхкороля было менее интересно Лигейе, чем сам дворец. Внутри, вне досягаемости беспощадного солнца, обширные залы сохраняли прохладу. Мозаика разноцветного мрамора на полах изображала картины из жизни прошлых Сверхкоролей Софано Секундоса. Каждую колонну венчал двуглавый имперский орел, а религиозные тексты на высоком готике соседствовали с молитвами усопшим правителям. Между колонн собирались

стайки придворных. Они глазели на Сверхкороля и его свиту и периодически аплодировали восхвалениям своего мира.

Лигейе потребовалось всего несколько минут, чтобы понять, насколько уязвим Софано Секундос. Сверхкороль удерживал баронов в подчинении только силой своей личности. Его войско составляли несколько сотен кавалерии на таррах, а этого было недостаточно, чтобы править даже одним континентом, не говоря уж обо всей планете. Стихийное восстание могло повергнуть страну в хаос, и Лигейя знала, что такие случаи уже были в прошлом. Личное обаяние и молчаливое согласие придворных — вот в чем была сила Рашемхи. Но в этом была и его слабость. Человечество уже проходило этим путем, и Век Раздора показал, насколько опасно правление, не опирающееся на силу и бдительность.

Полоний подждал инквизитора в боковой часовне, отделанной мрамором, в изобилии уставленной курильницами с ладаном,— это было типично для Империиума. Лигейя принесла извинения Сверхкоролю и обещала присоединиться к нему вечером, за праздничным ужином. В сопровождении культистов смерти она отправилась в часовню. Король вместе с придворными продолжал путь к центру дворца — залу аудиенций. Рашемху Отважного ждал нелегкий труд по сплочению населения планеты.

Полоний был очень стар и давно согнулся под тяжестью лет. Длинное одеяние полностью скрывало немощное тело, и в клубах тлеющего ладана миссионарий двигался медленно, словно призрак. Голову покрывал плотный капюшон, на шее висел золотой орел — казалось, будто священник сгибается под его весом.

Лигейя жестом приказала культистам смерти отойти. Полония она застала в окружении многочисленных свитков и книг, лежащих на каменном полу и на передних скамьях.

— Миссионарий, — обратилась к нему Лигейя, — я представляю Императорскую Инквизицию, и мне необходима ваша помощь.

Полоний улыбнулся, и видимая нижняя половина его лица неприятно сморщилась.

— Инквизитор Лигейя, надеюсь, Сверхкороль оказал вам подобающие почести?

— Он постарался произвести на меня впечатление. Но мне гораздо важнее выслушать вас.

Лигейя прошла вглубь часовни и села на переднюю скамью, плотно сдвинув книги.

— Как вы можете убедиться, — заговорил Полоний, указывая морщинистой рукой на разложенные бумаги, — я готовился к вашему визиту. Ордо Маллеус может прислать ко мне своего представителя только по одной причине. Вы считаете, что я недостаточно хорошо подготавливаю мысли местных жителей к отражению неизбежной атаки Врага.

— Я здесь не для того, чтобы вас в чем-то обвинять, — спокойно ответила Лигейя, взяла первую попавшуюся книгу и повертела ее в руках. — Я пришла ради своих исследований. Кто-то или что-то на Софано Секундосе связан с близким по времени возрождением очень могущественного демона.

Полоний поднял голову, и Лигейя впервые увидела его глаза — большие и светлые, словно глаза морского существа.

— Демоны?! — воскликнул миссионарий. — Сохрани нас Трон!

— У инквизиторов, наблюдающих за Шлейфом, слишком мало информации о Софано Секундосе. Потому мне остается надеяться только на вас. — Лигейя говорила довольно быстро и в то же время изучала обложку взятой книги. Она оказалась старинной и очень тяжелой, с искусно сделанными медными застежками. — Я ищу любые признаки деятельности культов в этом мире.

Полоний покачал головой:

— Здешние люди преданы своей вере. Есть несколько противников Имперского культа, но это всего лишь сектанты, поклоняющиеся своим предкам. Я не обнаружил среди них ни

малейших следов Врага, в противном случае тотчас сообщил бы кардиналам. Конечно, есть еще дикие племена, обитающие в лесах. С ними даже Сверхкороль ничего не может поделать, но это бандиты, а не фанатики.

Лигейя щелкнула пальцами, и Ксианг проворно приблизилась, держа в руке чемоданчик Лигейи. Ксианг притронулась к замкам и откинула крышку. Инквизитор вынула отвратительную фигуру с Виктрикс Соноры.

— Что вы можете рассказать мне об этом?

Полоний, шаркнув, шагнул вперед и внимательно рассмотрел скульптуру. Лигейя отметила, что от миссионария пахнет ладаном и химикатами, точно его древнее тело напичкано консервантами, предохраняющими от разрушения.

— Ужасная вещица. Мне кажется, давным-давно, когда поклонение святому Эвиссеру было в расцвете, такие предметы коллекционировали вырождающиеся аристократы. Торговцы покупали их у лесных людей. Но это было очень давно. Сегодня искусство на планете вызывает любопытство, и ничего больше.

— Когда в последний раз вывозились такие скульптуры?

Полоний пожал плечами:

— Пятьдесят лет назад... Семьдесят?.. У Сверхкороля есть советник-историк, он может точнее сказать, когда это было. Сам я считаю эти языческие поделки омерзительными. И упоминал о них в своих проповедях.

Полоний выпрямился, и Лигейя с радостью спрятала скульптуру, поскольку чувствовала, как та извивается в ее руках.

— В этом мире много проблем, — продолжал Полоний, — но среди них нет угрозы нашествия Врага. Люди бедны и невежественны, земля не слишком плодородна, но здесь нет признаков разложения. Я читал проповеди везде: от Хаджишейма до Каллианского Потока, что на северном побережье. Все грехи здесь только от человеческих пороков.

— Я рада это слышать, — сказала Лигейя. — Но мое расследование ничуть не продвинулось.

— Жаль, что я не в силах помочь. Имперской инквизиции придется поискать еретиков и призраков где-нибудь в другом месте.

Лигейе показалось, что Полоний улыбнулся, но она не была уверена в этом.

— Что ж, значит, мне здесь больше нечего делать. — Лигейя встала и расправила длинные юбки. — На всякий случай я попытаюсь что-нибудь узнать у Сверхкороля и его советников. Хотя и сомневаюсь, что им известно то, чего не знаете вы. А вы много читаете, — добавила она, поднимая книгу, которую рассматривала. — Я давно уже не видела «Стенаний» Мирмандоса.

— Мне оставил ее предшественник, — сказал Полоний. — Я всегда считал Мирмандоса недалеким. Его притчи слишком просты, чтобы использовать их в моих службах.

— А кардиналы на Терре провозгласили его обязательным для изучения в семинарии, — заметила Лигейя. — Они были бы разочарованы, услышав о вашем неодобрении.

— Ну, кардиналы имеют право не соглашаться со старым неотесанным миссионарием, — ответил Полоний.

— «Стенания», — тихо произнесла Лигейя, — были утрачены двенадцать веков назад. Ни один член Экклезиархии, даже кардиналы, если они не прожили так долго, не имеют копий.

Культисты смерти с мечами и метательными лезвиями в руках подошли ближе. Рука Лигейи лежала на обложке фолианта. Исходящая от книги информация свидетельствовала, что это тот самый том, который всеми источниками, включая Трепитос, считался утерянным.

— Я не верю, что ты — Полоний, — продолжала Лигейя. — Властью, данной мне Священной Инквизицией Императора, я требую, чтобы ты подвергся духовному испытанию. Ты пройдешь все стадии дознания, и каждое произнесенное тобой слово, ради твоей жизни и души,

должно быть правдой. — В голосе Лигейи зазвенел ледяной холод.

Культисты смерти так напрягли мускулы, что инквизитору казалось, она слышит их гудение.

— Глупая девчонка, — бросил миссионарий. — Глупая, упрямая и слабая девчонка!

Под его клобуком что-то вспыхнуло; глаза внезапно полыхнули фиолетовым огнем и осветили лицо — такое древнее и пустое, что едва ли хоть один человек мог естественным путем прожить столько лет, сколько отражало оно.

Воздух сгустился, и миссионарий Крусьен, обнаруживший себя впервые за целое тысячелетие, вспыхнул колдовским пламенем.

Спустя несколько секунд на «Рубиконе» пропала всякая связь с поверхностью Софано Секундоса.

7. СОФАНО СЕКУНДУС

— Ничего нет, — произнес офицер в шлеме связиста. — Мы потеряли все. Сигналы жизни, маячок челнока — абсолютно все. Глухо.

Аларик спрыгнул вниз с возвышения перед пультом:

— Почему?

— Я не зна...

— Смотри на экран! — перебил правосудор.

Картина поверхности Софано Секундоса исчезла с монитора, уступив место мешанине помех. Связист в рубке, находящейся в углублении капитанского мостика, без конца переключал настройки окружавших его мониторов и регистраторов. Он отчаянно пытался уловить хоть какой-то отчетливый сигнал с поверхности. Но на всех каналах слышался только треск, словно от искр короткого замыкания.

— Танкред, Генхайн, сажайте свои отделения в «Громовой ястреб» и отправляйтесь, как только получите координаты посадки, — распорядился Аларик. — Санторо, подожди меня, я узнаю все, что смогу, и тотчас буду у вас.

— Проблемы, правосудор? — отрывисто спросил Танкред.

— Сплошные проблемы, — ответил Аларик, взглядываясь в экран.

Появилось изображение пригорода Хаджишейма, расположенного над глубокой лощиной с крутыми склонами, поросшими густым лесом. Там, где должен был быть центр Хаджишейма, неистово клубились пурпурно-черные разводы помех.

— Они подавляют связь? — спросил правосудор.

— Если так, мы никогда не видели таких помех, — откликнулся кто-то из рубки связистов.

Аларик немного помедлил, взглядываясь в беспокойное пятно на поверхности Софано Секундоса.

— Зато они повидали такого достаточно, — произнес Аларик. — Это колдовство.

Даже с орбиты он ощущал, как щупальца магии холодным дождем стучатся в его закрытую броней душу.

Ни для ритуального очищения души, ни для обрядов над оружием, обязательных для каждого Серого Рыцаря накануне битвы, времени не оставалось. Лигейя внизу. Если она и жива еще, то скоро может погибнуть. Серые Рыцари — ее единственная надежда на спасение.

— Навигатор, в кабину! — крикнул Аларик, выбежав из капитанской рубки. — Выводи корабль на пусковую позицию. Полет-контроль! Когда я добегу до пусковой палубы, у меня должен быть курс на поверхность!

По пути к ангару «Громовых ястребов» Аларик торопливо бормотал Семь Молитв Нетерпимости. Где-то внизу взревели мощные двигатели «Рубикона»; сервиторы и члены экипажа пробежали по палубам навстречу правосудору. Корабль резко вздрогнул, поворачиваясь пусковыми люками к поверхности Софано Секундоса.

— ...И наполни мою душу праведным гневом и укрепи мою руку...

— Астропаты доложили о странных явлениях в варпе, — донесся по воксу голос из капитанской рубки. — Они говорят, что слышат вопль.

Аларик, сокращая путь в пусковой ангар, проломил ударом плеча переборку. Два из трех «Грозных ястребов» были загружены и заправлены для полета. Колесные сервиторы отсоединили шланги, по которым заливался прометий. Корабль с отделениями Танкреда и

Генхайна был полностью готов к запуску; у второго, ожидавшего Санторо и Аларика, был опущен задний борт. Воины его отделения поджидали командира.

— ...и направь мою руку, благослови оружие, пусть твоя ярость станет моей яростью и через меня испепелит плоть Великого Врага...

— Мы получили сообщение! — раздался голос связиста,

— Лигейя?

— Тайци.

— Уже хорошо. Что он сказал?

— Только набор координат. Но это определенно он.

— Где?

— Лощина рядом с городом, как раз на краю пятна помех.

— Значит, там мы и приземлимся, — решил Аларик. Он взбежал по сходням в пассажирский отсек «Грозового ястреба», где его молчаливыми кивками ветрители знакомые лица воинов. Все надели шлемы и пристегнули ремни.

— Навигаторы, курс проложен?

— Да. И программа посадки уже загружена.

Задний борт позади Аларика плавно поднялся на место.

— Тогда открывайте шлюз и запускайте корабль! — распорядился Аларик.

Начался предстартовый отсчет. В отсек ворвался пронзительный гул двигателей, усиливавшийся по мере запуска всех систем «Грозового ястреба». Двери ангара автоматически захлопнулись, вызвав гулкий рев выходящего воздуха, «Грозовой ястреб» рванулся вперед, и его пассажиров придавило к спинкам сидений. Аларик выглянул в иллюминатор боевого корабля, с ревом покидавшего «Рубикон». Корма ударного крейсера быстро отдалялась. Освещенный полумесяц Софано Секундоса — пустынный и серый, кроме одного ярко-зеленого пятна с черной кляксой посередине — возник перед обзорным окном.

Аларик чувствовал темную и насмехающуюся магию. Но Серые Рыцари всю жизнь тренировались ради борьбы с ней.

Внизу, под темнеющим небом, проносились леса. Погруженные в тень долины были похожи на реки чернил, и, будто сломанные зубы, торчали отдаленные вершины голых скал у самого горизонта. Двигатели «Грозового ястреба» взвыли еще громче, стараясь преодолеть нарастающую силу притяжения и удержать падающий корабль.

«Грозовой ястреб» приближался к заданной цели, внизу уже чернела узкая долина. Из-за сильнейших помех датчики корабля почти не действовали, так что пилоты Маллеус вели судно на свой страх и риск. Мимо иллюминатора пронеслись темные травянистые склоны, «Грозовой ястреб» описал широкую дугу и выпустил шасси. Они с сильным толчком уперлись в землю, и главные двигатели смолкли.

Долина оказалась глубокой и темной. По обеим ее сторонам сплошной массой зелени стоял густой сумрачный лес. Дно долины покрывали колючая трава и кустарники. Вдали виднелся темный и плотный купол колдовства. Небо над головой приобрело такой же оттенок, что и колдовство, — черный, с багровыми разводами и серебряной пылью звезд.

Открылся задний борт, и стало видно, что шасси «Грозового ястреба», прежде чем остановиться, прорыли в плотной почве две глубокие борозды.

— Выходим! — скомандовал Аларик.

Через несколько секунд отделения Санторо и Аларика были на земле с оружием наготове. Едва Аларик коснулся ногами почвы, он ощутил эхо явления, о котором предупреждали астропаты, — возбуждение в варпе, проявление активности где-то на границе реального мира.

Авточувства Аларика быстро преодолели сумрак. Темная, густо переплетенная растительность Софано Секундоса цеплялась за склоны долины, постепенно переходя в непроходимый лес на краю обрыва.

— Танкред? — окликнул Аларик своего друга по общему каналу вокса.

— Мы спускаемся. Вы нашли его?

— Нет. Начинаем поиски.

«Громовой ястреб» Танкреда появился над долиной, осыпал небо голубыми искрами реактивных двигателей и приземлился рядом с Алариком. Задний борт с громыханием опустился, и воины Танкреда высыпали наружу, не дожидаясь, пока утихнут двигатели. Массивные фигуры в доспехах терминаторов с глухим стуком попрыгали на влажную траву.

— Что-то нашел, — внезапно раздался в воксе голос брата Марла, одного из десантников Санторо. — Я думаю, это он.

Санторо жестом позвал своих воинов к тому месту, где находился Марл.

— Отделение, прикрыть тыл! — приказал Аларик, и его братья развернулись, охраняя периметр.

— Точно, — передал по воксу Санторо. — Это один из ее охранников.

— Тайци?

— Трудно сказать.

— Остаться на месте, — бросил Аларик своему отделению и поспешил к Санторо, перед которым на земле распростерлась темная фигура.

Это определено был один из культистов смерти Лигейи — в черном облегающем костюме, теперь порванном и испачканном. Маска упала с головы, и Аларик осознал, что впервые видит лицо одного из охранников Лигейи.

Он узнал и меч Тайци, все еще зажатый в руке; если у культистов и был лидер, кроме Лигейи, то это был именно Тайци. И если она хотела послать кого-то, чтобы передать Серым Рыцарям координаты для безопасного приземления, Лигейя выбрала бы его.

Аларик опустился на колени рядом с Тайци. Он еще дышал, но был жестоко ранен. Вся кожа покрылась ссадинами и порезами. Одна нога явно сломана, а грудь так разбита, что Аларик изумился способности культиста делать хоть небольшие вдохи. Приятное худощавое лицо хранило следы ударов; гладкие черные волосы слиплись от крови, а челюсть свернута на сторону. Осколки зубов вместе с потеками крови прилипли к подбородку.

— Он жив, — объявил Аларик. — Ты можешь говорить?

Веки Тайци поднялись. Но под ними не было глаз.

Из глазниц Тайци жирными розовыми червями высунулись два щупальца и стали омерзительно извиваться, приоткрывая на концах алчные пасти. Лицо Тайци лопнуло в нескольких местах, и на костях обнаружились целые гнезда червей, пожиривших голову культиста смерти и оставлявших после себя пузырящуюся массу.

— Микрос! — крикнул Санторо.

Вперед выступил воин из его отделения, несущий огнемет.

Аларик отшатнулся, и Микрос тотчас окатил извивающиеся клубки мощным потоком освященного пламени. Насыщенный аромат ладана смешался с запахом горящей плоти, и вскоре тело исчезло.

— Это были... — заговорил Санторо.

— Танкред, Генхайн! — крикнул в вокс Аларик, видя, что оба отделения уже вышли из корабля. — Тайци манипулировали. Они ее схватили. Дайте мне...

Танкред увидел их первым, и Аларик понял: что-то случилось, раз весь отряд поднял оружие в направлении верхней кромки склона долины. Лес над склоном ошетинился копьями,

словно сами деревья шагнули навстречу Серым Рыцарям. Внезапно в сгустившемся сумраке блеснуло оружие, показались знамена и яркие одежды баронов Сверхкороля. Звон металла и ржание тарров смешались с шумом холодного ветра в ветвях деревьев.

Аларик посмотрел на противоположный склон. Там тоже были люди, возможно, многие тысячи воинов. Они ждали Серых Рыцарей. Существо в голове Тайци завладело им и заставило заманить Серых Рыцарей в ловушку.

— Солдаты с неба! — раздался голос герольда из рядов солдат Сверхкороля. — Наш Император питает отвращение к еретикам, которые охотятся за душами Его людей. Духи давно умерших королей плюют на язычников, осквернивших земли Сверхкороля. Император, Повелитель Перемен и Тысячеликий Принц проклинают ваши сердца. Ваша смерть — жизнь для нас.

— Сомкнуть ряды, — скомандовал по воксу Аларик, и Серые Рыцари плотным кольцом окружили оба «Громовых ястреба». Затем правосудор обратился к своему отделению: — Они сейчас будут атаковать. Вьен, Кlostус — вы впереди, со мной. Ликкос, ты с отрядом Глайвана в центре. Очистите ваши души и укрепите веру.

Наверху взревел боевой рог, и командиры армии отдали последние приказы на языке своих давно умерших королей. Черная масса, оцетинившаяся копьями, и кавалерия на таррах одновременно двинулись вперед, заполнив долину оглушительным шумом. Аларик видел, как жилистые, узловатые ноги тарров быстро несут их вперед. Сверкают доспехи сидящих на них рыцарей, развеваются разноцветные знамена дюжины баронов...

Правосудор Генхайн из середины Серых Рыцарей прокричал приказ, и болтеры ответили огнем. Каждый Серый Рыцарь посылал в надвигающуюся массу белые полосы снарядов, взорвавшихся кровью врагов.

Тарры валились на землю, сбрасывая седоков. Тела солдат превращались в бесформенные куски плоти и реки крови. Но следующие шеренги перешагивали через погибших и упрямо двигались вперед, устилая своими телами пространство вокруг Серых Рыцарей. Задние ряды кавалеристов неслись на десантников Аларика, перескакивая через мертвых сограждан. Атака разгоралась, и воздух наполнился знакомым запахом смерти.

И вот прорвался первый из них. Аларик успел рассмотреть сжатые зубы под забралом, украшенные цветными полосами доспехи поверх яркой развевающейся одежды, смуглую кожу и белые волосы. Лезвием алебарды Немезиды правосудор отбил нацеленное в голову копье и ударил кулаком другой руки в оскаленные зубы тарра, несущего всадника. Рука пробила массивную челюсть, и тогда Аларик нажал пусковую кнопку штурмболтера, встроенного в латную рукавицу. Снаряд разорвал животное на части.

Всадника Аларик наколол на острие алебарды и, не стряхивая тело, разрубил второго, идущего следом противника. Рядом с Алариком брат Вьен снес голову тарра, вскочил на его труп и, размахивая своей алебардой, словно палицей, расшвыривал людей в стороны. Холварн встал у плеча Аларика и проткнул мечом еще одного всадника. В бой вступил Дворн: его молот на фланге описывал широкие дуги, оставляя за собой мешанину разбитых тел.

Аларик скорее почувствовал, чем услышал, что атакующие столкнулись с отделением Танкреда. Он увидел летящего по воздуху тарра, явно брошенного кем-то из братьев терминаторов. Затем донесся голос Санторо, выкрикивающий Молитву Стойкости. Лязг мечей подсказал Аларику, что воины Санторо уже вступили в бой с пешими фехтовальщиками.

Под ударами снарядов и клинков Серых Рыцарей наступающие солдаты превращались в окровавленные лохмотья. Основную массу армии Сверхкороля составляла пехота, вооруженная мечами и копьями, и эти отряды упрямо двигались вперед. Вот так можно было победить Серых Рыцарей — задавить массой. Заманить в ловушку между двумя людскими потоками, где со

временем могут подвести даже лучшие доспехи, а заряды болтеров рано или поздно закончатся. Тогда сотни рук прижмут их руки к земле, сотни тел повиснут на ногах... И все братья погибнут.

Аларик взглянул в сторону «Громовых ястребов»; машины были облеплены людьми, которые пытались открыть заглушки и разбить окна. В одной кабине что-то мелькнуло: пилоты Маллеус, вероятно, сражались с теми, кто сумел проникнуть внутрь. Они будут биться насмерть, но все равно не устоят. И «Громовые ястребы» будут разрушены.

Толпы людей продолжали напирать. Лезвия мечей уже доставали до Аларика, лязгая по его доспехам. Перед ним встала стена стали, а за ней — целое море пылающих ненавистью лиц. Один из врагов уклонился от молота Дворна и ринулся на десантника, заставив его отступить на шаг назад. За ним бросилась целая дюжина, стараясь повалить воина на землю. Клостус рассек одного из противников от шеи до пояса и отбросил второго, но люди продолжали прорываться в образовавшуюся брешь, бесстрашно и фанатично.

— Танкред! Надо прорываться, их слишком много! — крикнул Аларик в вокс.

Он оглянулся на Санторо: воин возвышался над морем солдат и размеренно гвоздил их по головам палицей Немезиды. Со стороны отделения Генхайна доносилась болтерная стрельба. Псипушка Ликкоса посылала в задние ряды сверкающие снаряды, но врагов было слишком много, чтобы даже заметить эти потери.

Аларик понимал, что Танкред был единственной надеждой Серых Рыцарей.

— Братья! — вскричал Танкред. — За справедливость! За чистоту! Будьте сильны в своей ненависти и неустрашимости!

— За справедливость! — откликнулись его люди.

Аларик ощутил слабый гул в той части мозга, что отвечала за психическую устойчивость и помогала выдержать тренировки Серых Рыцарей.

— В страданиях! И в славе! — продолжал Танкред, разрубая мечом Немезиды одновременно двоих врагов.

А шум в голове все нарастал, превращаясь в оглушительный хор; вокруг отделения Танкреда уже заплясали белые молнии.

И вот, словно разрыв бомбы, словно метеор, колоссальный взрыв света ворвался в толпу перед Танкредом. Сила удара потрясла всю армию Сверхкороля. В ослепительной вспышке Аларик видел, как плоть испаряется с костей, как распадаются на части тарры, как пространство освобождается от врагов: они взлетают в воздух и падают на головы товарищей в задних шеренгах.

Инквизиторы Ордо Маллеус называли это явление холокостом, но оно было гораздо сложнее. На такой шаг были способны лишь Серые Рыцари с самой устойчивой психикой, да и те не могли действовать в одиночку. Требовалась помощь целого отделения, руководимого псайкером. И тогда ненависть к Врагу, накопленная за долгие годы тренировок и молитв, преобразовывалась в физическое явление огромной разрушительной силы.

Впереди Танкреда образовалось свободное пространство выжженной добела земли.

Командир отделения терминаторов с ревом рванул в образовавшуюся брешь. Отделение Генхайна ринулось за ним, осыпая противников болтерным огнем. Сверкало оружие Немезиды, болтеры гремели без передышки. Терминаторы Танкреда теснили врагов и прорывались сквозь толпы фехтовальщиков Софано.

Аларик и Санторо следовали за ними по телам убитых воинами Танкреда, уничтожая каждого, кто оказался поблизости. Ряды нападавших смешались, солдаты бросали оружие и карабкались вверх по склонам, и Танкред поднимался за ними. Все больше и больше солдат противника отступали, и сражение превратилось в беспорядочное бегство. Офицеры и бароны

на таррах и лошадях орали на своих людей, призывая продолжать бой, но знамена предводителей уже поникли.

Вот так можно было победить целую армию. Показать, на что способны Серые Рыцари, и дать понять каждому, что он будет следующей жертвой, если останется в строю.

Аларик проверил руны, передаваемые авточувствами прямо на сетчатку глаз. Руна Дворна мигала — значит, он был ранен.

— Есть потери? — спросил он по воксу.

— Каанос мертв, — прямо ответил Санторо. — Микрос несет его тело.

Аларик ощутил ярость. Мало того, что Софано Секундос обманом заманил Серых Рыцарей, теперь он еще и забрал жизнь десантника. Аларик хорошо знал его. Каанос был копией Санторо — спокойным, благочестивым и преданным воином. Теперь он уже не прочтет ни одной молитвы.

И самым тяжким грехом было бы оставить тело Серого Рыцаря на поле боя. Геносемя, которое регулировало обмен веществ Кааноса, и его дополнительные органы будут изъяты из тела и переправлены на Титан. Апотекарии имплантируют их в организм новичка, только начинающего путь Серого Рыцаря.

Но это произойдет лишь в том случае, если кто-то из них сумеет выбраться с Софано Секундоса.

— Мы укроемся на границе леса и будем продолжать двигаться, — передал по воксу Аларик. — Они пошлют за нами погоню. — Затем он переключился на частоту отделения: — Дворн?

— Рука сломана, — откликнулся Дворн.

Это было лучшее, что мог услышать Аларик. Обмен веществ космодесантника поможет быстро вылечить сломанную кость, но до тех пор Дворн не сможет сражаться в полную силу.

Внизу, в армии Сверхкороля, царила сумятица. Аристократы пытались организовать перепуганную толпу и послать погоню за Серыми Рыцарями, но приказы не исполнялись. В рядах воинов разгоралась паника. Танкред уже вошел в лес, и его люди одиночными выстрелами убивали всех, кто отваживался их преследовать.

Аларик посмотрел вниз и увидел оранжевое пламя над двигателями обоих «Громовых ястребов». Люди Сверхкороля — то ли по наитию, а скорее, по чьему-то приказу — перерезали топливные шланги и зажгли прометий. Если Серым Рыцарям и суждено покинуть Софано Секундос, то только не на этих боевых кораблях.

В полночь, в самой гуще леса они похоронили Кааноса. Правосудор Санторо, сняв с него доспехи, вырезал из горла орган геносемени. Затем брата Кааноса опустили в наскоро вырытую могилу.

Санторо произнес короткую речь о долге, самопожертвовании и героической гибели на виду у Императора. То же самое мог сказать и сам Каанос.

Аларик, слушая неизменные слова, произносимые на всех погребениях и проповедях, вдруг осознал, почему Лигейя поручила руководство именно ему. Он мог мыслить за пределами ограничений, связывающих большинство Серых Рыцарей. В то же время он был достаточно силен, чтобы помнить о самых важных вещах — стойкости к влиянию Врага, целеустремленности в битве, вере в силу, данную Императором, когда нет другой надежды на победу.

Санторо не мог стать лидером. Его убеждения были тверды, но и ум стал негибким, закостенелым. То же самое относилось и к Генхайну с Танкредом, какими бы отличными воинами они ни были. Они — прекрасные солдаты, способные сдерживать натиск тьмы. Но

вести их вперед должен такой, как Аларик. Если замыслы Врага заставят его приспособливаться, он сможет изменить правила, определяющие их жизнь.

Вот почему Дурендин так верил в него. Это свойство, не замеченное даже грандмастерами, рассмотрела в нем и Лигейя.

Но Аларик не слишком радовался своим способностям. Намного легче было бы просто слушаться приказов и сражаться. Командование Серыми Рыцарями требовало многих качеств, которых он у себя не находил. Ему придется многому научиться, пройти через тяжелые испытания и доказать, что он достоин.

Санторо закончил обряд. Боевые братья забросали землей неглубокую могилу. Аларик занес в электронный планшет координаты захоронения. При первой возможности дознаватели Ордо Маллеус смогут вернуться и забрать тело Кааноса для захоронения в катакомбах Титана. Они заберут также доспехи и оружие десантника, сложенное у его ног.

Теперь же боеприпасы Кааноса разделили между собой воины отделения Санторо. Аларик понимал, что, если они будут долго оставаться на планете без поддержки, им может не хватить снарядов.

Прежде чем отправляться в путь, Аларик послал на «Рубикон» секретное сообщение. Правосудор известил команду Ордо Маллеус о том, что «Грозовые ястребы» уничтожены войсками Сверхкороля, и о том, что спустить на поверхность планеты челноки пока невозможно. Он приказал команде не принимать сообщений ни от кого, кроме него, даже от инквизитора Лигейи, и пообещал известить их, если ситуация изменится.

В ответ он получил краткое закодированное подтверждение.

Правосудор Генхайн отошел от могилы Кааноса.

— Правосудор? — окликнул он Аларика, блеснув в лунном свете своим бионическим глазом. — Куда теперь?

— Куда же еще? — воскликнул Аларик, пряча свой планшет и обнажая оружие Немезиды. — На Хаджишейм.

Дворец Сверхкороля представлял собой огромный лабиринт, спускавшийся глубоко под землю. Просторные сводчатые залы сменялись длинными низкими галереями с белокаменными лестницами, многочисленными комнатами и узкими переходами. Повсюду на каменных стенах были выбиты священные тексты. Чем глубже вниз, тем чаще имперские молитвы заменялись нечестивыми цитатами, где воспевалась хвала службе жителей Софано Повелителю Перемен и его многоликому слуге, которым мог быть только Гаргатулот. В спертом воздухе пахло обгоревшей плотью. Фонари погасли, и целые уровни лабиринта были погружены во мрак. Злобные голоса людей доносились со всех сторон, и все это место казалось каменной клеткой для загнанной добычи.

Этой добычей была инквизитор Лигейя. Пятеро из ее культистов смерти были еще живы — Тайци пожертвовал собой, чтобы они смогли спуститься с первого этажа под землю, — но здесь их преследовали десятки людей. Лигейя слышала молитвы и проклятия, солдатские песни, отрывистые приказы, лязг железа по камню, свист обнажаемых мечей.

— Ксианг, Шан, идите вперед. Придется спуститься еще глубже.

Лигейя торопливо шла по длинному низкому коридору с двумя рядами статуй. Лицо каждой фигуры было словно разъедено кислотой. Два культиста смерти длинными грациозными прыжками устремились вперед и, словно призраки, исчезли за поворотом. Остальные плотнее окружили госпожу — Лигейя даже ощутила запах искусственных гормонов, циркулировавших теперь по их венам.

Культисты смерти были обязаны до самой смерти служить Лигейе. Их предназначением

было убийство. Сам культ был странным ответвлением имперской церкви, сумевшим ускользнуть от внимания Экклезиархии. Культ проповедовал смерть врагов в качестве жертвоприношения Императору. Культисты смерти предлагали свою помощь любому, кто служил Императору, а поскольку Лигейя однажды освободила культ от демона-паразита, затесавшегося в организацию, ей были навечно предоставлены шестеро лучших членов в качестве охранников. Каждый из них имел комплект искусственных сухожилий и нейроактивируемый инжектор гормонов. Каждый перенес хирургическую операцию усиления мускулов и изменения пищеварительной системы, что позволяло им жить за счет крови, пролитой их жертвами.

Теперь их осталось пятеро. И Лигейя знала, что даже ее культисты смерти не в силах противостоять слишком многочисленной армии Сверхкороля. В конце концов, ее загонят в угол и убьют. Ей ничего не оставалось делать, как только сражаться до конца и смириться с неизбежностью.

Позади Лигейи из-за угла появились отблески факелов.

— Ло! Гао! — позвала она, но двое культистов уже бежали по коридору, не дожидаясь команды.

Гао подпрыгнул, оттолкнулся ногой от головы ближайшей статуи и перевернулся в воздухе. Сверкнуло лезвие, и голова первого преследователя, завернувшего за угол, слетела с плеч. Ло двигалась, пригнувшись к самому полу, и два ее кинжала снизу вверх вонзились в живот второго нападавшего. Оба противника были солдатами личной гвардии Сверхкороля — теми, что в почетном карауле на таррах провожали ее ко дворцу. У каждого в шлеме было прорезано по дюжине глазных отверстий, а их мечи походили на белую кость.

Едва тела успели упасть на пол, за стеной, на грани реальности и варпа раздался пронзительный вопль. Лигейя вытянула вперед руку и позволила значению настенной надписи впитаться в мозг. Где-то позади остался незамеченный барьер, и теперь она направлялась в такое место, где спокойно могли разгуливать создания «Императора» — Повелитель Перемен и Тысячеликий Принц. Таким образом, жители Софано Секундоса поклонялись ужасному смещению религии Империиума и Хаоса. Лигейя ощутила, что стены реальности становятся все тоньше.

Она повернула за угол. Сидящий на корточках Шан показал, что путь пока безопасен.

— Здесь очень сильна власть Врага, — сказала Лигейя культистам смерти, когда Гао и Ло догнали всю группу. — Это его территория, я чувствую. Здесь может быть недостаточно вашей силы. Я не думаю, что мы останемся в живых, так что лучше скажу сейчас: вы отлично служили мне, братья и сестры.

Культисты смерти ничего не ответили: они никогда не разговаривали. Но Лигейя знала, что они ее поняли.

Внезапно в стену ударился ливень стрел, и Гао проворно отскочил в сторону. Затем раздался крики; Лигейя позволила смыслу проникнуть в мозг и ощутила ненависть и азарт погони.

Лигейя побежала. Она услышала, что и впереди звенит оружие, но к тому времени, когда достигла следующего перекрестка, Ксианг, держа в руках окровавленные кинжалы, уже выпрямилась над четырьмя обезглавленными телами.

— Они приближаются?

Ксианг кивнула. Лигейя быстро перевела взгляд на тела. У одного было три руки, а свалившийся шлем открыл третий глаз в середине лба — широко раскрытый, налитый кровью. Мутанты. Прикосновение Хаоса сказалось даже на личной гвардии Сверхкороля. Одному Императору известно, насколько глубоко пал сам Рашемха Отважный.

Лигейя физически ощущала, как ненависть сочится из стен, пола и потолка. Атакующие с воплем бросились вперед. Лигейя увидела извивающиеся щупальца и ужасающе разросшиеся челюсти, сверкающие зубами. Масса людей бросилась на них сразу с трех сторон.

Ксианг взбежала по стене до самого потолка, и, прежде чем она спрыгнула на пол, двое нападавших упали с перерезанными шеями. Ло бросилась в атаку, врезалась в толпу людей. Она неистово вращала кинжалами, отсекая руки и вспарывая животы. Но трое врагов перескочили через Ло и ринулись навстречу Лигейе. Инквизитор, вытянув вперед руку, активизировала нейрорецептор в большом аметистовом перстне. Оружие на пальце, стоявшее больше, чем весь дворец ее отца, пронзило иссиня-белым копьем лазера горло ближайшего противника и остановило атаку. Ксихо тем временем проскользнул мимо Лигейи и успел убить еще двоих, пока те не опомнились.

Лигейя почувствовала колдовство раньше, чем был нанесен удар. Низкий рев, почти на границе слышимости, возник в голове и стал нарастать до непереносимого крещендо. А затем по коридору пронеслась черная молния. Тьма наполнила все помещение, но сильные, как клещи, руки схватили Лигейю сзади и бросили поперек коридора, так что она сильно ударилась о стену. Затем свет вернулся, и инквизитор увидела, что ее спас Гао, культист смерти. Но его самого взрыв психической энергии разорвал на части. Кровь Гао брызнула на Лигейю, обжигая ей глаза.

Обгоревшие куски тела Гао с глухим стуком шлепнулись на пол. Лигейя вытерла с лица капли крови и сквозь слезы увидела колдуна, обнаженного до пояса и в килте из десятков разноцветных лоскутов. Сухощавый торс был отмечен глубоко вырезанными символами Переменчивого Бога. Из ран текла кровь темно-синего цвета. Вокруг его рук плясали языки черного пламени. Колдун бросил новый заряд, на этот раз в сторону Ксианг, которая одна сдерживала натиск шестерых фехтовальщиков. Ксианг успела отпрыгнуть в сторону, но сила взрыва подбросила ее к потолку.

С каждым взрывом голоса варпа становились все сильнее. Лигейя поняла, что они оказались совсем близко к главному очагу разложения, разъедающего Софано Секундос.

Ксианг и Шан подхватили Лигейю и понесли по дымному коридору, прочь от колдуна и солдат армии Сверхкороля.

Лигейя пыталась прочесть информацию, накопленную в камнях, и представить себе сложный план нижних уровней дворца. Она увидела вокруг себя путаницу коридоров и комнат, ощутила, как они расходятся от темного пятна в самом центре.

— Сюда, — промолвила она, указав рукой на круто сворачивающий проход.

Ло и Ксихо побежали вперед, а Ксианг и Шан, не замедляя бега, продолжали нести ее через клубящуюся тьму и мерцание черных огней.

Впереди показалась большая деревянная дверь, выкрашенная в темно-красный цвет. Ксихо ударил ногой: дерево треснуло. Навстречу хлынули красноватый свет и нечеловеческие вопли.

Лигейю внесли внутрь. Воздух в комнате казался теплым, как кровь, каменный пол слегка вибрировал. Помещение было многоугольным, но Лигейя не могла сосчитать количество углов. Всякий раз, когда она смотрела в какую-то сторону, углы начинали двигаться перед глазами. Комната увеличивалась или уменьшалась, меняла форму, и размеры ускользали от глаз инквизитора.

Стены закрывали полотнища, исписанные на текучем наречии Софано Секундоса, но буквы извивались, словно черви. По углам комнаты были сложены кипы книг и свитков, а в центре от неглубокой закопченной ямы пахло сгоревшими специями и плотью. Повсюду виднелись символы Хаоса — восьмиконечная звезда и темная комета повелителя перемен, — но они ускользали от взгляда Лигейи, как будто боялись, что их прочтут. Стены пульсировали

энергией, и от них струился кроваво-красный свет.

В комнате было три двери. Та, в которую они вошли, уже разлетелась в щепки. Меч Ксихо сверкал в воздухе, отсекая тянущиеся к Лигейе руки вместе с оружием. Остальные две двери распахнулись, и в одну хлынул поток солдат Сверхкороля. В том, кому подчинялась армия, сомнений больше не оставалось: на каждом из воинов лежала печать мутации. Повсюду мелькали когтистые лапы, клешни, как у насекомых; из груди таращились фасетчатые глаза, на животах кричали рты. Кое-кто уже бросил оружие, чтобы сражаться клешнями и шипами.

В другую дверь вошел колдун. Лигейя чувствовала, как он силен. Черный огонь, покрывавший всю верхнюю половину тела, попросту прожег толстое дерево. Сквозь пылающую кожу был виден скелет, светящийся зарядом энергии. Все тело было усыпано десятками глаз, сверкавших драгоценными жемчужинами.

— Не прикасайтесь к нему! — крикнула Лигейя, стараясь превозмочь шум в голове.

Она знала, что губительным может стать одно присутствие колдуна. Культисты с их незащищенными душами погибнут, едва дотронувшись до него. Лигейя не могла двигаться и убивать так быстро, как они, но душа псайкера, обученного в Ордо Маллеус, обладала большей силой, чем их тела.

Шан кружил вдоль стен, и метательные лезвия летели из его рук, словно пули, врезаясь в шею и животы врагов. Ксианг была окружена и одна держалась против дюжины солдат. Пара кинжалов сверкала перед ней, вспарывая тела мутантов, выбрасывая наружу липкие жгуты внутренностей. Ксихо и Ло держались рядом с Лигейей, отбивая мечами каждую попытку подойти ближе, но противников было слишком много, и чудовищные воины подступали все ближе.

Колдун шагнул в воздух. Комната — вернее, храм — мгновенно растянулась вокруг него, и он стал подниматься ввысь, выбрасывая пучки черных молний. Лигейя ощутила, что в голове вновь нарастает шум. Для нее и культистов смерти комната оставалась слишком маленькой, чтобы укрыться от колдовского заряда. Психогенная мощь испепелит всех, кто находился в храме.

Она почти мертва. Она не выдержит сражения против такой силы. В ее власти распознавать значения, а не разрушать. Но значение самого храма, разложение, ненависть...

Лигейя открыла мысли, и в ее мозг хлынул могучий поток ненависти, копившейся на страницах книг и в настенных молитвах. Поток страданий и смерти исторгли сами камни под ее ногами. Сила потока была такова, что подняла Лигейю в воздух, и инквизитор ощущала, что ее переполняет энергия. Никогда раньше — ни в Ордо Еретикус, ни среди Маллеус — Лигейя не думала, насколько сильной может быть ненависть. Как будто живое существо вселилось в ее тело; оно рвалось наружу, обретало форму и было слишком горячим и злобным, чтобы его удержать.

Тысячеликий Принц восстанет. Повелитель Перемен пройдет по тропе, вырезанной Гаргатулотом среди звезд. Хаос — вот естественное состояние всех вещей, и немощное сопротивление слепцов рассеется под натиском этого прилива. Тзинч будет править, и не останется других законов, кроме Хаоса.

Лигейя сконцентрировала все эти мысли и образы в тугой комок ненависти в нижней части живота, собирая каждое слово и каждый звук. Потом с пронзительным воплем вырвала комок из себя и швырнула в окружающий мир.

Раскаленный добела вихрь ненависти сорвался с ее губ и врезался в грудь колдуна. Энергия переполнила его тело: оно взорвалось ослепительным пламенем, черными молниями, градом обугленных костей и каменно-твердых глаз. Пламя ураганом пронеслось по храму; культисты смерти взлетели в воздух перед волной ненависти. Она окутала солдат Сверхкороля и испарила

плоть на их костях.

Книги и свитки остались нетронутыми. Ненависть была настолько сконцентрированной, что затронула только живых существ. Только врагов. Наконец ураган затих, и Лигейя поняла, насколько она измучена. Ее тело содрогнулось и рухнуло вниз, но один из культистов вовремя подскочил и поймал ее, прежде чем Лигейя ударилась о твердый каменный пол.

Она задыхалась. Никогда раньше Лигейя не ощущала в себе такой колоссальной силы. Она и не подозревала, что эмоции могут обладать таким могуществом. Еретикус не пытались раскрыть все ее возможности, а пришедшие на смену Маллеус заботились лишь о том, чтобы ее воля могла устоять против Врага.

Шан помог Лигейе встать на ноги. Культист смерти слегка наклонил голову: это означало вопрос. Что теперь? Куда идти?

Лигейя огляделась вокруг. Почерневшие кости солдат Сверхкороля попеременно с книгами валялись вдоль стен. Не слышно было больше ни приказов, ни топота ног по каменному полу. Она испепелила всех, кто был послан за ней в погоню.

— Мы возвращаемся наверх, — сказала Лигейя.

Атака Серых Рыцарей началась перед самым рассветом. Буря, бушевавшая над городом, образовала черный купол. Он начинался за городскими стенами и закруглялся наверху покрывалом густых, почти непроницаемых для солнечного света туч, сверкавших молниями. Купол сделал невозможной любую связь: как электронную, так и экстрасенсорную. Но человек мог пройти сквозь преграду и достичь кромки лесов, начинавшихся сразу за высокими стенами города. Городские стены были деревянными, на каменном фундаменте и с каменными сторожевыми башнями. Сверхкороль перевел город на военное положение. Личная гвардия Рашемхи оставалась во дворце, гоняясь за Лигейей и ее культистами смерти. Вся остальная часть регулярной армии Хаджишейма собралась у городских стен. Тысячные отряды патрулировали укрепления и охраняли ворота, ведущие во внутренние дворы, которые простреливались лучниками и метателями дротиков.

С внешней стороны за стенами лежал нижний город, плотно застроенный тесными лачугами. Там человека можно было безуспешно разыскивать не одну неделю. Зато верхний город, прилегающий к дворцу Сверхкороля и величественному храму миссии из черного мрамора, был просторным. Захватчикам грозил обстрел лучников, притаившихся на крышах.

Однако Сверхкоролю до сих пор приходилось отражать атаки лишь непокорных баронов и лесных разбойников. Он и не подозревал о существовании таких воинов, как космодесантники.

Возглавляло атаку отделение Генхайна. Его воины руками крушили деревянные сооружения и, словно крысы, давили скрывавшихся там солдат. Терминаторы Танкреда проломились сквозь крепостную стену и оказались в верхнем городе. Аларик и Санторо следовали за ними сквозь брешь и болтерным огнем уничтожали всех, кто пытался их остановить.

Танкред двигался без остановок. Под ударами его терминаторских сапог непрочные глиняные кирпичи стен превращались в пыль. По мере продвижения воинов вглубь города горожане в ужасе разбегались с дороги. Аларик и Санторо сдерживали всякие попытки контратаковать.

Солдаты армии Сверхкороля не были такими фанатиками, как дворцовая гвардия; кроме того, они сами запутались в тех самых улицах, которые должны были стать ловушкой для захватчиков. Когда воины увидели чудовищ в броне, восьми футов ростом, громивших стены города, словно фарфоровый сервиз, большая часть войска разбежалась. Те, кто осмелился принять бой, погибали под пулями и клинками Немезиды воинов Аларика и Санторо.

На крышах верхнего города поспешно собирались отряды лучников, в то время как аристократы прятались в подвалах тех же зданий. Солдаты посылали в захватчиков залп за залпом, но стрелы отскакивали от доспехов. С крыш старого города потекли потоки горящего масла, но чужеземцы продолжали двигаться, словно вовсе не ощущали боли.

Вихрь болтерной стрельбы смел лучников с крыш. Но к тому времени, как Серые Рыцари добрались до широкой улицы, ведущей к королевскому дворцу, на них вновь обрушился черный ливень стрел. Из городских конюшен выгнали тарров и стегали до тех пор, пока животные в панике не бросились навстречу нападавшим. Но клинки Серых Рыцарей разрубали зверей на части.

Воины Танкреда ударами ног разбросали поспешно возведенные баррикады, прорвали строй копыеносцев, перегородивших улицу, и, не сбавляя шага, двинулись вперед. Отделение

Генхайна, занявшее место в арьергарде, забрасывало болтерным огнем фехтовальщиков и копьеносцев, пытавшихся напасть сзади, пока у рыцарей не закончились заряды. Генхайну пришлось просить боеприпасы у Аларика и Санторо.

В сражение втягивалось все больше и больше людей. Бароны, желающие заслужить расположение Сверхкороля, спешно перебрасывали свои отряды в верхний город, объединяли их в огромные беспорядочные толпы и, словно стада скота, гнали под пули Генхайна. Десятки людей были задавлены насмерть или покалечены во время попытки бежать. Лучники, сумевшие выжить под обстрелом болтеров, в ужасе разбегались при виде резни, учиненной внизу над их товарищами.

Последняя сотня гвардейцев Сверхкороля собралась у главного входа во дворец. Мутанты были готовы встретить Серых Рыцарей когтями и клыками. Над их головами развевалось знамя Повелителя Перемен. Сам Сверхкороль вышел вперед, чтобы сразиться с пришельцами из космоса. Слуги приготовились обрушить на Серых Рыцарей крышу дворца, если захватчикам удастся прорвать оборону.

Но космодесантники не стали атаковать дворец. Танкред, минуя укрепления, повел рыцарей через притаившуюся в тени виллу барона. Пока он разбивал каменные стены и крушил обстановку из черного дерева, Аларик и Санторо отбивали яростные атаки людей Сверхкороля.

Серые Рыцари прошли сквозь бреши в стенах, и перед ними встала конечная цель. Аларик приказал воинам пробиваться к наиболее вероятному источнику тьмы, окутавшей Софано Секундос, — к храму миссии Крусьена, первого миссионера Софано Секундоса.

Танкред сокрушил высокие черные двери главного входа в храм. Твердое дерево расколосось под ударами латных рукавиц. Командир отделения терминаторов был весь покрыт пылью разбитой кирпичной кладки. После столкновения с твердыми мраморными стенами доспехи слегка помялись, но это не замедлило шагов гиганта. Его терминаторы ринулись в пробитую брешь; массивные сапоги доспехов крушили каменные ступени лестницы.

— Генхайн, прикрой нас! — передал по воксу Аларик. — Санторо, за мной!

Он повел воинов своего и Санторо отделений вслед за Танкредом. Из находящегося поблизости дворца летели тучи стрел; им отвечал огонь штурмболтеров отделения Генхайна. Командир отделения возмездия взял на себя сражение с армией Хаджишейма, находившейся за пределами храма миссии. Остальным Серым Рыцарям предстояло разобраться с теми, кого они обнаружат внутри.

Аларик вслед за Танкредом шагнул в разбитые двери миссии. Правосудора окутал тяжелый спертый воздух, пахнувший ладаном и сгоревшей плотью. Из центра храма далеким ураганом доносился низкий глухой рокот.

Авточувства Аларика мгновенно отреагировали на темноту и расширили зрачки, но все равно видимость оказалась не больше, чем во время песчаной бури. Он мог рассмотреть только неясные силуэты идущих впереди терминаторов да расплывчатые вспышки, отмечавшие выстрелы внутри храма. Вокс-канал был забит сплошными помехами.

— Санторо, прикрывай нас! — крикнул Аларик, прежде чем ринуться в темноту вслед за Танкредом.

Словно беспорядочный перезвон колоколов, раздались ужасные диссонирующие крики демонов, едва не пробившие защиту слуха. На миг Аларику показалось, что он может потерять сознание. А затем он увидел поднимавшиеся с мраморного пола розовые и голубые языки пламени, очень яркие в темном помещении. Длинными изогнутыми пальцами они быстро окружали отделение Танкреда.

Внезапно прямо из пола вверх вылетела молния, словно прожектор, осветив потолок храма.

Аларик заметил, что потолок был невероятно высоким. Размеры миссии ужасным образом исказились: она стала слишком большой, чтобы уместиться в пределах всего здания. Это место находилось уже за пределами реальности: оно было пропитано силами варпа и приобретало свойства имматериума.

Потолок превратился в некое подобие далекого неба, а с разошедшихся стен выступили уродливые мерцающие каменные звезды. Могло показаться, что Серые Рыцари угодили внутрь живота огромного каменного существа; все помещение изгибалось и качалось, как будто от дыхания. Молния затрещала где-то далеко вверху, и стены застонали в ответ.

Через освещенный пол навверх полезли демоны — длиннорукие, светящиеся, изрыгающие огонь существа. Аларик ринулся вперед, надеясь разорвать кольцо демонов, окруживших Танкреда.

Почуввав священные обереги, встроенные в доспехи Серых Рыцарей, демоны злобно взвыли. Танкред обезглавил одного из них, и шарики светящейся крови полетели не вниз, а к далекому потолку. Перед Алариком мелькали картины нереальных схваток в темноте, прорезаемой столбами бившего из-под пола света. Он видел, как правосудор Танкред разит демонов, брат Локат отсекает тянущиеся к нему руки с черными пальцами, брат Карлин наводит свой огнемет на выскакивающих из-под ног чудовищ и струя пламени бьет вниз, пока не начинает казаться, будто рыцарь стоит на вулкане.

Аларик размахнулся, резко опустил оружие и почувствовал, как плоть демона разрывается под ударом алебарды. Рядом раздался треск — это подбежавший Дворн опустил молот Немезиды на другого истошно вопящего демона. Аларик видел, что Танкред по-прежнему окружен. Серые Рыцари умели бороться с демонами; у космодесантников было самое лучшее оружие, но враги возникали, словно волны прилива. Так же было на Виктрикс Соноре; так же — и на Корионе IX тысячу лет назад.

Грохот битвы прорезали визгливые крики, и сверху на воинов Танкреда устремились летающие существа с острыми как лезвия крыльями. Аларик подпрыгнул и сбил одного из крикунов — так, что тот закувыркался в воздухе, разбрызгивая светящуюся кровь. Вдруг правосудор заметил, что один из летающих демонов умудрился поймать выпущенный в него заряд. Ударом крыла тварь обезглавила брата Краэ — одного из старейших боевых братьев Танкреда. Тело Краэ в терминаторских доспехах рухнуло на пол и стало опускаться еще ниже в открывшуюся под ним черноту.

— Краэ! — закричал Танкред.

Рукой с встроенным болтером правосудор схватил одного из крылатых монстров и рассек его надвое мечом Немезиды. Но демоны все прибывали: целые эскадрильи с резкими криками падали из темноты. Брат Вьен неподалеку от Аларика сбил еще одного крикуна болтерной очередью, а Холварн наколол второго на лезвие своего меча.

Но больше всего доставалось отделению Танкреда. Сам Танкред едва не лишился руки, когда одно из чудовищ глубоко запустило когти в его наплечник. Аларик ринулся в самую гущу битвы, и под его натиском демоны стали расступаться. Обереги на доспехах раскалились добела и блестели в мерцающем свете, исходящем от кожи врагов. И все же их было слишком много.

Серые Рыцари продолжали яростно отбиваться от напиравших демонов, как вдруг сверху ударил яркий свет. Аларик увидел, как из толпы в середине отделения Танкреда кто-то поднимается к стаям крикунов.

Сгорбленная, иссохшая фигура в длинной, разлетающейся накидке, словно пародирующей одеяния епископов. Капюшон упал на спину, и Аларику открылось изнуренное лицо — худое, как у мумии, с большими белыми глазами без зрачков. Из глаз, одна за другой, вылетали сверкающие пурпурные молнии.

Полоний? Миссионарий? Но от фигуры веяло такой злобой и древностью, что это явно был кто-то более старый, чем Полоний. Возможно, первый миссионарий Крусьен? Если это действительно он, значит, Гаргатулот строил планы насчет Софано Секундоса еще до того, как тысячу лет назад был изгнан в варп славным истребителем демонов Мандулисом.

Танкред рванулся к поднимающейся фигуре. Миссионарий достал из воздуха длинный сучковатый посох и отразил им меч Немезиды, выбросив сноп разноцветных искр. Старик с нечеловеческой скоростью нанес ответный удар. Танкред едва успел парировать его и вынужден был отступить на шаг назад.

Аларик попытался подойти ближе к Танкреду и миссионарию, но тянувшиеся из-под пола руки замедляли шаги. На месте отрубленной правосудором или любимым его воином конечности тотчас выросло три. Танкред сумел достать старца мечом: лезвие глубоко вошло в тело миссионария, но по ране пробежал багровый огонек, и она мгновенно затянулась.

Танкред едва не падал. Миссионарий наносил удар за ударом, шквал болтерного огня терминаторов рассыпался на щите багрово-черных молний, сверкавших вокруг тела колдуна. Танкред был самым умелым из всех воинов, с которыми когда-либо приходилось сражаться Аларику, но движениями миссионария явно руководил Хаос. Удары суховатого посоха не прекращались ни на мгновение и становились все сильнее.

Но вот сверкнула вспышка разряда оружия Немезиды, и из груди колдуна показался кончик алебарды. Аларик увидел за спиной миссионария Санторо, окруженного воинами его отделения. Доспехи правосудора дымились от светящейся крови демонов, глаза блестели сквозь щиток шлема.

Санторо повернул лезвие алебарды и рассек торс миссионария, выбросив на пол пылающие внутренности. Танкред выпрямился и отрубил руку старику. И пока Санторо удерживал миссионария на острие алебарды, словно извивающегося червя на крючке, терминатор разрубил голову колдуна надвое.

Из рассеченного черепа и обширной раны в груди миссионария полыхнуло розовое пламя. Демоны пронзительно взвыли. Миссионарий взорвался, так что терминаторы и Серые Рыцари в энергетических доспехах полетели на пол. Ошметки пылающей плоти разнеслись по всему храму.

Отдача от взрыва сотрясла даже каменный пол. Аларик ощутил, как плиты шевельнулись у него под ногами. Не доверяя воксу, правосудор сорвал шлем и вдохнул обжигающий воздух, наполненный ладаном, кровью и химикатами огнеметной смеси.

— Все наружу! Скорее! — закричал Аларик во весь голос.

Пол внезапно просел, со стен полетели огромные глыбы мрамора. Один из столбов, держащих крышу, вздрогнул и рухнул, словно подрубленное дерево. Завеса пыли свела видимость к нулю. Даже через усиливающие фильтры Аларику казалось, что он оказался в крошечной тьме.

Вспышки огня, несущиеся ему навстречу, оказались отблесками болтерных снарядов отделения Генхайна, осуществляющего прикрытие. Аларик понял, что идет в нужном направлении. Он споткнулся об огромный кусок мрамора и едва не упал, но брат Кlostус, схватив за наплечник доспехов, удержал правосудора на ногах и вывел через дверной проем под относительно яркий свет.

Аларик увидел, что ступени храма миссии усеяны трупами. Среди них оказалось много мутантов в форме дворцовой гвардии Сверхкороля. Отделение Генхайна, оставаясь снаружи, выдержало ожесточенный натиск. Судя по ранам, космодесантникам пришлось вступить в рукопашный бой, когда боезапас подошел к концу.

— Отличная работа, правосудор, — сказал Аларик, все еще не надевая шлема.

— А что было внутри? — спросил Генхайн.

— Это работа миссионария. Он уничтожен, но все здание вот-вот развалится. Нам надо найти укрытие.

Генхайн кивнул и указал на одноэтажную виллу какого-то феодального барона на расстоянии короткой перебежки от храма. Тарн и Хорст, два воина с псипушкой из отделения Генхайна, побежали первыми, ища по пути возможные угрозы. Аларик приказал своему отделению двигаться за ними, а сам поспешил назад — помочь Санторо вывести отделение Танкреда. Воины обоих отделений сильно пострадали; на доспехах виднелись царапины от демонских когтей и еще дымившаяся кровь. Кругом стояло непереносимое зловоние.

Брат Микрос и брат Марл из отделения Санторо несли на руках массивное тело брата Краэ. Танкред со своими терминаторами шел следом за ними.

Аларик надел шлем как раз вовремя, чтобы услышать в вокс брата Тарна:

— Мы засеки противника у задних ворот дворца.

— Направляются сюда? — спросил Аларик, окидывая взглядом внушительную заднюю стену с богато украшенной аркой, ведущей к садам Сверхкороля.

— Я так не думаю. Похоже, они убегают — от кого-то огромного, может, от мутанта...

Аларик увидел, как через арку от белокаменного дворца несется Сверхкороль Рашемха Отважный, сопровождаемый толпой оборванных придворных и слуг. Сверхкороль держал в руке огромную палицу и размахивал ею, сбивая с ног спутников, точно отгоняя невидимого врага. Он громко выкрикивал приказы и проклятия, а по лицу Рашемхи струилась кровь.

Аларик никогда раньше не видел Сверхкороля, но его огромная фигура и властность, с которой он отдавал приказы, не оставляли ни малейших сомнений в том, кто это мог быть.

Вокруг Сверхкороля вились какие-то темные тени. Одна из них замерла на долю секунды, разворачиваясь в воздухе, и Аларик узнал культиста смерти Лигейи. Блеснули парные кинжалы, и двое слуг упали замертво с почти отрезанными головами. Второй культист вбежал в арку, взмыл в воздух и на лету отсек руку Сверхкороля. Рука вместе с палицей упала на пол, и Рашемха дико взвыл, когда из обрубка вместо крови показались кишасщие черви.

Оба культиста смерти набросились на Сверхкороля, нанесли множество ран, и из каждой бил ужасный фонтан извивающихся червей. Рашемха Отважный издал последний истошный крик и превратился в отвратительно копошащуюся кучу.

Культисты смерти, стараясь не касаться останков короля, спустились на землю и аккуратно добились нескольких оставшихся в живых придворных. Затем под аркой появились еще двое охранников в черном. Они несли на руках инквизитора Лигейю, которая, даже не ступая на землю, каким-то образом сумела остаться величавой и невозмутимой.

Культисты с Лигейей подбежали к Аларику; верные охранники по пути отмахнулись от нескольких стрел, слетевших с верхних этажей дворца. На лице Лигейи виднелись следы крови и копоти, ее волосы были в ужасном беспорядке и местами обгорели, но, похоже, инквизитор не была ранена. Более того, по мнению Аларика, Лигейя никогда еще не выглядела такой опасной.

— Правосудор, — заговорила Лигейя, как только культисты смерти проводили ее к порогу виллы, выбранной Генхайном. — Я рада, что ты смог к нам присоединиться. — Она оглянулась на храм миссии: крыша только что обвалилась, и из дверного проема вылетело облако жирной черной пыли. — Я уверена, что мы отыскали бесспорное доказательство присутствия здесь Гаргатулота, — продолжала инквизитор.

Аларик только что заметил, что и Лигейя, и двое культистов, принесших ее, держали в руках несколько больших связок переплетенных в кожу книг, скрученных свитков и знамен.

— Миссионарий убит, — сказал Аларик. — Мы потеряли двоих воинов, и еще несколько

человек ранены.

— Миссионером был Крусьен, — пояснила Лигейя. — Гаргатулот отметил эту планету своим присутствием еще до того, как она была открыта силами Империи.

— Вероятно, он придавал ей большое значение, — предположил Аларик, уводя Лигейю под прикрытие беломраморных стен виллы, где внутренний интерьер почти не пострадал в ходе сражений. — В распоряжении Крусьена были и демоны, и колдовство. Он чуть не одолел нас, а на это способен только очень могущественный враг. Гаргатулот возлагал на него большие надежды, если дал такую власть.

Лигейя показала на принесенные книги:

— Возможно, здесь мы найдем причину его доверия. Надо возвращаться на «Рубикон».

— Оба наших «Грозных ястреба» разрушены, — сказал Аларик. — Но если мы закончили дела в городе, я могу передать на корабль, чтобы за нами прислали челноки.

— Хорошо. Когда окажемся подальше от этого места, надо будет сбросить на город пару торпед. Как ты думаешь?

Аларик кивнул:

— С превеликой радостью.

Лигейя улыбнулась, и выражение ее глаз составило странный контраст с разводами крови на лице:

— Тогда нам не стоит больше медлить.

За две тысячи лет до утраты аванпоста на Софано Секундосе была заключена грандиозная сделка. Тысячеликий Принц покинул свое логово в реальном мире на Корионе IX и перенесся в варп, когда прозвучал крик самого Повелителя Перемен. Ужасный вопль, полный нечестивого смысла, звон великого колокола в самом сердце варпа. Другие силы варпа — иногда союзники, но чаще мишени для проклятий, как, например, демоны — бросились врассыпную, скрываясь от раскаленной силы Тзинча. Бог лично сотряс варп криком, призывая к себе слуг.

Принц откликнулся на призыв. Он мог себе это позволить, поскольку являл собой много больше, чем демоническое тело. Гаргатулот был воплощением знаний, правдивой информации, откровений тьмы, скрытых в сердцах миллионов людей. Он мог одновременно находиться и в варпе, и в реальном мире и дергать за ниточки в обеих Вселенных во имя осуществления Перемен. Тысячеликий Принц был одним из самых могущественных представителей своего рода.

Конклав собрался на Талассокресе — окутанном тьмой мире, вопящем в варпе, словно безумец в клетке. Каждый час очертания его континентов изменялись: они то плавилась, превращаясь в моря кипящего металла, то дымились, словно жидкий азот, то взмывали ледяными горами к самому небу. Малодушные приверженцы Переменчивого Бога, завидев его, бежали вслед за демонами, охваченные благоговейным ужасом. На планете остались только самые могущественные сыны Тзинча.

Их последователи разбежались по таявшим равнинам Талассокреса, вспоминая старые споры и заводя новые, продолжая тщетную борьбу, пока их повелители предавались размышлениям. Принцы похвалялись силами армий и собственным могуществом. Тзинч награждал лучших такими дарами, которые должны были растлить их сердца за несколько столетий и привести к падению. Таков был излюбленный обычай мщения Повелителя Перемен.

Гаргатулот оказался среди победителей — в компании Бокора Безумца, который обращал целые народы в веру Перемен, и Малефикоса Огненнорукого, чьи громовые удары ввергали в войны звездные системы. На Талассокресе также держали своих приспешников могущественные и жестокие Мастер Темноглаз, скрывающийся среди людей и мучивший их исподтишка, и Темискирон Дракон-Звезда. Сотня других сподвижников Повелителя Перемен расселась на тающих равнинах. Придворные демоны, безобразные и не умолкавшие ни на секунду, скакали между ними, пока вся планета не зазвенела от Молитвы Перемен.

Мир Талассокрес был путеводной звездой культа, главной осью Перемен. Конклав причинил немалый ущерб сознанию человечества. Но хотя людские мудрецы долго искали по всей Галактике причины вспышек безумия, Талассокрес оставался для них невидимым.

Когда заговорил Тзинч, вся планета задрожала. От его голоса была сорвана кора вместе с мантией. С тех пор, говорят, Талассокрес уже не был единой планетой, а превратился в скопление отдельных материков, окружающих единую ось. Те, у кого не хватило сил слушать слова Тзинча, были выброшены в варп, но сильнейшие остались, и их приближенные сияли на дрейфующих шельфах расплавленного камня.

Тзинч говорил им о невероятных вещах. О спутанных нитях судьбы, проходящих сквозь Галактику, словно сквозь гобелен; о безмерных сдвигах составляющих реальности — времени, пространства и общих мыслей человечества. О десятках чуждых рас, которые еще не знают силы Хаоса, о безумных ордах хищников, кишачих в варпе, и о самих Переменах. Величайшие

из последователей Тзинча смогли уловить смысл в потоке идей, доносимых голосом бога. Некоторые нашли себе сложные замыслы для воплощения в реальность. Другие увидели отблески будущего, которое они могли изменить или перенести в прошлое. Кое-кто слышал только безысходность и ненависть и наслаждался ими, поскольку это были самые свирепые агенты Перемен.

А некоторые были уничтожены, поскольку были неспособны воспринимать величие замыслов Переменчивого Бога.

Гаргатулот не был уничтожен. И не стал составлять планов под впечатлением слов Тзинча. Вместо этого Тысячеликий Принц целиком погрузился в послание своего божества. Знание струилось вокруг него и сквозь него, пока он не стал купаться в неистовом потоке информации, словно в белой реке пламени, бежавшей сквозь разбитое сердце Талассокреса.

Несколько дней подряд по неведомой шкале времени варпа он получал откровения от Тзинча. Остальные принцы-демоны наблюдали за ним с ненавистью, завистью и восхищением. Кое-кто был уверен, что Гаргатулот будет уничтожен. Поток откровений унес демонов, сидящих у его ног. Неудержимая мощь Тзинча еще сильнее расшатала основу Талассокреса. В варпе появился неизгладимый рубец в виде бесплодной темной тени, но Гаргатулот остался.

Демоническое тело Гаргатулота в реальном мире содрогалось от усилий воспринять информацию. Кое-кто утверждает, что сопутствующая этому периоду вспышка безумия среди людей была первым признаком присутствия Тысячеликого Принца. Естественная жизнь на Корионе IX была уничтожена, и эхо страданий разнеслось на много световых лет вокруг.

Наконец все закончилось. Белая река информации иссякла. На Талассокресе воцарилась тишина.

А когда Гаргатулот поднялся, на варп глянула тысяча новых лиц.

Лигейя резко откинула голову на спинку кресла, стараясь избавиться от переполнявших мысли образов. Она передвинула руки с книги на письменный стол, но кожа пальцев и ладоней все еще горела от нечестивых мыслей, заполнявших страницы.

Перед глазами появились обшитые деревянными панелями стены и роскошная мебель. Лигейя вновь была на Трепитосе, в комнатах, которые подготовили для нее слуги инквизитора Клаэса. Но ужасные образы все еще мелькали перед мысленным взором. Гаргатулот — бесформенный монстр Хаоса, склонившийся над рекой ужасных откровений. Слова Тзинча — бога изменений, обмана и колдовства, одного из самых могущественных представителей Хаоса — отдаются эхом по варпу, сотрясают своей силой весь мир.

Содержание книги было еще более агрессивным, чем короткие вспышки богохульства, полученные от деревянной скульптуры. Только что пережитый отрывок — Лигейя воспринимала его со страниц при помощи своего дара — был всего лишь крохотным фрагментом откровений, содержащихся в книге. Но текст был настолько насыщенным и ярким, что его мог продиктовать только Гаргатулот. И вдобавок за этими строками Лигейя ощущала привкус застарелой злобы самого Крусьена.

Книга, продиктованная принцем-демоном, записанная тысячелетним колдуном, поражала Лигейю своей энергией.

Лежащий перед ней фолиант был лишь одним из более чем дюжины книг, привезенных из дворца Сверхкороля. Кроме них инквизитор добыла еще около тридцати свитков, содержащих сложные заклинания и молитвы. Ее верные охранники — культисты смерти — сняли со стен дворца несколько кровавых знамен. Многие тексты были записаны на наречии Софано Секундоса, и Лигейе пришлось быстро выучить его, опираясь на самые отрывочные ссылки. Обращения к «Императору» оказались не чем иным, как иносказательными воззваниями к

Тысячеликому Принцу. Без удивительных способностей Лигейи перевод занял бы несколько лет. Инквизитор пожалела, что у нее нет этого времени и приходится впускать концентрированный поток знаний прямо в мозг.

Она закрыла книгу и опустила ее на пол. Даже в одной ночной сорочке от усилий понять смысл написанного Лигейя покрылась испариной. Пряди волос прилипли к влажному и холодному лицу.

За спиной послышался шорох ног по ковру. Если не требовались активные действия в защиту Лигейи, культисты смерти производили при движении некоторые звуки, чтобы дать знать о своем появлении.

Лигейя обернулась и увидела стоящую рядом Ксианг. Озадаченный взгляд культиста смерти напомнил ей, что Лигейя сама позвала ее. Вероятно, Ксианг простояла в комнате некоторое время, прежде чем решила выдать свое присутствие.

— А, Ксианг, прости меня, пожалуйста. — Лигейя даже сумела выдавить из себя улыбку. — Мне необходимо, чтобы вы кое-что сделали. Это не входит в ваши прямые обязанности, но мне это крайне необходимо. Вот, прочти.

Лигейя достала из стола сложенный лист пергамента, на котором ее элегантно округлым почерком были написаны приказы. Ксианг взяла лист из руки инквизитора и пробежала взглядом.

— Я понимаю, — заговорила Лигейя. — Любой из правосудоров мог бы действовать более эффективно. Но... вы четверо принадлежите мне, а они — нет. Я обратилась с просьбой к инквизитору Клаэсу, и он предоставил корабль — небольшой и легковооруженный, но очень быстрый. На нем вы сможете добраться туда за две недели, если отправитесь немедленно.

Ксианг наклонила голову и, не поворачиваясь, быстро покинула комнату. Лигейе так и не удалось до сих пор понять, как культисты смерти общались друг с другом, — порой она чувствовала смысл их разговоров, но не замечала ни единого движения или звука. Теперь Ксианг придется рассказать товарищам о предстоящем задании.

Их осталось всего четверо. Культисты смерти по определению и воспитанию не предавались скорби: смерть была для них желанным концом, если она наступала во время сражения за Императора. Но двое из них навеки остались на Софано Секундосе. Лигейе было нелегко смириться с потерей таких преданных и квалифицированных охранников. Они защищали Лигейю, но и она чувствовала ответственность за них. Культисты смерти принадлежали ей, и она стала смыслом их жизни. Их гибель казалась эхом ее собственной смерти.

Они не проводили никаких похоронных обрядов, а просто оставили Тайци и Гао на Софано Секундосе. Сам факт гибели был священным, дальнейшая судьба тела не имела значения. Такое пренебрежение обычаями привлекало Лигейю, но сама она не хотела бы остаться забытой и сгнить там, где застанет смерть. Она надеялась, что, когда настанет время, о ней кто-нибудь позаботится.

Лигейя налила себе порцию амасека, надеясь, что насыщенный фруктовый аромат прогонит из головы хоть некоторые из устрашающих образов. Сделала глоток и почувствовала, что руки перестают дрожать.

Она подняла с пола следующую книгу, положила ее на стол и накрыла ладонями. Сделав глубокий вдох, Лигейя снова погрузилась в откровения Гаргатулота.

Правосудор Генхайн тщательно прицелился, выждал мгновение, пока линзы его биомеханического глаза поймут фокус, а затем единственным выстрелом пробил лоб мишени в виде человеческого силуэта, установленной в дальнем конце стрелковой галереи.

Стрельбище на «Рубиконе» располагалось в длинном низком помещении без окон. Стены были покрыты резными изображениями батальных сцен, предназначенными для того, чтобы направить усилия на совершенствование мастерства воинов. Огневые позиции разделялись резными колоннами, олицетворяющими Имперских святых. В данный момент Генхайн находился между грозным святым Праксидесом и святым Ясоном из Хуале, попиравшими своими ногами злополучных еретиков. В стрелковом зале дежурили несколько сервиторов, ожидая, пока Серые Рыцари потребуют дополнительные боеприпасы, а в остальном помещении оставалось пустынным, если не считать мишеней, спускаемых с потолка на блоках.

— Хорошо? — спросил Аларик, подойдя к Генхайну.

— Похоже, что-то не так, — ответил Генхайн, опуская штурмболтер Аларика. — Оставь его мне на несколько часов, и он станет лучше, чем новый.

Способность Генхайна чувствовать оружие была предметом зависти всех остальных Серых Рыцарей. Он был одним из лучших стрелков, и даже после выполнения всех обрядов над оружием многие Серые Рыцари просили его проверить болтеры и отыскать упущенные погрешности. По мнению других десантников, штурмболтер мог работать отлично, но только Генхайн, командир отделения возмездия, мог увидеть, что оружие слишком часто заклинивает, или дергается при стрельбе очередями, или при определенных обстоятельствах теряет точность боя.

— Не пренебрегай ради меня своими людьми, — сказал Аларик.

— Мое отделение в полном порядке, — заверил его Генхайн. — Люди исполнительны и в отличном расположении духа. Я не слишком командую ими, когда дело касается молитв и тому подобного. В этом деле каждый должен руководствоваться своим умом.

— А их оружие?

Генхайн улыбнулся и снова прицелился в тот же силуэт.

— Их оружие тоже в порядке.

Он выстрелил, и пулевое отверстие появилось ровно над первым.

— Они отлично сражались на Софано Секундосе, — продолжал Аларик.

— Верно, и я ими горжусь. — Еще один выстрел, и пуля немного отклонилась в сторону. Генхайн выругался и стал внимательно проверять стрелковый механизм болтера. — Я беспокоился об инквизиторе, — признался Генхайн.

— О Лигейе?

— Она не похожа на воина. И выглядела растерянной.

— Лигейя — сильная женщина, правосудор, — сказал Аларик. — Но ты прав, сражения она оставляет нам. — Аларик ненадолго задумался. Генхайн руководил своими людьми не так, как Танкред или Санторо; его суждение имело большой вес. — Что ты о ней думаешь?

Генхайн поднял взгляд от болтера Аларика.

— Я? Я считаю, она хорошо справляется со своей работой, но с нашей — не слишком хорошо.

— Что ж, ей теперь не скоро придется вступать в бой. На Мимасе раскололи Валинова, он обмолвился, что Гаргатулот может быть убит только «сверкающей молнией». Оружие Немезиды Мандулиса было выполнено в виде молнии, так что Лигейя послала своих культистов смерти, чтобы они достали его из катакомб Титана.

— Им нелегко придется, — сказал Генхайн. — Даже для инквизиторов нелегко пробраться на Титан, не говоря уже о том, чтобы открыть захоронение одного из грандмастеров. — Генхайн подтянул затворный механизм болтера и вновь прицелился. — Но, по крайней мере, это означает, что Лигейя нас понимает.

— О чем ты? — спросил Аларик.

— Она поручает нам сражаться и не требует ничего больше. Она могла бы послать на Титан тебя, и ты скорее заполучил бы меч Мандулиса, но она этого не сделала. Она относится к нам с уважением. Кое-кто из Ордо Маллеус считает, что Серые Рыцари были созданы, чтобы служить им, но мы такой же суверенный Орден, как Космические Волки или Темные Ангелы.

Генхайн намеренно назвал два наиболее равноправных Ордена Космодесанта.

— Не многие из Серых Рыцарей осмелятся это сказать, — заметил Аларик.

— Но такова истина. — Генхайн выстрелил, на этот раз очередью, и в самом центре головы мишени появилась целая россыпь пробоин. — Если Серые Рыцари не будут думать о себе, они превратятся в слабых солдат. В этом основной стержень космодесантников. Мы сотрудничаем с Ордо Маллеус, поскольку это наиболее эффективный способ выполнить наш долг, но нас создали не ради их блага. Мы появились, чтобы выполнять волю Императора, так же как и сама Инквизиция. Я думаю, Лигейя это понимает.

— Я рад, ты настолько мне доверяешь, что высказываешь все это, — сказал Аларик.

Многие из традиционно мыслящих Серых Рыцарей могли бы сказать, что Генхайн слишком близок к отказу от субординации. С другой стороны, Аларик был рад узнать, что отобранные им для выполнения миссии космодесантники могут подумать о себе. Если в системе тренировок и поучений Серых Рыцарей и была какая-то опасность, то лишь в том, что воины могли отупеть под тяжестью догм и долга и разучиться самостоятельно мыслить.

— Аларик, если я не смогу доверять своему командиру, — ответил Генхайн, протягивая штурмболтер, — тогда кому же мне доверять? Это оружие утратило точность в длительной стрельбе, но дух машины согласился стать более отзывчивым.

Аларик взял оружие и пристегнул к латной рукавице. Без него он чувствовал себя непривычно, словно без руки.

— Спасибо, правосудор. Это поможет мне стрелять точнее.

— Ты должен доверять своему оружию, — с улыбкой сказал Генхайн. — Иначе где бы мы были?

Когда пал Софано Секундос, по всему Шлейфу прокатился безмолвный призыв.

На Вулканис Ультор секта, скрывавшаяся в трущобах многолюдного города, устроила перегрузку геотермальных теплосетей. В результате несколько уровней городской застройки поглотило термоядерное пламя.

А когда корабли, посланные инквизитором Клаэсом, с орбиты превратили Хаджишейм в горы пепла, повстанцы в одном из отрядов боевой флотилии уничтожили три крейсера вместе со всем экипажем.

В промышленном мире Магнос Омикрон появился пророк, якобы несущий слово Бога Машины. Он требовал творческого обновления через поклонение Омниссиаху и бесконечного поиска совершенства. Прежде чем его разыскали и уничтожили, он прибрал к рукам три больших города. Для прекращения этого крестового похода Ордо Маллеус устроили небольшую гражданскую войну среди технического персонала.

Провост Марешаль терял тысячи своих арбитров, посылая их из одного мира в другой, чтобы загасить вспышки внезапных восстаний еретиков. Из командного пункта на орбите вокруг Виктрикс Соноры он руководил действиями сотен местных командиров, пытавшихся подавить мятежи по всему Шлейфу.

В одном из садовых миров Фарфаллена — некогда любимого места отдыха и развлечений богачей Шлейфа — внезапно появилось неизвестное ранее племя дикарей. Они вышли из заброшенных ботанических садов и вырезали всех до одного жителей уединенных имперских поселений.

На Солшене XIX — сельскохозяйственном мире, чьи моря изобиловали рыбой, кормившей города Шлейфа,— вилла правителя в одну ночь превратилась в склеп, кишевший демонами. В ответ на видения, посланные Тысячеликим Принцем, культисты под предводительством сына этого правителя вызвали к себе созданий варпа. Правитель был повешен на ремне из собственной кожи возле одной из скал, окружавших виллу. Планетой завладели Хаос и анархия, и многие тысячи городов Шлейфа были обречены на голод.

Сотни культов вышли из подполья и начали бессмысленно крушить всех и вся. В одну ночь, в результате скоординированного выступления против Экклезиархии и имперской церкви, сотни мест поклонения подверглись грабежам.

Это не могло продлиться долго. Культисты бесчинствовали до тех пор, пока не были уничтожены объединенными усилиями Арбитрес, Имперского флота и ужаснувшегося населения. И в некотором роде именно это было наихудшим результатом волнений в Шлейфе Святого Эвиссера. Выступления носили признаки последнего, отчаянного шага. Мятежи стали последней репетицией перед чем-то поистине ужасным и грандиозным. Скрывающиеся веками культисты пожертвовали своими жизнями ради зловещих замыслов, о которых им нашептывали безмолвные голоса.

Экклезиархия отреагировала с необычайной для нее быстротой. Орден Кровавой Розы прислал на Вулканис Ультор, в распоряжение кардинала Рекоба, отделение Сестер Битвы. Запрос кардинала относительно дополнительных людских резервов был услышан Имперской Гвардией, направившей на подмогу Двенадцатый отряд разведчиков Металора и тяжелую пехоту Балура. Даже Имперский флот отдал приказ одному из подсекторов флотилии, направлявшейся к Кадии, изменить маршрут. Кто-то из влиятельных столпов Экклезиархии, вероятно, был сильно взволнован событиями в Шлейфе. Сестры Битвы и Имперская Гвардия были размещены во всех мирах для охраны религиозных святынь Шлейфа, но и они не могли остановить нарастающую волну ереси.

Гаргатулот произнес свое слово. И для тех, кто знал, как его услышать, откровения Тысячеликого Принца не оставляли никаких сомнений. В скором будущем Шлейф будет повергнут в ужас.

За пределами большого кратера на Мимасе было место, где земля постоянно перекапывалась и сдвигалась. Тысячи раз рабочие сервиторы перебрасывали ее лопатами, закрывая расщелины. То здесь, то там в результате сейсмической активности на поверхность выходили изломанные кости или ухмыляющийся оскаленный череп, чтобы снова быть погребенными очередным патрулем сервиторов. В центре этого участка разоренной земли стояло единственное каменное здание, построенное в стиле высокого готика. На каждой из его стен были высечены картины возмездия и расплаты. Грешники горели в смутно обозначенной преисподней Имперского культа; рука отмщения обрушивалась на головы еретиков. Око Императора следило за каждым прегрешением, и его верные слуги осуществляли бесконечную месть. Людей убивали десятками способов: от повешения и расчленения до удушения в ядовитой атмосфере Мимаса, — и все методы казней были отображены на колоннах и фронтонах здания.

Дюжины сервиторов-стрелков караулили каждую дверь. В подземной части здания дежурил гарнизон Ордо Маллеус из лишенных мыслей солдат, готовых немедленно отреагировать на любую угрозу. Все здание было выстроено вокруг центральной палаты с множеством галерей для наблюдения. В середине зала, словно хирургический стол в учебном амфитеатре, стояла единственная платформа, окруженная скамьями для священников, архивистов и техников.

Голик Рен-Сар Валинов был перевезен в палату исполнения наказаний через семь недель после того, как был расколот экспликатором Риггенсеном. С того дня Валинов больше не произнес ни слова. Он казался еще более злобным и угрюмым, чем прежде, словно молча проклинал себя за то, что позволил Риггенсену пробить стальной щит своей воли. Вследствие этого команда дознавателей Мимаса доложила лорд-инквизитору Ордо Маллеус о дальнейшей непригодности Валинова для каких-либо исследований.

Конклав лорд-инквизиторов единогласно одобрил казнь Валинова. Выяснилось, что Лигейя блефовала при первом допросе Валинова: не было предусмотрено ни сотрудничества псайкеров, ни многократного умерщвления. Пленнику предстояла обычная старомодная казнь. Валинова обвиняли во многих тяжелейших преступлениях, но казнь, ради которой его перевели в палату исполнения наказаний на краю кратера Мимаса, должна была стать расплатой за ересь. Имперские законы в качестве наказания за это тяжелейшее преступление предусматривали расчленение.

Мероприятие было невеселым. Никто не грустил по поводу казни Валинова, но то обстоятельство, что один из инквизиторов, уважаемый и ценимый братьями, пал так низко, вызывало грусть, приправленную стыдом. Ордо Маллеус и раньше приходилось терять инквизиторов, избравших радикализм или еще худшие судьбы, но каждый случай показывал, насколько глубоко нанесенные отступниками раны. Маллеус гордились своими деяниями, и каждый предатель из их среды умалял достоинство всего ордоса.

Эспликатор Риггенсен присутствовал на казни, чтобы принять покаяние, которое могло вырваться у Валинова на смертном ложе. Ему и раньше доводилось присутствовать на подобных процедурах, но запах антисептиков и вид сверкающего, похожего на огромного жука сервитора-палача на потолке до сих пор приводили Риггенсена в легкое смущение. Это много значило,

если учитывать его специальность.

Перед Риггенсеном на возвышении сидел правительственный чиновник — бледная женщина с обилием аугметики в теле. Она записывала все детали процедуры казни с помощью перьев, встроенных в металлическую арматуру рук. Голова чиновника непрерывно вращалась из стороны в сторону, поскольку женщина записывала всех, кто входил в сумрачную круглую комнату.

Сначала, шурша длинными балахонами, вошли несколько чиновников и архивистов, ответственных за отдельные детали экзекуции. Следом появился инквизитор Никсос в торжественном багряном одеянии поверх жужжащего механизма экзоскелета. Его сопровождали два советника — древний астропат и молодая женщина в форме тактического офицера флота без всяких украшений.

Затем прибыли медицинские техники. Главный техник контролировал работу сервитора-палача, а остальные наблюдали за жизненными показателями осужденного. Они отображались на мониторах, стоящих вокруг приподнятой платформы. В прошлом были случаи, когда осужденный преступник не умирал, несмотря на выполнение процедуры сервитором-палачом, и с тех пор медики должны были проследить, чтобы все сигналы жизни прекратились.

Следующие личности, появившиеся в зале, вызвали у Риггенсена удивление. Вошли четверо культистов смерти; их гибкие атлетические фигуры были обтянуты черными комбинезонами и обвешаны кинжалами и мечами. Заглянув через плечо чиновника, Риггенсен прочел, что культисты смерти представляют инквизитора Лигейю. Он успокоился. Абсолютно понятно, что Лигейя прислала доверенных лиц, чтобы они своими глазами убедились в уничтожении Валинова. Иначе она могла не поверить в его смерть.

Наконец всевозможные чиновники и адепты заняли места вокруг пьедестала. Люмосферы стали гаснуть, пока только пространство вокруг платформы не осталось залитым белым беспощадным светом. Затем раздвинулись механические двери и появился Валинов.

Он был обнажен до пояса, длинные руки и ноги сковывали кандалы, но Валинов и сейчас оставался весьма значительной фигурой. Глубокие черные татуировки придавали ему дикарский вид и резко контрастировали с утонченным, умным лицом. Бугры мускулов перекачивались под кожей рук и торса при каждом движении. Валинов шел с высоко поднятой головой, не выказывая никаких признаков страха. Но истинные еретики всегда держались так — по крайней мере, до тех пор, пока душа не отделялась от тела, чтобы предстать перед гневным взором Императора.

Всякий, кто наблюдал за казнью, с одного взгляда на осужденного мог сказать, что бывший инквизитор до сих пор опасен. Недаром целой команде дознавателей Мимаса не удалось его сломить, исключая мимолетный триумф Риггенсена. Все они могли бы согласиться, что смерть была для Валинова слишком легким наказанием. Но пока столь опасный преступник оставался в живых, никто не мог дать гарантий полной безопасности.

Из первого ряда поднялся старый проповедник. В сумрачном свете его багряное с белым одеяние казалось почти черным. Он открыл потрепанный кожаный молитвенник и стал совершать обряд проклятия, призванный наложить на душу, пораженную заразой преступника, особую отметину врага Императора.

— Хотя душа твоя поражена тленом, а деяния ужасны, мы молим Императора судить ее справедливо и беспристрастно.

Дребезжащий голос проповедника монотонно тянул знакомые строки. Главный медик в последний раз проверил механизмы сервитора-палача. Медики-помощники присоединили к выбритому черепу Валинова несколько электродов. Чиновница, сидевшая на возвышении перед Риггенсеном, не отрывая пера от бумаги, тщательно записывала каждую деталь процедуры. В

полу зала открыли люки для стока крови. Риггенсен тоже держал в руках перо и электронный блокнот, чтобы сделать запись свидетеля смерти Валинова. Сервитор-палач развернулся: все его шесть конечностей, снабженных лезвиями, были тщательно проверены. Младший помощник проповедника творил на груди Валинова знамение аквилы.

Слуга с корзиной для отделенных органов встал наготове. Разные части тела Валинова — голова, торс и внутренности — должны быть захоронены по отдельности, в простых, ничем не отмеченных могилах вокруг здания палаты, во избежание возрождения мертвого тела при помощи темных сил. Этот тяжелый урок давно был усвоен инквизиторами.

Культисты смерти сосредоточенно наблюдали за процедурой. Их взгляды ничего не выражали, тела были неподвижны, лишь иногда подергивались напряженные мускулы.

Проповедник заканчивал обряд. Двое солдат из Ор-до Маллеус приподняли Валинова и положили его на платформу. Наручники легли точно в замки основания за головой отступника.

Главный медик подключил контрольную систему, и сервитор-палач стал опускаться. Чиновница писала все быстрее. Первые ряды будут забрызганы кровью, но возможность лично убедиться, что еще один враг Императора умерщвлен, того стоила.

— ...Таким образом, Господь Император, мы передаем тебе эту извращенную душу и отделяем ее от тела, чьи руки осквернены мерзостью. Да будет искупление для этой души в глазах Бога-Императора, а если искупления не последует, пусть ярость Бога-Императора уничтожит ее навеки.

Наступила пауза перед тем, как начнет работу сервитор-палач. Такова традиция казни: осужденный пленник ради искупления грехов мог воззвать к милосердию Императора. Но никто не ожидал, что Валинов заговорит.

— Будь посему, — тихо, словно обращаясь к самому себе, произнес он. — Нити натянуты. Эта смерть станет смертью Галактик. Начинайте.

Словно в ответ рука главного медика потянулась к переключателю, чтобы начать расчленение. Но его пальцы так и не прикоснулись к тумблеру.

В воздухе сверкнула серебряная молния, и длинное узкое лезвие вонзилось в стол рядом с медиком. Его отрезанная кисть стукнулась о пол.

Риггенсен наблюдал, как медик поднял взгляд на нападавшего и уставился в немигающие и жестокие глаза над маской женщины — культиста смерти.

Лишенные мыслей солдаты, стоявшие рядом с платформой, отреагировали первыми. Лазерные разряды их ружей прорезали комнату, но культист смерти предвидела каждое их движение и изогнулась словно гимнаст, так что снаряды пролетели в сантиметрах от ее тела. В следующее мгновение оба солдата упали мертвыми: два коротких меча второго культиста рассекли их тела пополам.

Инквизитор Никсос с криком ярости выхватил из-под одежды инкрустированный серебром плазменный пистолет. Механизмы суставов инквизитора, вынужденные двигаться с предельной скоростью, сердито загудели. Молодой офицер-тактик рядом с ним бросилась на пол, потеряв свой шлем.

Двое других культистов сорвались со своих мест. Один ринулся к Никсосу, а второй — к платформе, на которой лежал Валинов. Проповедник пытался загородить пьедестал своим дряхлым телом, но культист, не сбавляя скорости, разрубил его одним движением меча.

Риггенсен тоже носил на поясе оружие и, поднявшись, вытащил его из-под своей форменной куртки экспликатора. Он дважды выстрелил в того культиста, который отсек руку медику, но она отпрянула в сторону быстрее, чем пуля долетела до цели.

Культист, подбежавший к платформе, дважды взмахнул мечом, и Валинов освободился от оков. Он тотчас скатился на пол, а Никсос, быстро поняв, что главную опасность представляет

осужденный, начал стрелять. Культист бросился навстречу Никсосу и угодил под разряд плазменного пистолета. Мощный выброс энергии испарил верхнюю половину тела, затянутого в черный комбинезон, и угас.

Теперь стрельба велась со всех сторон: стреляли адепты, техники, Риггенсен и Никсос. Культист, в которого стрелял Риггенсен, перескочила через стоящего перед ним адепта, и экспликатор уже ждал, что холодная сталь вонзится в его тело. Но женщина в невероятном прыжке пронеслась над залом, оттолкнулась от стены за его спиной и обрушила удары меча на солдат Маллеус.

Риггенсен снова выстрелил в нее, но всякий раз, одновременно с выстрелом, женщина нагибалась или отступала в сторону, неестественно ловко уклоняясь от пуль.

Валинов укрылся за платформой, на которой он должен был умереть. Кровь погибшего вместо него культиста забрызгала лицо отступника. Взгляд его темных глаз метался из стороны в сторону, оценивая все грозившие ему опасности. Никсос со своим плазменным пистолетом вынужден был выжидать несколько секунд, пока оружие восстановит заряд. Его помощница, офицер флота, наверняка тоже имеет при себе оружие. Солдаты, лишённые мыслей, пристрелят Валинова без всякого колебания, если сумеют выжить.

Кто еще на их стороне? Сервитор-палач, который до сих пор угрожающе жужжал меньше чем в метре от платформы. И Риггенсен, чье оружие стреляет медленнее, чем если бы он просто бросал пули руками.

Культист, который направился к Никсосу, с размаху прыгнул на старого инквизитора. Механические узлы лязгнули по полу. Сверкнувшее лезвие зазвенело по креплению руки с пистолетом. Второй заряд плазмы вырвался из дула, но только опалил блестящую черную маску на лице культиста.

Последний из оставшихся в живых культистов покончил с главным медиком при помощи метательного ножа: клинок вонзился бедняге в горло и пригвоздил его к спинке стула. Офицер-тактик вскочила на ноги и вонзила сверкающий энергетический нож — красивое оружие, вроде тех клинков, которыми награждают отличившихся кадетов в самых престижных академиях флота, — в голень культиста. Одним движением кисти он отшвырнул ее через всю комнату, и офицер с грохотом рухнула на передний ряд скамей.

Риггенсен снова выстрелил, три снаряда понеслись навстречу культисту. Тот низко пригнулся и рванулся к экспликатору: Риггенсен был крепким молодым мужчиной и, по сравнению с ветеранами Маллеус и старыми адептами, представлял наибольшую угрозу.

Культист преодолел расстояние в один миг, но в следующее мгновение упал, поскольку нож офицера-тактика все еще торчал в его ноге.

Культист рухнул прямо на чиновника, сидящего перед Риггенсеном. Экспликатор дернул спусковой крючок и выпустил всю обойму своего автопистолета ему в спину. Культисту уже некуда было отступать, и его черное тело задергалось от взрывающихся пуль.

Возможно, Риггенсен убил и чиновника тоже. Эта мысль смутной темной вуалью на мгновение окутала его сознание. Но дознаватель не мог позволить сожалению и стыду остановить себя. Он покается позже. Сейчас надо постараться выжить.

Один из культистов бросил Валинову ружье с полным магазином зарядов. В зале развернулся веер сверкающих кровавых огней. К этому моменту все находившиеся в помещении прятались в укрытиях и стреляли либо пронзительно кричали. Никсос боролся с оседлавшим его культистом, но лезвия ножей раз за разом опускались на его механическое тело, угрожая разрезать даже сверхпрочные крепления.

Риггенсен выдернул энергетический нож из ноги культиста, оглядел зал и остановил свой взгляд на Валинове. Риггенсен был верным слугой Императора и не собирался бежать. Он не

станет прятаться. Он не выказал страха в камере для дознаний, когда столкнулся с Валиновым, еще не зная, что тот собой представляет, и сейчас не собирался поддаваться испугу.

Валинов вел стрельбу по вбегающим солдатам. Они отвечали тем же, осыпая платформу градом пуль. Риггенсена Валинов не видел.

Время двигалось медленными мучительными толчками сердца. Риггенсен, в отличие от Валинова, не был тренированным убийцей, но он был силен и отважен. Ему нужен один отличный удар: Валинов крепок, его тело значительно усилено и защищено, но и оно не сможет устоять перед ударом энергетического ножа.

Внезапно Валинов развернулся и прикладом ружья ударил Риггенсена в грудь. Дознаватель упал, сильно ударившись головой о холодный металл платформы.

Валинов, стоя на коленях, нагнулся над распростертым Риггенсеном. Но Риггенсен еще не умер.

У него осталось одно последнее оружие. Такое, какого нет ни у кого другого. Риггенсену напомнила о нем гибель астропата Никсосо; дознаватель ощутил ответную реакцию мыслей астропата, ускользающих из реальности, угасающую искру его психики.

Однажды он уже сломил Валинова. Он сможет сделать это вновь.

Через пелену боли и шока Риггенсен обратился к тому участку мозга, который отвечал за оружие, сделавшее его экспликатором. Внутренний глаз открылся и заглянул в мысли Валинова, стараясь копьём восприятия дотянуться до души бывшего инквизитора. Риггенсен сможет вновь сломить его оборону, проникнуть в его разум, оглушить его, ослепить, наполнить голову непереносимым шумом и безумием.

Риггенсен сосредоточился и собрал все, что в нем было, чтобы расколоть алмазное средоточие души Валинова. Он обратился к своему полузабытому детству в трущобах Гидрапура. К еще более мучительным месяцам бесконечного тестирования и закаливания на подобравшем его Черном Корабле. Он вспомнил боль унижения, страх перед растущей в его голове силой, которая каждое мгновение могла стоить ему жизни.

Он вытащил все эти воспоминания и спрессовал в кристально твердое мысленное копьё. Он собрал все, чему научили его Маллеус, и ринулся на Валинова.

Но бить оказалось не во что. Там ничего не было.

Мысленное копьё Риггенсена беспомощно качнулось в пустоте, поскольку у Валинова не было души.

Та бездна, где должна была находиться душа Валинова, была последним, что увидел Риггенсен. За этой пустотой он даже не заметил обхвативших его рук сервитора-палача, когда Валинов забросил его тело наверх.

Началось быстрое и деловитое расчленение экспликатора Риггенсена.

Когда Гаргатулот был молод — относительно молод, поскольку демоны не знают ни рождения, ни смерти, — он вел себя как любой смертный и лишь изредка заглядывал в варп, когда появлялась возможность овладеть знаниями могучей психической силы.

Он поступал так же, как поступали все демоны. Он упивался ощущением облакавшей его плоти. Он танцевал на своих новых ногах. Он рассказывал своим новым языком истории, которые недалёковидные люди считали безумным бредом. Любой, кто его видел, понимал, что это не человек. Какое бы тело он ни носил — могущество, словно слезы, брызгало из его глаз голубыми искрами. Его речь была полна загадок, сводивших людей с ума.

Но Гаргатулоту везло: его первые вторжения в реальный мир пришлись на эпоху ничем не сдерживаемого разрушения и войн. Люди называли свое время Веком Раздора, и это был один из редких случаев в истории человечества, когда название эпохи полностью соответствовало ее

содержанию.

Гаргатулот видел, как гибли цивилизации, оставляя после себя лишь груды почерневших костей. Он видел, как королями становились безумцы, как свирепые правители сжигали целые миры, используя их как топливо для своей личной власти. Человечество в этой войне утратило навыки межзвездных путешествий и оставалось на своих планетах, словно черви в норах. Люди поглощали друг друга в бунтах и междоусобных войнах.

Тысячеликий Принц наблюдал, как люди вновь открыли для себя космос. Как человечество внезапно разделилось на миллионы истекающих кровью общин, брошенных в один кипящий котел. Гаргатулот, сменив несколько тел безумцев, стал героем. Ему поклонялись миллиарды людей. Он был принцем под пеленой тысячи лиц, и каждое из них было снято с головы предателя. Он был женщиной, которая каждое утро плавала в океане крови, чтобы завладеть силами обескровленных ею врагов. Он был королем пиратов, объединившим десятки систем только для того, чтобы натравить их друг на друга и посмотреть, кто выживет.

Век Раздора длился дольше, чем записано в человеческой истории. В те времена Гаргатулот прожил несколько жизней среди сражений, страданий и увечий. Он познал победы и поражения, торжество триумфа и горечь смерти. Каждое мгновение служило пищей для неутолимой жажды знаний, которая снедала всех слуг Тзинча.

Но мало-помалу Гаргатулот постигал истину. Он был ребенком, а Век Страданий — его игровой площадкой. Чем больше он понимал человечество, тем яснее постигал желание сил Хаоса. Каждая победа, достигнутая людьми в битвах, неизменно оборачивалась поражением. Каждая обретающая власть империя рано или поздно должна была пасть.

Человечество оказалось слишком слабым. Оно было не способно одержать настоящие победы: оно всегда проигрывало. Всегда. А в варпе были боги — существа, накопившие столько могущества, что они навеки оставались богами. Люди были не в состоянии с ними соперничать. Когда Гаргатулот осознал эту истину, он стал презирать народы, так долго его забавлявшие.

Ему стало скучно. Время от времени он совершал набеги на реальные миры, чтобы повергнуть их в хаос ужаса, но это занятие казалось пустым и бессмысленным. Не осталось нераскрытых тайн. Человечество представлялось ему грубым и невежественным животным, не способным собрать воедино даже свои небогатые силы.

До тех пор, пока не был начат Великий Крестовый Поход.

Человек, называющий себя Императором, завоевал свой родной мир — колыбель всего человечества, священную Терру. Он возглавил Крестовый Поход от одной звезды к другой, завоевывая пространство и объединяя все человеческие нации в Империум. Каждый человек, обитавший в Галактике, был автоматически объявлен подданным Империума, даже если он никогда о нем не слышал. Великий Крестовый Поход так и не был закончен, но на протяжении всей своей жизни Империум пытался вовлечь в деспотические объятия каждый человеческий мир.

Галактика неожиданно вновь стала интересной. Впервые за свою историю человечество смогло собрать устойчивую и внушительную силу и установить господство над разведанной частью Галактики. Оно продолжалось более десяти тысяч лет. Это начинание пережило смерть самого Императора от рук благословленного Хаосом Воителя Хоруса; пережило гражданские войны и вторжения — все, что могла противопоставить людям Вселенная. Империум выдержал испытания, несмотря на ограниченность человеческой фантазии и скудость мыслей.

Но, как не раз убеждался Гаргатулот, каждая победа неизбежно превращается в поражение. Каждая построенная империя должна рухнуть.

Существование Гаргатулота вновь обрело смысл. Настанет день, когда Империум падет. И Тысячеликий Принц демонов будет присутствовать при этом.

Лигейя тяжело прислонилась к стене своей спальни; ее одежда пропиталась потом, во рту пересохло, дыхание вырывалось горячими болезненными толчками. Инквизитор дрожала всем телом. На столике у противоположной стены лежала книга; от ее зловещего содержания жалобно потрескивала древняя патина на обложке. Книга была маленькой и тонкой: томик свободно умещался на ладони одной руки, — но ее страницы содержали ничем не прикрашенные откровения Гаргатулота. Тирады, полные безумия.

В комнатах Лигейи царил ужасный беспорядок. Повсюду была разбросана одежда, недоеденная пища засыхала на серебряных тарелках, стоявших на каждой свободной поверхности. Мысли Лигейи были слишком заняты, чтобы поддерживать образ знатной дамы: теперь, когда она увидела ужасные силы, разрывающие ткань реальности, это больше не имело значения.

Гаргатулот говорил с ней. Гаргатулот был не просто демоническим существом — он был знанием. Он воплотил в себе все знания, которые собрал за невероятно долгую жизнь, и потому его можно только изгнать, но не убить. Тысячеликий Принц оставлял знания в сердцах и мыслях своих культистов, и даже в случае изгнания из реального мира слишком большая его часть оставалась в головах безумцев. Этим же обеспечивалось его возвращение.

Лигейя не могла его победить. Она не в силах противостоять ничему подобному. Самое основное понятие сущности Гаргатулота оказалось настолько сложным и обширным, что ее разум отказывался его воспринимать.

Инквизитор пожалела, что рядом нет культистов смерти, которым можно было объяснить свои чувства. Конечно, они никогда не разговаривали, но возможность высказаться облегчила бы ее состояние. Ни о чем подобном нельзя было поговорить с Серыми Рыцарями, даже с Алариком. И экипаж Маллеус, таящийся в недрах «Рубикона», был не лучше — как и инквизитор Клаэс и остальные Ордо Маллеус. Лигейя осталась в одиночестве, если не считать образа Гаргатулота в ее мыслях.

А культисты смерти ушли. И они никогда не вернутся.

Где-то недалеко, в ее комнатах, прогремел взрыв — это болтерный снаряд сорвал с петель дверь ее покоев. Лигейя услышала громкий приказ, и в соседней комнате среди антикварной мебели раздались шаги.

Лигейя выпрямилась. На ее руке все еще оставалось оружие в виде большого красивого перстня, где-то в вещах лежал игольчатый пистолет, которым она владела в совершенстве. Но она понимала, что все это бесполезно. Тзинч готовится поглотить Галактику. Что толку в каком-то оружии?

Дверь в спальню распахнулась от удара ногой. Лигейя, дрожа, отступила к дальней стене, представляя себе, какой жалкой она покажется незванным гостям. Растрепанная, измученная и больная, инквизитор выглядела старше своего возраста.

Она узнала вошедшего в комнату правосудора Санторо, самого прямолинейного Серого Рыцаря. Он был как раз тем, кто мог прилететь с «Рубикона», чтобы встретиться с ней лицом к лицу. Никакого воображения. Никакого шанса, что он прислушается к ее мольбам.

Санторо приставил дуло штурмболтера к ее голове. Если Лигейя вздумает шевельнуться или заговорить, он убьет ее.

Она почему-то всегда знала, что так все и закончится. Еще до того, как она впервые услышала о Гаргатулоте, еще будучи молодым дознавателем Ордо Еретикус, не знавшим Ордо Маллеус, она была уверена, что закончат свои дни под дулом болтера в руках тех, кто должен был быть ее союзниками. Так поступала Инквизиция, так существовал весь Империиум: в критические моменты человечество истребляло самих себя.

Еще трое воинов в громоздких доспехах заполнили своими телами всю комнату, наставили болтеры на Лигейю. Лигейя вздрогнула от неожиданного холода.

— Все чисто, — бросил Санторо.

Вслед за Серыми Рыцарями в спальню вошел инквизитор Клаэс. В одной руке он держал электронный планшет, другая покоилась на рукояти энергетического меча.

— Инквизитор Бризейс Лигейя, — настороженно произнес он. — Мы получили послание от Конклава Ордо Маллеус, состоявшегося на Энцеладе, в котором содержится требование твоего незамедлительного ареста. Являясь высшим представителем власти Инквизиции в этой местности, я обязан выполнить этот приказ. Теперь у тебя нет выбора, Лигейя. Сдайся, или правосудор Санторо тебя убьет.

Лигейя подняла вверх дрожащие руки. По жесту Санторо один из космодесантников, которого Лигейя знала под именем брат Трэван, схватил ее за руку, сдернул с пальца перстень и растоптал драгоценное оружие бронированным сапогом.

— У тебя есть другое оружие? — спросил Санторо.

Лигейя отрицательно качнула головой.

— Свяжите ее.

Трэван свел руки Лигейи впереди, и она почувствовала, как на запястьях сомкнулись наручники. Она сознавала, что только благодаря профессиональной солидарности Клаэса ее не стали обыскивать и не заковали в цепи.

— Инквизитор Лигейя, — вновь заговорил Клаэс, теперь читая по экрану планшета. — Приказом Священной Инквизиции Императора ты арестована за преступную ересь, сношения с врагами Императора, разложение слуг Империиума и другие прегрешения — вплоть до слушания дела. Ты будешь отправлена на Мимас, где расскажешь всю правду, а потом твою судьбу будет решать Конклав Ордо Маллеус. Лишение свободы предупредит твои дальнейшие преступления. Твое звание инквизитора отныне аннулировано. Эти преступления связаны с помощью, оказанной Голику Рен-Сару Валинову, и с гибелью имперских служителей при исполнении священных обязанностей. По решению Ордо Маллеус, твои преступления не совершены по незнанию. Остается только определить степень виновности. До тех пор ты перестаешь быть гражданином Империиума и поступаешь в распоряжение Ордо Маллеус. Да пребудет с тобой милосердие Императора, а мы не можем тебя помиловать.

Клаэс защелкнул планшет. В его глазах Лигейя увидела только печаль. Ни один инквизитор не в состоянии радоваться падению своего коллеги — это напоминает, как мало отделяет его самого от той же пропасти.

— Лигейя, — сказал Клаэс. — Скажи, зачем ты это сделала, и я обещаю, к тебе будут хорошо относиться.

— Зачем? — По щеке Лигейи пробежала горячая слеза. — А что еще остается делать? Галактике грозит гибель. Перемены поглотят абсолютно все. Не имеет значения, как упорно мы будем сражаться, мы все обречены. Я видела, как это произойдет. Инквизитор, судьбу невозможно победить. И свобода Валинова — это часть судьбы, как и мой арест, как и тот факт, что все вы умрете, а ваши триумфы обратятся в пыль.

— Хватит! — прервал ее Санторо.

Он шагнул вперед и ударил по лицу инквизитора тыльной стороной ладони. Лигейя рухнула на пол.

Уже лишившись сознания, она все же видела, как Гаргатулот гасил звезды, а Повелитель Перемен шел следом за ним и поражал всю материю Вселенной скверной Хаоса.

Аларик лишился товарища, которому доверял. Он потерял друга. Когда Лигейю привезли

на «Рубикон» и заперли в обработанной псайкерами камере, Аларик увидел сломленную женщину, жалкую тень той пронизательной аристократки, которой он решился доверять.

С одного взгляда на лицо Клаэса Аларик понял, что инквизитор чувствует то же самое. Сама мысль о том, что Гаргатулот мог завладеть такой женщиной, когда она даже не приблизилась к нему, казалась ужасной. Аларик впервые всерьез задумался, сможет ли Гаргатулот сделать то же самое с Серым Рыцарем, если тот подойдет достаточно близко. До сих пор ни один из Серых Рыцарей не поддавался силам Хаоса — неужели Аларик или один из его подчиненных станет первым? От одной этой мысли в его глазах на миг потемнело.

Лигейя отослала своих культистов не за оружием Мандулиса. Она направила их на Мимас, где, действуя по ее приказу, они помогли Валинову избежать казни. Последнее, что стало известно о Валинове, — это то, что он улетел на корабле, украденном с одного из колец Сатурна. В погоню за ним отправился весь флот Ордо Маллеус, находившийся на тот момент на Япете, но они потеряли преступника в гигантском газовом кольце.

К тому времени, когда арестовали Лигейю, Валинов наверняка был далеко за пределами Солнечной системы. Возможно, что вместе с ним отправился один из культистов, оставшийся в живых. Свершилось грандиозное предательство. Лигейя больше всех остальных знала о многочисленных преступлениях Валинова против жителей Империиума, и все же она встала на его сторону и помогла избежать наказания.

Аларик не мог знать точно, когда и как Валинов сумел запустить свои когти в душу Лигейи. Но в одном он был уверен: здесь не обошлось без помощи Гаргатулота. Возможно, это началось еще при обнаружении «Codicium Aeternum». Или при первом допросе Валинова на Мимасе. Аларик сам прочел несколько страниц «Codicium Aeternum». Неужели Гаргатулот уже пытался проникнуть в его разум и внедрил в мысли свои приказы?

Гаргатулот действовал через статую с Виктрикс Соноры и тексты, найденные на Софано Секундосе. Возможно — и через архивы на Трепитосе, в которые Лигейя погружалась с головой, добывая информацию. Ересь проникала в ее разум, а инквизитор ничего не заметила, пока не стало слишком поздно. Ее использовали. Как использовали и Серых Рыцарей, чтобы они сыграли свою роль в непостижимых планах Гаргатулота, сплетенных в Шлейфе Святого Эвиссера еще до изгнания повелителя демонов.

Теперь Лигейя пропала, и Аларику придется вести сражение в одиночку.

Гаргатулот не был просто чудовищем, убитым Мандулисом. Он был знанием, укоренившимся в головах его последователей, — тем знанием, которое могло поразить разум его пешек и заставить их совершать безумные поступки. В прошлом, еще на пути к званию правосудора, Аларику не раз доводилось бороться с демонами и культистами, но они всегда были для него врагами, которых можно видеть, ощущать и убивать. А Гаргатулот стал силой, уничтожение которой не подвластно Ордо Маллеус.

После того как «Рубикон» покинул Трепитос и направился к Мимасу, Аларик постарался собрать отрывочные результаты исследований Лигейи в одно целое. Ему надлежало опустошить занимаемые ею помещения и все содержимое сжечь, поскольку никто не мог определить, сколько и каких записей коснулась зараза ереси. Но эти записи были последней надеждой Аларика. И если во всем Империиуме и был кто-то, кто мог продолжить расследование Лигейи и не стать жертвой Гаргатулота, то это только Серый Рыцарь.

Инквизитор Клаэс предоставил в распоряжение Аларика все ресурсы Трепитоса. Лучший корабль Клаэса — тот самый, которым воспользовались культисты Лигейи, — до сих пор стоял под арестом в доках Япета. Но инквизитор нажал на тайные пружины, и через несколько дней у Аларика было два торговых судна — самых быстроходных во всем Шлейфе, с командой из

бывших экипажей военной флотилии.

Аларик послал Генхайна на «Рубиконе» доставить Лигейю на Мимас. Затем командир отделения возмездия должен был отправиться на Титан и, действуя от имени Аларика — как брата-капитана и командира ударной группы, — получить меч Мандулиса. Если это оружие действительно было «сверкающей молнией», о которой говорил Валинов, — значит, меч воплощал в себе единственный шанс Серых Рыцарей в грядущем противостоянии с Гаргатулотом.

Отделения Санторо и Танкреда остались в крепости. Они оборудовали себе кельи и тренировочные залы и практиковались в рукопашных схватках. Когда-то крепость казалась могущественным, почти неприступным сооружением. Теперь же Аларик, готовясь продолжать расследование, стоившее Лигейе разума, всерьез полагал, что Шлейф Святого Эвиссера обладает куда меньшими ресурсами, нежели сеть культов Гаргатулота, зародившихся больше тысячи лет назад.

Усиление активности культов привлекло в миры Шлейфа немалые силы Имперской Гвардии и военных флотилий, но все же их было недостаточно, чтобы охватить всю систему. Даже если бы удалось убедить Экклезиархию предоставить в распоряжение Аларика подразделения Сестер Битвы — преданное и мощное войско, заслуживающее уважения, — всех собранных сил едва хватило бы для одного хорошего удара.

Большая часть Серых Рыцарей сейчас направились к Оку Ужаса сражаться с непрерывным потоком демонов, изливавшимся в реальный мир из варпа. Остальные с трудом закрывали самые критичные позиции, сдерживая натиск демонов через черные дыры по всему Империиуму — Маэльстром, врата Варла, туманность Диоклетиана и дюжину других кровоточащих язв реальности. Так что с Титана не стоило ждать подкрепления.

Теперь Аларик понимал, почему от лидера требуется обладать многими различными качествами, в необходимости которых он прежде не был уверен. Он должен был сражаться и побеждать, не допускать, чтобы пошатнулась его вера в Императора, и вести за собой братьев Серых Рыцарей. Но более того — он должен был исполнять все это даже тогда, когда сознавал, что остался совсем один.

«Перевозчик» неспешно тащил свой груз через Сегментум Солар. Двигатели опасно постукивали из-за нагара в изношенных клапанах, а устаревший курс-контроллер тратил слишком много топлива на беспрестанные корректировки маршрута. Перелет между Юрном и Эпсилон Октариус был тяжелым; обилие конкурентов не позволяло тратить время на ремонт разваливающегося грузового судна, а полученных денег вечно не хватало, чтобы заменить его на новое.

Капитан Йамбе знал, что, вероятно, умрет вместе со своим «Перевозчиком». Йамбе уже стукнуло сорок семь лет. Это хороший возраст для капитана грузового судна: большинство коллег умирали гораздо раньше из-за несчастных случаев или разгульных ночей в портах. Йамбе пережил два серьезных крушения и Император знает сколько пьяных драк на стоянках. А когда, наконец, стал капитаном собственного корабля, понял, что теперь до смерти не вырвется из этой кабалы. Он задолжал слишком многим людям, чтобы суметь от них отделаться, и никогда не накопит достаточно денег, чтобы модернизировать свою потрепанную посудину.

По крайней мере, экипаж — три десятка людей, что занимали несколько жилых помещений вокруг обширного чрева корабля, — знал, на что идет. В огромных безвоздушных грузохранилищах лежало несколько партий промышленных товаров с Юрна: от запчастей к станциям слежения до лазружей массового производства, упакованных в деревянные ящики.

Помощники Йамбе были людьми жестокими и угрюмыми; возможно, они использовали «Перевозчик» для того, чтобы скрыться от правосудия. Но пока они выказывали хоть небольшое уважение к техноритуалам и знали, с какого конца подойти к гиперключу, капитана это не беспокоило.

Тесный и жаркий капитанский мостик «Перевозчика» провонял потом и машинным маслом. Йамбе с годами начал заплывать жиром. Теперь он плотно заклинивался в командном кресле и медленно пропитывал его потертую обшивку своим потом. На подлокотнике брякала полупустая бутылка юрнианского «Второго лучшего» — вонючего, но сильнодействующего спиртного, без которого капитан уже не мог уснуть. От холодного, ненавистного космоса, где капитан провел большую часть жизни, его отделяла лишь прозрачная пластальная полусфера — точно выпуклый глаз гигантского насекомого.

«Перевозчик» недавно выпрыгнул из варпа. Корабельный навигатор второго класса — костлявый и дерганый парень, выпускник одного из Нижних Домов, теперь мог несколько дней медитировать, чтобы подготовить следующий варп-прыжок. Навигатор был почти полным нулем в своей работе, зато плата Нижнему Дому за его услуги такой не казалась. Астропат Гелл обходилась не намного дешевле, но она хоть имела какое-то представление о том, что делает.

Йамбе ненавидел космос и потому не мог отвести от него взгляда. Капитан знал, что в один из дней космос ворвется и убьет его — и это случится, как только Йамбе ослабит бдительность. Однажды ему довелось оказаться в нескольких сантиметрах от жесткого вакуума и увидеть, как друзья выворачиваются наизнанку в пробойне корпуса. Это было давно, еще когда капитан мог позволить себе иметь друзей. Космос погубил больше мужчин, чем это сделали женщины, — к таким словам уже ничего не надо добавлять...

Рядом с Йамбе гудели и пощелкивали стоящие в беспорядке анализаторы и устройства связи. Время от времени испускали облачка пара протекающие трубы охлаждения. Капитан слышал, как натужно гудели двигатели, проталкивая «Перевозчика» через гравитационные поля

висящего над ним пояса астероидов. Этот корабль долго не протянет.

Может, после прибытия на Эпсилон Октариус оставить судно гнить в порту и отправиться на планету? И там найти другой способ прожить отмеренное ему время, которого Йамбе не заслуживал? Послать к черту плату за стоянку, туда же и кредиторов?..

Но капитан прекрасно знал, что на Эпсилон Октариус он загрузит корабль продовольствием и предметами роскоши и потащит все это обратно на Юрн.

— Босс, — ожил вокс-канал с кормы, прерываемый помехами. Говорил Лестин — бригадир мотористов и единственный человек, которому Йамбе мог доверить двигатели «Перевозчика».

— Босс, у нас проблема.

Йамбе сплюнул:

— Что за проблема?

— Столкновение. Похоже, что-то случилось в четвертом отсеке.

— Вы в состоянии справиться с этим «случилось» или отсек разрушен полностью?

— Керрел пошел посмотреть. Он пока не вернулся.

Йамбе совсем ни к чему было терять людей. Выручка за этот рейс будет слишком невелика, чтобы набирать новых членов экипажа.

— Сейчас приду. Постарайся, чтобы до тех пор никто не умер.

Йамбе выбрался из капитанского кресла и спрятал бутылку «Второго лучшего» в один из стоящих рядом анализаторов. Спиртное, рядом с нагретой трубой, стало шипеть и булькать. Пробираясь от кресла к выходу, капитан не переставая сыпал проклятиями. Прикоснувшись рукой к металлической перегородке, он ощутил, как сильно дрожит корпус корабля. Предыдущий владелец вырезал на трубах и балках литании богу машины. Высокий готик молитв должен был обеспечивать безопасность и работу всех механизмов. Но, похоже, от этого мало толку.

Через выходящие в главный коридор иллюминаторы Йамбе заглянул в обширные грузовые отсеки. Там громоздились массивные кипы строительных материалов, инструментов, оружия — всех тех вещей, которые жители Эпсилон Октариус были не в состоянии изготовить сами. Затем капитан заковылял в сторону кормы по длинному коридору с полукруглым потолком, в полной мере ощущая свой возраст и свой вес.

Однажды, работая на вооруженном торговом корабле с Балура, Йамбе стал свидетелем протечки плазменного реактора и видел, как две тысячи человек заживо сгорели в жидком пламени. Будучи капитаном, он потерял семерых человек, когда отказал механизм воздушного шлюза. А с каждой смертью, как верил Йамбе, небольшая часть его души становилась темной и холодной. Вот потому прирожденные астронавты так жестокосердны, словно дети гроксов.

Коридор постепенно сужался, от него уходили многочисленные боковые ответвления. Их сеть охватывала выпуклые громады плазменных реакторов, машинных отсеков и варп-генераторов.

Йамбе на ходу воткнул в ухо бусинку вокса:

— Лестин?

— Босс, мы нашли его, — прозвучал ответ Лестина, но в его голосе не было и намека на радость.

— Где он был?

— Шагах в двадцати от нас. Кто-то загнал его в воздушный шлюз. Похоже, Керрел от чего-то убежал.

— От чего это?

— Мы не стали там околачиваться и выяснять, — ответил бригадир мотористов. — Я закрываю все переборки вокруг четвертого отсека.

Йамбе зашел в корабельный оружейный склад — маленькую темную комнатку, где на стенах было развешено все имеющееся оружие, снял со стойки короткоствольное ружье и торопливо зарядил магазин шестью патронами. Экипажи космических кораблей чаще всего брали с собой в рейсы именно короткоствольные ружья. На корабле ни к чему дальнобойность, а более мощное оружие грозило пробить корпус или разрушить какую-нибудь жизненно важную систему. Йамбе еще задержался, чтобы достать из ящика ячеистый бронежилет и натянуть его на массивное туловище. Затем снова вышел в коридор. Жилет не сходил с выпирающим животом, но все равно это было лучше, чем ничего.

— Лестин, проследи, чтобы парни из реакторной команды не остались запертыми, — приказал капитан по воксу. — К реакторным отсекам подходит слишком много вентиляционных труб, и туда мог забраться кто угодно.

Ответа не последовало.

— Лестин?!

Бусинка шуршала треском помех. Вокс-система на «Перевозчике» была на последнем издыхании и, похоже, отказала в самый неподходящий момент. Так решил Йамбе, передернул затвор и грузно двинулся по коридору.

Впереди послышались шаги; они были слабыми и неровными. В сумрачном освещении мелькнула чья-то тень, и Йамбе едва не выстрелил в голову появившегося перед ним человека.

Это был корабельный навигатор. Любого навигатора только с натяжкой можно было назвать человеком. Именовали их мутантами считалось невежливым, но Йамбе мог думать о них только так. Эти существа умели заглядывать в варп и вести через него корабль. Все они были длинными и хилыми созданиями, и навигатор «Перевозчика» — не исключение. Вот только сейчас он был не просто хил: он был ранен. Темно-голубая форма Нижнего Дома почернела от крови. Она толчками вытекала из раны на груди, тонкой струйкой тянулась изо рта и оставляла извилистый след на полу.

Навигатор по имени Кревакалик свалился на руки Йамбе и едва не опрокинул капитана на спину.

— Что это?! — тяжело дыша, воскликнул Йамбе. — Где?

Кревакалик сполз на пол и посмотрел на Йамбе снизу вверх из-под повязки, прикрывающей третий глаз на лбу — варп-глаз.

— Это... она была в... она пришла за мной, а Гелл была первой...

— Гелл мертва? — перебил капитан. Кревакалик кивнул.

Плохие новости. Гелл, корабельный астропат, была единственной, кто мог послать телепатический сигнал бедствия.

Кревакалик закашлялся и выплюнул на Йамбе теплый сгусток крови. Навигатора придется оставить: через несколько мгновений ему конец. Йамбе уже приходилось это видеть. Легкие и внутренности навигатора пробиты. Будет милосерднее оставить его умирать, чем пытаться помочь.

А Йамбе надо идти дальше — и не для того, чтобы разыскать Лестина или еще кого-то из команды. Единственная рабочая спасательная капсула находится на корме. Йамбе уже понял, что ему необходимо как можно скорее покинуть судно.

Он бросил навигатора умирать на полу в коридоре. Если Кревакалик и просил капитана остаться, слова утонули в кровавой пене на губах.

Впереди коридор широким полукругом огибал один из плазменных генераторов — громадный выпуклый цилиндр высотой с пятиэтажное здание. Там вырабатывалась энергия для корабля. Плазменное ядро с негромким гудением заставляло работать все корабельные системы. Из проходящих по полу и стенам труб охлаждения поднимались небольшие облачка белого

пара.

На ближайшей контрольной панели лежало тело. Это был Ранл — паренек, которого экипаж «Перевозчика» подобрал во время последней технической стоянки. Ранл был молодым и глупым, возможно — беглым преступником, но он делал то, что ему велели, и вел себя тихо. Он не заслуживал того, чтобы ему отрезали голову и рассекли тело, но именно так с ним и поступили.

Йамбе никогда не видел, чтобы так убивали — тело было рассечено на части, как будто над ним поработал первоклассный мясник. Капитан огляделся и заметил, что Ранл был не один — с перил верхнего перехода, идущего вдоль генератора, свешивался еще один труп. Йамбе не смог его узнать, но увидел, что обе кисти рук отрублены, а на стене внизу появились ржаво-красные потеки крови.

Под потолком возникло движение, но настолько быстрое, что Йамбе ничего не успел рассмотреть. Похоже, кто-то прыжками двигался по наружной стене, вместо того чтобы идти по переходу. Йамбе попытался нацелить на него оружие, но тень пропала раньше, чем он поднял дуло.

Его люди погибали. Кто-то пробрался на корабль и вознамерился убить каждого, кто попадется на пути. Сначала они отправились за астропатом и навигатором — значит, никто не успел подать сигнал бедствия.

Пираты? У Йамбе были с ними свои счеты. А может, даже ксеносы. Каждый астронавт слышал достаточно историй о диких ксеносах — от жестоких выродков эльдаров до зеленокожих убийц, нападающих на имперские суда.

А может, это еще более примитивная форма жизни? Говорят, что тираниды используют быстрых и опасных многоруких тварей в качестве шпионов. Эти в состоянии испортить любой механизм и убить всю команду на борту корабля. В рассказах, которые с красочными и кровавыми подробностями звучали в барах, тавернах и борделях по всему Империи, жили и другие чудовища, способные пробраться на корабль и вырезать всю команду.

Вновь что-то мелькнуло — теперь ближе и ниже. Йамбе едва успел уловить тень боковым зрением. Капитан понял, что не сможет убить его, — это какой-то чужак, смертельно опасное существо. Неужели он, капитан Йамбе, кончит свои дни как Ранл? Будь проклят этот корабль! Пропади пропадом весь груз! Он не собирается здесь умирать.

Йамбе бегом обогнул реактор и бросился к низкой дверце, ведущей на корму. Там есть единственная спасательная капсула, и она должна быть в рабочем состоянии. Если ее никто еще не взял и если какой-то корабль пройдет достаточно близко, чтобы уловить сигнал бедствия, капитан может остаться в живых.

Чем ближе он подходил к машинному отделению, тем грязнее и теснее становился коридор. Под ногами клубились облака из охлаждающей системы. Вонючий маслянистый воздух забивал нос; почти сразу же пересохло в горле. Дыхание Йамбе стало натужным и сиплым... Он слишком стар для всего этого.

Внезапно ожил канал вокса. Треск помех прервался мужским голосом — низким, сильным и уверенным.

— Капитан Йамбе, — произнес он. — Сколько топлива на твоём корабле?

Йамбе остановился. Вокс-передатчик был только у Лестина. Значит, тот, кто говорил, поймал Лестина, а парень направлялся на корму. Кто бы это ни был, он находился между Йамбе и спасательной капсулой.

Йамбе развернулся и побежал обратно тем же путем, которым пришел. Затем свернул в служебный туннель, отходящий из коридора и слишком узкий, чтобы продвигаться по нему с той скоростью, с какой хотелось...

Надо где-то спрятаться. Короткоствольное ружье в руках показалось слишком тяжелым и бесполезным; капитан едва удержался, чтобы не бросить его. Должен быть какой-то выход. «Перевозчик» — большой и захламленный корабль. В нем полно огромных грузовых отсеков, где можно затеряться. Однажды Йамбе поймал там безбилетника, водившего за нос экипаж в течение семи месяцев...

Он должен спрятаться. И выжить.

Йамбе ощупью стал отыскивать вход в отсек, где находился единственный корабельный челнок. Это большое низкое помещение располагалось между двумя реакторами. В нем стоял потрепанный трансатмосферник, которым пользовались для перелетов между кораблями на стоянках в орбитальных доках. Низкий квадратный челнок был таким же старым и грязным, как и весь остальной корабль, но если Ранл не забыл заправить его топливом, как было приказано, Йамбе запустит его и откроет шлюз отсека, чтобы выбраться с корабля.

Спасти при помощи одного только челнока невозможно. В нем нет ни воды, ни продовольствия. Запас воздуха рассчитан всего на семь часов, да и энергетические батареи настолько изношены, что для обогрева кабины придется жечь прометий. И дальность действия передатчика на челноке не оставляет надежды на обнаружение каким-нибудь кораблем.

Зато Йамбе мог бы сам выбирать, как ему умереть. Спрятаться на корабле и попытаться перехитрить захватчиков — или убежать на челноке и погибнуть от холода и удушья. Или просто застрять в шлюзе...

Йамбе почти добрался до челнока, как вдруг из-за машины вышел человек. Едва капитан попытался поднять оружие, как непонятно откуда вылетело серебряное лезвие и, вонзившись в руку, пригвоздило ее вместе с ружьем к бедру. Белая вспышка шока перед глазами Йамбе сменилась алой пеленой боли. Он рухнул на колени. Кончик лезвия царапнул по кости, но выходить не собирался.

Идущий ему навстречу мужчина обладал высоким ростом и превосходным телосложением. Даже в потрепанном и запачканном скафандре он умудрялся выглядеть величественным. Его резкое, продолговатое лицо и череп были гладко выбриты, и всю кожу покрывала густая сеть татуировок. Большие темные глаза словно видели Йамбе насквозь; и на мгновение капитан даже забыл о боли в руке и ноге, о теплой струйке крови, стекающей на пол.

— Сколько топлива, — повторил мужчина тем же самым низким и звучным голосом, что слышался по вокс-каналу, — имеется на твоём корабле?

— Убирайся, бандит! — огрызнулся Йамбе.

Только отчаяние удерживало его от обморока. Он не хочет здесь умирать. Он не умрет. Он собирался бросить корабль на Эпсилон Октариус и отправиться на поверхность, чтобы начать новую жизнь, подальше от космоса. Он не должен погибнуть!

Человек что-то бросил в Йамбе — что-то теплое и ужасное; оно шмякнуло капитана по голове и свалило его на грязный металлический пол. Боль тотчас вонзилась в мозг горячей иглой, а когда пятна перед глазами рассеялись, Йамбе увидел, что рядом с ним лежит отрезанная голова Лестина с отвисшей челюстью и открытыми глазами.

— Сколько топлива на твоём корабле? Твой человек сказал, что он этого не знает.

Йамбе поднял голову. В глазах захватчика зияла полная пустота. На секунду капитану показалось, что он заглянул в варп, в бесконечность Хаоса, сводящую людей с ума.

— Достаточно, — заикаясь, пробормотал Йамбе. — Достаточно, чтобы добраться отсюда до Эпсилон Октариус. Если требуется больше, надо запустить второй реактор.

— Хорошо, — бросил мужчина, а потом перевел взгляд куда-то за голову Йамбе. — Убери его.

Йамбе оглянулся. Сзади кто-то стоял, хотя капитан и не слышал ничьих шагов. Это была

женщина в черном блестящем облегающем костюме, под которым были видны тугие мускулы, словно кольца змеи, обвивавшие тело. Глаза с золотистыми крапинками смотрели на капитана с презрением.

— Я не могу здесь умереть... — заговорил капитан, но это не помешало ей поднять длинный блестящий меч и одним ударом рассечь Йамбе пополам.

Аларик не мог ощущать состояние Шлейфа, как это делала Лигейя, но ему хватало и донесений, стекавших в крепость на Трепитосе. Промышленный мир Магнос Омикрон был объят гражданской войной, в которой верные Императору адепты сражались с толпами последователей нечестивого проповедника. На Вулканис Ультор было введено военное положение. По приказу кардинала Рекобы подразделения тяжелой балурианской пехоты непрерывно патрулировали улицы и ограждали богатые кварталы верхнего города от банд культистов, роящихся в трущобах.

Немногочисленные корабли военной флотилии Шлейфа беспрестанно курсировали между мирами и уничтожали каждый грузовой корабль, если его капитан не мог вразумительно перечислить груз и всех членов экипажа.

Апокалиптические бедствия обрушились на многие миры. Как только распространились первые слухи, граждане Империи наводнили соборы. Проповедники совершали многолюдные молебны во имя спасения и всепрощения. Молящиеся приходили в экстаз: временами собрания благочестивых имперцев невозможно было отличить от сборищ культистов Гаргатулота.

Аларик начал осознавать, насколько силен Тысячеликий Принц. Один лишь слух о его существовании вызвал неизмеримые страдания и ужас.

Возможно, вся необходимая Аларику информация содержалась в архиве Трепитоса. Но молодой капитан Серых Рыцарей был не в состоянии пересмотреть все бесконечные кипы бумаг на полуистлевших полках. Весь штат подчиненных инквизитора Клаэса не раз уже пытался это сделать, но и они потерпели неудачу. Аларику оставалось работать лишь со свежими донесениями из миров Шлейфа да с той небольшой частью документов по истории системы, что была разобрана и тщательно рассортирована.

Комната над архивом была высокой и продувалась бесконечными сквозняками. Сквозь высокие стрельчатые окна пробивались скудные лучи света, с трудом рассеивая сумрак. Несколько служителей крепости сновали вдоль полок, закрывавших все стены помещения, и приносили Аларику требуемые материалы. Он понимал, что не сможет ничего обнаружить сверх того, что уже просмотрела и изучила Лигейя, но приходилось использовать любые возможности. Ставка была слишком высока, чтобы хоть чем-то пренебрегать.

Сотни донесений, лежащих перед Алариком, рассказывали о зверствах, учиненных культистами Гаргатулота. В них упоминались взрывы бомб, массовые убийства, мятежи, еретические проповеди по вокс-сети, набеги на имперские соборы, многочисленные похищения людей...

Инквизитор Лигейя могла погружаться в самое сердце тьмы, могла исследовать безумные идеи, занимавшие мысли последователей Гаргатулота. Все это было недоступно Аларику. По сравнению с Лигейей, его разум оставался закрытой комнатой.

— Брат-капитан, — раскатился под сводом знакомый низкий голос.

Аларик оторвался от кипы донесений и увидел идущего к нему через архивную комнату Танкреда. Двое работников крепости с удивлением обернулись, чтобы посмотреть на громадную фигуру: Танкред был в своих терминаторских доспехах, и его рост почти вдвое превышал рост нормального человека.

— Астропаты крепости получили послание, что Генхайн благополучно добрался до Титана.

— Хорошо. — Аларик все еще не привык, чтобы к нему обращались «брат-капитан». — Я хочу, чтобы мы были готовы к выступлению, как только «Рубикон» вернется. У нас совсем не осталось времени. Гаргатулот все ближе.

Танкред кивком указал на пачку бумаг:

— Насколько все плохо?

— Очень плохо. Ни один мир не избежал разложения. Пострадал даже Магнос Омикрон. Войска планетарной обороны не справляются. То же самое относится к правоохранительным органам. Арбитрес стараются изо всех сил, но им приходится подавлять слишком много культов.

Аларик грустно покачал головой:

— Как долго они здесь таились? Неизвестно. На Софано Секундосе было совсем другое дело. Это изолированный мир, и процесс мог идти несколько столетий. А сейчас мы столкнулись с миллионами мужчин и женщин. Сотни культов в каждом мире по всему Шлейфу. И все они соблюдали секретность, но только до сих пор.

— Военные флотилии в состоянии изолировать этот район. Надо объявить Крестовый Поход.

Танкред имел все основания так говорить: раньше случалось, что зачистке подвергались целые сектора космоса. В мирах Шабаша, в зоне Асклепиана и в некоторых других районах — все эти миры очищались Крестовым Походом войск Имперской армии и флотилий.

— Если бы Шлейф был охвачен открытым восстанием, если бы половина Имперских войск не была прикована к Оку Ужаса, Маллеус, возможно, так бы и поступил, — ответил Аларик. — Но не теперь. Гаргатулот не выступает настолько открыто, чтобы привлечь внимание всего Империиума. Это наше дело.

— Ты говоришь так, словно впадаешь в отчаяние. — В голосе Танкреда прозвучали предостерегающие нотки.

— Это не отчаяние, правосудор, — ответил Аларик. — Ему нет места, пока жив хоть один из нас. Просто я все больше убеждаюсь, насколько хитер наш враг. Гаргатулот давно все это спланировал — возможно, еще до того, как Мандулис впервые его изгнал. И тот факт, что он возвращается в тот же промежуток времени, когда открылось Око Ужаса, — это не совпадение. Но у нас есть одно преимущество.

Аларик поднял пачку самых ужасающих отчетов:

— Он не выступает открыто. Это все попытка нас отвлечь. И пока дело касается Арбитреса и сил планетарной обороны, его уловка срабатывает. Но мы не такие. Мы знаем, что до тех пор, пока культисты не вызовут его в реальный мир, Гаргатулот очень уязвим. Когда он хорошенько обоснуется здесь, как раньше на Корионе IX, — ему нипочем любой Крестовый Поход, даже если мы сумеем его выследить. Но сейчас он уязвим. Он знает о нашем присутствии и боится нас.

— Но как мы его отыщем, брат-капитан? Мы не можем сражаться с тем, кого не видим.

Аларик взмахнул руками, словно бы охватывая весь архив.

— Это где-то здесь. Культисты Гаргатулота должны подготовиться к ритуалам возвращения Гаргатулота, а сейчас большая часть культов на Шлейфе заняты тем, что отвлекают силы Империиума от тех, кто занят этими приготовлениями. Лигейя могла бы отфильтровать культы, проявляющие истинную активность, а не отвлекающие маневры. Но ее здесь нет, и нам придется все сделать самим.

— Тогда я лучше не стану мешать тебе работать. Мои люди будут бдительны.

— Конечно. Да ведет тебя Император, правосудор.

— И тебя тоже, брат-капитан.

Аларик посмотрел вслед выходящему Танкреду. Как правильно считал Танкред, Серые Рыцари были созданы для того, чтобы сражаться с преступниками, из-за которых весь Шлейф объят пламенем, а не копаться в архиве в поисках улики, возможно отсутствующих. Танкред никогда бы открыто не высказал сомнения: он был слишком хорошим солдатом и слишком заботился о том, чтобы соответствовать требованиям командира. Но он не мог скрыть свои опасения от Аларика.

Аларик понимал, что может требовать от Серых Рыцарей только повиновения приказу, но не в силах контролировать их мысли. В запасе был еще один ресурс — доверие братьев-воинов. Аларик надеялся, что сможет удержать его до тех пор, пока не отыщет ключ к разгадке Гаргатулота.

Лучше сражаться только с одним врагом.

Многие говорят, что нелегкая поступь времени ощущается на Титане сильнее, чем в других местах, и слои истории давят здесь особенно тяжело. На самом деле причина в том, что сила тяжести на Титане несколько больше, чем на Терре. Это объясняется наличием сверхплотного стержня, внедренного в ядро спутника во времена Темной Эры Технологии. Но в этом утверждении есть и другая истина: история буквально высечена на скалах Титана в виде лиц забытых героев, восхвалений когда-то известных всему миру деяний, в виде мозаичных картин ужасных сражений против сил Хаоса.

Вся поверхность Титана изрезана, словно огромное долото высекло из планеты укрепления и цитадели. Их стены с самых ранних дней Империи слой за слоем покрывались каменной резьбой. Здесь хранится столько истории, что она переполнила бы все библиотеки Инквизиции, если бы только смогла вырваться наружу.

Правосудор Генхайн размышлял, сколько мог бы узнать Империи, если бы его ученые сумели правильно прочитать все образы и письма со стен подземелий Титана. Под верхними уровнями Титана, где жили и молились Серые Рыцари, находились катакомбы с захоронениями. Длинные сводчатые туннели были вырублены ремесленниками еще до того, как Ордо Маллеус возродился из огня Ереси Хоруса.

Генхайн, спускаясь вместе с процессией в катакомбы, где будут похоронены его боевые братья, смотрел на высеченные в камне лица Серых Рыцарей. Боевые братья, в старинных силовых доспехах, вели бесконечную битву против ухмылявшихся каменных демонов. Эта колонна была поставлена в память о безмянних святых Империи. Сводчатый потолок покрывали имена братьев — тех павших в боях Серых Рыцарей, тела которых было невозможно отыскать для захоронения на Титане.

Генхайн шел вслед за капелланом Дурендином. Дурендин, в полном комплекте черных доспехов, в черепоподобном шлеме из серого металла, не раз проходил по этим переходам. Будучи капелланом, он оставался попечителем мертвых и заботился о них так же, как и о душах живущих братьев.

Следом за Генхайном шагали воины его отделения с носилками, на которых лежало тело брата Краэ — павшего Серого Рыцаря из отделения Танкреда, доставленное командиром на борт «Рубикона». Брат Каанос тоже погиб на Софано Секундосе, но его тело осталось захороненным на планете. Генхайн знал, что, если Серые Рыцари вступят в бой с Гаргатулотом, еще до завершения этой миссии в катакомбах Титана появится множество новых могил.

Краэ лежал в белой погребальной накидке, надетой поверх массивных пластин терминаторских доспехов. Под ней просматривались очертания алебарды Немезиды, лежащей на груди. Могучие руки в латных рукавицах покоились на рукояти оружия. Следом за носилками шагали несколько новичков. Это были совсем юные ученики, только начавшие процесс трансформации в Серых Рыцарей. Они несли курильницы, наполнявшие спертым воздухом катакомб густым резким ароматом священного ладана. Генхайн припомнил это время, почти скрытое пеленой психоустановок и бесконечных медицинских процедур. Когда-то он сам шел вслед за погребальной процессией Серых Рыцарей и гадал, сколько пройдет времени до тех пор, пока его тело, прикрытое белой накидкой, окажется на таких же носилках.

Процессия в полном молчании двигалась по катакомбам. То здесь, то там стены расступались, открывая ниши, высеченные в каменном массиве. В каждой из них покоились

останки Серых Рыцарей, погибших столетия назад. На полу часто виднелись описания подвигов боевых братьев, лежащих в нишах. Буквы были почти стерты сапогами бесчисленных погребальных процессий. Генхайн на ходу читал обрывки слов.

Имена некоторых его братьев не попадут даже в историю Серых Рыцарей, поскольку они сражались и умирали в пропущенные летописцами периоды времени.

Дурендин дошел до зала, где предстояло похоронить Краэ, и впустил туда Генхайна с его воинами и новичков. На пьедесталах рядами стояло около пятидесяти каменных гробов. Три или четыре возвышения оставались пустыми, и одно из них было предназначено для Краэ.

Краэ останется лежать здесь до тех пор, пока отделение Танкреда не вернется со Шлейфа. Воины снимут с тела доспехи и возьмут оружие Немезиды; затем боевые братья проведут ритуал очищения и будут на-блюдать, как ремесленники ордена изготовят вокруг тела каменный гроб.

В прошлом величайших героев Серых Рыцарей хоронили вместе с доспехами и оружием, но драгоценные комплекты терминаторской брони следовало беречь. Адептус Астартес решили передавать их новым десантникам, вводимым в состав одного из отделений ордена. Геносемя Краэ, иссеченное из тела лично Танкредом, будет имплантировано в организм новичка — и тогда постепенно появится новый Серый Рыцарь. Клинок Краэ тоже вручат космодесантнику, получающему первое освященное оружие; болтер и боезапас будут распределены между воинами его отделения. Таким образом, Краэ даже мертвым продолжит борьбу против великого Врага и отомстит злым силам, погубившим его тело.

— На виду у всевышнего Императора, в сражении против сил разложения, лицом к лицу с Врагом пал брат Краэ.

Низкий печальный голос Дурендина, казалось, заполнил все катакомбы. «Истребление демонов» содержало десятки погребальных молитв. Дурендин множество раз произносил и знал наизусть каждую из них. Брат Краэ выбрал для своих похорон одну из простейших. Генхайн помнил этого скромного воина, точно исполнявшего приказы правосудора Танкреда и считавшего себя не кем иным, как инструментом воли Императора.

Дурендин продолжал службу; Генхайн и все воины склонили головы. Новички за их спинами впитывали каждое слово капеллана, отыскивая для себя смысл в панегирике павшему Краэ.

— Враг не нашел в его мыслях ни единой лазейки и не встретил милосердия от его руки. На виду у Императора он пал и бок о бок с Императором будет сражаться против врага в конце всех времен. Во имя Золотого Трона, во имя повелителя человечества, пусть брат Краэ живет в нашей борьбе.

Дурендин закончил молитву, и новички молча по одному вышли из зала. Они вернутся в кельи и будут размышлять обо всех боевых братьях, подобно Краэ павших на поле боя. Их геносемя теперь имплантировано в тела учеников: оно регулирует их превращение в Серых Рыцарей.

Генхайн обернулся к брату Ондуруну, который нес огнемет отделения и выполнял обязанности неофициального заместителя:

— Ондурун, отведи отделение на «Рубикон» и прикажи экипажу готовиться к вылету. Я скоро догоню вас.

Ондурун кивнул и молча вывел отделение Генхайна из зала. На дорогу из катакомб у них уйдет примерно два часа.

Правосудор Генхайн остался в зале наедине с Дурендином.

— Брат-капитан Аларик оказал великую честь брату Краэ, отправив его тело на Титан, — заговорил Дурендин. — Но вряд ли он отослал тебя и «Рубикон» только ради этого.

— Вы правы, капеллан. Он послал меня с просьбой от его имени.

Дурендин кивнул:

— Я получил твое астропатическое послание. Это весьма необычная просьба. Такого не случалось уже много столетий. И еще реже такие прошения выполняются. Аларик все тебе рассказал?

— Все. И еще он объяснил мне, что обладает властью исполняющего обязанности брата-капитана и может доказать настоятельную потребность в том предмете, который я должен получить.

Дурендин усмехнулся в глубине своего череполикого шлема:

— Конечно, правосудор. Но ты должен понимать значение этой просьбы. Как опекун наших павших братьев я должен отнестись к ней очень осторожно. Следуй за мной, правосудор.

Дурендин пошел между пьедесталами к выходу. Генхайн, опустив взгляд, увидел глядящие на него каменные лица — суровые, покрытые морщинами и шрамами. Лица людей, чьи души не могли успокоиться. Генхайн знал, что они и по сей день ведут непрекращающуюся борьбу с Врагом, как сам Император сражается из недр своего Золотого Трона. И борьба эта будет длиться до конца всех времен.

Через сводчатый проем они вышли в коридор, и Дурендин продолжил путь вниз. Генхайн следовал за ним в полумраке. Люмосферы здесь были расположены очень редко, и многие из них погасли. В стенных нишах многие столетия лежали тела воинов.

Туннель закручивался по спирали, вгрызаясь в кору Титана. Вдоль стен стояли статуи, настолько старые, что черты лиц были стерты временем. Шаги Дурендина по гладкому каменному полу будили гулкое эхо.

Воздух стал теплее. Белые зубы скелетов поблескивали в полумраке. Генхайн мельком заметил на стенах резные изображения Серых Рыцарей в давно устаревших силовых доспехах. Он видел подобные на мозаичных картинах в часовнях и в иллюстрациях старинных рукописей.

После недолгого спуска коридор выходил в огромное подземное пространство. Помещение было настолько большим, что дальняя стена казалась горизонтом, а потолок — бескрайним каменным небом. Зал, словно богатый мрачный город, был заполнен рядами огромных, искусно изготовленных сооружений из гранита и мрамора.

— наших мертвых не всегда хоронили бок о бок, как братьев,— тихо пояснил Дурендин.— Орден постепенно изменяется, хотя это и не всем заметно. Этот уровень сохранился с тех пор, когда Серых Рыцарей, как величайших героев, хоронили в таких городах мертвых.

— Как давно это было? — нехотя спросил Генхайн.

Как и все Серые Рыцари, он сражался с ужасными противниками и видел такое, что могло бы свести с ума менее стойкого человека. И все же молчаливый некрополь вызывал в нем чувство глубокого благоговения.

— Последнее захоронение было сделано более девятисот лет назад, — ответил Дурендин.— Идем дальше, правосудор.

Дурендин шагнул под каменное небо и направился по широкой улице, вымощенной плитами из блестящего гранита. С обеих сторон высились гробницы — некоторые высотой в несколько этажей. Одни были украшены резными картинами сражений, на других виднелись монументальные символы: стилизованная буква «I», обозначающая инквизицию, и меч с книгой — эмблема Серых Рыцарей.

Генхайн заметил и выцветшие, написанные некогда яркими красками образы Серых Рыцарей в древних доспехах терминаторов. Они мечами и алебардами прогоняли огромные полчища тлетворных демонов с извивающимися щупальцами. Другая гробница была увенчана массивным мраморным «Грозовым ястребом» — космическим челноком, словно готовым в

любой момент вознести душу лежащего под ним космодесантника.

Дурендин свернул за угол, и в дальнем конце прохода Генхайн увидел помещение, выстроенное в форме древнего амфитеатра. Арочные проходы в закругленных стенах вели на арену, где сотни сидящих каменных фигур молча смотрели на обсидиановый прямоугольник, что стоял на возвышении в центре.

Дурендин вошел в амфитеатр. Он оказался огромным, как одно из заведений для гладиаторских боев, которые можно было найти в городах самых жестоких миров Империиума. Фигуры наблюдающих людей были закрыты накидками и капюшонами с символами различных организаций Империиума: Инквизиции, Адептус Механикум, Экклезиархии, Администратума и даже Адептус Терра. Символичность памятника не оставляла сомнений: все мужчины и женщины Империиума, знали они это или нет, были в неоплатном долгу перед Серыми Рыцарями.

— Теперь ты понимаешь, почему мы хороним павших воинов как братьев, — сказал Дурендин, — а не как королей.

Генхайн на мгновение лишился дара речи. Произнеси такие слова любой из новичков — и он немедленно был бы жестоко наказан за нечестивость.

— Серые Рыцари совершают свои собственные ошибки, правосудор, — продолжал Дурендин. — Аларик настолько доверяет тебе, что отправил сюда, так что и я доверю тебе объяснения. В прошлые времена жертвами гордыни становились целые ордена космодесантников. К счастью, ни один Серый Рыцарь не поддавался этому греху — частично из-за усилий капелланов, которые вовремя замечали склонность к гордыне и старались увести братьев со скользкого пути. Вот почему мы больше не хороним здесь наших мертвых.

Дурендин спустился по крутым ступеням к подножию обсидианового саркофага, в глубокую черную тень. На блестящей поверхности камня на высоком готике были высечены названия миров и Крестовых Походов, где сражался погребенный воин, обозначения уничтоженных им демонов и почести, которыми его удостоили лорд-инквизиторы Ордо Маллеус.

Последняя боевая почеть относилась к Кориону IX.

Дурендин шепотом прочел короткую молитву. Затем он приложил ладонь к вмонтированной в саркофаг панели, и полированная крышка с чудовищным скрежетом медленно отошла в сторону. Из-под пола поднялись мраморные ступени, ведущие к гробу, и Дурендин, поднявшись, встал у изголовья. В воздухе разнесся сильный запах снадобий и химикатов, которыми в те времена обрабатывали тела Серых Рыцарей перед погребением.

Генхайн последовал за капелланом вверх по ступеням. Поднявшись настолько, чтобы видеть внутренность саркофага, он в невольном почтении склонил голову.

Грандмастер Мандулис был похоронен без доспехов: во времена его гибели терминаторские латы переходили по наследству тому Серому Рыцарю, который добивался чести быть принятым в отделение терминаторов. Саван грандмастера пожелтел от старости и плотно прилегал к скелету — так что были ясно видны все кости и изгибы черепа. Генхайн заметил шрамы вокруг глазниц и на макушке черепа, грудную пластину из соединенных ребер и отверстия, через которые к телу подключались системы жизнеобеспечения и выходили окончания нервных волокон. Обереги Мандулиса, вмонтированные в доспехи для защиты от демонов, в последние минуты жизни раскалились так сильно, что их следы до сих пор виднелись на костях причудливым спиральным узором.

Кисти рук Мандулиса были сложены на груди и все еще держали меч Немезиды. Рисунок сверкающей молнии, выполненный из золота, начинался от крестовины и доходил до середины лезвия. Золото и серебро все еще ярко блестели. Лезвие оставалось настолько чистым, что

отраженное в нем каменное небо казалось ярче, словно святость оружия придавала благородство даже отражению.

Чем дольше Генхайн смотрел на тело грандмастера, тем больше замечал нанесенные ему ужасные повреждения. Какое-то едкое вещество расплавало часть грудной пластины и проникло внутрь, оставив на ключице шершавые пористые следы. Тонкие трещины покрывали конечности в тех местах, где кости были сломаны, а затем восстановлены аптекарями, готовившими тело к погребению. Верхняя часть черепа представляла собой совокупность мелких осколков. Мандулис погиб в смертельной схватке с Гаргатулотом. Злоба принца-демона была настолько сильна, что он пытался раздробить тело Серого Рыцаря на кусочки.

— Будь это кто-то другой, — заговорил Дурендин, — просьба Аларика никогда не была бы выполнена — будь он братом-капитаном или кем угодно. Но Мандулис умер, изгоняя Гаргатулота. Никто не сможет отрицать, что он согласился бы на любые жертвы, чтобы сделать это снова.

Капеллан нагнулся и осторожно, чтобы не сломать хрупкие кости, разогнул пальцы Мандулиса, державшие рукоять меча. Затем поднял оружие и протянул его Генхайну. Лезвие осталось таким же острым, как в тот день, когда грандмастер обнажил его в последний раз.

Генхайну оно показалось тяжелым. Меч был изготовлен в те времена, когда оружие Немезиды держали по-другому: массивный клинок предназначался для того, чтобы рубить доспехи и кости. Мечи Немезиды, которыми сейчас пользовались боевые братья Генхайна, были намного тоньше и легче — для того, чтобы колоть и резать.

— Ни одна гробница в городе мертвых не открывалась уже четыреста лет, — произнес Дурендин. — Орден хотел бы оказать Аларику большую поддержку — особенно теперь, когда с ним нет Лигейи. Но Аларик, как и все мы, знает, что и в лучшие времена сил ордена не хватало на все. А сейчас, когда открылось Око Ужаса, на счету каждый Серый Рыцарь. Мы признаем, что угроза появления Гаргатулота реальна, и надеемся, что меч Мандулиса поможет Аларику, раз не в силах помочь его братья, воюющие у Ока Ужаса. Я бы хотел лично сказать это брату-капитану, но уверен, ты передашь ему мои слова.

Генхайн понимал, что Дурендин все это мог высказать Аларику лично, через астропатов. Тот факт, что капеллан не стал прибегать к их помощи, подсказал Генхайну, что Дурендин не надолго задержится на Титане.

— Да пребудет с вами Император в Оке Ужаса, капеллан, — произнес Генхайн.

— Пусть тебя ведет по Шлейфу Его свет, правосудор, — ответил Дурендин.

Они спустились к подножию саркофага, и крышка вновь закрыла тело древнего грандмастера. Два Серых Рыцаря в полном молчании отправились в долгий обратный путь на поверхность Титана.

У подавшейся Хаосу Лигейи не осталось шансов на спасение.

Как только «Рубикон» прибыл на Япет, Лигейю усыпили и погрузили в стазис. Это состояние длилось до тех пор, пока команда дознавателей с Мимаса не заперла ее в самой надежной камере из всех, что были у Ордо Маллеус. Это помещение берегли для пленников, одержимых самыми сильными демонами. Камера висела на низкой орбите над темной стороной Мимаса и была закреплена на поверхности длинным металлическим кабелем. Единственный путь в мрачный металлический куб лежал через сервитора-перевозчика: он, подобно насекомому-паразиту, карабкался по кабелю и присоединялся к шлюзу в нижней части куба.

Сооружение состояло из камеры и комнаты наблюдения. В нем имелся достаточный запас кислорода и топлива, чтобы поддерживать жизнь в заключенном, но оба этих источника в случае необходимости мгновенно перекрывались. Кроме того, помещение было оборудовано

полным комплектом приборов, позволявших проводить интенсивные допросы, оказывать на пленника как физическое, так и психическое давление — вплоть до девятой, самой опасной степени.

В эту камеру не сочли необходимым поместить Валинова: он никогда не проявлял ни малейших признаков психической активности. Но, учитывая обстоятельства его спасения, Конклав решил запереть Лигейю в самом надежном из всех имеющихся помещений.

Инквизитор Никсос знал Лигейю. И как всякий нормальный человек, почти не имел шансов добиться успеха в допросах. За долгую службу инквизитор привык к мысли, что его коллеги и знакомые тоже могут впасть в ересь и стать опасными для Империи. Никсосу не раз призывали для допросов бывших друзей; в недрах Мимаса заживо гнили несколько его бывших соратников, высокопоставленных инквизиторов.

Старик понимал, что страшнее трагедии падения перед Врагом для служителя Империи может быть только то, что павшего не передали в руки правосудия. Потому конклав Ордо Маллеус без раздумий доверил именно Никсосу вести дознание Лигейи.

Кабина сервитора-перевозчика была рассчитана на двоих человек. Никсос ощущал, насколько сильно она пропиталась страхом и отчаянием всех тех инквизиторов и дознавателей, кто совершал поездки для общения с демонами в человеческом облике. Иллюминаторы кабины выходили на изрезанную скалами голую поверхность Мимаса и в черное небо, над которым нависла многоцветная туша Сатурна.

— Командование Мимаса дало разрешение, инквизитор, — произнесла сидящая рядом Хокеспур — красивая молодая женщина, которую переманили в команду Никсосу из Коллегии Тактики гавани Святого Джовьена.

Ее молодое красивое лицо было отмечено несколькими незажившими кровоподтеками, а при ходьбе красавица опиралась на трость. Хокеспур едва избежала гибели во время неудавшейся казни Валинова. Усиленная коррекция, проведенная по просьбе Никсосу, залечит видимые раны, но глубокие отметины в душе после встречи со злобным и хитрым врагом останутся надолго.

Никсос и сам едва не умер в тот день. Если бы не резервные внутренние органы, кинжал культиста смерти мгновенно убил бы пожилого инквизитора. Никсос постарался прогнать ужасные воспоминания. Нет смысла размышлять о близости смерти, иначе можно провести в страхе всю оставшуюся жизнь.

— Пусть нас поднимут, — откликнулся Никсос.

Хокеспур нажала кнопку на панели управления, и сервитор начал карабкаться вверх, покачиваясь на ходу. Сервосистемы Никсосу загудели, смягчая движение. Уже более тридцати лет старик не имел возможности передвигаться своими силами — с тех самых пор, как культисты едва не расчленили его тело, принося жертву богам. Тело Никсосу осталось искалеченным, но разум стал более пронизательным. Никсос увидел все, что происходило в головах этих людей. Он понял, что сотворил с ними Хаос, и разглядел знамения, скрытые от них самих завесой невежества. Увидеть такое и выжить — на это могло хватить сил только у инквизитора.

Сервитор добрался до верхнего конца кабеля, и металлический лязг оповестил о стыковке с летающей камерой.

— Мы на месте, — передала Хокеспур на Мимас по вокс-связи.

После недолгой паузы одна из стен транспортной кабины плавно отъехала в сторону.

Никсос и Хокеспур оказались в небольшой комнате дознавателей. В ней стояли несколько панелей регистраторов и мониторов, демонстрирующих жизненные показатели пленника. Воздух здесь был холодным, но не свежим — он отдавал металлом и едва годился для дыхания.

Сквозь единственное окно была видна камера арестанта; туда же вела и узкая дверь, так что дознаватели могли войти к пленнику и разговаривать лицом к лицу.

Пленником была инквизитор Лигейя. В простом костюме цвета слоновой кости, которыми Мимас снабжал арестованных, она свернулась в углу камеры на выложенном белыми плитками полу. Ее длинные волосы — как помнил Никсос, всегда тщательно причесанные — теперь растрепались и липли к лицу тонкими седеющими прядями. Никсос никогда не видел, чтобы она выглядела настолько старой.

Лигейю била дрожь. В камере было холодно, и по распоряжению Никсоса пленницу некоторое время не кормили. Почти все время ее держали на грани сна, но остатков сознания было достаточно, чтобы чувствовать дискомфорт.

Никсос устроил свое наполовину механическое тело на стуле. Он до сих пор ощущал глубокие раны, словно кто-то колот его изнутри тупым ножом.

Жизненные показатели Лигейи были стабильны. Ее сердечный ритм отражался мерцающей линией на одном мониторе; два других показывали состав крови и температуру тела. Лигейя замерзла, устала и проголодалась.

Никсоса удовлетворило такое состояние пленницы.

— Разбуди ее, Хокеспур, — равнодушно произнес он.

Хокеспур взяла из ящика на полке шприц-пистолет, набрала код на замке двери и вошла в камеру. Никсос наблюдал, как она вводит в горло Лигейи дозу стимуляторов. Лигейя вздрогнула, вдохнула, затем перекатилась на спину, неожиданно широко распахнула глаза и приоткрыла рот.

— Подними ее, — приказал Никсос через вокс-передатчик.

Хокеспур схватила Лигейю за плечо, приподняла в сидячее положение и, помогая себе тростью, прислонила пленницу спиной к стене. Лигейя тряхнула головой, огляделась, перестала дрожать. В ее глазах появилось осмысленное выражение.

Хокеспур вернулась в комнату наблюдения и заперла дверь.

— Лигейя, — осторожно спросил Никсос, — ты знаешь, где находишься?

Окно в камеру пленника было прозрачным с одной стороны; Лигейя видела перед собой лишь собственное отражение.

— Нет, — слабым голосом ответила она.

— Хорошо, — произнес старый инквизитор. — Единственное, что для тебя имеет значение, это то, что в случае отказа отвечать на наши вопросы тебе предстоят жестокие страдания.

— Я... Я все равно страдаю...

— Если ты откроешь все, что нам необходимо, мы откажемся от тебя и страдания закончатся. Но пока ты принадлежишь нам, и мы можем делать с тобой все, что посчитаем нужным. Ты — просто хранилище информации, которую мы выкачаем. Этот процесс будет легче, если ты согласишься сотрудничать. Ты перестала быть человеком, Лигейя, в тот момент, когда предала свою нацию и Императора. Единственное, что тебе осталось, — это смерть. Я могу поторопить ее, но те, кто придут после меня, не будут столь благородны.

Никсос на время замолчал. Теперь он хотел, чтобы заговорила Лигейя.

— Ты ведь Никсос, правда? — наконец произнесла она. — Ты меня знаешь. И они считают, что ты быстрее сможешь меня расколоть.

Лигейя всегда была сообразительной. Именно по этой причине Ордо Маллеус и переманил ее из Ордо Еретикус.

— Это правда, — согласился Никсос. — И мы оба знаем, что они ошибаются. Я не могу поступить с тобой так, как они ожидают. Только не со своим товарищем инквизитором. Так что это твой единственный шанс.

Лигейя прикрыла глаза рукой и вздрогнула. Внезапно она рассмеялась:

— Нет, нет, Никсос. Ты мне не друг. У меня нет никаких друзей.

— Твои культисты были твоими друзьями. Они погибли ради тебя.

— А тебе известно, почему они мне служили? Я должна была присутствовать при их казни!

Они были еретиками и знали, что должны сгореть в огне. А им просто нравилось убивать, и с тех пор они убивали ради меня.

Никсос медлил. Он допускал возможность, что Лигейя попытается сделать с ним то, что с ней самой сделал Валинов. На этот случай старый инквизитор отдал Хокеспур приказ убить его при первых же признаках аномальности в его поведении. И Никсос не сомневался, что красавица выполнит распоряжение.

— Что он приказал тебе сделать? — спокойно спросил он.

Лигейя печально покачала головой:

— Никсос, никто и ничего мне не приказывал. Неужели ты даже этого не понимаешь? Я видела, что произойдет. Я видела, что я должна сделать. Меня никто не контролировал, и мое решение принято без всякого влияния.

— Что же ты видела?

— Я видела, что Гаргатулот восстанет и Валинов будет способствовать его возрождению. Это не плохо и не хорошо — это просто должно произойти. Однажды я взглянула сквозь пелену и заставила себя понять. И тогда все стало ясно. — Лигейя неожиданно подняла голову, и в ее покрасневших глазах сверкнула жестокость.

Хотя она могла видеть только свое отражение, казалось, что взгляд пленницы проникал прямо в душу Никсоса.

— Что бы ты ни делал, инквизитор, как бы ни поступал кто-то другой — это не имеет ничего общего с тем, что вы сами хотите, — продолжала Лигейя. — Ни одно ваше действие вам не подвластно, вы просто реагируете на возникшие вокруг перемены. Все вы — марионетки Вселенной. Единственно важная вещь в этой Галактике и в любой другой, единственно достойная почитания и поклонения или хотя бы мимолетного размышления — это контролирующие нас перемены.

— Повелитель Перемен, — произнес Никсос. — Тзинч.

Уголкем глаза Никсос заметил, как вздрогнула Хокеспур, услышав это имя. Молодая женщина была настолько прямолинейна, что не могла без содрогания слышать запретные имена из уст служителя Империи.

— Люди дали ему это имя, — с печалью в голосе заметила Лигейя. — Но ему не нужно никаких имен. Ничто из того, что мы делаем, не имеет значения. Перемены вынесли решение о возрождении Гаргатулота и о помощи Валинова. Я была единственной, кто мог освободить Валинова, и я это сделала. Я ничего не выбирала. Дело было завершено еще до того, как я начала действовать.

Никсос откинулся на спинку стула и смотрел, как Лигейя, покачнувшись, сползла на пол. Ее по-прежнему широко открытые глаза глядели в потолок.

Так, значит, вот как ее сломали! Ее убедили, что все действия людей управляются судьбой, а не собственной волей, что ни один ее поступок не зависит от желания. Она была избавлена от всякой ответственности за свои деяния и превратилась в марионетку того, кто с ней говорил. Возможно, это был сам Гаргатулот, возможно — Валинов, отыскавший какой-то неведомый способ общения. А может быть, кто-то третий, кого еще не обнаружили. В любом случае дух Лигейи оказался в подчинении. Никсосу доводилось видеть такое и раньше, и он понимал, насколько трудно теперь победить ее упорство.

— Лигейя, где сейчас Валинов? Что он задумал? Он все еще остается в контакте с тобой?

Лигейя ничего не ответила.

— Ты все нам расскажешь. Ты и сама это знаешь. Ты же знаешь, что рано или поздно мы тебя сломаем и ты ответишь на все только что заданные мной вопросы. Ты можешь понять, что все равно уже сломлена и это просто вопрос времени? Разве не так работает Вселенная, а, Лигейя?

— Ее сердечный ритм падает, сэр, — вмешалась Хокеспур.

Паника всегда сопровождается сомнениями. А сомнения — оружие Инквизиции.

— Все так и будет, Лигейя, — продолжал Никсос. — Мы сломили Валинова. Неужели ты уверена, что выдержишь, если не выдержал даже он?

— Мы не выбираем, — словно бы самой себе сказала Лигейя. — Мы только служим.

— Где Валинов? Что он собирается делать? Как нам его остановить? Ты должна нам ответить, но ты не обязательно должна страдать. Ты ведь это понимаешь, не так ли? Тебе известно, чем все это закончится.

— Мы только служим! — намного громче повторила Лигейя. — Мы служим Переменам, и Перемены — наша судьба! Слушайте его слова! Преклоните колени во тьме и подчинитесь свету!

— Сердечный ритм ускоряется. Появились аномальные излучения мозга. — Лицо Хокеспур стало зеленоватым в мерцании мониторов. — Еще немного, и нам придется ее возвращать.

— Судьба уже сломала тебя, Лигейя! — закричал Никсос, видя, что пленница горестно захныкала. — Судьба распорядилась, чтобы мы тебя арестовали и привезли сюда. Она сделала тебя усталой и измученной, и она хочет, чтобы ты рассказала нам все, что тебе известно! А иначе — почему ты оказалась здесь? Судьба бросила тебя в камеру, чтобы я дал тебе шанс заговорить раньше, чем над тобой поработают экспликатеры. Чего еще хочет твоя судьба, если не твоих признаний?

— Она уходит, — сказала Хокеспур, и тревожный звонок регистратора жизненных показателей подтвердил ее слова. — Сердце остановилось.

Лигейя содрогнулась и внезапно села прямо.

— Трас'клея'таллгрия! — прокричала она каким-то ужасным, неестественно низким голосом. Казалось, что он прорвался сквозь стену и ударил в голову Никсосу. — Йак'те'ландра'клаа...

Никсос кулаком ударил по кнопке аварийной защиты, и перед окном упал стальной занавес. Голос Лигейи затих. В нескольких услышанных словах Никсосу почудилось нечто чудовищное, нечто древнее и ужасное. Лигейя заговорила на неведомом языке, и это было наихудшим из признаков: ее голова настолько переполнилась запретными знаниями, что они выплескивались наружу. Только Император знает, сколько бед она могла бы принести незащищенному разуму!

— Она ушла, — отметила Хокеспур, глядя на ровные зеленые линии жизнедеятельности, появившиеся на экранах мониторов.

— Верни ее, — сказал Никсос. — Надо оставить фронт работ для экспликаторов.

Женщина, захватив с собой медицинский набор, вновь набрала код замка и поспешила в камеру. Лигейя лежала на полу и судорожно подергивалась.

Никсос увидел, как Хокеспур, достав нартециум, впрыснула Лигейе полный комплект медикаментов, чтобы заставить ее кровь двигаться. Теперь и Хокеспур, и Никсосу предстоит пройти обряд очищения мыслей, чтобы убедиться, что содержимое головы Лигейи не оставило следа на их разуме. А саму Лигейю будут охранять еще тщательнее: дознание будет производиться дистанционно, а вход в камеру позволят только пыточным сервиторам.

Лигейя кашлянула и сделала долгий прерывистый вдох.

— Оставь ее, Хокеспур, — сказал Никсос, поднимаясь со стула. — Мы потеряли ее уже давно.

Больше ничего не оставалось, как только запереть дверь камеры, вызвать сервитора-перевозчика и возвращаться на Энцелад. Женщина, которую когда-то знал Никсос, исчезла. Ее личность поглотил нечестивый разум.

Ей предстоят жестокие страдания. Но теперь это проблема Мимаса.

«Рубикон» быстро, как только мог, доставил на Трепитос отделение Генхайна и меч Мандулиса. Крейсер пришвартовался в доке над крепостью Трепитоса в тот момент, когда последний из малых кораблей флотилии Клаэса отправился дозором по Шлейфу. В распоряжении Клаэса были несколько дознавателей — в основном отобранных из числа арбитров Шлейфа — и самых сообразительных работников персонала крепости. Сейчас почти все они с головой погрузились в безумие, охватившее Шлейф Святого Эвиссера.

Аларик убедил Клаэса, что сведения о растущей активности культов сейчас важны Ордо Маллеус, как никогда. Люди, которые еще оставались в подчинении инквизитора, были разосланы по всем мирам Шлейфа. Сам Клаэс на последнем корабле направлялся к Магнос Омикрону, где гражданские волнения грозили разорвать на части крупные города этого промышленного мира.

Первостепенной заботой Клаэса было гражданское население Шлейфа. Серые Рыцари ничем не могли помочь ему в подавлении беспорядков: их малочисленная группа была нужна в другом месте. Аларик целиком сосредоточился на Гаргатулоте. Серый Рыцарь надеялся, что власти Шлейфа смогут держать систему под контролем достаточно долго и космодесантники успеют изучить ситуацию.

Генхайн отыскал Аларика в архиве, в окружении сваленных в груды книг и бумаг. Аларик снял доспехи и работал при свечах: на Трепитосе наступила ночь, а люмосферы, висящие высоко под потолком, только окрашивали темноту в желтоватый цвет.

Молодой капитан Серых Рыцарей был поглощен работой. Перед ним на столе, среди открытых книг и пачек разрозненных бумаг, лежало несколько электронных блокнотов. Кроме этого, в комнате были свалены пустые подносы и тарелки. Аларик проводил так много времени в архиве, что приказал немногим оставшимся в крепости слугам приносить еду прямо сюда. Он писал что-то автоквиллом, и в глазах блестели огоньки свечей.

Космодесантники способны оставаться без сна до сотни часов, не испытывая затруднений, но сейчас, глядя на Аларика, можно было сказать, что он не спал гораздо дольше. «Рубикону» потребовалось более трех недель, чтобы слетать на Сатурн и вернуться обратно. Генхайну показалось, что Аларик не отдыхал почти все это время.

— Брат-капитан, — негромко произнес Генхайн. Аларик немного помедлил, затем поднял голову:

— Правосудор. Я рад снова тебя видеть.

Генхайн поднял в руках меч Мандулиса. Его тяжелое, острое как бритва лезвие казалось живым. Сияющий клинок, отражая тусклый свет, делал его ярче, и в комнате сразу просветлело.

— Дурендин сказал, что Мандулис с радостью передал бы тебе меч, — сказал Генхайн.

— Я не собираюсь владеть этим мечом. Танкред обращается с подобным оружием куда лучше меня. — Аларик отложил автоквилл и откинулся назад. — Прости меня, правосудор. Ты отлично справился с заданием. Не было никакой уверенности в том, что Орден удовлетворит нашу просьбу. Спасибо.

Генхайн подошел к столу Аларика и положил меч.

— Брат Краэ помещен в катакомбы.

— Хорошо. Я извещу об этом Танкред. Жаль, что мы не смогли забрать и тело брата Кааноса.

Серые Рыцари оставили тело Кааноса на Софано Секундосе, предварительно забрав его геносемя.

Генхайн окинул взглядом стопки книг и донесений:

— Мы приближаемся к разгадке?

— Возможно, — устало ответил Аларик. — Гаргатулот пытается скрыть истинные намерения при помощи своих культистов. Все это лишь отвлекающие маневры.

Аларик махнул рукой на стопки донесений, повествующих о новых и новых беспорядках. Неизвестные лица вывели из строя геотермальные станции на Магнос Омикроне и разрушили несколько уровней столичного города-улья промышленного мира. Группа, называющая себя «Новая судьба», захватила широкоэвещательные передатчики орбитальной станции и заполнила эфир нескольких систем бесконечными трансляциями нечестивых обрядов.

— Гаргатулот обратился к своим последователям: они исполняют все, чтобы превратить Шлейф в ад. И отвлечь внимание от тех, кто непосредственно работает над его возрождением.

— Как можно быть уверенным в намерениях Принца? — спросил Генхайн.

Аларик пристально взглянул на него:

— Как раз сейчас Гаргатулот очень слаб. Ему приходится бороться, чтобы выжить. Конечно, каждый воюет по той же причине. Ты маскируешь свои силы, выходишь на позицию и наносишь удар. Гаргатулот может предсказывать приход Повелителя Перемен, но в данный момент он просто старается выжить, как делал бы любой из нас.

Генхайн просмотрел еще пару отчетов. На Вулканис Ульторе внезапно участилось рождение мутантов. Экипажи кораблей, курсирующих в пределах Шлейфа Святого Эвиссера, докладывали о внезапном и необъяснимом безумии членов команды.

— Здесь так много всего. Гаргатулот может делать что угодно. Вот почему он наслал на Лигейю безумие: он знал, что она сможет отсортировать поток информации и выбрать самое нужное.

Аларик тяжело вздохнул. Генхайн впервые видел своего боевого брата на грани отчаяния.

— На Мимасе уже началось дознание, — сказал правосудор. — Она действительно безумна, говорит на неведомых языках.

— Клаэс пытается мне помочь, но и он, и все его помощники могут только собирать информацию, — отозвался Аларик. — Я надеялся выступить, как только вернется «Рубикон», но, пока мы не отыщем смысл во всех этих донесениях, нам некуда идти.

Аларик внезапно поднялся и взял меч Мандулиса. Как и все космодезантики, он был очень высок, но рядом с длинным и широким лезвием стал казаться гораздо меньше. Одному Императору ведомо, как выглядел Мандулис с этим оружием! Аларик поднял меч, повернул его в руке и взглянул на свое лицо, глядящее с блестящей поверхности. Отражение подчеркнуло впадины вокруг глаз и морщины. Меч не просто отражал свет — он был настолько чист, что видел истину. После тысячелетнего захоронения на Титане меч остался таким же освященным, как в тот день, когда был изготовлен.

— Инквизитор Клаэс отдал крепость в наше распоряжение, — неожиданно твердо сказал Аларик. — Уровни с седьмого по двенадцатый необитаемы, и Танкред со своим отделением отрабатывает там приемы боя в городе. Пусть твои люди тоже примут в этом участие: я хочу, чтобы все были готовы к сражениям. Мои люди присоединятся к вам немного позже.

— Да, брат-капитан. А где будешь ты?

— Я буду молиться, — ответил Аларик. — Я должен подумать без всего этого... шума. — Он показал на кипы бумаг и стопки книг. — Нельзя, чтобы Гаргатулот спутал наши мысли.

— Дурендин доверил мне несколько откровений, которые, без сомнения, хотел бы высказать тебе лично, — сказал Генхайн. — Не мое дело повторять их, но... брат-капитан, мне кажется, Лигейя была права, выбрав тебя.

— Это еще придется доказать, правосудор. А теперь позаботься о своих воинах. Надеюсь, я скоро смогу позвать их.

— Да, брат-капитан. — Генхайн повернулся, чтобы уйти. — Да направит тебя рука Императора.

— Надеюсь, что направит, правосудор, — отозвался Аларик. — Без него мы можем сбиться с пути.

В ведомстве кардинала Рекобы кипела работа. Связной офицер Адептус Арбитрес стоял под стеной часовни и взволнованно выкрикивал приказы в вокс-передатчик. Он распределял отряды Арбитрес в помощь местным правоохранительным войскам по всему Вулканис Ультору. Еще трое адептов, представляющих военный департамент снабжения, сидели за столами в окружении принтеров, из которых беспрестанно сыпались бланки заявок.

Десятки младших адептов неустанно носились туда и обратно — так они пытались организовать линии поставок для солдат, продолжавших прибывать в мир-улей. Представители аристократических семейств, включая родственников планетарного губернатора Вулканис Ультора, наводнили нижние коридоры и приемные, пытаясь найти хоть кого-нибудь, кто согласился бы их выслушать.

Кардинал Рекоба понимал, что кризис неизбежен, и потому принял командование обороной на себя. Губернатора Ливрианиса, чтобы не допустить его возможного разложения, пришлось заключить под домашний арест. Губернатор был медлительным и трусливым человеком, и в преддверии возможной катастрофы вся тяжесть управления легла на плечи Рекобы.

Вулканис Ультор был самым крупным и значительным из густонаселенных миров Шлейфа. Его граждане составляли немалую долю от числа всех обитателей системы — так что он должен был любой ценой устоять против поднимающейся волны ереси. Рекоба оказался единственным человеком, обладающим достаточной властью и решимостью, чтобы организовать оборону, пока кризис не разросся и легионы Врага не хлынули в город.

Кардинал Рекоба давно убеждал своих коллег священников, что Экклезиархия, обладая как светской, так и духовной властью, способна укрепить и военную мощь Имперского культа. И вот вам доказательство! Шлейф Святого Эвиссера больше чем когда бы то ни было нуждался в истинной вере, и его главный город-улей доверил именно Рекобе возглавить оборону.

Кардиналу предстояла битва за духовное выживание не только Вулканис Ультора, но и всего Шлейфа. Это не просто военный конфликт, и Рекоба был намерен справиться с ситуацией.

Штаб Рекобы занимал несколько уровней Центрального Улья — столицы Вулканис Ультора. Кардинал расположился во втором конусе. Главный же конус, где жили семейства губернатора и его приближенных, был изолирован муниципальным полком охраны порядка. Вооруженные легкими ружьями и кинжалами солдаты охраняли каждый вход.

Личные покои Рекобы занимали три уровня. Внутрь допускались только самые доверенные помощники и приглашенные делегаты. Остальные помещения были разделены на обширные залы для приемов священников и часовни, где недавно сам Рекоба отправлял духовные нужды элиты Вулканис Ультора. Теперь на этих уровнях расположились штабы многочисленных организаций, задействованных в обороне города.

Рекоба только что принимал у себя канонессу Ордена Кровавой Розы, чьи Сестры обороняли от повстанцев озера Рапакс на самой границе Центрального Улья. Доступа в личные покои кардинала добивались и несколько офицеров Имперской Гвардии. Им нужно было скоординировать передвижения военных патрулей в «горячих точках» планеты.

В покоях кардинала было тихо. Рекоба сидел в приемной и просматривал недавно поступившие донесения. Сейчас, когда все вокруг было словно охвачено лихорадкой, Рекоба как

никогда нуждался в уединении. Ему, кроме всего прочего, необходимо было сохранять ясность мыслей. Так просто оказаться втянутым во второстепенные детали — сотня жизней здесь, сотня там...

Рекоба сделал глоток привозного дравианского вина — с отменным ароматом, не зря сохраненного для дней кризиса, — и вернулся к обзору общего состояния Вулканис Ультор.

Кардинал увидел, что несколько уровней Третьего Уля до сих пор не выходят на связь. Их захватили заводские рабочие, поддавшиеся влиянию какого-то мессианского движения, внезапно ставшего популярным. Рекоба неодобрительно покачал головой и хмыкнул. Он надеялся, что закрытия всех главных входов и выходов будет достаточно, для того чтобы прекратить беспорядки. Однако теперь стало ясно, что умы слишком многих жителей не могут устоять перед наплывом ереси. Чтобы не допустить вспышки повального безумия, придется отправить в улей часть Двенадцатого полка металорских разведчиков.

Следующим рапортом, взятым с письменного стола, оказалось донесение командира Седьмого пехотного полка с Салтена. Он сожалел, что не может предоставить полк для защиты Вулканис Ультора, поскольку должен исполнять обязанности по охране своей планеты. Рекоба вздохнул. Надо бы лишить привилегий несколько священников Салтена. Тогда полковник уяснит, что хорошо подобранные слова отрядных проповедников могут поколебать его положение.

В дверь из твердого дерева кто-то постучал. Рекоба раздраженно поднял голову.

— Войдите, — резко бросил он.

Сервитор-прислужник, блеснув полированной хромированной рукой, отворил дверь. Вошел дьякон Ойниас — молодой, старательный священник, которого Рекоба считал доверенным посыльным и помощником.

— Ваше священство, — обратился к нему Ойниас, — один человек настоятельно просит встречи с вами.

— Напомни этому человеку, что в моем офисе действуют строгие правила. Я не могу попусту тратить время. Препроводи его к аббату Торелло, если его дело столь важно.

— В том-то все и дело, ваше священство, — слегка покраснев, ответил Ойниас, — что он настаивает на своих особых полномочиях обратиться непосредственно к вам.

— У меня нет времени...

— Для меня вы найдете время, кардинал, — раздался из-за спины Ойниаса звучный голос.

Оттолкнув молодого дьякона, в комнату вошел человек — высокий, хорошо сложенный, с худощавым аристократическим лицом и пронзительными глазами. Поверх зеленой офицерской формы на нем был роскошный дорожный плащ, отороченный горностаем; на груди висело несколько кинжалов в ножнах. Сапоги из синткожи блестели, словно стекло.

— Простите мое вторжение, ваше священство, — с вежливым поклоном продолжал гость, — но нам лучше поговорить с глазу на глаз. Я принес важные новости относительно обороны Вулканис Ультора и об угрозе всему Шлейфу Святого Эвиссера.

Раздражение Рекобы несколько улеглось.

— О каких полномочиях вы говорили?

— Я имею честь говорить от лица Святого Ордена Имперской Инквизиции, — сказал гость, вынимая из-под плаща маленькую инквизиторскую розетку. — Я инквизитор Голик Рен-Сар Валинов. Боюсь, наш враг опаснее, чем вы предполагаете.

На зубчатых крепостных стенах Трепитоса было ветрено и холодно. Темные гранитные глыбы угрюмо нависали над краем стены и мрачными ветхими постройками города, простершегося от стен крепости вниз, по голой серо-коричневой равнине. Вероятно, когда-то

Трепитос был красив. Теперь замок казался истощенным и умирающим. Крепость до сих пор представляла собой величественное зрелище: неприступные стены с массивными проемами ворот, высокие башни и бойницы с огневыми точками. Но металлические части ворот порядком заржавели, а гарнизон, несший охрану на стенах, давно исчез.

Крепость стояла еще до того, как Ордо Еретикус выбрал ее своей штаб-квартирой на Шлейфе. И сейчас трудно было представить для нее иное будущее, кроме медленного и унылого разрушения.

Аларик стоял на стене. Усиленное зрение капитана Серых Рыцарей улавливало слабый блеск тусклого солнца на краю океана, довольно далеко отсюда. В небе, прямо над головой, сияла серебряная полоска «Рубикона»; в немногочисленных обитаемых домах города мерцали огоньки. Любой обычный человек промерз бы до костей на промозгом ветру. Аларик едва замечал его.

Он был так близок к разгадке. Он знал это. У него было преимущество, которого Гаргатулот не мог ожидать от Серых Рыцарей. На Софано Секундосе Аларик столкнулся с одним из избранников демона, которого, как наверняка предполагал Тысячеликий Принц, невозможно было обнаружить. А это означало, что повод, приведший Серых Рыцарей сюда — в культовый храм на Виктрикс Соноре в здании Администратума, — не менее весом.

— Брат-капитан! — сквозь завывания ветра окликнул его Танкред. Он шел по направлению к Аларику в полных боевых доспехах и ростом превосходил даже огромные каменные зубцы. — Помощники обнаружили то, что ты искал.

В латной рукавице Танкред держал электронный планшет.

— Отлично, — сказал Аларик, приняв блокнот. — Возможно, нам придется выступить очень скоро. Ты готов?

— Как всегда, брат-капитан.

Аларик заметил, что Танкред вспотел, а его латы утратили блеск: правосудор недавно закончил ритуальные тренировки со своим отделением. Танкред постоянно усиливал нагрузки. Правосудор превратил нежилые уровни крепости в убийственно опасные лабиринты и заставлял Серых Рыцарей их преодолевать. Санторо тоже тренировал своих воинов, устраивая бесконечные поединки на стенах и верхних этажах крепости. Сражения были необходимы Серым Рыцарям. Шлейф вокруг них погружался в безумие, и смотреть на это, не пытаясь вмешаться, было бы для них тягчайшим грехом.

— Теперь ты знаешь, где искать? — спросил Танкред.

— Я знаю, откуда начинать, — ответил Аларик. — И понимаю, почему Гаргатулот свел с ума Лигейю. Информация — вот его слабое место. Если у нас будет достаточно знаний, мы сможем обернуть их против него. Подумай сам. Мы нанесли ему удар на Софано Секундосе, потому что раскрыли часть плана, задуманного Гаргатулотом еще до его изгнания. Здесь есть определенная связь.

— Связь?

Аларик торопливо просмотрел файлы планшета.

— Нам известно, что на Виктрикс Соноре культисты грабили храмы и похищали реликвии. Они проделывали это очень долго, пока, наконец, их не обнаружили. Арбитрес решили, что это просто злоба, и при всем том, что вытворяли культисты, никто не придавал этому значения. — Аларик немного помолчал. — И... на Софано Секундосе древний Крусьен основал свой культ в Имперской миссии. Он мог спрятаться где угодно: в лесу, в горах. У него для этого имелась целая планета. Но он оставался на самом виду — в месте, освященном имперской церковью. Почему?

— Враг склонен к извращениям, — не задумываясь, ответил Танкред. — Его поступки не

поддаются логике.

— Но теперь мы не на Софано Секундосе. Почему такая активность возникла здесь? — Аларик развел руки, словно охватывая всю систему. — Раньше, когда Гаргатулот имел власть, он обосновался на Корионе IX. Этот мир располагается на краю Сегмента Пасификус, и на его поиски Маллеус потребовалось сто лет. А почему Шлейф? Есть окраины, куда более отсталые, чем Шлейф. Есть целые сектора пустых миров, где можно было бы спрятаться. Что отличает Шлейф Святого Эвиссера от других мест?

— Святой Эвиссер? — спросил Танкред.

— Вот именно. Культы Гаргатулота охотились за реликвиями. И теперь ему понадобилась величайшая из реликвий, чтобы завершить обряд возрождения.

Аларик поднял электронный планшет, на котором были записаны координаты:

— Замок Памяти на Фарфаллене. Здесь находится самый большой на Шлейфе архив Экклезиархии. Насколько нам известно, он все еще там. Нам предстоит выяснить, где захоронено тело святого Эвиссера. Потому что Гаргатулот возродится именно в этом месте.

Главный оборонительный рубеж Вулканис Ультора располагался полукругом вдоль основания Центрального Улья. Он состоял из сотен километров поспешно вырытых окопов, бесконечных линий колючей проволоки, огневых позиций для самоходных «Василисков» и даже огромного орудия «Ординатус», управляемого группой техножрецов Вулканис Ультора. В сотнях зигзагообразных вспомогательных траншей, проходивших от переднего рубежа к окраинам улья, толпились тысячи солдат балурианской тяжелой пехоты, 12-го разведывательного полка Металора, 197-го джаннианского штурмового отряда и сил планетарной обороны Вулканис Ультора.

Тыловые позиции были доверены мужчинам и женщинам из трущобных банд Центрального Улья. Они откликнулись на призыв департамента снабжения и согласились принять участие в обороне города в обмен на обещание оставить им выданное оружие. На северной оконечности рубежей, где неровное плато встречалось с берегом озера Рапакс, находился опорный пункт Сестер Ордена Кровавой Розы. Для передовых линий кардинал Рекоба лично отобрал сотни проповедников и священников, чтобы войска не лишились моральной поддержки и духовного руководства.

Нападавшие, когда они атакуют — а это случится, несомненно, — должны пойти с равнин, простиравшихся перед оборонительными линиями. С другой стороны Центральный Улей огражден зубренными горными цепями. Это значит, что равнины — единственно возможное место для подхода к городу. Ждать атаки следует оттуда.

Рекоба понимал, что в случае поражения Центрального Улья Вулканис Ультор падет и вместе с ним разобьется ось, удерживающая весь Шлейф. Кардинал собрал войска и боеприпасы со всей планеты и даже с других миров, пожертвовав меньшими ульями и отдельными поселениями для спасения столицы.

В северной части оборонительного комплекса кардинал отвел место для командного центра, состоявшего из поставленных кольцом массивных бункеров и плац-парадов. Все сооружение было выполнено по стандартному образцу и сброшено с орбиты транспортным кораблем Адептус Механикум несколько дней назад. По периметру комплекса располагались огневые точки, перекрывающие всю местность. Центральный плац защищала от нападения с воздуха еще и счетверенная установка автоматических орудий «Гидры».

В небе кружили транспортные и командные челноки и патрулировал специально выделенный для этой цели истребитель «Грозовой ястреб», с которого перевели на поверхность три отряда воинов. В середине главного плаца на подмостках стояла трибуна, подключенная к

вокс-сети, охватывающей все окрестности Центрального Улья.

Едва первые утренние лучи пробились сквозь пыльную пелену облаков, центральный плац начал заполняться войсками. Первыми появились отлично вымуштрованные и элегантные полки балурианской тяжелой пехоты. Разведчики с Металора были менее искушены в парадных маршах, и оружие воинов, как и их экипировка, было самым разнообразным: от штурмболтеров до боевых кинжалов орков, от длинных синих шинелей до камуфляжных безрукавных накидок.

Пришли подразделения Имперской Гвардии, еще не получившие приказ отправиться на позиции. Все они уже через несколько часов должны были оказаться на передовой. Появились и призванные на защиту города бандиты; их разбойничьи группы, одетые в цвета банд, рыскали в задней части площади.

Наконец офицеры прокричали приказы подтянуться и выровнять строй. Комиссары прошлись по рядам, воины приняли стойку «смирно». Все сознавали, что очень скоро окажутся в гуще сражения против Император знает какого врага. Притихли даже бандиты.

И вот появился кардинал Рекоба, окруженный советниками. Все стали занимать места рядом с трибуной. Сам Рекоба надел полный парадный костюм. Красное с белым одеяние кардинала составляло резкий контраст с унылой серо-зеленой формой военных. Золото высокой митры сверкало в тусклых лучах поднимающегося солнца. Вместе с кардиналом на трибуне стояли несколько дьяконов и проповедников. Старших офицеров повсюду сопровождали лексмеханики и адъютанты.

Последним, в полном одиночестве, на плац вышел инквизитор Валинов. Он сразу прошел к кафедре. Вокс-трансляторы разнесут его голос по всему плацу, и подсоединенные к ним передатчики доведут слова до каждого из многих тысяч солдат. Кардинал Рекоба приказал всем офицерам проследить, чтобы их люди внимательно слушали речь. Даже вещательная сеть Центрального Улья передавала выступление, поскольку оно считалось важным для каждого жителя.

Валинов окинул взглядом множество собравшихся на площади людей. Обращенные навстречу лица показали, что слушатели не знают, кто он такой. Сегодня он применил знания, полученные во время службы дознавателем у инквизитора Барбиллуса. Валинов надел для выступления отполированные до блеска латы и прицепил к поясу старинный меч, взятый из оружейной коллекции губернатора.

Сегодня Голик Рен-Сар Валинов был героем.

— Мужчины и женщины Вулканис Ультора, — начал он, — солдаты, Сестры Битвы и граждане. Всем вам известно, что для Шлейфа Святого Эвиссера настали смутные времена, и нам грозит еще большая тьма. В нашей системе появился враг, о котором мы сегодня можем говорить совершенно свободно. Я видел этого врага, сражался с ним — и, поверьте мне, я знаю, что он может быть побежден. Перед вами возникнут вещи, которые могут привести вас в отчаяние, появятся непонятные явления, но вы должны сражаться. Враг силен ложью, он постарается поколебать вашу решимость, используя смущение и замешательство. Нельзя позволить ему добиться успеха. Чем бы он ни грозил, вы должны сражаться и продолжать бой, пока Шлейф вновь не станет свободным. Я даю вам этот приказ, и он важнее всех остальных, поскольку я говорю от имени Священного ордоса Имперской Инквизиции.

Валинов замолк. Официальные власти никогда не упоминали о существовании Инквизиции, но по всему Империи о ней ходили самые различные слухи. Гвардейцы за бутылкой контрабандного вина рассказывали о людях, которые способны уничтожить планету единым словом и при малейшем подозрении на ересь подвергают зачистке население целых миров. Валинов представлялся им как раз такой фигурой — легендой, воплотившейся в жизнь, сказанием, ставшим былью. Осознав, что ими командует инквизитор, солдаты вздрогнули.

Настоящий, истинный инквизитор! Даже лексмеханик, который записывал каждое слово, немного помедлил.

— Но есть кое-что еще более ужасное, о чем я должен вам рассказать. Все вы слышали об Адептус Астартес, героях Империи, защитниках человечества.

Валинов знал, о чем говорил: во время Раннего Кризиса балурианцы сражались бок о бок с Белыми Консулами. В часовнях Центрального Улья имелись витражи с изображением космодесантников, уничтоживших мятежников Океанского Улья несколько столетий тому назад. И если истории об инквизиторах взрослые люди рассказывали друг другу долгими вечерами, то космодесантники были героями удивительных детских сказок.

— И вы слышали о Ереси Хоруса, когда Враг овладел умами миллиардов и развязал гражданскую войну против верных подданных Императора. Мой долг сказать вам, что космодесантники были в самой гуще этого конфликта. Половина воинов из их числа перешли на сторону врага и пошли вслед за Хорусом.

Валинов дал время слушателям переварить и это. Имперская история — в том виде, в каком она доходила до простых людей, которым не стоило многого знать, — опускала детали возникновения Ереси Хоруса. Фраза о Легионах космодесантников, перешедших на сторону Хаоса, упала на благодатную почву.

Валинов позволил себе возвысить голос. Он видел, как широко раскрылись удивленные глаза слушателей. Если бы такие слова произнес кто-то из них, это было бы ересью, а из уст инквизитора это было откровением.

— Эти предатели хранили свою злобу десять тысяч лет. Теперь, когда Око Ужаса открылось и взгляд Врага снова обратился к Галактике, они вернулись. Предатели космодесантники считают Шлейф Святого Эвиссера слабыми задворками Империи. Они считают, что если основные наши силы брошены к Оку Ужаса, то они вольны поступать, как им угодно, с нашими мирами и нашими домами. Если мы остановим их здесь, изменники будут отброшены обратно во тьму, и вместе с ними исчезнет влияние врага, которое сотрясает Шлейф.

Я говорю вам все это потому, что предатели космодесантники направляются сюда, на Вулканис Ультор. Я был послан вперед истребителями демонов Инквизиции, чтобы удостовериться, что вы знаете, с кем придется сражаться. Когда-то они были лучшими солдатами Империи, теперь безвозвратно погрязли в ереси. Но они не ожидают встретить сопротивление. У нас есть преимущество неожиданности. Вот почему битва состоится именно здесь, и вот почему она должна быть выиграна.

Валинов сделал паузу, восстанавливая дыхание.

— Оповестительные листы уже розданы всем офицерам. Вглядитесь в форму и знаки отличия этих врагов! В своем отступничестве они гордо носят знаки ереси. Их символы — меч и книга. А в насмешку над благородством, которым они когда-то славились, они называют себя Серыми Рыцарями. Они пользуются помощью демонов и черной магии, но мы сильны сердцами имперских граждан и стальной волей Императора!

Валинов чувствовал, как смешались эмоции людей. Они ощущали страх: каждый слышал о космодесанниках, но никогда не думал с ними встретиться, не говоря уж о том, чтобы вступить в бой. Люди ощущали гордость, потому что именно им доверили остановить врага. И благоговение: ведь защита одного города-улья неожиданно приобрела значение Крестового Похода против тьмы под предводительством героя Империи.

— Занимайте ваши позиции, повинуйтеся командирам, верьте в Трон Терры и не показывайте спину врагам! Здесь будет разбит Враг, и здесь мы будем ковать новое будущее.

Все слышали о космодесанниках. Многие слышали об Инквизиции. Но никто не слышал этих слов — Серые Рыцари. Так преувеличенная секретность Инквизиции стала ее слабым

местом. Валинов наслаждался этой иронией, спускаясь с кафедры, чтобы заняться подготовкой грядущей битвы.

Лигейя попросила культистов смерти воспрепятствовать казни Валинова. Но не осталось никого, кто мог бы попросить за саму Лигейю.

Она все еще находилась в камере, парящей над верхним слоем атмосферы Мимаса. Ни одному дознавателю не удалось добиться от Лигейи ничего, кроме потока непонятных отрывистых слогов, которые впервые вырвались у нее при встрече с Никсосом. Как источник информации она утратила значение, а освобождение Валинова делало ее врагом Империиума, представлявшим постоянную моральную угрозу.

Лорды-инквизиторы приняли единственно возможное решение: Лигейя должна умереть.

Инквизитор Никсос, стоя за главным пультом управления в самом сердце комплекса Мимаса, терпеливо ждал, пока медики, экспликаторы и дознаватели проведут последние тесты. В прошлом бывали случаи, когда особо зараженные ересью узники ждали до последнего мгновения перед казнью, чтобы проявить магию Хаоса, которую умудрялись скрывать в процессе дознания. Однако Лигейя ничуть не изменилась: она все время находилась в состоянии психического шока.

Сердечный ритм оставался неровным, излучение головного мозга — беспорядочным. Несколько пикт-камер наблюдения показывали ее в разных ракурсах, но она по-прежнему лежала, свернувшись калачиком в углу камеры, и дрожала. Она чуть не умерла, когда Никсос проводил дознание, и с тех пор постоянно оставалась на волосок от смерти.

— Жизненные показатели без изменений, — доложил один из медиков, закончив тестирование.

— Активность головного мозга без изменений, — произнес второй.

Главный медик, пожилой дородный мужчина, занявший должность после гибели предшественника во время неудавшейся казни Валинова, обернулся к Никсосу:

— Медики закончили.

— Хорошо, — кивнул Никсос. — Экспликаторы, доложите.

Голос главного экспликатора донесся по вокс-связи из другого помещения:

— Психическая активность на уровне остаточной. Никаких изменений.

Никсос поднялся к узлу связи, который был подсоединен к камере Лигейи через несколько освященных фильтров, что уменьшало опасность заражения слушателя.

Никсос открыл канал связи, и его голос проник в камеру.

— Лигейя, — заговорил инквизитор, — это конец. Я обещал, что все закончится, и вот время настало. У тебя есть последняя возможность искупить вину, перед тем как умрешь. Скажи нам, где находится Валинов и что он замышляет. Сделай это, и Император, возможно, проявит милосердие, которое мы уже не можем тебе обещать.

Лигейя пошевелилась. Она подняла голову и прямо взглянула в одну из камер наблюдения, так что Никсос мог рассмотреть смертельно бледное лицо с почти прозрачной кожей, запавшие покрасневшие глаза, седые волосы, прилипшие к влажному лбу. Лигейя тряслась и как будто задыхалась, пальцы скрючились в судороге, а зубы то сжимались до скрипа, то разжимались.

— Йак'те'ландра'клаа! — внезапно выкрикнула она, словно выплевывая слова, засевшие где-то в глубине ее мозга. — Йак'те'ландра'клаа! Сафе'дрекал'кри'аа!

Никсос поспешно выключил звук, оставив изображение Лигейи на мониторе исходить беззвучными воплями.

— Она для нас потеряна. Перед лицом Императора свидетельствую об отлучении ее от человеческой расы и приступаю к уничтожению.

Никсос опустил кулак на большую кнопку в центре пульта. Задняя стена камеры беззвучно отошла в сторону, и изображение слегка вздрогнуло, как только весь воздух вырвался наружу. Лигейя вцепилась тонкими пальцами в плитки пола, стараясь удержаться перед неожиданно близкой чернотой космоса. Камера открылась в безвоздушное пространство; внизу виднелись голые скалы Мимаса, наверху сиял разноцветный ореол Сатурна. На фоне черноты неба сверкали звезды и светились потоки пыли, образующие кольца планеты.

Лигейя с ужасом смотрела в бездну перед собой. Несколько мгновений она, не отрывая взгляда от бесконечной тьмы, пыталась отползти к противоположной стене камеры. Но непреодолимый холод уже сковал ее конечности, вакуум запечатал легкие, и она беспомощно упала на спину. Глаза покраснели от крови, вытекшей из разорванных сосудов. Лигейя судорожно пыталась вдохнуть отсутствующий воздух... Затем она замерла — совершенно неподвижно, широко раскрыв глаза и разинув рот.

Никсос выжидал несколько минут, стараясь заметить хоть малейшее движение. Ничего.

— Наблюдайте за ней в течение трех дней, — наконец приказал он команде дознавателей. — Затем уничтожьте тело.

Как инквизитор, она заслуживала достойного захоронения — возможно, даже под крепостью Энцелада. Но Лигейя больше не была инквизитором. Ее смерть — предостережение остальным. Все прочее должно быть забыто.

Мир Фарфаллен постепенно умирал. Когда-то он был миром-парком — одним из немногих в семействе планет, сохраненным в девственной чистоте. Он был вознаграждением и местом отдыха аристократов Шлейфа. Уединение в мире-парке прельщало самых амбициозных правителей и удачливых торговцев, имевших заслуги перед Империумом.

Во времена процветания Шлейфа, когда массовое паломничество давало возможность извлекать выгоду из благочестия, на Фарфаллене образовалось удивительное смешение пышных девственных лесов и тщательно ухоженных ландшафтных парков. На опушке густых тропических лесов прятались беломраморные виллы. Над бескрайними просторами лазурного моря высились башни величественных замков. Небесные яхты бороздили облака, а на обширных равнинах процветала охота на завезенных с других планет крупных хищников.

Экклезиархия, приложившая немало усилий для процветания Шлейфа, обладала на Фарфаллене огромным поместьем. Там был построен Замок Памяти. В нем, для грядущих поколений, собиралось и накапливалось духовное наследие церкви. Администратум владел десятой частью мира-парка, так что его высшие чиновники тоже могли отдыхать на Фарфаллене в свое удовольствие.

Мир со стабильной экосистемой, умеренным и предсказуемым климатом, почти без местных хищников, да еще под защитой Адептус Терра на фоне общей мрачности Империума казался островком рая. Но все это было в прошлом.

Большая часть Фарфаллена заросла в отсутствие надлежащего ухода. Ландшафтные парки исчезли, уступив место колючим диким кустарникам. Корни деревьев разрушили мраморные виллы. Вслед за уменьшением числа паломников иссяк и приток средств. На Фарфаллене осталась только горстка благородных семейств, стареющих в своих отрезанных от остального мира и постепенно ветшающих замках. Завезенные хищники, численность которых больше не регулировалась охотниками, расплодились, и джунгли стали небезопасными.

Но хуже того — без зова, без приглашения на Фарфаллен пробрались дикари и заселили самые отдаленные уголки лесов. Многие столетия их присутствия никто не замечал, и стремительно сокращавшееся население мира-парка долгое время оставалось в неведении.

Но по Галактике прокатился зов Гаргатулота, и сотни тысяч дикарей внезапно хлынули из леса, выполняя свою часть работы для Повелителя Перемен.

Серые Рыцари потеряли два «Громовых ястреба» на Софано Секундосе, потому Аларик взял с собой столько воинов, сколько помещалось в одной оставшейся машине. Выбор пал на его собственное отделение и отделение Генхайна. Внизу их могли ожидать неприятные сюрпризы, и Аларик верил, что Генхайн лучше других отреагирует на неожиданность.

По мере снижения Аларик наблюдал поверхность Фарфаллена из окна «Громового ястреба». Наступил поздний вечер, пышный лесной ковер стал темно-зеленым. Кудрявые заросли напоминали густую шерсть какого-то исполинского зверя. В таких чащах дикие племена могли долго и успешно скрываться от цивилизации. Немудрено, что вдали от имперского глаза они легко стали добычей Хаоса.

Лес быстро уносился назад под днищем «Грозового ястреба», и вот на горизонте вырос Замок Памяти. Это было массивное прямоугольное сооружение, высеченное в склоне скалы, возвышавшейся над лесными кронами. Резной фронтоном украшали героические фигуры из

прошлого Экклезиархии; мелкие создания Хаоса сидели у них под ногами. Мертвыми глазами смотрели высокие стрельчатые окна.

«Громовой ястреб» спустился еще ниже и облетел вокруг цели. Аларик заметил следы беспорядков на Фарфаллене. Огни горящих на земле костров освещали камни. Закопченные пятна отмечали места, где раньше висели знамена. На краях крыши появились выбоины от камней и огненных снарядов примитивных катапульт, стрелявших по защитникам замка. Над крышей замка деревья на скале были изломаны и сбиты. Дикари явно карабкались вверх в надежде спуститься на крышу, но были перебиты и сброшены наземь. Несколько разбитых безжизненных тел еще висело, застряв в трещинах скалы немым свидетельством первых мгновений атаки. Замок Памяти, самый значительный бастион Империи, оставшийся на Фарфаллене, был в осаде.

— Замок ответил на наш запрос, — доложил пилот «Громового ястреба» из команды Ордо Маллеус. Если экипаж Маллеус на «Рубиконе» и оплакивал гибель двух других пилотов на Софано Секундосе, они никак это не показывали. — Мы можем приземлиться на крыше.

— Так и сделай, — сказал Аларик.

Обработанные Маллеус экипажи были странным племенем. Каждый из них проходил психоустановку по подавлению эмоций. Аларику было известно, что кое-кто имел сердечные детонаторы, которые должны были активироваться под воздействием ужаса или эйфории. В случае успешного воздействия сил Хаоса прибор мог уничтожить людей раньше, чем они навредят. Члены экипажа не многим отличались от сервиторов. Они были лишены возможности развиться в полноценную человеческую личность.

Во имя священной, праведной борьбы с силами Хаоса сами борцы уничтожали и коверкали жизни миллионов людей. Аларик впервые подумал, что это — само по себе — уже победа Врага.

«Громовой ястреб» пролетел над вершиной скалы, над крышей замка и, продолжая снижаться, сделал новый разворот перед посадкой. Аларик успел рассмотреть рубежи осады. Дикари вырыли окопы вокруг замка, и кучи земли указывали те места, где они наверняка копали туннели, надеясь отыскать проход внутрь под фундаментом. В замке обязательно должно быть множество подземелий и погребов, так что у осаждающих есть все шансы добиться успеха.

Позади линии окопов горели огромные костры; вокруг них плясали всклокоченные разрисованные фигуры. Аларику показалось, что он заметил среди них мутантов и проблески колдовского огня, но в этот момент «Громовой ястреб» окончательно снизился.

Дикари не представляли опасности для «Громового ястреба». Из оружия у них имелись только катапульты и луки. «Громовой ястреб» выпустил шасси и коснулся крыши Замка Памяти, оставив на каменном склоне черные отметины от пламени двигателей.

Задний борт опустился, и внутрь ворвался запах древних камней и горящего дерева. Отделения Аларика и Генхайна спрыгнули на выщербленные мраморные плиты крыши.

С наблюдательного пункта на передней стене замка к ним подбежал пожилой дьякон с бочкообразной грудью и лицом, испещренным шрамами. На дьяконе развевалась прокопченная и порванная одежда экклезиарха; в руке он держал изрядно помятый карабин. Молодые послушники и архивисты, застывшие на стенах, глядели на Серых Рыцарей широко раскрытыми глазами, не в силах скрыть благоговения.

Один лишь дьякон хотя бы отдаленно напоминал способного сражаться воина. Дни Замка Памяти были сочтены.

— Благословенный Трон! — звучным басом закричал дьякон, подбегая к высадившимся космодесантникам. — Как долго мы молились о спасении! Мы уже стали сомневаться, что

подкрепление когда-нибудь придёт. И вот, в ответ на наши мольбы, к нам прибыли космодесантники! Истинно, Император услышал наши молитвы!

— Мы не подкрепление,— твердо заявил Аларик. — Кто здесь главный?

У дьякона опустились плечи. Если он и лелеял надежду на то, что Замок выстоит, слова Аларика ее уничтожили. Но слуги Императора не должны оплакивать потери, и дьякон постарался скрыть разочарование.

— Я главный на крыше, — ответил он.

— А внизу?

Дьякон вздохнул:

— Никто не взял на себя командование обороной. Мы не солдаты. Я когда-то воевал, но я не способен возглавить защиту. После смерти духовника Архелгаста старший по рангу среди нас — главный архивист Серевик. Но он только ученый.

— Хорошо. Я должен увидеть его, и как можно скорее.

— Я пошлю одного послушника, чтобы он показал дорогу вниз. Но... брат... Если бы хоть один из вас мог остаться... Только один воин. Подумайте, что может быть здесь утрачено, подумайте, что может с нами сотворить Враг! Один космодесантник в бою стоит сотни обычных солдат, это всем известно.

— Выстоит Фарфаллен или падет — ему придется сделать это в одиночестве, дьякон. Когда мы вступим в битву с врагами, мне понадобятся все боевые братья. Старайтесь держаться своими силами, а мои десантники не будут умирать здесь за вас.

По лицу дьякона было видно, что он не согласен, но он сдержался. Дьякон не создан лидером, но, кроме него, здесь больше никого не было. Теперь все надежды остаться в живых рухнули; ему предстоит столкнуться со смертью лицом к лицу. Единственная битва, которую он может выиграть,— это борьба с отчаянием.

Замок Памяти углублялся в толщу скалы и представлял собой плотное скопление высоких часовен и коридоров, которые, казалось, были прорублены без всякого плана и без цели. Кипы фолиантов и свитков громоздились в каждой комнате и нише, и даже некоторые коридоры были завалены бумагами. Если замок и строился по какому-нибудь проекту, он был явно не приспособлен под библиотеку. Аларик на ходу поднял толстую книгу. Обложка гласила, что внутри содержатся записи о поступлении церковной десятины с одной из второстепенных часовен Вулканис Ультора. Последний приход был зарегистрирован триста лет назад.

Все помещения пропахли сгнившей бумагой. Послушник, которому дьякон поручил проводить гостей, — долговязый парень с запавшими глазами, с древним лазружьем, которым он явно не умел пользоваться надлежащим образом,— вел Серых Рыцарей все ниже и ниже, пока из-за стен не послышалось завывание собравшихся снаружи дикарей. Послушник ужасно боялся Серых Рыцарей. Лишь немногие из граждан Империи видели космодесантников, не говоря уж о том, чтобы к ним приближаться. Возможно, они казались парню сном, навеянным ужасами блокады.

— Как же все это систематизируется? — спросил Генхайн, повторяя мысли Аларика.

— Ну... сэр, на самом деле никак, — ответил послушник. — Архивисты держат все сведения в порядке, но только в своих головах. Они ничего не записывают. Слово Императора — в сердцах и умах его подданных, а не на бумаге, где еретики могут исказить его к собственной выгоде.

Аларик мысленно вздохнул. Подобно всем имперским организациям, Экклезиархия управлялась с неимоверно огромным штатом сотнями разных способов. Каждый проповедник и духовник поступал по-своему. Несмотря на ревностный консерватизм синодов на Терре и

Офелии VII, различные интерпретации догм делали разные ветви Имперского культа совершенно непохожими друг на друга.

Традиции Замка Памяти определялись скорее былым процветанием Шлейфа, чем волей Императора. Старшие архивисты защищали свое положение в мире-парке, делая вид, что только им одним известна вся хранимая информация.

В средних уровнях замка располагались кабинеты архивистов. Большая их часть опустела, поскольку штат сотрудников сильно поредел. Открытые кельи послушников стояли вдоль другой стены коридора. В одной из них Аларик заметил двух тощих, совершенно измотанных парней. В другой келье на жесткой кровати лежало прикрытое простыней тело с изрядно потрепанным томиком «Гимнов Императору» на груди.

— Главный архивист Серевик, — едва слышно сказал долговязый послушник, указав на резную дверь из твердого дерева.

Проводник отступил в сторону. Аларик открыл дверь, и навстречу ему вырвалось густое облако ладана. Послушник с трудом подавил кашель, а Аларик вошел внутрь.

Усиленные системы организма позволяли Аларику не обращать внимания на густой дым и сумрачное освещение. Представшее перед ним зрелище было удручающим. Серевик, пожилой неприметный человек с наружностью ученого, склонился над пюпитром, сосредоточенно изучая огромный иллюстрированный фолиант. Было ясно, что архивист давно не покидал своей комнаты.

Серевик поднял взгляд на вошедших, явно собираясь сделать выговор послушнику, посмевшему нарушить его работу. Увидев Аларика, заполнившего своим телом весь дверной проем, архивист изумленно распахнул водянистые глаза и чуть не выпал из кресла. Он вскочил и отшатнулся к противоположной стене, роняя по пути стопки книг и свитки.

— Кто?.. Сохрани нас, Трон!

Аларик шагнул в комнату. Окинув взглядом помещение, он заметил в углу неубранную постель и разбросанные повсюду свитки и книги.

— Архивист Серевик?

— Главный... Главный архивист. Мачас Лаваньян Серевик.

— Отлично. Я действующий брат-капитан Серых Рыцарей Аларик на службе Инквизиции Императора.

— Инквизиция? Мы... мы чтим Императора и верно служим ему. Нет необходимости...

Аларик поднял руку:

— Мы здесь не для того, чтобы вас судить. На Шлейф надвинулась тьма, и для борьбы с ней необходимо получить кое-какую информацию.

Серевик попытался справиться со своим испугом, но его голос все еще дрожал.

— Я... слышал ночью, как они поют, даже здесь. Они говорят, что пришел их Принц...

— И они правы. Он возрождается где-то в пределах Шлейфа, и, если мы собираемся с ним сражаться, надо выяснить, где именно. Потрясения, подобные здешним, охватили все миры Шлейфа. У нас очень мало времени.

— Остальные архивисты мертвы. Здесь так много всего утрачено...

— Это не могло быть потеряно, — отрезал Аларик. — Тысячеликий Принц возродится там, где находится захоронение святого Эвиссера.

Архивист долго молчал.

— Такого захоронения не существует, — сказал он наконец.

Аларик подошел ближе и навис над Серевиком:

— Для возвращения Принцу необходимо тело Эвиссера. Он выбрал Шлейф только по этой причине.

— Брат-капитан, нет такого захоронения. И нет святого. Падение Шлейфа только подтвердит этот факт. Мы были обречены много лет назад.

Серевик кусал губы, пытаясь собраться с мыслями. Настал момент, к которому он всегда готовился, и это было для него важнее всего, важнее обороны замка.

— Что здесь происходит? — спросил Аларик.

— Брат-капитан, Имперская Инквизиция не может нас спасти. Церковь Императора должна собрать собственный совет.

— Ну, ладно. — Аларик повернулся к ожидавшему у двери Генхайну: — Сожги здесь все.

Серевик ахнул:

— Сжечь?! Но эти книги священны... Это наше...

— Замок Памяти скоро падет. Все знания попадут в руки Врага. Если Замок не принадлежит Императору, значит, он может стать оружием врагов.

— Но это невозможно! Немыслимо! Это... святотатство! Священные слова должны остаться! Их уничтожение хуже ереси!

— Раньше я считал, — спокойно заговорил Аларик, — что архивисты здесь только пытаются упрочить свое положение. Но это ведь не единственная причина, по которой вы держите все знания в памяти. Правда, Серевик?

Брат Ондурин уже снял с плеча огнемет. На его форсунке заплескал голубой огонек.

— Вы назначены сюда, чтобы охранять знания. Вы здесь, потому что Экклезиархии известно что-то о Шлейфе, о святом Эвиссере и о Гаргатулоте, и эти знания должны остаться в тайне. Но мы предлагаем все это уничтожить, так что, когда дикари разорвут вас на куски, они не найдут никаких секретов. И почему не сжечь все сразу? Мы только оказываем вам помощь. Почему ты хочешь все сохранить?

Голос Серевика прерывался рыданиями:

— Потому что... я еще жив!..

Аларик поднял руку. Ондурин опустил дуло огнемета и приготовился пустить струю пламени на сложенные в соседней келье книги.

— Экклезиархии стоило подобрать более сильного духом человека для хранения секретов. Рассказывай все, что нам нужно. Иначе все здесь сгорит, а ты будешь на это смотреть.

По щеке Серевика скатилась крупная слеза.

— Я не могу вам рассказать. Благословенный Трон, они взяли меня сюда совсем ребенком. Я еще ничего не знал, но мне уже втолковывали, что выдать тайну — это смертный грех. — Серевик поднял голову, пошевелил дрожащими губами. — Но... я могу вам показать.

Келканнис Эвиссер был незначительным человеком. Молодым адептом его направили в крошечный офис Администратума на Солшене XIX, вскоре после того, как эта планета была открыта и признана пригодной для развития сельского хозяйства. Эвиссер был всего лишь именем в реестре — так же как и миллиарды других мужчин и женщин, не способных добиться чего-то большего.

Уже к концу жизни Эвиссера случилось так, что Солшен XIX оказался на пути зеленокожих грабителей. Это была одна из тысяч вооруженных банд орков, которые занимались мародерством на окраинах Империиума. Их периодические жестокие набеги на разбросанные имперские поселения были такой же частью жизни граждан, как молитва, работа и смирение.

После того как они покинули Солшен XIX, там не осталось ничего. Одни дымящиеся развалины.

И Келканнис Эвиссер.

О таких случаях — когда после жестоких нападений выживал только один человек на

планете — по всему Империиуму слагались легенды. Одни считали уцелевших злодеями, которым досталась вся удача за счет окружающих; другие — счастливчиками, которых защитило милосердие Императора. Для Администратума выживший одиночка был всего-навсего еще одним адептом, которого надо пристроить до тех пор, пока не будет восстановлен разрушенный мир на Солшене XIX.

Но Келканнису Эвиссеру не суждено было вновь стать винтиком гигантской машины Администратума.

В том, что зеленокожие вырезали всех его коллег, он увидел волю Императора. Теперь ему стало ясно, что даже орки в какой-то мере были инструментами в руке Императора. По его мнению, они были посланы, чтобы продемонстрировать Эвиссеру бесконечное милосердие и силу Императора, ослепительный жар его ярости и безграничность веры в предназначение человечества господствовать среди звезд.

Келканнис же остался в живых, поскольку был ничтожнейшим из смертных, как и миллиарды остальных людей, составляющих Его паству. Своим долгом Келканнис считал показать всем, что внимание Императора в равной степени обращено и к низшим, и к высокопоставленным гражданам Империиума.

Его считали безумцем. Он отказывался признавать их правоту. Те, кого посылали урезонить его, прислушивались и тоже начинали верить, что не только слепая удача избавила Эвиссера от жестокости зеленокожих. Даже то обстоятельство, что Администратум не смог вновь превратить его в деталь огромной машины, делало Эвиссера особенным. Даже безликая, безграничная бюрократия Империиума не смогла сокрушить его дух.

Он был не просто проповедником, на которого снизошла милость Императора. Он воплощал в себе надежду — надежду на то, что самые скромные мужчины и женщины способны играть значительную роль в планах Императора, охватывающих все человечество. Надежду на то, что каждая душа что-то значит для Империиума.

А гражданам Империиума больше всего недоставало как раз этой надежды. Все миры приглашали к себе Эвиссера. И когда он появлялся, правители и Арбитрес были не в состоянии разогнать толпы почитателей Келканниса. Прошло немного времени, и кое-кто стал поговаривать о его святости.

А потом стали происходить чудеса. Один из портовых ульев Трепитоса охватила жестокая чума. Эвиссер отправился в самое сердце карантинной зоны и оставался там на протяжении шести месяцев. Он облегчал последние часы жизни тысячам людей, приносил им утешение и веру, что они умирают по воле Императора. Это само по себе было чудом: несмотря на многие часы, проведенные у ложа умирающих, болезнь не тронула Эвиссера.

Восстание рабов-мутантов на Магнос Омикроне грозило анархией этому миру-кузнице. Эвиссер чудесным образом прошел под обстрелом и поговорил с предводителями мятежников. Не имея никаких других средств, кроме чистоты слов Императора, внушенных ему свыше, Эвиссер уговорил повстанцев сложить оружие и вернуться под тяжелую руку Империиума.

Где бы ему ни приходилось странствовать, вслед за его кораблем шли в варп все попутные суда: в кильватере Эвиссера варп оставался спокойным и безмятежным. Ни один из кораблей, следовавших за Келканнисом, не был потерян в безумии варп-штормов. Благодаря поездкам Эвиссера для помощи отчаявшимся и обездоленным людям Шлейф был впервые отмечен безопасным сообщением между системами.

Эвиссер приносил милость Императора умирающим, чья смерть в другом случае казалась бы бессмысленной. Повсюду, куда бы он ни приходил, возрастали вера и усердие людей. Жители Шлейфа обожали Эвиссера и вскоре стали шумно его восхвалять. В годовщину чуда на Трепитосе они устраивали в его честь фестивали и парады. Ему посвящались построенные

часовни.

Вскоре никто уже не сомневался в его святости. Разве мог не быть святым человек, по воле Императора облеченный милостью и способностью творить чудеса? Ставший живым воплощением Его господства над человечеством? И люди стали почитать святого Эвиссера в ежедневных молитвах.

Келканнис Эвиссер, при жизни ставший святым, творил чудеса, носившие его имя. Не одно десятилетие он провел в странствиях и посетил чуть ли не все миры Шлейфа. Куда бы он ни приходил, повсюду в его честь возводились часовни и храмы. И Замок Памяти был выстроен на том месте, где он впервые высадился на Фарфаллене. Говорят, что как только он ступил с трапа своего челнока, на всей планете распустились цветы. Эвиссер благословил темные башни Вулканис Ультора и подземные геотермические кузницы Магнос Омикрона, поля Виктрикс Соноры, полные рыбы океаны Солшена XIX и все звезды, сиявшие над Шлейфом.

Благодаря святому Эвиссеру захолустный район космоса превратился в густонаселенную и процветающую систему миров. Паломники приходили и приносили с собой богатства. В благодарность святому Эвиссеру именитые граждане ставили монументы. Они забыли заветы Экклезиархии о сдержанности и скромности и возводили в честь святого Эвиссера храмы с золотыми куполами, украшенные драгоценными камнями статуи, музеи с бесчисленными произведениями искусства.

Святой был рожден на Шлейфе с целью показать, что Император смотрит на каждого — бедного и богатого, могущественного и ничтожного. На тех, кто помогает Его церкви, и тех, кто прозябает в трущобах ульев и кузниц.

И пока живет Шлейф Эвиссера, сам Эвиссер не может умереть.

Аларик в сердцах захлопнул книгу. Серевик проводил капитана Серых Рыцарей в запертый подвал под замком. Там, на полу, в кажущемся беспорядке были разбросаны книги и свитки. Но Серевик точно знал, что написано в каждом из них. Он выбрал для Аларика только самые важные — истинную и подтвержденную фактами историю святого Эвиссера.

И когда мифы и панегирики были отброшены, исторических фактов оказалось совсем немного. Все, что нашел Аларик, это краткая схема жизни святого. Никаких деталей. Ни описания семьи Эвиссера, ни его сподвижников, ни даже указания на его внешность. Конечно, невозможно было написать полную историю Имперума: события далекого прошлого всегда излагались в интерпретации рассказчиков, если они вообще сохранялись. Но здесь было что-то другое. Почему тогда замок Памяти требовал от своих архивистов хранить тайну святого Эвиссера?

Аларик был почти один в сумрачном помещении. Испуганный послушник, назначенный для помощи в поисках книг, ждал у двери. Хоть замок и подвергся осаде, традиции помощи одного слуги Императора другому свято сохранялись. Генхайн и брат Ондурин, все еще с огнеметом наготове, ждали за дверью. Воины отделений Аларика и Генхайна образовали защитный кордон вокруг зала. Аларик был уверен, что слышал, как под полом скребутся дикари, копающие туннель. Через некоторое время они наверняка ворвутся внутрь замка.

— Правосудор Генхайн, — позвал Аларик. Генхайн вошел, оставив Ондурину снаружи. — Что ты об этом думаешь?

Генхайн подошел к столу, за которым сидел Аларик, и взглянул на исписанные страницы. Это были выдержки из поверхностной истории Шлейфа. Серевик утверждал, что описание святого Эвиссера и несколько документов, подтверждающих некоторые из его чудес, и есть основная часть той информации, которую Экклезиархия сохраняет в секрете.

— Не так уж и много, — заметил Генхайн, проглядев содержимое страниц.

— Но это все, что у нас имеется.

— Возможно, в этом и есть суть.

Аларик ненадолго задумался. Что ему было известно? Жил человек по имени Эвиссер, утверждавший, что черпает вдохновение в словах Императора, и он был провозглашен святым. Вот и все.

Конечно, в этом и есть суть.

Аларик вскочил, схватил со стола книгу и кинулся из зала, помедлив только рядом с послушником, дрожавшим возле двери:

— Где Серевик?

Парень боязливо показал рукой. Аларик бросился в указанном направлении и вышел в длинную низкую галерею. Все ее стены и потолок были закрыты вырванными из книг страницами, прищипленными к деревянным панелям либо наклеенными прямо на камни. Это было похоже на старое лоскутное одеяло.

Серевик стоял в центре и смотрел на тысячи слов — как будто в окно на пейзажи Фарфаллена в пору его процветания.

— Святого Эвиссера никогда не было, — прямо заявил Аларик, швырнув книгу к ногам Серевика. — Экклезиархия никогда не провозглашала его вознесение. Он был объявлен святым людьми, и Экклезиархия смирилась с этим, — но он был простым смертным.

Из главного архивиста словно выпустили воздух. Теперь Серевик уже не казался таким представительным, как прежде. Он печально покачал головой:

— От этого человека произошло столько хорошего. Хранить этот секрет было позором. — Он посмотрел на Аларика, и Серый Рыцарь подумал, что Серевик вот-вот заплачет. — Вы можете себе представить, какой вред был бы нанесен Шлейфу в случае разоблачения Эвиссера кардиналами? Возникли бы ужасные раздоры. Ненависть обратилась бы не на врагов, а на верных слуг Императора.

— Но он творил чудеса, — сказал Аларик. — Эвиссер выковал могучий Шлейф из захолустного района космоса. Он должен был стать первым кандидатом на канонизацию. Что могло ей помешать? Что обнаружили кардиналы?

— Тогда стало слишком поздно, — продолжал Серевик. Знание слишком долго хранилось в его голове, словно в запечатанной бутылке. Теперь он должен был совершить грех разоблачения и выплеснуть всю информацию. — Эвиссер был святым для всех людей уже несколько десятилетий. Священный Синод рассмотрел вопрос о причислении его к лику святых. И принял решение, что слишком поздно что-то менять. Люди обращались к Эвиссеру в молитвах. Нельзя искоренить такую веру, особенно если она превращает Шлейф в единое целое.

Аларик понимал, что Гаргатулот не просто выбрал Шлейф. Весьма вероятно, что Тысячеликий Принц сам его и создал.

— Итак, кардиналы были вынуждены позволить поклонение Эвиссеру — до тех пор, пока Шлейф не пришел в упадок, а сам Эвиссер не оказался забыт. Но почему он так и не стал святым? — спросил капитан. — Что они отыскиали в его жизни?

Серевик с трудом подавил рыдания. Снаружи через стены донеслись песнопения дикарей, готовых начать очередную атаку.

— Все это... — почти шепотом произнес Серевик, — все сгорит...

Аларик схватил его за горло и поднял вдоль стены галереи, пока голова архивиста не стукнулась в потолок. Стоило капитану захотеть, и рука в латной рукавице сломала бы шею Серевика.

Тот заставил себя посмотреть Аларика в глаза:

— Его... его родной мир. На нем лежало пятно. Если бы... кардиналы проигнорировали

этот факт, а потом он обнаружился, могли бы возникнуть еще более ужасные распри... Эвиссер — предатель, священная война, еще одна эпидемия неверия...

Аларик отпустил Серевика, и тот бесформенной кучей рухнул на пол.

— Вас выдало то, что все это не было записано, — сказал Аларик, пнув ногой книгу в сторону Серевика. — Ни родного мира, ни места захоронения. Ни канонизации. И все из-за того, что Экклезиархии было известно пятно на биографии Эвиссера. Им могли овладеть темные силы. И кардиналы были правы. Но решили, что лучше позволить ему пустить корни в Имперских мирах, чем признать свое бессилие справиться с новым проповедником. Где он родился? Где был похоронен?

Серевик захныкал.

— Говори! Или все сейчас сторит, и ты сторишь вместе с книгами.

Серевик закрыл голову руками. Он был сломлен. Со времен послушничества его учили хранить священную тайну Шлейфа, помнить и оберегать ее во имя Императора. Теперь ему ничего не осталось. Совсем ничего. И даже зная, что, независимо от его слов, книги все равно сгорят, архивист сдался.

— Он родился на Софано Секундосе, — прошептал Серевик. — А похоронили его на Вулканис Ульторе.

Уже через три дня после неудавшейся казни Валинова Конклав Энцелада отправил на Шлейф корабль с посланием. Он вез слишком секретную информацию, чтобы доверить ее астропатам. Имперские организации на Шлейфе могли быть связаны с восставшими повсюду культурами. Раньше случалось, что впавшие в ересь астропаты служили каналами утечки важных сведений. Единственным выходом в такой ситуации был посланник.

Сообщение было весьма простым. В нем говорилось о возможности появления Валинова в пределах Шлейфа, а сам он признавался настолько опасным, что даже разговор представлял угрозу заражения ересью. Единственной применимой к нему мерой признавалось уничтожение.

Послание было доверено дознавателю дю Граэ — высококлассному пилоту и доверенному агенту лорд-инквизитора Коатеца. Для пущей надежности ей вживили под кожу особые стимуляторы мозга, которые позволяли хранить сообщение в голове, не рискуя выдать его при любых психических воздействиях.

Дю Граэ была тем самым пилотом истребителя, который бросил «Штормовую молнию» в небо Армагеддона, обеспечив перевес в сражении с хитроумными летательными приспособлениями зеленокожих. Корабль, на котором она летела теперь, был почти таким же маневренным, как истребитель. Черное блестящее стреловидное судно — самое малое и быстроходное из всех способных преодолеть варп кораблей, которое смогли отыскать в Ордо Маллеус за короткий срок. Оно пронзало варп, словно нож, а экипаж состоял только из Дю Граэ и навигатора.

Сначала корабль легко преодолевал имматериум, но спустя три дня внезапно поднялся варп-шторм. Мощная вспышка черного безумия широким полумесяцем охватила Солнечный Сегмент от Ранны до В'Рана. Менее маневренное судно давно было бы уничтожено, но дю Граэ, вслепую управляя кораблем, пока навигатор подсказывал приемлемые течения варпа, продолжала вести узкое судно сквозь бурлящие заносы ненависти по направлению к Шлейфу.

Но это требовало дополнительного времени. Слишком много времени. Если Валинов получит столь большую фору, они едва ли успеют его остановить.

Без помощи астропатов дю Граэ не могла ни доложить об осложнениях на Энцеладе, ни связаться со Шлейфом. Ей оставалось лишь уповать на Императора и надеяться, что подготовка Врага затянется еще на несколько часов, а ее корабль полетит быстрее.

Дю Граэ выскользнула из варпа точно на краю системы Вулканис, и рубку тотчас залил живой свет красной звезды. В первую очередь надлежало предупредить кардинала и губернатора, находившихся на Вулканис Ульторе. Следующим пунктом была штаб-квартира Инквизиции на Трепитосе.

Даже со стороны было понятно, что положение на Шлейфе ухудшилось. В системе находились корабли военного флота Империи — без сомнения направленные сюда из-за возросшей активности культов. Старый боевой крейсер класса «Марс», оставшийся с тех пор, когда истребители являлись самым предпочтительным оружием, служил базой для патрулей истребителей-бомбардировщиков, ведущих охоту на вражеские корабли. Крейсер класса «Лунный» под названием «Священное пламя» и три конвойных корабля класса «Меч» эскадрильи «Очищение» держались непосредственно на орбите Вулканис Ультора.

Без помощи астропатов дю Граэ не могла связаться с кораблями, не подходя к ним вплотную. Но ее терзали сомнения. А вдруг поблизости появились корабли сил Хаоса, которым

ничего не стоило справиться с ее легковооруженным судном, если они его обнаружат? Она решила держаться подальше от приближавшегося Вулканис Ультора, пока не получит информацию из разговоров между экипажами находящихся поблизости кораблей.

Дю Граэ решила отлететь в сторону. Она направила корабль на орбиту Вулканис Фаустуса — ближайшей к звезде, обожженной и бесплодной планеты. Обрывки перехваченных разговоров свидетельствовали о скором и неизбежном конфликте. Вероятно, силы Хаоса на Шлейфе возросли до критической массы, и все ожидали начала полномасштабных военных действий. Экипажи работали без перерывов, стараясь подготовить к сражениям старые суда. Не хватало артиллерийских орудий. Департамент снабжения не мог обеспечить истребители достаточным количеством топлива.

Из тени Вулканис Фаустуса появился гордый силуэт слегка обветшавшего ветерана под названием «Беспощадный». Близость звезды затрудняла связь, так что авианосец выпустил три истребителя, которые подошли ближе. Как только они оказались на подходящей дистанции, они сканировали корабль дю Граэ и передали короткое сообщение о том, что в системе Вулканис небезопасно. Истребители «Беспощадного» предложили эскортировать дю Граэ до космопорта над столицей Вулканис Ультора.

Дю Граэ поблагодарила командира эскадрильи и выключила двигатели, давая возможность истребителям подойти вплотную и отбуксировать корабль. И в то время, когда она беспомощно болталась на орбите, капитан «Беспощадного» отдал приказ: «Огонь!» Истребители выпустили все имеющиеся у них ракеты, превратив корабль дю Граэ в быстро расплывающееся облако плазмы. Вместе с пилотом погибло и сообщение о том, что человек, называющий себя инквизитором Валиновым, — на самом деле слугитель Хаоса.

Голик Рен-Сар Валинов наблюдал, как корабль посланца вспыхнул мерцающим треугольником. Голубые прямоугольники истребителей «Беспощадного» покружили еще пару минут, увертываясь от разлетающихся обломков. Огромный орбитальный командный пульт, установленный в занятом Валиновым помещении, был настроен на отображение пространства вокруг Вулканис Фаустус. Как убедился Валинов, истребители вскоре скрылись за скалой, чтобы присоединиться к несущему кораблю на другой стороне планеты. Ради того, чтобы обеспечить Валинову полную свободу действий, Рекоба был вынужден вышвырнуть двух прихлебателей из числа аристократов и отдать ему целый уровень улья. Теперь Валинов сидел в окружении множества регистраторов, пикт-панелей, голографических экранов и орбитального командного пульта, чтобы быть в курсе всего, что творится в системе.

— Уничтожение подтверждено, — послышался обезличенный воксом голос командира эскадрильи.

— Отличная охота, эскадрилья «Тэта», — последовал ответ капитана.

Громадный голубой прямоугольник «Беспощадного» показался из-за необитаемой планеты и стал разгоняться для короткого перехода на орбиту Вулканис Ультора. Три истребителя следовали за ним, словно щенки за матерью.

Из-за двери донесся шум, и в комнате, шурша пышным парадным одеянием, появился кардинал Рекоба.

— Инквизитор! — воскликнул Рекоба. — Я только что услышал. Это был самозванец?

— Хорошо, что мы вовремя его обнаружили и успели сбить, — сказал Валинов. — Если бы мне не доложили, эти гости сумели бы прорваться прямо сюда. У Врага множество хитроумных способов нам навредить. И одному Императору известно, что бы произошло, если б они прорвались.

Рекоба беспокожно сглотнул.

— Это посланец Темных Сил?

Валинов кивнул:

— Я убедился в этом, как только истребители просканировали корабль. Уверен, это был колдун. Хорошо, что они быстро его уничтожили: в противном случае все экипажи могли бы пострадать.

Рекоба покачал головой:

— Значит, они были совсем близко. Благодарение Вечноживущему, что их смогли остановить. Вот уж поистине, да защитит нас Трон...

— Да защитит нас Трон, ваше священство, — смиренно откликнулся Валинов.

Они и впрямь подобралась очень близко. Валинов мысленно прикинул, кого могли послать с сообщением. Вероятно, кого-то из лучших. Возможно, самого Никсосу: он ведь едва выжил после Мимаса и наверняка жаждал принять участие в уничтожении бежавшего узника. Хотя нет... Скорее всего, это был кто-то из лорд-инквизиторов Энцелада. Они должны были взять дело в свои руки, чтобы исправить допущенные ошибки. Вероятно, этот клоун Коатец, проповедующий массовые убийства, послал на смерть одного из своих лучших пилотов. Валинов позволил себе слегка улыбнуться: таких крестоносцев, как Коатец, легче всего использовать в своих целях. Конечно, они должны были послать корабль с сообщением. И Валинов не мог не воспользоваться этим обстоятельством, чтобы умножить страхи защитников Шлейфа.

Похоже, вся Галактика знает свою партию в грандиозном танце Хаоса и смиренно повинуется его музыке. А что может быть приятнее для Повелителя Перемен, как не цепи рабства его врагов, выкованные их собственными руками?

— Должен ли я приказать капитанам усилить патрулирование? — спросил Рекоба. — Нам обещали доставить еще дюжину истребителей с Магнос Омикрона, и мы сумеем переправить их на дальнюю орбиту, на наблюдательные станции...

Валинов поднял руку.

— Нет. Переведите капитанов на ближнюю орбиту. Но и дополнительные истребители тоже. Остальной части Шлейфа придется выдержать собственную битву. Вулканис Ультор — краеугольный камень системы. Он должен выстоять во что бы то ни стало. Отгородитесь от остального мира стальной стеной, кардинал. В скором будущем нам потребуются для обороны все имеющиеся силы.

— Конечно, инквизитор, — почти покорно ответил Рекоба.

Валинов с удовольствием послушал, как кардинал передает распоряжения помощникам.

Прежде чем выключить экран, Голик Рен-Сар Валинов еще раз взглянул в космос. Пустое место там, где недавно находился корабль-посланец, означало гибель последней надежды Шлейфа.

Канонесса Людмила осмотрела в магнокуляр место будущей битвы. Ее боевые сестры, солдаты Экклезиархии занимали позиции в бункерах и окопах, окружавших перерабатывающий химический завод на берегу озера Рапакс.

Слева протянулись позиции балурианской тяжелой пехоты — хорошо вооруженных и умелых воинов. Они, как верила канонесса, не должны дрогнуть под натиском врагов и оставить ее сестер без прикрытия. Справа простиралось само озеро Рапакс — огромная впадина, наполненная такой загрязненной отходами жидкостью, что язык не поворачивался назвать ее водой.

Людмила командовала обороной крайнего правого фланга; ей помогали сотни боевых сестер. Многие считали сестер Адепта Сороритас самыми грозными войсками Империи.

после космодесантников. Защищенные силовыми доспехами, вооруженные тяжелыми болтерными ружьями, сестры были способны отбросить ураганным огнем орды Хаоса.

За пределами столичного улья простирались голые изрезанные равнины, носящие синеватые шрамы столетних загрязнений. Земля была иссушена и разбита до такой степени, что превратилась в растрескавшуюся каменистую пустыню и дюны пепла. Вдали из сумрака поднимались предгорья, образующие подступы к гораздо меньшему Улью Верданус. Позади Людмиллы располагалась гордость Вулканис Ультора — столица, Центральный Улей, место заседаний правительства планеты, системы и всего Шлейфа.

Битва могла бы закончиться в несколько мгновений, если бы стоящий на пустыре рядом с Ульем «Ординатус» мог засесть приземляющихся врагов и в режиме самонаведения послать на их головы залпы прицельного огня. Но Людмила знала, что этого не произойдет. Во главе атакующих пойдут космодесантники Хаоса, Предательские Легионы, которые смогут воспользоваться своей скоростью и мощностью. Эти воины окажутся перед защитниками еще до того, как кто-то узнает об их приземлении. Сражение будет разыграно не на равнине, а здесь — на расстоянии вытянутой руки. Атака врагов должна захлебнуться в рядах защитников.

Людмила окинула взглядом укрепления, построенные в небывало короткие сроки силами привлеченных к обороне городских бригад чернорабочих. Плоский массивный пластобетонный корпус завода подходил к самому берегу озера. Людмила разместила на его крыше несколько карательных отделений для поддержки передовой линии тяжелыми болтерами и орудиями мультимелта. Два ракетных танка «Экзорцист» охраняли ворота завода, и в резерве позади бетонных сооружений оставалось еще несколько отделений Сестер Битвы. Они не смогут войти в помещение завода из-за находящихся там летучих химикатов. Впрочем, до этого дойти не должно.

Вокруг завода петляли длинные линии окопов, оцетинившихся колючей проволокой. Перед окопами, на случай танковой атаки, были разбросаны бетонные блоки. Их можно было сдвинуть, чтобы организовать контратаку и подставить врага под перекрестный огонь карательных отделений и противотанковых групп балурианцев. Сестры из окопов первой линии имели возможность отступить в бункеры, стоящие позади них в неглубоких воронках. Эти убежища были сброшены вниз с кораблей низкой орбиты, где и были изготовлены, как только началась подготовка к сражению.

Атакующим, чтобы прорвать линию обороны, надо пройти несколько рядов окопов и бункеров. Но в таком случае их встретит огнем оставленный в резерве большой отряд балурианской пехоты, да и сестры, выйдя из бункеров, нанесут противнику удар с тыла.

Таков был план. Но Людмила, как и все остальные, знала, что планы существуют лишь до тех пор, пока не прозвучит первый выстрел. И все же — чтобы преодолеть такую защиту, как эта, требуется по-настоящему массированная атака. Этот участок, охраняемый решительно настроенными сестрами, — один из самых укрепленных в системе. Он почти так же непреодолим, как и отравленные токсинами воды озера Рапакс.

Людмила посмотрела в сторону балурианцев. Пехотинцы выстроились для отрядной комиссарской проверки. Комиссар в черной форме обладал властью наказывать каждого — солдата или офицера — при малейшем подозрении, что тот пренебрегает долгом перед Императором. Людмила даже слышала его голос, когда он отрывисто читал короткие наставления каждому проверяемому отделению. Комиссар предупреждал, что враг уже близко. Он попытается не только уничтожить тела воинов, но и завладеть их мыслями. И любой, чья вера не выдержит испытания, должен быть рад, если получит пулю от своих товарищей. Это война за души, а не просто политический конфликт.

Людмила закрыла магнокуляр и по короткому трапу спустилась в командирский бункер.

Две целестианки из ее личного элитного отделения стояли по обе стороны от двери по стойке «смирно». Старшая сестра Лакрима поджидала канонессу, чтобы посоветоваться.

— Канонесса, — склонив голову, обратилась к ней Лакрима. — Серафимы заняли свои позиции.

В отделении серафимов, которым командовала Лакрима, служили искусные в рукопашном бою сестры. Они шли в бой с прыжковыми ранцами, чтобы сразу оказаться в гуще битвы. В их задачу входили быстрые контратаки в том случае, если противник преодолет первый ряд окопов.

— Я хочу, чтобы первой линии уделялось наибольшее внимание, — сказала канонесса. — Балурианцы нам помогут, но враги постараются использовать каждую брешь.

— Конечно. Мои сестры — те, кто находится рядом с балурианцами, — говорят, что солдаты нервничают.

— Это понятно. Не забудь, на том участке тебе надлежит запевать боевые гимны. Балурианцы должны слышать наш пример.

— И еще, канонесса... Могу я говорить откровенно?

— Продолжай.

— Речь инквизитора Валинова пробудила некоторые сомнения среди солдат и, как мне кажется, среди сестер тоже. Прежде никому из нас не приходилось встречаться в бою с Предательскими Легионами. Школа Прародительницы учила нас, что их не существует.

— Молись, чтобы ее слова скорее стали правдой! — Людмила на мгновение задумалась. — И если кто-то из балурианцев начнет задавать вопросы — пусть молится вместе с нами. Если они дрогнут, мы погибнем.

— Я поняла.

— И, сестра...

— Канонесса?

— Легионы космических десантников пали из-за того, что Враг сумел воспользоваться их гордыней и невежеством. Мы не повторим их грехов. Не позволяй Врагу сломить твой дух еще до начала битвы.

Лакрима отдала честь, вышла из бункера и направилась к своим боевым сестрам. Людмила проводила ее взглядом: высокая, крепкая женщина казалась еще массивнее из-за силовых доспехов и прыжкового ранца, висящего за спиной. На черных рукавах, надетых поверх блестящих красных доспехов, виднелась кровоточащая роза, символ ордена. В давние времена, еще до Ереси Хоруса, космодесантники, для похвалы своей мощью, украшали доспехи устрашающими метками, но боевые сестры не позволяли себе такой вульгарности.

Одна из сестер штаба, ведающая обеспечением связи, поднялась из подземного уровня бункера.

— Канонесса, с нами связался штаб кардинала Рекобы. Инквизитор Валинов хочет лично посетить наш участок обороны.

— Передай, что это для нас большая честь, — ответила Людмила. — Я надеюсь, что укрепления отвечают его требованиям.

Сестра торопливо вернулась к пульту, чтобы передать сообщение.

Людмила считала Валинова прирожденным лидером. Он взял в свои руки командование обороной, даже не приложив к этому никаких усилий. С тех пор как он сказал о реальности угрозы со стороны Предательских Легионов, военные жадно ловили каждое его слово. Людмила подозревала, что и ее сестры тоже. Людмила была бойцом, а не политиком, но даже она восхищалась той быстротой, с которой Валинов взял под контроль это гигантское дело.

Валинов — не просто отличный руководитель обороны. Он посланник одной из самых

могущественных сил Империиума. Сестрам чаще доводилось работать с Ордо Еретикус, а не с Ордо Маллеус, но Валинов сам раскрыл свою принадлежность к Маллеус. Его участие подтверждало демоническую природу угрозы, нависшей над Вулканис Ультором.

Предательские легионы и демоны. Немного найдется в Империиуме сил, способных им противостоять. Людмила понимала желание Валинова проинспектировать участок обороны сестер: это не политическая показуха, а настоящая озабоченность. В надежде найти точку для удара, смять всю оборону и прорваться в улей, демоны ударят именно здесь — на самом краю линии. Сестрам придется держаться.

И они будут держаться.

«Рубикон» оставил Замок Памяти в огне. Арии скоро проруют туннель в нижние уровни замка. Когда они это сделают, защитники погибнут вместе со своими книгами. Серевик, скрываясь в объятном пламенем подземелье, вероятно, будет одним из последних. Аларик знал это и все же покинул Фарфаллен: капитан не мог рисковать ни единым Серым Рыцарем, чтобы помочь защитникам в заведомо проигранном сражении. Он был лидером, а лидер не имеет права разбрасываться жизнями своих людей, когда нет надежды на успех.

На капитанском мостике «Рубикона» стояла полная тишина, если не считать монотонного гула двигателей и стрекотания корабельных регистраторов. Координаты были загружены; через несколько мгновений должен начаться короткий варп-прыжок. Чтобы добраться до системы Вулканис, потребуется лишь несколько часов. Навигатор Маллеус хорошо знал свое дело и мог переместить корабль как можно ближе к цели.

Аларик со своего командирского кресла наблюдал за спокойной подготовкой к прыжку. Затем раздалось шипение пневматических дверей, и в рубку вошел правосудор Санторо:

— Брат-капитан? Я запросил у экипажа всю информацию о Вулканис Ультор.

— И?

— Ничего такого, чего не было бы нам известно. Густонаселенный мир, контролируемый Экклезиархией, под номинальным управлением губернатора. Мы посмотрели местоположение объекта, обозначенного Серевиком. Озеро Рапакс находится почти на окраине столичного улья. Непохоже, чтобы там что-то было.

— Но мы уверены в обратном. Мы получили координаты посадки?

— В этом-то и состоит проблема. Астропаты говорят, что никто из них не получал ответного сообщения.

— Карантин?

— Возможно.

На Вулканис Ульторе еретические культы развили наибольшую активность. Телепатический карантин выглядел вполне логичной мерой.

— Однако для нас это неутешительное известие, — заключил Аларик. — Придется лететь без приглашения. На всякий случай объяви боевую готовность: если Вулканис Ультор пошел по пути Фарфаллена, нас может ожидать негостеприимный прием.

— Ясно. Пойду проинструктирую людей.

Аларик спустился с командирского помоста и встал на одном уровне с Санторо. Как всегда, правосудора выдавало выражение лица.

— Правосудор, я знаю, что ты разочарован из-за невозможности принять бой, — сказал Аларик. — Гаргатулот может обратить твои чувства против нас.

— Брат-капитан, Враг не найдет во мне оружия.

— Я знаю, но он попытается найти. Это сражение будет происходить не на наших условиях.

— Так было всегда. И для Мандулиса, и для нас.

— Постарайся объяснить это своим людям.

Санторо отдал честь и покинул рубку. Аларик понимал, что правосудор еще не совсем доверял ему как лидеру. И грандмастера едва ли присвоили бы Аларику звание брата-капитана. Только безумие Лигейи заставило его принять командование. Гаргатулот будет самой строгой проверкой его способностей. Независимо от того, что произойдет дальше, Аларик узнает, достаточно ли крепок его стержень веры.

Но эта битва, безусловно, касается не только его самого. Она определит судьбу миллиардов имперских подданных, которым грозит участь страшнее смерти, если темная звезда Гаргатулота вновь поднимется на небосклоне.

— Навигатор готов к варп-прыжку, — произнес один из членов экипажа навигационной команды.

— Машинное отделение готово, — донесся по воксу рапорт механиков из самой глубины «Рубикона».

Одна за другой все команды доложили о готовности. Корабль был на пороге варп-прыжка.

— Начинайте прыжок, — приказал Аларик, и «Рубикон» ринулся в варп.

Космическая оборона, воздвигнутая вокруг Вулканис Ультора, стала самой мощной из всех, что знала когда-либо эта система и Шлейф Святого Эвиссера. Корабль «Беспощадный» был довольно стар, но испытан в боях; несколько его палуб заполняли бомбардировщики «Звездные ястребы» и торпедные катера «Мстители». Всеми судами управляли закаленные в битвах пилоты, ожидающие скорой отправки в Око Ужаса.

«Святое пламя» был новым и прочным кораблем. Его команда, гордившаяся быстротой судна, могла массированными бортовыми залпами превратить огромные участки космоса в заполненную шрапнелью убийственную зону. Эскадрилья «Очищение», состоящая из трех кораблей прикрытия класса «Меч», была совсем недавно образована, и краска на кораблях сверкала как в тот день, когда они сошли со стапелей Гидрапура.

Два боевых корабля и три корабля прикрытия с легкостью охватывали все пространство вокруг планеты.

Их сенсорные датчики улавливали сигналы всех крупных населенных пунктов и непрерывно принимали информацию от внешних систем наблюдения. В системе Вулканис были приостановлены все торговые перевозки, и любой движущийся предмет воспринимался как вражеская угроза.

Приказы инквизитора Валинова были предельно ясными. Враг приближается. Все остальное вторично. Лучший способ уничтожить противника — это перехватить корабли на высокой орбите, где из-за полной нагрузки они будут наиболее уязвимы.

Капитану «Беспощадного» Гракино было приятно сознавать преимущество засады. Гракино происходил из старинного офицерского семейства Ластраты. Аналитический ум прирожденного воина капитан оценил десятки сражений. Новомодные тактические доктрины утверждали, что бортовые залпы — это лучшее оружие, но Гракино был уверен в другом. Истребители и бомбардировщики, волна за волной, могут достичь результатов, недоступных ни одному большому кораблю. В надвигающейся битве они будут быстры и опасны, словно рой разъяренных крылатых хищников.

Гракино ждал, сидя на позолоченном капитанском троне в рубке старого гордого корабля. Капитанская рубка была отделана с такой пышностью, что напоминала скорее бальный зал во дворце родного мира капитана, чем командный пост военного судна. Гракино ждал в спокойной уверенности, что Вулканис Ультор теперь — самое безопасное место во всем Шлейфе.

Почти весь экипаж «Святого пламени» состоял из выпускников военно-морской академии на Гидрапуре. Все они фанатично верили в превосходство артиллерии и дисциплины при сражениях с любыми врагами.

Капитаном корабля был Принкос Гурвелейн, произнесший прощальную речь в академии девять лет назад. Он считался лучшим выпускником за последнее десятилетие.

Гурвелейн приучил офицерский корпус «Святого пламени» анализировать любую ситуацию и слаженно работать над принятием решений, применяя строгие доктрины академии. Истребители «Беспощадного», безусловно, принесут большую пользу в качестве отвлекающего фактора, но решающую победу обеспечит артиллерия «Святого пламени».

Капитан «Святого пламени» состоял в отдаленном родстве с вице-адмиралом, который комплектовал эскадрилью «Очищение». В частых личных переговорах с капитанами кораблей прикрытия было решено, что все четыре судна будут действовать слаженно. Мощный огонь бортовых орудий «Святого пламени» и корабли прикрытия, сгоняющие противника в зону обстрела, — при таких условиях никто не посмеет приблизиться к Вулканис Ультору без того, чтобы не попасть под шквал снарядов.

Принкос Гурвелейн, как подобает настоящему капитану, не сомневался, что учтены все вероятности. Капитанский мостик «Святого пламени» был отделан скромными деревянными панелями и тканью, повторяя интерьеры старинных лекционных залов академии. И сам корабль был как бы продолжением академии, хранилищем самых ценных знаний всего военно-морского флота. Приближенные офицеры Гурвелейна энергично работали над огромными пергаментными картами системы. Склоняясь над столами с линейками и компасами, они отдавали приказы механикам в машинное отделение и артиллеристам на палубы; управлялись с не умолкавшими ни на минуту устройствами связи.

И в этот момент пришло экстренное сообщение с системы внешнего наблюдения. В систему Вулканис только что вошел неизвестный корабль — возможно, в полной боевой готовности. По всем признакам в нем распознали боевой крейсер космодесантников, но его скоростные качества и внешнее оформление не соответствовали образцам.

На «Беспощадном» и на «Святом пламени» сообщение было получено одновременно. И капитаны обоих кораблей нашли единственное объяснение. Как и предупреждал инквизитор Валинов, прибыли Предательские Легионы.

— Тревога! — закричал кто-то из навигационной команды, заведя злые красные огоньки, возникшие на широком экране капитанского мостика.

— Связисты, что у вас? — спросил Аларик. Член экипажа из отделения связистов поднял голову.

— Мы послали сигнал оповещения на Вулканис Ультор, но ответа не поступило.

Аларик сжал поручни пульта. Какая-то бессмыслица. Они вошли в систему Вулканис меньше часа назад, и внезапно, даже без запроса опознавательных сигналов с «Рубикона», боевой авианосец несется на них во весь опор и запускает звено вооруженных истребителей-бомбардировщиков.

— Архив, приказываю определить класс и назначение этого корабля и всех других, находящихся в системе. Кто-то предупредил их о нашем появлении и представил нас врагами.

Остальные правосудоры прислушивались к разговору через вокс-каналы.

— Неужели флотилия системы попала в руки Врага? — спросил Танкред.

— Не знаю, — ответил Аларик.

Но такую возможность он не отрицал. Если Гаргатулот сумел овладеть умами всех экипажей флотилии, это объясняло их враждебность. Но по последним данным, Вулканис Ультор сохранял прочные позиции и его защитники сплотились вокруг кардинала Рекобы. Если ересь заразилась целая система, это должно было произойти с невообразимой скоростью.

— Скорее всего, это дезинформация, — заключил Аларик. — Если они считают, что нас послал Гаргатулот, значит, будут атаковать при первой же возможности. Никакие наши заверения не помогут.

Кто из граждан Империи слышал о Серых Рыцарях? Весьма немногие. Даже если командиры кораблей и заметили наружные знаки «Рубикона», смогут ли они их распознать?

Аларик понял, что Гаргатулот воспользовался секретным положением Инквизиции, чтобы обратить его в свою пользу. Овладел Хаос умами экипажей атакующих кораблей или нет — «Рубикону» ничего не остается, как пробиваться через их заслон.

— Сколько времени у нас осталось? — спросил Аларик.

Тревожные сигналы уже разносились по кораблю, и на капитанском мостике стало шумно. Команды «Рубикона» отправляли подручных с распоряжениями в разные части корабля.

— Менее двадцати минут, — последовал ответ команды навигаторов. — Затем первая волна сможет нанести удар.

— Примените все имеющиеся меры защиты. Задействуйте отражатели, артиллерию — все, что есть. Прорвемся мимо них в верхние слои атмосферы. Мы здесь не для того, чтобы с ними драться: надо беречь силы для Вулканис Ультора.

Послышались отрывистые команды артиллеристов. Несколько мужчин и женщин экипажа Маллеус бегом бросились из рубки на артиллерийские палубы, где предстояло зарядить и подготовить к стрельбе торпеды и осколочные снаряды. Торпеды с короткими взрывателями образуют достаточную массу осколков, чтобы в ней утонула основная часть снарядов противника, хотя при этом «Рубикону» может не хватить боеприпасов для встречи с другими кораблями.

— Всем правосудорам отправляться на пусковую палубу. Я беру «Громовой ястреб». Танкред, ты полетишь со мной. Генхайн и Сантаро, вам придется спускаться в десантных

капсулах. Надо успеть погрузиться до тех пор, пока нас не настигли истребители.

Командиры отделений подтвердили получение приказа. Они уже были наготове: Серым Рыцарям, для того чтобы выполнить распоряжение Аларика, потребуется всего несколько минут. Ему самому надо поспешить.

Аларик включил вокс-канал, общий для всего экипажа:

— Команда «Рубикона», ваша цель ясна. Вам необходимо ввести корабль в верхние слои атмосферы Вулканис Ультора и осуществить запуск десанта. Все остальное вторично. Это касается сохранения корабля и ваших собственных жизней. Пожертвуйте «Рубиконом». Пожертвуйте собой. Я знаю, что Ордо Маллеус готовил вас к этому. Но ни один человек не может знать, готов ли он к смерти, пока не столкнется с ней лицом к лицу. Император верит, что вы исполните долг. Я тоже верю вам. Команда управления, занимайте капитанскую рубку, используйте любые способы, но подведите корабль как можно ближе к этой планете. Вам не обязательно знать, что поставлено на карту. Достаточно того, что я прошу вас это сделать. Идите за Императором, и Он будет с вами.

На некоторое время установилась тишина. Члены экипажа — люди со стертými мыслями и строгой психической установкой. Они не могли отреагировать иначе даже на столь эмоциональное обращение.

Красные огоньки на экране становились все ближе, и капитанская рубка вновь заполнилась шумом энергичной деятельности.

Аларик спустился с командирского возвышения. Офицер из команды навигаторов быстро отсалютовал ему и заступил на место капитана. Аларик успел увидеть, как один посыльный был отправлен в машинное отделение — убедиться в готовности двигателей к маневрам. Команда артиллеристов занялась подсчетом боеприпасов, необходимых для отражения первой волны снарядов. Офицеры-навигаторы отмечали положение остальных кораблей в системе — трех судов прикрытия и крейсера. Эти корабли дрейфовали, выжидая своей очереди для нанесения удара.

Архивисты, среди которых было несколько ученых с портативными банками памяти, встроенными в мозг, опознали в ближайшем корабле «Беспощадный» — ветерана порта Мо времен Готической войны. Это неплохо. «Беспощадный» стар, а значит, тихоходен. «Рубикон» сможет проскользнуть мимо него и его артиллерии. А потом, на грани космоса и атмосферы Вулканис Ультора, начнется настоящее сражение.

Аларик редко обращал внимание на экипаж «Рубикона». Капитана Серых Рыцарей устраивала надежная и почти невидимая работа членов корабельной команды. Некоторые из них были выведены для того, чтобы оставаться незаметными, — в ходе отбора наиболее восприимчивых к психическим установкам особей.

Команда «Рубикона» могла самостоятельно провести корабль сквозь огонь. Выполнить приказ и не задуматься о неизбежной гибели. Обеспечить продвижение корабля, дать Серым Рыцарям возможность высадиться на поверхность планеты.

Теперь Аларик был им не нужен. Он выскочил из капитанской рубки, чтобы присоединиться к боевым братьям, а экипаж остался выполнять свою работу.

Капитан Гракино наблюдал с капитанского мостика «Беспощадного», как огоньки истребителей движутся к кораблю Хаоса. Подумать только, они даже попытались выдать себя за имперцев и спрашивали разрешения приземлиться на Вулканис Ультор! Инквизитор Валинов предвидел каждый их шаг. Но, если они считают старый корабль вроде «Беспощадного» легкой добычей, они жестоко ошибаются.

— Команда истребителей! Я хочу, чтобы вперед выдвинулись торпедные катера. Отведите

назад «Звездные ястребы» и штурмкатера. Сначала надо их обработать огнем.

— Есть, капитан! — откликнулся жизнерадостный голос из команды истребителей. Она состояла из нескольких десятков офицеров, многие из которых родились на корабле за долгое время его службы.

Экипаж «Беспощадного» завершал подготовку к сражению. Активность на капитанском мостике все возрастала. Команды медиков разворачивали передвижные пункты помощи в машинном отделении и на артиллерийских палубах. Бригады заправщиков беспечно ожидали на палубах возвращения первой волны истребителей и бомбардировщиков, чтобы пополнить их топливные и боевые запасы.

— Красиво, не правда ли? — сияя гордостью, воскликнул Гракино. — Чертовски красиво! Он повернул дородное тело в кресле и открыл панель в подлокотнике трона, чтобы вытащить бутылку превосходного искрящегося цирозианского вина. Сквырнув пробку пухлым большим пальцем, он, салютуя, поднял бутылку.

— За войну! — закричал Гракино.

Несколько членов команды капитанского мостика с энтузиазмом откликнулись на этот тост. Штаб истребителей не прекращал отдавать последние приказы к атаке.

Едва прозвучали первые команды «Огонь!», капитан Гракино сделал большой глоток, чтобы отметить начало сражения.

Вино ему понравилось.

Первый залп торпед был встречен ответным огнем «Рубикона». Снаряды с короткими запалами, пущенные с боевого крейсера космодезантиков, взорвались шквалом обломков. В черноте космоса раскрылись яркие цветы, оставив после себя мерцающую завесу серебристых металлических фрагментов.

Атакующие первой волны — около тридцати машин — выпустили торпеды и заложили крутой вираж, чтобы избежать обстрела оборонительных орудий «Рубикона». Большинство торпед взорвалось в стене обломков. Яркие вспышки разрывных зарядов беззвучно пронесли в темноте, оставив после себя расходящиеся волны в завесе осколков, словно брошенные в воду камни. Несколько торпед прорвалось через заграждение и вызвало на корпусе боевого крейсера черные сполохи: броня корабля поглощала энергию взрывов.

Произошли первые разрушения. Пока аварийные команды «Рубикона» пытались восстановить мощностные заградительные щиты, приблизились остальные волны атакующих. Теперь это были «Звездные ястребы» — истребители-бомбардировщики, легко преодолевшие зону металлических осколков. Несколько машин было уничтожено фрагментами торпед, попавшими в двигатели, но большая часть одолела преграду. Пилоты были заслуженными ветеранами и не раз сталкивались с подобными препятствиями. Сверкающая завеса до поры скрывала их от «Рубикона». «Звездные ястребы» налетели на крейсер внезапно, готовясь нанести удар. Они вошли в длинный бреющий вираж и стали обстреливать корпус крейсера из установленных на носу турболазеров.

На оружейных палубах и в артиллерийских отсеках боевого корабля погибли первые люди.

Аларик слышал выстрелы второй волны атакующих и цепочку глухих взрывов по всей протяженности корпуса «Рубикона». Вместе со своим и Танкреда отделениями он уже пристегнулся ремнями в единственном оставшемся у Серых Рыцарей «Грозном ястребе».

После погребения Краэ в подземелье Титана у Танкреда остались трое терминаторов. Сам Танкред шел в сражение со своим мечом Немезиды, Локат и Голвен держали в руках алебарды, а Карлин нес с собой тяжелый огнемет. Все десантники-терминаторы во многом были похожи

на Танкреда — не знающие сомнений воины, всегда готовые к атаке. Они жили ради воплощения замыслов Императора и умело пользовались оружием Немезиды и массивными доспехами.

Карлин регулярно посещал семинарские занятия у капеллана, и его пылкая вера как нельзя лучше соответствовала освященному пламени, которым он уничтожал врагов. Локат обладал почти такой же силой, как сам Танкред. Его алебарда Немезиды была священной реликвией, подаренной братом-капитаном, с которым он воевал, будучи еще новичком. Гловен искуснее всех владел приемами боя с алебардой, а Крест Терминатора он заслужил на борту покинутого людьми космического корабля, где истребил культ похитителей геносемена.

Аларик принес на «Громовой ястреб» меч Мандулиса, держа его под мышкой.

— Это тебе, правосудор, — сказал он и вручил оружие Танкреду.

Танкред принял меч и удивленно взглянул на Аларика:

— Брат-капитан, не думаю, чтобы я заслужил...

— Танкред! Из всех нас ты лучший воин. Тебя смог победить только брат-капитан Стерн. Сверкающую Молнию можно доверить только тебе. Ты владеешь мечом лучше любого Серого Рыцаря.

Танкред отложил свой меч Немезиды в сторону и поднял клинок Мандулиса. Это громадное оружие необычайно подходило великану-терминатору. Меч был изготовлен в расчете скорее на силу, чем на мастерство, а Танкред в бою проявлял в равной мере и то и другое. В его руке меч держался так же твердо и ровно, как, вероятно, в руке самого грандмастера Мандулиса тысячелетие назад.

Внутренность кабины «Громового ястреба» осветилась сиянием меча. В отражении на клинке Танкред казался еще массивнее, еще смуглее и сильнее, словно в блестящем металле обнажилась душа правосудора.

— Значит, Гаргатулот был изгнан этим мечом, — словно самому себе задумчиво произнес Танкред. — Я могу в это поверить.

Он повернул меч, проверяя его балансировку, убедился, что кромка остра как бритва, а поверхность лезвия безукоризненно чиста. Оружие казалось продолжением Танкреда, словно он был рожден с этим мечом в руке. Для Аларика это была священная реликвия, а для Танкреда — оружие, направляемое волей Императора.

Наверху раздалось еще несколько глухих ударов разрывных снарядов — да так близко, точно они угодили в корпус над самой пусковой палубой. В глубине корабля послышался вторичный взрыв. Аларик ощутил вибрацию корпуса. Это значило, что двигатели «Рубикона» перед маневром заработали на полную мощность.

— Моли Императора, чтобы у тебя осталась возможность воспользоваться этим оружием, — сказал Аларик, прислушиваясь к пронзительно высокому гулу разбитых заградительных щитов корпуса.

Двигатели «Рубикона» придали кораблю мощное ускорение в тот момент, когда снаряды атакующих судов выбивали из его корпуса рубиновые искры. Боевой крейсер, используя свою мобильность, внезапно рванулся вперед — сквозь облако осколков собственных торпед, навстречу несущимся истребителям. При виде стремительно надвигающегося корабля многие пилоты были вынуждены нарушить строй: теперь снаряды попадали только в крепкую броню носовой части «Рубикона».

Крейсер не сбавлял хода. Выстрелы по его бортам прекратились. Те истребители, что развернулись для повторного захода, попали под мощный обстрел корабельных орудий, которым теперь не мешала завеса обломков. Более семидесяти машин было уничтожено или

повреждено. Их опытные пилоты либо погибли, либо оказались выброшенными в бездну почти без надежды на спасение. От попаданий снарядов «Рубикона» боезапас истребителей взрывался прямо на борту, разнося корабли с экипажами в пыль.

Огромный серебристый конус «Рубикона», несмотря ни на что, мчался сквозь космос. Атака была скомкана.

Запас артиллерийских снарядов боевого крейсера почти истощился, его корпус в нескольких местах полыхал огнем. «Мстители» и «Звездные ястребы» сделали свое дело, но они не смогли остановить «Рубикон».

Оставив множество машин кружиться в реактивных струях двигателей, преследуемый эскадрильей штурмкатеров и залпами летящих перед ними торпед, крейсер на полной скорости несся к Вулканис Ультору.

Капитан Гракино, сидя на мостике «Безжалостного», слышал, как захлебывается атака его истребителей. Хриплые вопли из взорвавшихся огнем кабин. Треск помех и цепочки последовательных взрывов боезапасов. Треск разбитых силовых передач. Отчаяние и смерть.

Команда операторов, направляющая действия истребителей, не раз вслушивалась в отголоски удаленной гибели. И капитану Гракино приходилось терять тысячи человеческих жизней в космических сражениях, но до сих пор эти звуки вызывали отчаяние.

— Навигация! — вскричал Гракино, перекрывая возрастающий грохот в рубке. — Почему мы до сих пор стоим на месте? Куда они направляются?

— Летят к планете, сэр! — донесся ответ из толпы навигаторов, где десятки молодых офицеров бились над картами и компасами, а регистраторы дымились от интенсивных вычислений.

Гракино разразился громким, торжествующим смехом:

— Тогда мы их опередим и уничтожим бортовым залпом! Им не удастся от нас удрать! — Капитан хлопнул ладонью по подлокотнику своего трона. — Артиллерия! Докладывать обстановку!

Офицер-артиллерист — военный в седьмом поколении, с отцом которого Гракино разыгрывал сражения сразу на трех досках, — проворно поднялся с места:

— Орудия полностью перезаряжены, капитан. При такой скорости я могу гарантировать три полных залпа в носовую часть корабля.

— А если мы развернемся, чтобы ударить в тыл?

Офицер-артиллерист ненадолго задумался.

— Два хороших половинных залпа по корме, — сказал он наконец.

— У меня есть бутылка сухого амасака, которая старше меня. Дай мне три половинных залпа по их корме, и бутылка твоя. Слышал?

— Да, капитан!

«Безжалостный» не относился к классу оснащенных артиллерией судов, но вопреки желанию Гракино, как он сам признавал, после Готической войны на авианосце было установлено несколько орудий. Они могли, в случае необходимости, поднять огненный ураган, сквозь который не прорваться чужому крейсеру. Трех полных залпов в носовую часть, а затем трех половинных в корму — из перезаряженных орудий, да еще почти в упор — должно с избытком хватить, для того чтобы разгромить любой корабль. А потом останется только собрать уцелевшие истребители и бомбить боевой крейсер, пока он не развалится на части.

Гракино подумал, что должен позволить и эскадрилье «Очищения» принять участие в уничтожении противника. Таков был обычай вежливости, принятый среди капитанов.

А эти выскочки со «Святого пламени» пусть сами о себе позаботятся!

— Навигаторы, немедленно начинайте разворот! — приказал Гракино.

Двигатели медленно повернули старый потрескивающий корабль, выводя его наперерез боевому крейсеру. «Безжалостный» легонько вздрогнул.

Тактический голографический дисплей уменьшил сектор обзора, и рассеянные в бездне истребители пропали из виду. Теперь на экране остались только две мерцающие метки — яркий голубой символ, обозначающий положение «Беспощадного», и красный треугольник боевого крейсера сил Хаоса. Он истекал горящим топливом, терял металлические обломки, но упорно продвигался к планете Вулканис Ультор.

Аларик едва успел пристегнуться ремнями, как вдруг по всему «Рубикону» завывли тревожные сигналы.

— Опасность столкновения, — пробормотал капитан самому себе, слушая нарастающий рев двигателей.

«Беспощадный», для определения цели, начал с нескольких одиночных выстрелов. Снаряды пронеслись мимо приближающегося носа «Рубикона». Сержанты-артиллеристы внесли поправки, офицеры из капитанской рубки одобрили изменения в прицелах, и после этого все орудия «Беспощадного» выпустили залп.

Корабль с полностью заряженными щитами и способными на ответный огонь орудиями выдержал бы этот шквал и ответил на него. Но у боевого крейсера осталось в исправности всего несколько щитов, и ответных выстрелов не последовало. «Беспощадный», ничем не рискуя, посылал залп за залпом в носовую часть корабля врагов. Массивный бронированный нос боевого крейсера, закрытый несколькими слоями адамантина, пронизанный освященными оберегами, был сперва смят, а затем и пробит снарядами мощных орудий. Целые пластины брони, сорванные взрывами, закружились в темноте космоса.

Прогревели вторичные разрывы, и из трещин брони вырвались струи пламени. Последний колоссальный взрыв целиком снес носовой отсек, закрыв мощным выбросом огня всю переднюю часть «Рубикона». Космос быстро поглотил пламя, и на месте носовой части крейсера остались только развороченные обломки обгоревшего металла.

Корабль не уменьшил скорости, но после разрушения множества систем опасно вильнул в сторону. Во многих помещениях и переходах возникали пожары; переборки, не выдерживая давления, лопались и разлетались в мелкие щепки. Капитанский мостик сотрясался от взрывов, и, если бы он был расположен на несколько метров ближе к носу, рубку могло бы разорвать.

Тысячи Маллеус из состава команды погибли, сожженные заживо или выброшенные в открытый космос. Из разбитой носовой части вылетали секции брони, груды обломков и исковерканные замерзшие тела.

От сотрясения «Рубикона» и «Громовой ястреб» сильно качнуло. Раздался стук корпуса о крепления.

— Кто-нибудь пострадал? — спросил по воксу Аларик.

— Никто, — ответил Генхайн, ожидавший вместе со своими воинами в десантной капсуле рядом с «Громовым ястребом».

— И у нас никто, — добавил Санторо.

Аларик окинул взглядом воинов своего отделения: его десантники не пострадали. Для того чтобы ранить кого-то из терминаторов Танкреда, такого удара также было недостаточно.

Аларик включил канал капитанской рубки:

— Что это было?

— Взрывами уничтожена носовая часть, — раздался ответ, едва слышный из-за повреждения множества сетей.

— А рубка?

— Минимальные разрушения. Навигаторы корректируют курс. Расчетное время вхождения в атмосферу — двадцать две минуты.

По голосу отвечавшего члена экипажа и по шуму, стоявшему в рубке, Аларик понял, что не он один считал этот промежуток времени слишком большим.

«Рубикон» проскочил ниже «Беспощадного» и настолько близко, что обломки металлическим дождем застучали по днищу старого корабля.

На правом борту, по сравнению с левым, было гораздо меньше артиллеристов. Не все орудия успели перезарядить, но и они внесли свою лепту. Едва «Рубикон» вышел из мертвой зоны обстрела под брюхом «Беспощадного», корабль накренился, чтобы дать возможность лучше прицелиться, и орудия выбросили все имеющиеся снаряды в кормовую часть боевого крейсера.

От светящегося града снарядов раз за разом прерывались мощные струи выхлопных газов. Вместо них из разбитых двигателей на многие километры протянулись ленты перегретого пара. Один из плазменных реакторов раскололся, и в холодный космос извивающейся лентой потекла кипящая плазма. При вторичном взрыве образовалась пробоина в корпусе на четыре палубы в глубину. Обнажился командный центр, управляющий моторным отделением. Ведущие офицеры-механики с изумлением увидели над собой вместо потолка зияющую бездну; воздух мгновенно улетучился, лишив их возможности дышать, кровь замерзла в венах.

Над отверстием медленно проплыл «Беспощадный», продолжая поливать «Рубикон» огнем своих орудий. Связь между машинным отделением и рубкой «Рубикона» оборвалась. После этого корабль летел вслепую.

Орудия по правому борту «Беспощадного» израсходовали весь боезапас. «Рубикон» с разбитой носовой частью, с сильно поврежденной кормой прошел под кораблем, истекая воздухом, плазмой, рассыпая оплавленные обломки. Но он еще не погиб. Позже, в архивах флотилии на Япете будет записано, что крейсер был способен двигаться.

Несмотря на то, что оставшиеся плазменные реакторы гудели от перегрузок, «Рубикон» продолжал отвесно падать на бледный диск Вулканис Ультора.

Капитан Гракино, подняв голову, увидел перед собой офицера-артиллериста в тщательно отутюженной форме с сияющими пуговицами.

— Орудиям правого борта не хватило всего нескольких выстрелов на четвертый половинный залп, — доложил офицер.

«Молодой нахальный щеголь», — подумал Гракино, вынимая из подлокотника капитанского трона бутылку амасака.

Не отводя взгляда от офицера, он отбил горлышко бутылки о металлический подлокотник и опрокинул все содержимое себе в глотку, обильно поливая вином подбородок и грудь. Когда бутылка опустела, он с размаху швырнул ее на пол рубки.

Еретики они или нет, но эти мерзавцы знали, как построить проклятый корабль.

Капитан Принкос Гурвелейн, сидя за одним из многих регистраторов в корабельной рубке «Святого пламени», наблюдал, как «Рубикон», теряя обломки, прорывается сквозь завесу огня бортовых батарей «Беспощадного». «Беспощадный» никогда не мог похвастаться своей артиллерией, но он открыл стрельбу по приближающемуся врагу почти в упор из всех

имеющихся орудий. Тот факт, что вражеское судно все еще двигалось, свидетельствовал о его необыкновенной прочности.

Гурвেলাйна нельзя было назвать капитаном старого образца. Его слово не было законом на корабле: эту привилегию он оставил офицеру безопасности Лорну и корабельному комиссару Гравику. Пока офицеры усердно выполняли долг, необходимости в железной руке не возникало. Гурвেলাйн же был скорее организатором офицерского корпуса «Святого пламени». Теперь в академии учили именно этому — работе в команде, ответственности и смирению.

Гигантский голопроектор создал в воздухе рубки образ вражеского крейсера со смятой кормой и потоками плазмы, текущими из разбитого реактора. Затем в сектор обзора датчиков «Святого пламени», следивших за движущимся объектом, попал «Беспощадный». Силуэт корабля проплыл по потолку рубки. Вражеский боевой крейсер продолжал двигаться прямо на Вулканис Ультор. Он не предпринимал никаких маневров и неуклонно направлялся к поверхности планеты.

— Доложите мне о повреждениях этого корабля, — сказал Гурвেলাйн.

Один из нескольких десятков офицеров инженерного состава взял вокс-передатчик:

— Капитан, у нас нет описания этого судна. Это боевой крейсер космодесантников, и его спецификаций нет в нашей базе данных.

— Выскажите свои предположения.

— Обширные повреждения носовой части, безусловные разрушения второстепенных систем. Возможно, задеты командные структуры. Один плазменный реактор пробит, мощность двигателей упала до семидесяти процентов. Потери в личном составе от тридцати до пятидесяти процентов.

— Артиллерия и аналитики! — резко оборвал его Гурвেলাйн. — Если сравняться с ним в скорости и накрыть несколькими последовательными залпами бортовых орудий, какова вероятность уничтожения корабля?

Возникла долгая пауза: артиллеристы и математики подсчитывали все факторы.

— Восемьдесят процентов, — последовал ответ.

— Отлично! Связисты, передайте в эскадрилью «Очищения» приказ занять позицию на высокой орбите на тот случай, если враг прорвется. Всем остальным: я хочу, чтобы мы развернулись параллельным курсом и были готовы открыть огонь через семь минут. После того как все это закончится, я пожму руку капитану Гракино за первичную обработку, которую они для нас провели. Всем подразделениям: выполняйте свой долг!

По приказу Гурвেলাйна офицерский корпус «Святого пламени», насчитывавший более сотни человек, мгновенно включился в работу. Отделанный деревянными панелями капитанский мостик завибрировал от бурной активности. Навигаторы прокладывали векторы курсов кораблей. Артиллеристы и механики устремились на оружейные палубы, чтобы подготовить к стрельбе огромные орудия. В машинном отделении расставлялись аварийные команды: ведь даже поврежденные орудия вражеского крейсера, при удачном стечении обстоятельств, могли разгромить жизненно важные системы «Святого пламени».

Военный корабль представлял собой прекрасное зрелище: все механизмы и все члены экипажа преследовали общую цель и были связаны общими обязанностями. От рабочих машинного отделения до командного состава во главе с самим Гурвেলাйном — весь экипаж «Святого пламени» объединился в общем порыве.

Если бы во всем Империи был такой же порядок, как на «Святом пламени», Враг навеки был бы изгнан обратно в бездну. Но в данный момент Гурвেলাйна удовлетворило бы и превращение одного боевого крейсера космодесантников в пылающие обломки.

Сквозь разрывы в грязных тучах Валинов видел в небе белые искры стрельбы, обрушенной «Святым пламенем» на «Рубикон». Ему была известна колоссальная огневая мощь «Святого пламени». Если Валинов затронул верные струны, если все нити сойдутся вместе, как им и положено, то конец близок!

Голик Рен-Сар Валинов ехал в наземном каре с открытым верхом мимо окраинных нищенских поселений, окружавших западную кромку Центрального Улья. Впереди иссохшую землю прорезали бесконечные траншеи, окаймленные колючей проволокой, прерываемые большими пластобетонными бункерами. Даже на значительном расстоянии от тыловых сооружений Валинов видел спешащих на позиции людей. Он слышал сигнальные свистки и передаваемые по воксу оповещения о боевой тревоге. Рекоба все-таки сумел организовать сплоченную оборону, а по цепи командиров уже распространилось известие о появлении врагов в пределах системы. Все знали, что противники, как и предполагал Валинов, направились сразу к Вулканис Ультору и Центральному Улью.

Наземный кар, которым управлял офицер-связист из тяжелой балурианской пехоты, обогнул тыловой склад со стеллажами лазружей, готовых к отправке в любой сектор обороны, где возникнет нехватка оружия. Валинов встал с заднего сиденья и присмотрелся к багровым вспышкам взрывов, говорящих об ожесточенном обстреле.

Последняя из культистов Лигейи сидела рядом с ним, и ее всегда напряженные мускулы время от времени слегка подергивались. Валинов позаботился, чтобы спрятать культиста на время, пока он занимался делами в особняке Рекобы. Женщина выглядела зловеще и могла свести на нет все его старания заручиться доверием кардинала. Сейчас, за пределами города, ему больше не надо было ее скрывать. Валинов должен выглядеть настоящим воином, и присутствие культиста смерти без слов напомнит окружающим о нависшей угрозе.

Офицер повернул кар на север, и Валинов увидел, что они едут вдоль участка, занятого балурианскими пехотинцами. Тяжелая пехота Балура славилась жесткой дисциплиной. Эта черта воинов, наряду с панцирными доспехами и лазружьями, приспособленными для мощной стрельбы на близком расстоянии, представляла для Валинова особую ценность. Балурианцы сделают то, что им будет приказано,— даже если им, всем до одного, придется погибнуть.

Пехотные офицеры громко отдавали приказы, расставляя отряды по позициям. Все участки обороны простреливались перекрестным огнем. Контратакующие подразделения заняли места в укрытиях, тяжелые орудия нацелили стволы на мертвую равнину. Полковой комиссар обходил строй с болт-пистолетом в руке, но Валинов знал, что дисциплинированные войска подчинятся и слову. Разве что в самом конце битвы понадобятся угрозы, но тогда это уже не будет иметь никакого значения.

Наземный кар проехал дальше на север, к химическому заводу, стоящему на белом от отходов берегу озера Рапакс. В сумрачном освещении, сменившем утреннее солнце Вулканис Ультора, заблестели ярко-красные доспехи сестер Ордена Кровавой Розы. На крыше завода Валинов заметил сестер из отделения возмездия, вооруженных тяжелыми болтерами. Воины отделения серафимов, выделяющиеся прыжковыми ранцами на спинах, стояли на коленях перед старшими сестрами. Это подразделение готовилось к контратакам в том случае, если противник прорвет линию обороны.

Канонесса Людмила привела с собой более двух сотен боевых сестер. Валинов, намереваясь осмотреть их позиции, хотел лично поблагодарить ее и еще раз предупредить о свойствах врагов. Он намеревался сказать, что у их предводителя должно быть могущественное демоническое оружие. Его необходимо захватить и передать Инквизиции для уничтожения. Людмила наверняка ему поверит, поскольку яркие вспышки стрельбы на высокой орбите подтверждали правоту Валинова.

Валинов уже победил. Сам Повелитель Перемен обещал ему это; оставалось лишь еще немного притвориться и позволить нитям судьбы сплестись вокруг него в желаемый узор. Валинов и сейчас ощущал тяжесть судьбы, нависшей над Вулканис Ультором, сковавшей свободу этого мира. Хаос сам по себе воплощал истинную свободу, торжество беспредельных возможностей души. Он давал возможность человечеству развиваться под руководством Повелителя Перемен.

Но сначала необходимо было стереть в мыслях смертных всякое представление о свободе. Только так они смогут осознать мудрость Тзинча. Человечество должно быть целиком, без остатка подчинено воле Тзинча, чтобы потом стать свободным. Людские массы никогда не смогут осознать эту единственную истину. И потому избранным — таким, как Валинов, — выпало стать инструментами воцарения Хаоса.

В небе уже можно было разглядеть силуэт «Рубикона» — осколок яркого серебра, за которым летели обломки и, словно хвост кометы, растекалась горящая плазма.

Наземный кар остановился в тылу участка Сестер Битвы. Водитель-балурианец ловко соскочил вниз и открыл дверцу для Валинова и культиста смерти. Валинов шагнул на иссохшую пыльную землю, расправил плечи. Одной рукой он придерживал противоосколочную накидку, другой — рукоять энергетического меча.

Культист смерти тотчас заняла место немного сзади, и Валинов на мгновение задумался, имела ли она представление о том, во что ввязалась. Женщина никогда не разговаривала; он даже не знал ее имени, но был уверен, что она последует за ним до самой смерти, как шла за предыдущей госпожой Лигейей.

И это тоже его устраивало. Какую бы судьбу ни готовил Тзинч для Вулканис Ультора, для исполнения его замысла потребуется много смертей.

— Рубка! — кричал Аларик, едва слыша свой собственный голос в грохоте разлетающегося на части «Рубикона».

Снаряды все еще молотили по корпусу корабля, с ревом детонировали, со скрипом отрывали пластины брони. Сквозь сотни отверстий в космос с оглушительным свистом вырывался воздух.

Аларик услышал едва различимый на фоне помех голос:

— ...докладываю о разрушениях... почти тридцать процентов...

— Мы долетим до низкой орбиты? — прокричал Аларик.

— ...разрушены системы... мощность двигателей... упала до двадцати процентов...

Аларик даже не мог разобрать, кто из команды Маллеус ему отвечал. Похоже, капитанский мостик тоже разрушен. Сколько же погибло членов экипажа? Сколько еще погибнет, пока «Рубикон» окончательно не ослепнет и не распадется на части?

«Громовой ястреб» неистово трясло в стартовой ячейке, словно он преодолевал в полете жестокую турбулентность. Серые Рыцари оставались накрепко пристегнутыми ремнями безопасности, а по всему кораблю гремели взрывы.

Внезапно на вокс-канале исчезли все помехи, и сквозь шум гибнущего боевого крейсера прорвался отчетливый голос:

— Брат-капитан Аларик, капитанский мостик разрушен. Мы настроили системы «Рубикона» на высадку десанта, но не осталось никого, чтобы откорректировать курс в случае отклонения корабля.

Аларик узнал голос офицера, командира связи, но не мог вспомнить его имя.

— Если двигатели выдержат, — продолжал командир, — мы войдем в атмосферу через шесть минут. А сейчас мы направляемся на вашу палубу, чтобы удостовериться, что двери

ангара откроются.

— Отличная работа, офицер, — сказал Аларик, снова услышав треск помех. — Как твоё имя?

— Ни у кого из нас нет имени, — донесся едва слышный ответ. — Выброс десанта через шесть минут, брат-капитан. Да защитит вас Император.

Боевые крейсеры, используемые Орденами Адептус Астартес, не несли на себе тяжелой артиллерии. Их строили ради скорости и маневренности. Основной задачей этих кораблей была быстрая и безопасная переброска космодесантников для участия в наземных операциях. Крейсеры могли выдержать чудовищные обстрелы; их прочность была сравнима с прочностью судов имперской флотилии, намного превосходящих по размерам. На «Святом пламени» подсчитали, что для полного уничтожения «Рубикона» потребуется почти весь боезапас, имеющийся в бортовых орудиях.

Однако «Рубикон» был настолько уникальным, что его нельзя было назвать обычным крейсером космодесантников. Ордо Маллеус укомплектовал его так, что корабль превосходил даже адмиральский крейсер флотилии. При постройке «Рубикона» использовались редчайшие сплавы и технологии. Даже Адептус Механикум были не в состоянии их воспроизвести.

Ордо Маллеус требовал от Серых Рыцарей почти невозможного, но и снабжал их наилучшим образом. «Рубикон» был одним из самых надежных кораблей, летавших со времен Темной Эры Технологии.

Танец «Святого пламени» и «Рубикона» подвел их к первым слоям атмосферы Вулканис Ультора. Разреженный воздух зажег длинные яркие ленты вокруг снарядов, вылетающих из орудий правого борта атакующего корабля. «Рубикон», соприкоснувшись с атмосферой, весь расцвел огненным цветком; пламя обтекало его бока, сливалось с горящим воздухом из разбитого носа и било фонтаном из простреленных двигателей. Второй реактор тоже взорвался и залил пылающей плазмой весь машинный отсек. Затем оторвался такой огромный фрагмент корпуса, что «Рубикон» стал вдвое короче. Из пробоины продолжали вылетать обломки и тела погибших членов экипажа. Когда рванул склад боеприпасов, грохот поглотил все остальные звуки. «Рубикон» начал разваливаться.

«Святое пламя» вышло из игры, опасаясь, что сгущающаяся атмосфера расплавит внешнюю оболочку корпуса. Но «Рубикон» был крепче, и последние двигатели продолжали толкать остатки корабля вниз — в атмосферу, где можно было выбросить десант.

Для того чтобы расстрелять «Рубикон» еще одним бортовым залпом, «Святому пламени» пришлось бы спуститься по длинной дуге ниже, войти в атмосферу и не отставать от крейсера. Но на этот маневр могло уйти до двадцати минут, и к тому моменту стало бы слишком поздно для удара. Капитан Гурвелайн приказал прекратить погоню.

В конечном счете «Рубикон» окончательно сбила эскадрилья «Очищения», поджидавшая своего часа в верхних слоях атмосферы. Боезапаса трех кораблей класса «Меч» было вполне достаточно, чтобы сбросить на поверхность планеты обломки крейсера, а при небольшом везении хватило бы и одного корабля. Но у них оставалось мало времени. В любую секунду «Рубикон» мог отстрелить десантные капсулы, полные космодесантников-предателей, и тогда разбитый корабль утратил бы свое значение.

Для капитана «Очищение-Бета» — ведущего в этом подразделении — не осталось никаких сомнений. Капитан Масрен Тал был благочестивым имперцем, рожденным на флоте и заслужившим место в рубке усердной службой, длившейся всю его жизнь. Тал всегда знал, что в один из дней должен погибнуть, исполняя волю Императора. Он дал клятву Императору (который все видит и все слышит), что в назначенный час не заставит себя ждать.

Масрен Тал был уверен, что его офицеры и весь экипаж согласились бы с ним, если б у него осталось время им все объяснить. Он без малейших колебаний приказал разогнать «Очищение-Бета» до предельной скорости.

Заработали двигатели «Грозового ястреба», но их было едва слышно сквозь рев пламени, объявшего «Рубикон» в атмосфере Вулканис Ультора. Аларик хотел было призвать десантников по воксу крепиться и беречь веру, но решил, что его голос вряд ли кто услышит, а потому оставил воинов молиться самостоятельно.

«Громовой ястреб» немного наклонился в зажимах; моторы взревели, готовые бросить судно вперед, как только крепления откроются. Всю кабину, после первых же сигналов тревоги, залил красноватый свет. Аларик мог видеть суровое лицо Танкреда. Правосудор прижал руку к копии «Истребления демонов», которая всегда находилась в нагрудном отделении его доспехов, и шевелил губами, неслышно читая молитву ненависти к врагам.

Связаться с Санторо или Генхайном не было никакой возможности: в канале вокс-связи царила сушая неразбериха из-за помех. Аларик не мог даже подать сигнал члену экипажа Маллеус, находившемуся в рубке «Грозового ястреба». Он уже понял, что пилот — возможно, единственный из команды Ордо Маллеус, кто остался в живых на «Рубиконе».

Как много людей погибли ради продолжения борьбы! Сколько перенесено страданий ради того, чтобы Серые Рыцари могли выполнить долг. Можно подумать, что Хаос уже победил... Но подобные мысли как раз и подталкивали людей в объятия Хаоса. Аларик торопливо прочел молитву раскаяния.

Позади «Грозового ястреба» прогремел оглушительный взрыв. Затем — ужасающий скрежет разрываемого металла. В корабль явно врезалось нечто огромное. А может, сопротивление атмосферы оказалось непосильным для исковерканного корпуса и «Рубикон» развалился пополам.

«Громовой ястреб» и десантные капсулы этого не выдержат. Двигатели вытолкнут «Грозового ястреба» вперед и разобьют о двери ангара: на «Рубиконе» не осталось никого, кто мог бы проследить за открытием люков. Десантные капсулы останутся запертыми в зажимах, пока не разобьются вместе с крейсером о поверхность Вулканис Ультора. Серые Рыцари погибнут — и Гаргатулот с самого начала знал, что этим все закончится.

Аларик приложил руку к своей копии «Истребления демонов», спрятанной в нагруднике, и помолился, чтобы кто-нибудь отомстил за него.

Но вот «Громовой ястреб» рванулся вперед, и Аларика прижало спиной к сиденью. Ближайший к нему иллюминатор с щелчком открылся, и капитан увидел, как уносится назад пусковая палуба — цистерны с горящим прометием, обожженные исковерканные тела, пробоины в обшивке, сквозь которые вылетают клубы черного дыма...

А затем грохот и скрежет гибнущего корабля остался позади, и стал слышен только рев двигателей «Грозового ястреба». Аларик вытянул шею посмотреть, как удаляется «Рубикон», и заметил, что пусковая палуба, где несколько мгновений назад стоял «Громовой ястреб», вся объята пламенем. Внезапно в корпус «Рубикона» врезался нос другого корабля и прорезал боевой крейсер, словно ножом. От сильного удара его собственный корпус раскололся надвое и прогремели новые взрывы.

Аларик не видел, как взорвался «Рубикон», но почувствовал ударную волну, тряхнувшую снижающийся «Громовой ястреб». Рыцарь понял, что разрушен последний плазменный реактор. Цепная реакция превратила оба корабля в один огненный шар, как будто на небе Вулканис Ультора зажглось новое солнце.

— ...капсула спускается... — донесся по воксу обрывок рапорта то ли Санторо, то ли

Генхайна.

Значит, один из них уцелел. А может быть, и оба, если оставшиеся в живых Маллеус успели открыть ангар. Теперь, конечно, из всего экипажа «Рубикона» никто не выжил.

— Боевые братья! — закричал Аларик, перекрывая шум двигателей. Серые Рыцари, оторвавшись от молитв, посмотрели на командира. — Гаргатулот может решить, что мы все погибли. И я намерен показать ему, что это не так. Но хотя мы сейчас живы, многие из нас наверняка погибнут. Теперь давайте помолимся, как будто это наше последнее обращение к Императору.

Серые Рыцари склонили головы.

— Я — молот! — начал Аларик. — Я — меч в Его руке...

Канонесса Людмила спешила по тесным извилистым траншеям на передовую линию обороны. При встрече с отделениями боевых сестер она по пути коротко благословляла их на бой. Повсюду царила гнетущая тишина, но Людмила повидала немало битв и знала, что за обманчивым спокойствием в душах горит праведный гнев.

Она миновала очередной поворот. Впереди открылся окоп, затянутый по наружному краю колючей проволокой. На этом рубеже обороны Людмила расположила почти сотню сестер. Они представляли собой нерушимую скалу, о которую должна разбиться атака врагов. Сестры отлично умели отражать массированные атаки. Силовые доспехи и болтеры позволят им продержаться достаточно долго, чтобы дожидаться контратаки отделения Серафимов.

Тишина на позициях только подчеркивалась едва слышными молитвами. Каждая сестра знала на память множество страниц из молитвенника; многие зашивали эти священные тексты в рукава или накидки, надеваемые поверх доспехов. Вера служила им щитом и оружием, была их образом жизни.

Сестры укрывались за высоким краем окопа. В пересечениях траншей стояли тяжеловооруженные воины — сестры с усиленными болтерами или с мультимелтами, так что отдельные прорывы атакующих были обречены на провал. Для защиты от танков врага в землю было врыто несколько бронированных машин. Танк «Экзорцист» стоял таким образом, чтобы его орудия могли накрыть ракетным залпом широкие окопы, если противник их займет.

Старшие сестры деловито занимались последними приготовлениями к битве. Они сдержанно отдали честь канонессе, спешившей занять место на передовой линии. Людмила подключилась к вокс-каналу, чтобы ее услышал весь отряд из двух сотен сестер.

— Император — наш отец и наш защитник, — начала Людмила, цитируя духовные откровения благочестивой святой Мины, в честь которой тысячу лет назад и был основан Орден Кровавой Розы.— Но и мы должны защищать Императора, поскольку он есть человечество, и человечество есть не что иное, как вера и усердие во имя Императора. Оскорбление веры есть оскорбление Императора и каждого гражданина Империиума. И наш величайший долг — это поддержка веры. Но одной поддержки недостаточно: мы должны бороться против тех, кто оскорбляет веру человечества своей ересью. Мы призваны вести нескончаемую войну за душу Империиума. И хотя может показаться, что борьба эта никогда не закончится, победа есть даже в самом жестоком поражении. Лучшее подтверждение нашей веры — жертва. Мы жертвуем собой, защищая души человечества. И это тоже победа; она сильнее любого зла, причиненного еретиками. А значит, в каждом сражении заключен сияющий триумф, которого не может омрачить ни один изменник или отступник.

Людмила помолчала, давая время словам, произнесенным святой Миной на смертном ложе, проникнуть в души сестер. Каждая из них не раз слышала эти откровения. Но теперь, в тишине перед боем, они затрагивали души как никогда раньше.

Затем канонесса Людмила запела негромким скорбным голосом:

— *A spiritus dominatus, domine, libra nos...*

Заслышав высокий готик начальных строк, сестры поддержали пение канонессы в Боевом Гимне Империиума:

— От молний и бури огради нас, наш Император...

На главную молитву Империиума тотчас откликнулись все сестры и стали подпевать:

— От мора, обмана, искушения и войны, огради нас, наш Император...

Сестры из отделения Серафимов в задних окопах и звенья Возмездия вокруг химического завода — все подпевали гимну. Пели экипажи танков и сестры-госпитальеры на мобильных пунктах помощи вдоль всей линии обороны. Их голоса эхом отдавались в воксе. Даже сестры-ассистенты в штабе кардинала Рекобы запели, укрепляя сердца, чтобы вера оказалась соразмерна долгу:

— От нашествия Врага огради нас, наш Император...

Те из солдат на соседнем участке, кто знал Боевой Гимн Экклезиархии, тоже присоединились к пению. Молитву, начатую в северном секторе, поддержали сотни голосов, и образовавшийся хор наполнил загрязненный воздух верой и надеждой.

Пение еще не закончилось, когда обломки «Рубикона» рухнули на окопы балурианцев.

Чтобы остаться незамеченным противовоздушными батареями, «Громовой ястреб» спустился к самым плоскогорьям Вулканис Ультора. Аларик видел, как под мутно-серым небом быстро несутся плоские пыльные равнины иссохшей, безжалостно отравленной химическими отходами, лишенной всякой жизни земли. Все вокруг выглядело унылым и голым. Ни один человек не мог бы выжить среди барханов пепла и ядовитых сточных канав, впадающих в реки.

Аларик проверил метки на встроенном в доспехи приборе. Маячки десантных капсул работали — значит, отделения Санторо и Генхайна тоже спускались, и достаточно близко друг от друга, чтобы точка между ними могла служить пунктом общего сбора. «Громовой ястреб» не мог подлететь ближе к линии обороны. У Серых Рыцарей не было никаких транспортных средств — так что до озера Рапакс придется добираться пешком.

Недолгий осмотр с мостика «Рубикона» показал, что северный участок обороны достаточно хорошо укреплен и космодесантникам придется нелегко. Гаргатулот обо всем позаботился.

О месте захоронения святого Эвиссера Аларик знал только одно: оно расположено на берегу озера Рапакс. Серевик больше ничего не мог добавить. Все остальное придется выяснять на месте, как трудно ни было бы до него добраться.

— Сколько еще лететь? — спросил Аларик, перекрикивая рев двигателей.

— Тридцать секунд! — крикнул в ответ пилот Маллеус.

Аларик попытался вообразить, что чувствует пилот, зная, что все его коллеги погибли в огненном шаре, едва не поглотившем и «Громовой ястреб». Но кто знает, о чем может думать человек, у которого нет даже собственного имени? Когда ради службы Ордо Маллеус его разум лишен всего, что придает существу человеческие свойства...

Задний борт «Громового ястреба» отошел назад и вниз. В проеме стали видны быстро убегающая назад земля и вихри пепла, поднятые выхлопными струями двигателей. Равнина быстро приближалась. На земле наверняка много артиллерии — возможно, даже «Ординатус», готовый уничтожить Серых Рыцарей еще до начала атаки. Им придется двигаться как можно быстрее: каждый момент, пока они не доберутся до озера Рапакс, грозит гибелью.

Аларик еще с «Рубикона» пытался связаться с Вулканис Ультора, чтобы предупредить о прибытии Серых Рыцарей, действующих от имени Инквизиции. Но после первых же позывных все каналы связи оказались закрытыми. Защитники были убеждены, что Серые Рыцари являются передовым отрядом Хаоса, и не шли на переговоры из опасений подвергнуться влиянию ереси. Единственным способом добраться до цели теперь оставалось пробиваться с боями, и Аларик уже ощущал на своих руках кровь имперцев.

Резкий запах химикатов, пропитавших воздух Вулканис Ультора, заполнил кабину.

— Мы приземляемся, приготовиться к высадке!

Воины отделений Аларика и Танкреда быстро отстегнули ремни безопасности. «Громовой

ястреб» развернулся и стал заходить на посадку. Серые Рыцари напряженно следили, как приближается земля.

Аларик первым выпрыгнул из корабля, за ним последовали все воины. Отделение Танкреда тоже быстро выгрузилось; тяжелые тела в доспехах терминаторов оставили на поверхности небольшие вмятины. Правосудор Танкред нес меч Мандулиса. Отполированное до зеркального блеска лезвие казалось до странности ярким в полумраке поднятых облаков пепла и пыли.

— Улетай отсюда! — приказал по воксу Аларик пилоту Маллеус — несомненно, последнему оставшемуся в живых члену экипажа боевого крейсера. — Перебирайся на запад.

Пилот ничего не ответил. Машина слегка присела при развороте, затем двигатели взревели, и «Громовой ястреб» взлетел, оставив после себя клубящийся шлейф пепла.

Аларик взглянул на метки в приборе обнаружения. Огоньки горели ярко — значит, десантные капсулы где-то поблизости.

— Генхайн, Санторо, мы приземлились, — передал по воксу Аларик.

— Генхайн приземлился, — раздался голос правосудора. — Мы готовы выступить.

— Санторо приземлился, — доложил второй правосудор.

— Мы направляемся к вам. Займите оборону и будьте готовы...

Аларик не успел договорить. Сквозь пелену пыли пробился оранжево-розовый свет. Что-то, горящее небывало ярким пламенем, пронзило серо-сизую пелену туч Вулканис Ультора. Казалось, что этот предмет падает неправдоподобно медленно. Стало видно, что его нижняя часть раскалилась добела, а следом тянутся огромные языки огня. Аларик услышал шум, словно поднялась буря, а затем узнал очертания исковерканного и оплавленного двигателя «Рубикона».

— Всем космодесантникам немедленно в укрытие! — закричал он в вокс и упал на растрескавшуюся землю.

Колоссальная белая вспышка налетела яростной волной. Рев усилился; по равнине прокатилась ударная волна, как будто от взрыва очень мощной бомбы, и на Серых Рыцарей обрушился горячий ураган. Рев оглушал, словно взвыла целая армия демонов. Внезапно огонь в небе погас. Тучи пепла и разбитых в пыль скал взметнулись над землей, окутав все вокруг толстым непроницаемым одеялом. На Вулканис Ульторе стало темно, как ночью. Обжигающая буря бушевала над затаившимися космодесантниками. Отголоски ударной волны непрерывно сотрясали землю. Канал вокс-связи забили помехи, слабое солнце полностью скрылось из виду. Вместо неба над головами кружились мрачные тучи пыли и пепла.

— Ко мне, Серые Рыцари! — во всю силу легких закричал Аларик. — Скорее! Собирайтесь вместе!

Серые Рыцари не должны оставаться там, где их могут обнаружить. Они — лучшие воины в Галактике; но на открытом пространстве они представляют собой слишком удобную цель.

Из темноты показался Танкред. Меч Мандулиса в его руке сверкал так ярко, что, казалось, был объят пламенем. Следом появились братья-терминаторы.

— Мы здесь, брат-капитан, — угрюмо прокричал командир отделения.

Аларик собрал свое отделение и вместе с Танкредом устремился навстречу Генхайну и Санторо, к озеру Рапакс.

Если бы весь боевой крейсер пылающим метеором врезался в поверхность Вулканис Ультора, он на долгие десятилетия погрузил бы мир в зиму и уничтожил целые экосистемы. Упавшая секция «Рубикона» заключала в себе лишь небольшую часть его веса, и двигатель долгое время расходовал топливо, чтобы десант мог благополучно достичь поверхности. Потому удар не уничтожил весь Центральный Улей и большую часть окружающей равнины.

Но для защитников города это было слабым утешением. Рухнувшая секция угодила в

южный участок оборонительных укреплений, занятый балурианской тяжелой пехотой. Эффект оказался куда более разрушительным, чем от огромных снарядов «Ординатус», построенных Адептус Механикум. Даже артиллерийский обстрел с орбиты не мог бы вызвать таких последствий.

Тепловое излучение и ударная волна уничтожили большую часть отряда балурианцев. Сотни людей захлестнуло потоками пепла и пыли, обрушившимися на окопы. Три километра укреплений — от передней линии до тыловых складов — были стерты с лица планеты. Командный пост испарился вместе с полковником Гортцем и почти всем его штабом. Сестры-госпитальеры погибли на пунктах помощи. Склады оружия и боеприпасов взорвались фонтанами огня и шрапнели.

Стоящий за позициями балурианцев «Ординатус» тоже был выведен из строя: шквал обломков взорвавшейся секции «Рубикона» оторвал дуло и зарядную часть гигантского орудия.

Плазменные реакторы не взорвались только потому, что их содержимое выплеснулось еще на высокой орбите, когда «Очищение-Бета» развалил боевой крейсер надвое. Вместо вспышки ослепительной плазмы внезапно наступила темнота; громадная масса земли и пепла взметнулась до уровня крайних конусов Центрального Улья, а затем осыпалась вниз. Шквал обломков и земли засыпал ничейную территорию перед окопами, накрыл южный участок укреплений балурианцев и северный — почти до озера Рапакс. Засыпало и окраины Центрального Улья. Многие люди оказались похороненными, многие задохнулись, а остальные откапывались из куч пепла, проникавшего буквально повсюду.

Северная оконечность оборонительных сооружений была окутана тьмой, словно уже наступила ночь. К югу почти все было целиком разрушено: линии связи разорваны, бункеры снесены ударной волной, боеприпасы и горючие материалы уничтожены взрывами. Защитниками овладело смятение. Лишь самые стойкие и мощно экипированные воины были готовы сражаться с теми, кто наступал столь решительно.

Этими воинами были боевые сестры Адепта Сороритас.

Сквозь темноту Аларик заметил правосудора Санторо с болтером в руке, готового стрелять. Остальные четверо десантников его отделения тесной группой затаились под прикрытием лепестков развернутой десантной капсулы. Подойдя ближе, Аларик хлопнул правосудора по спине:

— Я рад, что ты благополучно приземлился.

Санторо хмуро кивнул:

— Ночь наступила слишком рано. Похоже, мы правильно выбрали место.

В полумраке показался Генхайн. Если бы не усиленное зрение космодесантника, Аларик мог его и не заметить.

— Лахис ранен, — произнес Генхайн.

Бокс все еще был забит помехами, так что Аларику приходилось изо всех сил напрягать голос:

— Серьезно?

— Раздробил ногу при посадке. Ее не спасти.

Аларик увидел брата Гренна и брата Ондурину, помогавших Лахису передвигаться. Нижняя часть правой ноги Серого Рыцаря была исковеркана. Сквозь трещины доспехов виднелись осколки костей. Обыкновенный человек на его месте давно потерял бы сознание.

— Десантник, ты можешь сражаться? — спросил Аларик.

— Да, — ответил Лахис. Он был сравнительно молодым Серым Рыцарем, всего два года назад переведенным из новичков в отделение Генхайна. — Но я не могу бежать.

— Твои братья будут тебе помогать, пока мы не доберемся до линии фронта. После этого придется передвигаться своими силами. Ты будешь прикрывать нас огнем болтера.

— Понял, брат-капитан.

— Мы оставим тебя одного. Ты вряд ли уцелеешь в бою.

— Я все понял.

Аларик взгляделся в бушующую пыльную бурю. Он не мог рассмотреть перерабатывающий химический завод, отмечавший береговую линию озера Рапакс, но чувствовал, как его притягивает центр сплетенной Гаргатулотом паутины.

— Вокс забит помехами. Нам его не восстановить, так что держитесь рядом, чтобы не удаляться за пределы слышимости. Оборону держат граждане Империиума, но, пока жив Гаргатулот, они — наши враги. Мы отомстим за их гибель, как только доберемся до Тысячеликого Принца.

С этими словами Аларик устремился в темноту. За ним поспешили все Серые Рыцари. Каждый из них думал, сколько еще понадобится смертей, чтобы закончить борьбу и отомстить Гаргатулоту за гибель невинных людей.

Канонесса Людмила пригнулась к земле в окопе первой линии. Имплантированные дыхательные фильтры с трудом задерживали поток пыли и пепла, не давая грязи проникнуть в легкие. Некоторые сестры, защищая глаза от пыльной бури, надели на головы шлемы со священными рисунками. Людмила редко надевала шлем, предпочитая как можно отчетливее видеть врага, чтобы сильнее его ненавидеть.

Вдоль траншеи к канонессе подбежала сестра Лакрима, командующая отделением Серафимов.

— Удар пришелся по балурианцам! — крикнула она. — Они в полном смятении. Штаб Гортца исчез. Мы остались одни.

— Ты видела, что это было?

Лакрима остановилась рядом с канонессой. Лицо старшей сестры пересекали струйки пота, смешанного с пылью; блестящие красные доспехи потускнели от пепла.

— Оно упало с неба. Кое-кто из сестер даже подумал, что экипаж «Ординатуса» нас предал. Оно было похоже на метеор. Наверно, какое-то хитроумное оружие Врага.

— По милости Императора, и сам Враг мог погибнуть внутри этого снаряда.

— Вряд ли его план так прост, — мрачно заметила сестра Лакрима.

— А вот здесь ты права, — ответила Людмила и достала инферно-пистолет.

Где-то дальше по траншее раздались выстрелы из тяжелого болтера. Резкие щелчки проткнули глухой гул бури.

— Враг приближается! — раздалось из окопа.

— Как далеко враги? — закричала Людмила, повернувшись к стрелявшим сестрам.

— Близко! Нам почти ничего не видно, но это определенно космодесантники!

Десантники Хаоса. А при такой плохой видимости сестрам придется сражаться с ними лицом к лицу, без поддержки отделения Возмездия, расположившегося на крыше завода.

— Лакрима, выведи сестер на первую линию. Мы не можем отступить, будем сражаться здесь.

— Да, канонесса.

Старшие сестры заканчивали читать молитвы перед боем. Людмила ощутила, как ее охватывает напряжение, но оно было вызвано не сомнениями, а долгим боевым опытом. Так бывало перед каждой битвой: под покровом темноты, окутавшей Вулканис Ультор, напряжение должно излиться кровавым ливнем.

Ударили выстрелы болтеров космодесантников. В ответ раздался грохот тяжелых болтеров сестер Кровавой Розы, ловивших едва видимые цели. Космодесантники обладали полным набором авточувств — это давало им колоссальное преимущество, тогда как сестры не имели шансов прицелиться в удаленного противника.

— Сестры! — воскликнула Людмила. — За Трон во веки веков! Вперед!

Аларик увидел, как из окопов поднимаются первые защитники города. Они тяжело переваливались через ряды колючей проволоки и стреляли из болтеров, прочерчивая снарядами в темноте красно-белые цепочки. Он рассмотрел красные доспехи и черные накидки и знамена с образами и символами Ордена Кровавой Розы.

Сестры! Гаргатулот вывел их против Сестер Битвы. Гнусный план принца-демона становился все яснее. Сестры были преданными, благочестивыми и прямодушными солдатами имперской церкви; они не раз сражались под командованием Инквизиции.

Но времени для колебаний не осталось. Сейчас некогда думать о милосердии. Сейчас перед ним только враги.

Едва первые болтерные снаряды ударили в доспехи, Аларик перешел на бег, направляясь на окопы первой линии. Болтерная стрельба грохотала со всех сторон, доспехи едва выдерживали удары, и воздух дрожал от пролетающих снарядов. Аларик с разбегу бросился в бой. Ударами алебарды Немезиды он отбросил первую сестру и отсекал руку второй. Из темноты на него смотрели полные ненависти глаза, и повсюду сквозь грохот стрельбы слышались громкие молитвы Императору. Рядом с Алариком вступил в бой Дворн: его молот Немезиды, сверкнув, словно молния, опрокинул еще одну сестру.

Танкред сильными ударами разбрасывал нападавших сестер в стороны, расчищая себе путь. Огнемет брата Карлина выбросил мощную струю пламени, чтобы пробить проход. В ответ запылали огнеметы сестер. Вокруг отделения Танкреда стало светло от огненных вспышек, словно Серые Рыцари сражались с боевыми сестрами в преисподней.

Десантники Аларика продвигались вперед вслед за командиром. Алебарда брата Клостуса столкнулась с энергетическим мечом старшей сестры, не перестававшей даже во время сражения выкрикивать девизы Имперского Кредо.

Резким ударом сверху вниз она рассекла грудь Клостуса, а второй рукой обрушила мощный удар в его лицо, опрокинув на спину в разлетающийся пепел.

Аларик не мог останавливаться. Он должен был двигаться вперед.

Стрельба грохотала со всех сторон. В бой включились воины отделения Генхайна, и тотчас раздалась залпы тяжелой псипушки. Воины оставили брата Лахиса с исковерканной ногой где-то позади, и он, отыскав укрытие, поддерживал своих товарищей яростным огнем болтера.

Сразу после отделения Генхайна к линии обороны подбежали воины Санторо. Они спрыгнули в окопы на пересечении двух траншей. Этот участок должен был простреливаться сестрами из тяжелых орудий, но в кромешной тьме оказалось невозможно прицелиться. Аларик видел лишь цепочки болтерных снарядов, словно праздничным фейерверком освещавшие схватки на коротких дистанциях. Сам он все еще оставался на открытом пространстве и был очень уязвим. Аларик побежал по следу, прожженному огнеметом воинов Танкреда, и увидел правосудора, стоявшего чуть ли не по колено в горящем прометии. Огнеметы сестер изрыгали струи пламени через край окопа.

Руна Клостуса исчезла с дисплея на краю сетчатки Аларика: космодесантник или погиб, или был слишком далеко, чтобы маячок его доспехов мог пробиться сквозь помехи. В любом случае он был уже потерян.

Аларик заметил воина из отделения Санторо — скорее всего, брата Джаэгноса. Он стоял на

коленях, а покрытые вмятинами доспехи дымились от множества болтерных пробоин. Он все еще вел огонь из болтера, но алебарда Немезиды лежала рядом с ним на земле. Аларик успел заметить, что рука, в которой Джаэгнос обычно держал освященное оружие, превратилась в кровавые лохмотья. В следующее мгновение вокруг десантника взметнулся пепел, поднятый стрельбой разъяренных сестер.

— Вперед, рыцари! — закричал Аларик. — Вперед!

Внезапно по наплечнику ударил болтерный снаряд, и все плечо загорелось от боли. Танкред, выделявшийся черным силуэтом на фоне пламени, прорвался сквозь путаницу колючей проволоки и, выкрикивая боевые молитвы, спрыгнул в окоп. Аларик стряхнул пелену боли и тоже рванулся к траншее. Сестра, встретившая его сразу за колючей проволокой, увернулась от его оружия и сумела прикладом болтера нанести удар по лицу.

Аларик схватил ее за ворот силовых доспехов, поднял над землей и швырнул в жидкий огонь, горящий под ногами. Сестра упала на колени, и пламя охватило ее с ног до головы. Она попыталась выстрелить, но Аларик ударом алебарды снес ей голову.

Менее закаленный человек мог бы сломаться. Но только не Серый Рыцарь. Если Аларик, убивая благочестивых сестер, поддастся отчаянию, Гаргатулот вновь будет торжествовать победу.

Капитан прорвался сквозь колючую проволоку и нырнул в окоп. На дне траншеи лежали тела убитых — простреленные болтерными снарядами или заколотые оружием Немезиды. Танкред все еще сражался, и меч Мандулиса, несмотря на вихри пепла и пыли, сверкал осколком зеркала. В стробоскопических огнях стрельбы Аларик увидел, как брат Локат вонзил лезвие алебарды в грудь одной из старших сестер.

Окопы давали космодесантникам шанс на спасение, укрывая от обстрела сестер, находившихся в тылу. Превосходные доспехи и навыки рукопашного боя создавали дополнительное преимущество.

— На север! — крикнул Аларик. — Как можно скорее на север!

Впереди раздалась стрельба из тяжелых болтеров. Санторо выкрикнул приказ своим воинам: укрыться в нишах и землянках. Танкред в усиленных доспехах терминатора выступил вперед, принимая огонь на себя. Даже усиленное зрение космодесантника не помогало Аларику разглядеть, что происходит впереди. На слух он мог только различить свист снарядов, их удары по стенам траншеи и грохот тяжелого болтера. Еще трещали керамитовые доспехи, свистел в воздухе меч Мандулиса, да где-то шипела струя вылетающего из огнемета прометия.

Внезапно в этом шуме появился новый звук. В воздухе взревели двигатели, пронеслись над их головами по широкой дуге и опустились среди воинов Аларика и Генхайна, в тылу группы Серых Рыцарей.

Едва Аларик это услышал, как тут же узнал вой прыжковых ранцев. Он понял, что не успеет разглядеть противника за низкой завесой пепла, как серафимы нанесут удар сзади. Их сдвоенные болт-пистолеты наполнят узкую траншею морем шрапнели. И еще он знал, что элитное подразделение сестер состояло из самых сильных воинов, бесстрашных и искусных в ближнем бою. Серым Рыцарям, для того чтобы выжить, придется убить этих храбрых и верных слуг Императора.

Старшая сестра серафимов ринулась ему навстречу с энергетическим мечом в руке. Аларик успел отвести клинок, но сестра налетела на него, и он ощутил горячее дыхание, вылетающее сквозь стиснутые зубы. Сила удара возросла благодаря инерции прыжкового ранца, и Аларик, покачнувшись, упал на спину. Он сумел перехватить клинок сестры той рукой, в которой была алебарда, но сестра коленом прижала его руку с болтером и с размаху опустила локоть на челюсть Аларика. От сильного удара у него закружилась голова. Аларик изо всех сил рванулся

— пока сестре не пришел на помощь еще кто-нибудь из серафимов и не изрешетил капитана болтерным огнем.

— От проклятий павших... — не переставала бормотать сестра, нанося удар за ударом.

— ...огради нас, Император, — выдохнул Аларик.

При звуках Боевого Гимна Империи старшая сестра на долю секунды замерла. Этого мгновения Аларик хватил, чтобы выдернуть руку и мощным ударом отбросить сестру к противоположной стенке окопа. Он ощутил, как хрустнула ее челюсть; если бы не сломалась челюсть, возможно, треснула бы шея.

Подбежавший Дворн ударил сестру по руке, но болт-пистолет выпустил очередь снарядов в нагрудник Серого Рыцаря. Доспехи отразили удар, рассыпав вокруг снопы искр, а Дворн отшатнулся. Руки брата Ликкоса были заняты псипушкой. Он попытался ногой сбить серафима на землю, но сестра проворно отпрянула. Выстрел Дворна только выбил из стены траншеи фонтан светящейся земли. Остальные сестры вслепую стреляли по окопу сверху, и их снаряды налетали со всех сторон. Отделение Генхайна было занято сражением с другими серафимами, а с севера доносились оглушительные разрывы: там Танкред и Санторо столкнулись с тяжелыми болтерами отделения Возмездия и экипажами врытых в землю танков.

Воздух пропитался кровью, дымом и запахом пота. Пепел носился повсюду, темноту прорезали лишь вспышки снарядов и взрывов. Казалось, все вокруг было захвачено адским ураганом.

Старшая сестра с разбитыми в кровь губами поднялась на ноги.

— От нашествия демонов! — вскричал Аларик сквозь грохот сражения, не опуская нацеленного на сестру болтера. — Огради нас, Император!

За спиной Аларика послышался шум схватки, и он увидел, как через колючую проволоку на Серых Рыцарей прорывается еще одна из сестер. Вьен попытался ее оттолкнуть, но она оказалась проворнее. Отбив его алебарду согнутой рукой, она столкнула его почти на Аларика. Аларик снова повернулся к цели, но внезапно увидел перед собой дуло инферно-пистолета.

— От проклятия мутации... — медленно произнес он.

Аларик заметил, что доспехи старшей сестры отделаны золотыми символами Екклесиархии. На рукавах вышиты слова молитвы на высоком готике, а на щеке видна татуировка розы. Еще он рассмотрел на морщинистом лице несколько тонких шрамов, видимо оставленных медиками после операции реконструкции.

— Серый Рыцарь, — сказала канонесса. — Покажи свою книгу.

Аларик позволил себе опустить болтер, открыл маленькое отделение в нагруднике и достал небольшой томик «Истребления демонов».

— Прочти из нее, — велела сестра.

Аларик открыл изрядно потрепанную страницу.

— Природа демона такова, что благочестивый человек не всегда может ее определить, но, определив, должен с ним бороться, — торопливо прочел капитан, ощущая вокруг дыхание смерти, слыша стрельбу штурм-болтеров Серых Рыцарей, лязг клинков по керамиту и взрывы. — А потому Врага должно узнавать не по рассуждениям, а по аллегориям и притчам...

— Сестры! — воскликнула канонесса, и Аларик понял, что она обращается к своим товарищам по воксу. Вероятно, где-то в тылу у сестер имелась вокс-трансляционная станция, которая помогала поддерживать связь. — Прекратить огонь! Всем немедленно прекратить огонь!

— Серые Рыцари, прекратить огонь! — откликнулся Аларик. Впереди, где находилось отделение Танкреда, в траншее прогремел еще один взрыв. — Танкред! Немедленно прекрати стрельбу! Все подтягивайтесь ко мне!

Аларик огляделся. Серафимы стояли позади него, нацелив на рыцарей болт-пистолеты. Еще несколько сестер поднялись на край окопа и тоже прицелились в Аларика. Серые Рыцари постепенно окружили его; они тоже держали наготове штурмболтеры и оружие Немезиды. Аларик заметил, что из нескольких пробоин в доспехах Ликкоса течет кровь, а нагрудник Дворна покособился и дымится. Воины Генхайна пострадали меньше, но все же были покрыты ранами и царапинами от пуль. На земле лежали несколько раненых или убитых сестер; земля на дне траншеи пропиталась кровью.

Одна из боевых сестер помогла канонессе подняться на ноги. Ее лицо побелело от потрясения, но в глазах уже не было ненависти.

— Правосудор? — спросила канонесса.

— Брат-капитан, — отозвался Аларик. — Исполняющий обязанности.

— Боюсь, в этой сумятице произошла ужасная ошибка.

Канонесса опустила взгляд на тела лежащих сестер. Как хорошо она ни владела бы своими чувствами, полностью скрыть горечь потери не удалось.

— Здесь не было ошибки, — возразил Аларик. — Причина всех возмущений на Шлейфе находится здесь, на Вулканис Ульторе. И чтобы ее скрыть, Враг использовал имперские войска. Этот Враг рассчитывал, что никто из защитников не слышал о Серых Рыцарях, но, как я полагаю, он ошибся.

— Мой Орден служил при инквизиторе Карамазове в районе Потока Тигуриана. Серые Рыцари тоже были там, хотя мне и не довелось сражаться рядом с ними. Вам повезло, что я вас узнала. — Канонесса опустила инферно-пистолет. — Канонесса Людмила Кармина, Орден Кровавой Розы.

— Брат-капитан Аларик. Ваши сестры защищают озеро Рапакс?

— Вряд ли оно стоит того, чтобы его защищать. Мы занимаем позиции на фланге обороны, а на озере стоит только химический перерабатывающий завод.

— Больше на озере ничего нет?

— Нет, только завод.

— А вы были внутри?

Людмила покачала головой.

— Валинов предупредил нас, что внутри находятся опасные химические вещества.

Аларик остолбенел.

— Инквизитор Валинов?

— Да. Вы знакомы с ним?

Аларик задумался. С чего же начинать объяснения? Но, видя, что честная канонесса ждет ответа, он решил сказать всю правду:

— Валинов наш враг. Он был приговорен к смерти Ордо Маллеус, но сумел скрыться. Эта неразбериха — его рук дело. Он приказал вам оборонять завод, поскольку именно там должен возродиться его хозяин.

— Но Валинов — инквизитор, — решительно заявила канонесса, и Аларик понял, что еще не до конца завоевал ее доверие. — Он действует с благословения кардинала Рекобы и всех жителей Вулканис Ультора. А вы убили несколько моих сестер и чуть не убили меня. Серый Рыцарь ты или нет, но ты требуешь слишком высокого доверия в такой короткий срок.

— Мы не агрессоры, — сказал Аларик. — Первые выстрелы прозвучали с вашей стороны.

Людмила оглянулась на юг, где под слоем пепла еще рдели остатки рухнувшего корабля:

— Балурианские пехотинцы могли бы это оспорить, брат-капитан.

Танкред протолкнулся ближе к Аларику. Серворегуляторы его терминаторских доспехов работали с полной нагрузкой, керамитовые пластины почернели от копоти и пропахли

прометием.

— Канонесса, — угрюмо произнес он. — Ваши сестры отлично сражаются. Но я хотел бы убедиться в этом другим способом.

Людмила перевела взгляд на него.

— А где сейчас Валинов? — спросил Аларик.

— Его офис в конусе кардинала Рекобы, — ответила канонесса. — Но когда произошел взрыв, он собирался осматривать наши позиции.

— Значит, он уже здесь.

Аларик опустил голову и посмотрел на погибших сестер, храбрых солдат и слуг, незаменимых для Империиума. Из тыла уже спешили сестры-госпитальеры, чтобы позаботиться о раненых и унести мертвых.

— Канонесса, я очень боюсь опоздать, и мне требуется помощь — ваша и ваших сестер. Валинов затевает нечто ужасное на берегу озера Рапакс, а чтобы отвлечь внимание, он подстроил нашу стычку. Он рассчитывал, что мы будем драться до конца, но, к счастью, ошибся. С вами или без вас, я намерен наказать его, но, боюсь, нам одним не справиться.

— Я не смогу вам помочь, пока не узнаю, против кого мы будем сражаться, брат-капитан.

Аларик вздохнул. Как можно разъяснить существование зла, состоящего из знаний; зла, которое в качестве оружия использует безумие и разложение? Зла, которое невозможно ни понять, ни убить; которое, однажды родившись, внедряется в структуру Империиума и для его обнаружения требуется тысяча лет?

— Сестра, — осторожно начал Аларик. — У нас не так много времени для подробных объяснений. Но он называет себя Гаргатулотом...

Тяжелая балурианская пехота из-за падения обломков корабля лишилась трети состава. Люди были испепелены взрывом, их прах развеялся в воздухе вместе с пылью. Полковник Гортц погиб, система связи вышла из строя, так что еще одна треть солдат оказалась отрезанной и беспомощной. Эти несколько сотен воинов, не имея возможности связаться со штабом, были вынуждены затаиться в окопах и держать оборону от врага, которого они так и не видели. Последняя треть балурианцев — более семисот солдат — собрались у северной оконечности участка имперских войск. Балурианцы отличались превосходной дисциплиной, но почти все офицеры погибли. Не осталось никого, кто мог бы повести воинов в наступление после катастрофического взрыва.

Однако солдаты Империи могли сражаться и без офицеров. Когда офицеры были неспособны вести людей — будь то из-за некомпетентности, измены, недостатка воли или, как произошло на Вулканис Ульторе, из-за фатального несчастного случая, — командование принимала на себя другая структура.

Комиссар не был тактиком. Не был он и стратегом. Он не мог спланировать атаку или организовать успешную оборону. Но когда солдаты нуждались в руководстве, все это не имело значения. Если не было настоящего командира, то комиссары вели солдат с передовой навстречу врагу, которого не могли рассмотреть ни полковник, ни остальные офицеры. Они вступали в бой, когда не представлялось возможности применить тактическое искусство или опыт, когда оставалась только кровожадная фанатическая отвага.

Комиссар Танатал никогда не сомневался, что сумеет повести балурианцев в бой, если не останется никого, кто мог бы это сделать. Именно к этому комиссара готовили с тех пор, как он впервые пришел в начальную школу для сирот множества имперских войн. За многие годы сурового обучения Танатал понял, что долг — это меч, который может убить тебя, а может и обратиться против врага. Этот меч выпало нести именно ему.

Комиссар не думал о сохранении жизней людей, о чистоте победы или даже о собственном благополучии. Его заботило только наказание врагов Императора — лишь за то, что они существовали в Его государстве. Через священное пламя войны Танатал был призван вести души солдат в объятия Императора.

Он считал себя вправе отбраковывать трусов и слабовольных, чтобы в составе балурианской пехоты оставались только настоящие солдаты, которые не имеют права дрогнуть перед гибелью во имя Императора.

Полы длинного кожаного черного плаща отяжелели от налипшей грязи, ячеистые доспехи сдавливали тело, но Танатал упорно шагал сквозь вихри пепла по траншеям на север. Он слышал, как солдаты окликали по именам товарищей, кричали от боли и громко молились. При виде погибших от удушья солдат комиссар ненадолго остановился, чтобы снять остроконечный шлем и надеть дыхательные фильтры. Теперь, когда большая часть пепла задерживалась в аппарате, дышать стало свободнее.

Тучи пепла разорвались, и Танатал мог хоть что-то увидеть, хотя было все еще темно, как в полночь. Во мраке вспыхнул тусклый свет факела, и Танатал заметил нескольких людей, едва различимых на разрушенных укреплениях. Они выбирались из-под завалов, небольшую группу солдат возглавлял сержант.

— Сержант! — закричал Танатал. — Куда ты направляешься?

— Они идут на нас через сектор сестер. Мы соберемся на задней линии окопов. Займем вспомогательные траншеи и организуем другую линию...

Танатал выхватил болт-пистолет и прострелил сержанту горло. Стоящие рядом солдаты замерли.

— Отряд! — завопил Танатал, словно отдавал приказ на плац-параде.— Мы двинемся на север! Противник нанес удар, чтобы отрезать нас от цели своего наступления, но он просчитался! Пока жив хоть один пехотинец Балура, враг не пройдет!

Люди, пользуясь темнотой, попытались скрыться от Танатала. Прогремело еще два выстрела, и один из солдат замертво повис на колючей проволоке. Больше никто не пробовал убежать.

— Наш враг на севере! Отряд будет атаковать его!

Вокруг комиссара начали собираться люди. Танатал перепрыгнул через несколько тел и выбрался на край окопа, чтобы его было видно со всех сторон. Он выхватил из рук стоящего рядом человека факел и поднял высоко над головой, направив свет в пепельную завесу.

— Враг пытается отрезать нас и окружить! Сейчас он убивает наших братьев, а вскоре возьмется за нас! Он уже считает, что победил! Но если он рассчитывает добиться победы — тогда, клянусь Императором, ему придется уничтожить нас всех до одного! Пока жив хоть один балурианец, Император будет защищен!

Танатал снова выстрелил — на этот раз не целясь, просто в темноту. К нему по траншеям подошли еще несколько балурианцев. Танатал, пробираясь через колючую проволоку и завалы земли, направился на север. Толпа за его спиной росла с каждой минутой.

— На север! — кричали люди. — Враг хочет обойти нас с тыла! Следуйте за нами!

Среди воцарившейся сумятицы быстро образовалась сплоченная группа людей, шагающая сквозь темноту. Танатал, сумев привлечь внимание, не собирался его упускать. Он говорил о необходимости отомстить. Он стрелял в тех, кто пытался скрыться в темноте. Он воспользовался яростью балурианцев и превратил ее в оружие против страха. И при мысли о том, что люди обратились к нему, а не бросились в отчаянии искать безопасное убежище, сердце комиссара восторженно трепетало.

Он принес им спасение. Он направил их на путь, который вел от греха трусости к ослепительному свету Императора.

Враг где-то здесь. Он должен быть здесь. Разрушительный удар был только первым шагом в решительном наступлении. Танатал не мог позволить балурианцам уклониться от участия в битве.

— Комиссар! — раздался впереди чей-то голос.

Приглядевшись, Танатал на фоне клубов пепла рассмотрел очертания наземного бронированного кара. Из него выпрыгнул человек и быстро зашагал по грязи. Это был высокий стройный мужчина в длинной шинели, с энергетическим мечом в руке. Клинок активизировался, засияв бледно-голубым светом. Танатал увидел гордое аристократическое лицо и решительно сверкающие глаза.

— Комиссар, благодарение Императору! А я подумал, что все балурианцы погибли!

— Нет, пока жив хоть один из нас! — громко воскликнул Танатал, чтобы его слышали солдаты. — Нет, пока мы еще в состоянии заставить врагов страдать!

— Тогда ваши люди станут моим почетным караулом, комиссар. Враг здесь, неподалеку, и он очень силен, но с вашей помощью я смогу воздать ему по заслугам. — Человек взмахнул мечом, отдавая салют. — Инквизитор Голик Рен-Сар Валинов почтет за честь сражаться рядом с вашими людьми, комиссар.

Танатал сжал ладонь Валинова. Два лидера скрепили договор крепким рукопожатием.

— Что от нас требуется, инквизитор?

— Преданность и сила, комиссар. Это все, что необходимо. — Валинов поднял меч, чтобы все могли видеть его лезвие, сияющее, словно пойманная молния. — За Трон и погибших балурианцев! Отмщение и справедливость, сыны Императора! Мечь!

— Мечь! — закричали в ответ стоящие рядом солдаты, и вскоре все вслед за Танаталом стали без конца повторять этот призыв.

Мечь. Всем известно, что ради отмщения стоит сражаться. Комиссар Танатал знал, что его долг будет выполнен. Сынам Балура представится возможность вступить в бой.

Уродливый куб здания химического завода маячил в темноте, среди нагромождений пластобетонных глыб, покрытых грязными потеками. Аларик разглядел на крыше сестер из отделения Возмездия, пытавшихся определить цели для тяжелых болтеров. Вокруг завода были разбросаны бетонные блоки противотанковых заграждений и стояло несколько танков. Все это представляло отличные укрытия для Серых Рыцарей и сестер по пути к цели.

Завод стоял на самом берегу озера Рапакс. Зловонные волны бились в заднюю стену здания. На бетонных блоках, из которых был построен завод, проступили следы химикатов, впитавшихся в стены. Все сооружение имело неприглядный и заброшенный вид. В нем, словно в тюрьме, не было ни окон, ни украшений. Лишь одна-единственная покрытая ржавчиной дверь вела внутрь здания.

Запах озера Рапакс — резкая химическая вонь с привкусом металла — проникал повсюду. В темноте едва виднелась покрытая масляной пленкой поверхность воды, все еще не успокоившаяся после взрыва. Над водой поднимался отвратительный мутный туман, смешивался с пеплом и превращался в едкую морось.

Аларик выбрался из группы защитников и подошел к двери завода. Рядом с ним собрались его десантники и отделение Санторо; немного позади остановилась канонесса Людмила.

Канонесса взяла с собой почти сотню сестер. Она успела повидать немало возмущений на Шлейфе. Теперь Людмила знала, что за ними стоит Гаргатулот, и понимала причину высадки Серых Рыцарей на планете Вулканис Ультор.

Целая паутина лжи и манипуляций обратила сестер в инструмент Врага, но теперь все хитросплетения вышли наружу. Людмила чувствовала себя настолько оскверненной, что только кровавая мечь могла бы очистить ее душу.

— Сестра Гелоиза, — громко обратилась Людмила, стараясь преодолеть треск помех на канале вокс-связи. — Быстрее спускайтесь сюда со своими мультимелтами!

Заржавевшие стальные створки завода не могли бы открыться, даже если бы сестрам удалось отпереть замок. Стоящий неподалеку танк «Экзорцист» мог бы сбить их снарядами, но и сестрам, и Серым Рыцарям пришлось бы отступить далеко назад, чтобы не пострадать от взрыва. Зато при помощи мультимелт можно было аккуратно срезать двери и быстро проникнуть внутрь.

Гаргатулот знал об их приближении. Что бы они ни обнаружили внутри, сестрам и Серым Рыцарям придется с этим сражаться.

Старшая сестра Лакрима вывела своих воинов вперед. Два отделения потеряли в бою так много сестер, что теперь объединились в одно. Сестра Лакрима с багровым кровоподтеком во всю челюсть командовала семерыми серафимами.

Лакрима коротко отдала честь и увела сестер под прикрытие контрфорса в стене завода. Танкред занял позицию по другую сторону от дверей. Без всяких приказов было решено, что эти два отделения первыми ворвутся внутрь здания.

Отделение сестры Гелоизы спускалось со стен, неся с собой громоздкие мультимелты и

тяжелые болтеры, заряженные разрывными снарядами. Аларик заметил, что у старшей сестры биомеханическая рука, а половина выбритого черепа изуродована огромным шрамом от ожога.

— Заметили что-нибудь внутри? — спросила Людмила.

— Ничего, — ответила Гелоиза.

— Открывай двери, — скомандовала канонесса. — Сестры, готовьтесь! Лакрима и Рыцари пойдут первыми. Укрепите свои души, Враг в первую очередь постарается повлиять на вас.

Людмила повернулась к Аларику:

— Мне известно, что ни один из Серых Рыцарей не склонил свой разум на сторону Хаоса. Но Адепта Сороритас, бывало, теряли сестер в сражении с Врагом. Это случалось редко, и никто этого не признавал, но...

— Довольно того, что Гаргатулот вас использовал, — сказал Аларик. — Я не позволю продолжать жить ни одной из вас, если ее разум поддастся Врагу.

Людмила кивнула в знак благодарности. Затем обернулась к сестре Гелоизе:

— Огонь!

Мелталучи врезались в сталь, вызвав извержение искр и бросив на пелену пепла огромные злоеющие отблески. Одна секция двери упала, но даже Аларик, со своим усиленным зрением, не смог увидеть ничего, кроме темноты.

Лакрима, выбежав из убежища, устремилась вперед с мечом наготове. Серафимы с болт-пистолетами последовали за ней, следом ринулись воины Танкреда. Их терминаторские доспехи едва прошли в открывшийся проем.

— Все чисто, — раздался через несколько секунд голос Танкреда на канале вокса.

— Вперед! — скомандовал Аларик и, подняв алебарду, побежал к двери.

Санторо и Генхайн двинулись за ним; последней вошла канонесса Людмила с несколькими отделениями сестер. Гелоиза осталась прикрывать вход снаружи.

Внутри был крошечный мрак. Не просто отсутствие света — непроницаемая, всепоглощающая темнота. Аларик не различал ни стен, ни потолка. Древний пол когда-то был выложен мрамором и искусными участками мозаики, но теперь все потрескалось и раскрошилось. В здании завода не оказалось ни химических цистерн, ни перерабатывающих машин. В помещении было пусто и холодно; в воздухе пахло только древностью. Внутренность завода была герметично закрыта от разъедающих вод озера Рапакс.

Аларик медленно двигался вперед. Единственным ориентиром служил только слабый отблеск света из открытого дверного проема. Капитан с трудом различал силуэты серафимов Лакримы и терминаторов Танкреда, образовавших редкую цепь впереди них. В руке Танкреда неярко мерцал меч Мандулиса. Несмотря на покрывавшую его кровь и пыль, он испускал удивительно чистый свет.

Аларик догнал Танкреда и понял, почему тот остановился. Насколько хватало глаз, в темноте перед ними простирался мрачный лес огромных изваяний. Казалось, они, словно деревья, вырастали из мраморного пола. Все скульптуры были во много раз выше любого человека, все потрескались от старости. Многие изваяния сильно наклонились. Это были фигуры, изображенные в развевающихся накидках или пышных одеяниях, но время и темнота превратили их в едва различимые тени. Аларик подошел ближе к Танкреду и увидел, что лицо ближайшей статуи совсем исчезло, как будто разъеденное гнилью. На месте глаз зияли пустые дыры, а вместо рта угадывались очертания зубов. Это изваяние кардинала или дьякона в длинном балахоне когда-то твердо стояло на полу. Сейчас статуя опасно накренилась, готовая упасть на любого, кто подойдет ближе.

— Вперед! — скомандовал Аларик. — Разойдитесь, но оставайтесь в пределах видимости.

Он миновал безликого кардинала и увидел перед собой десятки статуй — толпу

монументов, заполнившую, казалось, все внутреннее пространство завода. Здесь стояла поджарая фигура в форме космической флотилии, но ее голова превратилась в неопределенной формы камень. Из темноты выступило изваяние астропата: по замыслу скульптора, он творил знамение аквилы, но теперь его рука превратилась в бесформенную кучку камней под ногами.

Здесь был даже космодесантник — грандиозная каменная статуя, упавшая на пол и наполовину разбитая. Серафимы Лакримы рассредоточились вдоль каменного десантника, используя его колоссальные формы как прикрытие, а потом стали пробираться вперед среди обломков, оставшихся от его торса и заплечной сумки.

Под ногами Аларик обнаружил потускневшие вставки из черненого золота, когда-то бывшие частицами замысловатой мозаики, теперь почти полностью уничтоженной временем.

— Я что-то обнаружила, — не очень внятно из-за сломанной челюсти передала по воксу сестра Лакрима. — Это передо мной.

Людмила и Аларик приказали своим людям использовать один и тот же вокс-канал, чтобы Серые Рыцари и сестры могли сражаться как одно целое.

— Танкред, проверь, что там такое. Мы идем следом за тобой, — сказал Аларик.

Затем он услышал, что Людмила приказывает сестрам двигаться вперед с обеих сторон, чтобы окружить возможного врага.

Аларик вслед за Танкредом миновал огромную каменную сестру-госпитальера. Если не считать отбитых рук, статую почти не тронуло разрушение. За ней пол поднимался и переходил в пирамиду ступеней. Они вели все выше — к некоему подобию храма, освещенного сверху очень слабым сиянием. Аларик пристально взгляделся в темноту и обнаружил колонны, поддерживающие фронтон с давно осыпавшимися скульптурными фигурами, резной фриз, на котором осталось несколько букв высокого готика, и обломки меньших фигур в углу каждой ступени. Они настолько пострадали от времени, что человеческие формы были едва различимы.

На фризе под фронтоном можно было разобрать только одно слово: ЭВИССЕР.

— Мы нашли его. Это гробница, — объявил Аларик.

— Похоже, что сюда уже долгое время никто не заходил, — сказала Людмила. — И здесь никого нет.

— Валинов на Вулканис Ульторе, и этому должна быть причина.

Аларик был уверен в своих словах. Все складывалось одно к одному. Весь Шлейф оказался созданной Гаргатулотом головоломкой, и здесь они отыскивали ее последний кусочек.

— Мы можем взять штурмом это сооружение, — сказала Лакрима, остановившись вместе с сестрами у подножия ступеней. — Терминаторы пойдут первыми, а мы будем прикрывать тыл.

— Отлично, — кивнул Аларик. — Санторо, ты пойдешь с ней. Генхайн, следуй за нами: в случае необходимости прикройешь огнем. Я должен посмотреть, что там находится. Танкред пойдет со мной. — Аларик обернулся к Людмилле, распределявшей своих боевых сестер вокруг храма: — Поддержите нас, сестра. Эта атака может разделиться на несколько направлений, но другого способа узнать, что внутри, нет. Приходится принимать решения на ходу.

— Это как раз для нас, брат-капитан. Для нас обоих. Столкнуться с неведомым противником, когда всем остальным это не под силу. Сражаться с самой тьмой. Именно для этого мы и созданы.

Канонесса была права. Сестры Битвы, как и Серые Рыцари, были созданы для борьбы с самым мощным злом. Их обучение и тренировки начинались с раннего детства. Они происходили в среде духовенства, и моральная закалка, полученная сестрами, была едва ли слабее психоустановок Серых Рыцарей. Сестры почти ничем не напоминали женщин, которыми могли бы стать. Они уже принесли Императору величайшую жертву, лишившись власти над собственными жизнями. Они полностью превратились в солдат и должны были исполнять волю

Императора, как только в этом возникала необходимость.

У Серых Рыцарей и боевых сестер общим был не только противник, но и судьба.

— За Трон, сестра, — произнес Аларик, поднимаясь вслед за Танкредом по ступеням.

— Да сохранит нас Император, брат, — ответила Людмила.

Воины Аларика и Танкреда стали подниматься по лестнице к маячившему наверху храму. Черные прожилки гнили пронизывали мраморные колонны, и верхние ступени были испещрены темными маслянистыми полосами. При ближайшем рассмотрении казалось, что все сооружение поражено болезнью. И только сейчас стало ясно, насколько оно велико: колоннады терялись в темноте. В ней пропало из виду и отделение серафимов Лакримы.

За первым рядом колонн виднелись новые, так что рассмотреть внутренность храма оказалось невозможно. Рыцари взошли на верхние ступени, и воздух вокруг стал холодным и сырым, словно кто-то высосал из него всю жизнь. Аларик ощутил, как напряглись его чувства и мускулы. Невидимые силы злобы и вражды окружали Аларика, и его психический стержень подавал тревожные сигналы.

Внутри храма раздался пронзительный звук. Вой демонов!

— Вперед! — закричал Аларик и устремился в гробницу святого Эвиссера.

При виде безжизненных тел боевых сестер комиссар Танатал почувствовал удвоенную ярость. Нет, он не ошибся! Враги прорвались в окопы и отбили энергичную контратаку сестер, лежащих теперь перед окопом на пропитанной кровью земле. Тела в красных доспехах Ордена Кровавой Розы висели и на колючей проволоке. Нанесенные им раны явно были от болтерных снарядов или энергетического оружия, что говорило о сражении на короткой дистанции.

Балурианцы во главе с Танаталом и Валиновым быстро подтянулись к участку обороны, ранее занятому сестрами. Один из уцелевших проповедников отряда непрерывно выкрикивал слова Гимна Ненависти — молитвы на высоком готике, которую почти все балурианцы с детства слышали в храмах своего родного мира.

— Есть один! — крикнул сержант на левом фланге.

Он остановился, нацелив лазружье на огромный изуродованный труп десантника Хаоса в серых, забрызганных кровью доспехах. Одна нога десантника была подогнута и совершенно разбита. Танатал успел заметить затейливый узор на его латах и лежащую рядом гигантскую алебарду, покрытую кровью сестер.

— Не подходи! — закричал Валинов. — Даже их тела грозят заражением!

Сержант тотчас повторил приказ. Его люди осторожно обошли тело; за ними и все остальные балурианцы обогнули убитого по широкой дуге.

Танатал горько подумал, что Враг угрожает гражданам Империи даже после своей смерти. Смерть для них — слишком легкое наказание, но именно его они и получают.

— Сэр? А где же остальные сестры? — прозвучал вопрос молодого офицера, ни на шаг не отстававшего от комиссара.

Валинов счел нужным вмешаться.

— Сестры пропали, — сказал он, не вдаваясь в подробности.

— Сын Балура, помни об одном, — добавил Танатал. — Отмщение.

Офицер коротко кивнул и оглянулся, чтобы убедиться, что солдаты не отстают.

Пропали? Что могло бесследно уничтожить множество боевых сестер? На северном участке обороны многие балурианцы присоединялись к сестрам в их молитвах. Все пехотинцы знали, как искусно могут сражаться эти женщины-солдаты. Что же могло их победить? И куда делись остальные тела?

Такие вопросы могли встревожить людей. Нельзя допустить, чтобы они прозвучали вслух.

— Своей жертвой сестры ослабили врагов! — крикнул Танатал всем, кто находился поблизости. Комиссар был уверен, что взволнованные солдаты передадут его слова задним рядам не хуже вокса. — Своей гибелью они обескровили противника, и нам остается только нанести последний решительный удар!

— Туда! — закричал Валинов, шедший во главе колонны.

Острие его меча указывало на берег озера Рапакс, где возвышался химический перерабатывающий завод. Мрачный квадратный силуэт был едва различим в вихрях пепла.

— Они залегли там!

Танатал обрадовался. Балурианцы могли слишком беспокоиться судьбой пропавших сестер и утратить решимость. Теперь перед ними была цель, которую надо атаковать.

— Смотрите, сыны Балура! Смотрите, как прячется враг! Ударим, пока он еще слаб! Отомстим за своих погибших братьев и сестер! Отмщение, балурианцы! Отмщение! Вперед!

— Отмщение! — громко вторил ему проповедник, высоко поднимая священную книгу.

Священник проворно, словно юноша, выскочил из траншеи. Он мог бы посрамить любого нерешительного воина.

— Вы слышали святые слова! — закричали офицеры солдатам. — Ускоренным маршем, оружие на изготовку, вперед!

Балурианцы вновь загорелись яростью и ожили. Танатал перешел на бег; комиссару больше не надо было вести за собой солдат. Оставалось просто быть впереди, рядом с инквизитором Валиновым, и увлекать людей своим примером. Балурианские пехотинцы выскочили из окопов и по окровавленной земле ринулись к зданию завода.

Что бы ни произошло, считал Танатал, они уже победили. Когда придет время и им представится возможность бросить жизни на алтарь войны, балурианцы будут благодарны комиссару за то, что он привел их к месту решительной битвы.

Танатал понимал, что каждый десантник Хаоса стоил многих десятков благочестивых солдат. Но непоколебимая решимость и отсутствие страха помогут балурианцам уравнять силы. Они выиграют время для остальных защитников. А возможно — и повергнут Врага прямо здесь, на берегу озера Рапакс. В любом случае воля Императора будет исполнена.

Валинов мчался во весь опор с обнаженным мечом в руке, и Танатал старался не отставать. Балурианцы на бегу выкрикивали боевые кличи. Когда со стороны завода ударили первые залпы из тяжелых болтеров, уже ничто не могло удержать пехотинцев от ответной стрельбы.

19.

ГРОБНИЦА СВЯТОГО ЭВИССЕРА

За шесть веков до пробуждения Гаргатулота в недрах Вулканис Ультора родилось семьдесят семь кричащих масок Скрытного. Тогда в бандах нижних уровней улья, где редкий человек доживал до двадцати лет, а оружие ценилось вровень с пищей и чистой водой, появился проповедник. Он утверждал, что знает все семьдесят семь личин смерти. Он обещал верным последователям неуязвимость от любой из форм смерти, которые были распространены в этих районах. Одной из личин был обжигающий свист пули, другой — алый холод боли ножевой раны.

Жестокое удушье утопленника, бледная немочь голода — каждая из семидесяти семи масок жаждала гибели. Только поняв их и сотрудничая с ними, можно обмануть смерть. Этот проповедник (его имя было забыто, а лицо запомнилось) говорил ученикам, что сама смерть является объектом их поклонения и изучения, их религией и образом жизни.

Его последователи образовали в нижних уровнях улья банду. Она быстро стала самой грозной из всех, поскольку каждый из ее членов обладал невосприимчивостью к некоторым видам смерти. Все остальные банды объединились в борьбе с новой силой. На одну долгую и зловещую ночь они забыли свои раздоры. Члены шайки проповедника были перебиты на узких извилистых улочках под поверхностью Вулканис Ультора.

О войне банд сохранилось не много сведений. Да и в живых осталось так мало участников той войны, что рассказывать было некому.

Никто не знал, куда делся проповедник. В том, что он выжил, не могло быть сомнений, поскольку семьдесят семь масок вновь появилось. Остались жить и легенды о людях, которые так хорошо изучили смерть, что стали для нее неуязвимы. Многие жители ульев начали вновь тайно поклоняться маскам.

Постепенно выяснилось, что маски — это только аспекты одного существа. Скрытного, но столь могущественного, что сама смерть была лишь одной гранью его личности. Культ стал распространяться, вбирая в себя озлобленных и испуганных, мучимых безумием и жаждущих мести. Всех принимали с радостью. Самые ярые приверженцы стали личными слугами Скрытного, и он говорил с ними голосом древнего проповедника.

В конце концов, они поняли.

Последняя маска смерти оказалась самой сложной. Она представляла собой абсолютное разрушение, разложение тела, опустошение души, лишение дыхания. Полное прекращение самого существования. После осознания этой маски последователь становился вне смерти. И жизнь, и смерть для него были бы лишь тенью, отбрасываемой светом существования. Истинное бытие, триумф вне досягаемости живущих, не снившийся мертвым, — вот что обещал Скрытный.

Понять последнюю маску возможно было лишь в том месте, которое жители трущоб называли очагом разрушения и Хаоса, — на озере Рапакс, в беспокойной впадине, впитавшей в себя грехи и ненависть долгих тысячелетий. Многие считали озеро живым и голодным. Говорили, что в его глубинах обитают чудовища, а над маслянистой поверхностью поднимаются призраки. Под конусами Вулканис Ультора ходило множество преданий, и последователи семидесяти семи масок знали, что все они правдивы.

Одной ненастной ночью последователи по зову проповедника вышли из жалких лачуг на улицы. Никто не попытался их остановить: всех жителей нижних уровней объял страх. Они

могли лишь в ужасе наблюдать, как на улицы выплескивается безумие.

Безумцы прошли по нищим окраинам города прямо к озеру Рапакс, где их ожидал похожий на скелет проповедник. Он неистово выкрикивал молитвы в честь Скрытного и перечислял все семьдесят семь масок, собравших такой щедрый урожай в подземельях улья. Последователи огромной толпой присоединились к нему и шагнули в озеро. Ядовитые воды мгновенно содрали с них кожу и мускулы, высосали дыхание из легких, разъели глаза и проникли в мозг.

Бурлящее озеро поглотило всех, густые светящиеся воды сомкнулись над головами, и берег покраснел от кровавой пены. Наконец и проповедник шагнул на поверхность озера, прошел до самой середины и, не переставая петь литании маскам, погрузился в пучину.

Жители подземных уровней улья обрадовались тому, что предавшиеся тьме безумцы исчезли. Если бы они знали правду, то испытали бы отчаяние.

Семьдесят семь кричащих масок не напрасно погубили своих последователей. Культисты под поверхностью озера Рапакс и впрямь превратились в других существ — с телами из разъедающей скверны, с разумом, перестроенным по воле масок. В них настолько были уничтожены человеческие черты, что Скрытный мог обращаться к их сердцам напрямую из варпа.

Едва они оформились на грязном дне озера, как осознали свою новую сущность. Они были детьми Скрытного, его преданными последователями; они поднялись над границами жизни и смерти. Их ожидало самое важное задание Скрытного. Им предстояло пойти к забытому месту на берегу озера, обосноваться там и затаиться настороже до того дня, пока Скрытный не приведет в Галактику семьдесят семь страдающих теней.

Они отправились охранять огромную позабытую гробницу, где лежали кости святого Эвиссера.

Аларик никогда прежде не чувствовал такой откровенной и концентрированной ненависти. Казалось, что тяжесть злобы замедляет движение Серых Рыцарей и боевых сестер, прижимает их к земле. Это ощущение, как ничто другое, говорило о присутствии в этом месте Гаргатулота. Такая откровенность эмоций могла быть рождена только варпом.

Чувства, вырванные из душ многих людей, копились в этом месте, где варп соприкасается с реальным пространством. Аларик чувствовал, как ненависть бьется в его разум. А вдруг его воля дрогнет и окружающая злоба захлестнет его мысли? Неужели, увидев безумие варпа, он сам лишится разума? Неужели сам Гаргатулот пытается запустить в него когти и превратить в слугу Хаоса? Впервые в жизни Аларик почувствовал, что способен пасть. Серый Рыцарь может стать одним из Врагов, и ордену никогда не простят такого провала.

Усилием воли Аларик прогнал сомнения. Он не уступит: ведь с ним Император. Серый Рыцарь шагнул вперед и пробился сквозь стену ненависти. Пелена отступила, тьма немного рассеялась. Аларик увидел, что стало с усыпальницей святого Эвиссера.

За колоннами у входа внутренность гробницы чудовищным образом исказилась. Открылось гигантское пространство с мраморным, в черных прожилках, небом и солнцем, которое раскачивалось взад и вперед в огромном кадиле, отбрасывая вниз причудливые тени. Усыпальница простиралась на несколько километров, невероятным образом копируя поверхность планеты, но с ужасными искажениями.

Подобные проделки Хаоса исковеркали и Корион IX. Земля под ногами была покрыта осколками камней; зубчатые плиты из темного мрамора нависали над глубокими черными расщелинами. Кое-где из-под земли, словно гейзеры, поднимались струи темной воды. Вдалеке кружили громадные существа, похожие на стервятников. Слух улавливал крики, доносившиеся одновременно со всех сторон. В воздухе смешалось множество запахов: пота, крови, серы,

горелого мяса, пороха, гнили, болезни, грязи и ладана.

Обломки камня образовывали стены. Они становились толще, закруглялись и сходились воедино в центре странной сцены, образуя нечто вроде скелетообразного города. Город, словно огромный паразит, цеплялся за камень; он как будто силился подняться наверх. Из горы выступали пустые каркасы храмов и базилик, образуя темный и запутанный лабиринт, место необузданного разгула смерти. Каменная вершина горы прорывалась сквозь здания и завершалась голым белым плато: над городом стоял акрополь. На его массивной плоскости виднелся куб из чистого белого мрамора, казавшийся здесь совершенно неуместным. Мраморный саркофаг, сиявший в золотистых лучах, главенствовал над местностью. Он был центром усыпальницы, к нему вели все дороги.

Аларик отвел взгляд. Он посмотрел на идущих за ним космодесантников; каждый из них тоже постепенно стряхивал ужасную пелену ненависти со своих защищенных мыслей. Ликкос с псипушкой, Вьен, Холварн, Клоустус и Дворн, не опускавший свой молот Немезиды. Танкред и его десантники — Локат, Гловен и Карлин — находились поблизости, но их массивные терминаторские доспехи как будто уменьшились перед окружавшей громадой зла.

Танкред сотворил знамение аквилы. Этот жест казался здесь бесполезным — крошечная капля добродетели в океане грехов.

— Мне кажется, сестры не выдержат испытания, — сказал Аларик. Несмотря на сожаление, он был уверен в своих словах. — Это предстоит сделать нам. Санторо и Генхайн отправятся с нами. Надо двигаться.

— Какова наша цель? — спросил Танкред.

Он не хуже Аларика понимал, что возвращаться нельзя. Гаргатулот знает об их приближении. Надо покончить с ним как можно скорее.

Аларик показал на саркофаг, сверкавший в акрополе высоко над городом:

— С нами Трон, но больше никто не в силах нам помочь.

Танкред и Аларик со своими отделениями оставили позади ряды колонн и быстро зашагали по неровной поверхности. Повсюду зияли трещины, и отравленная земля образовывала самые невероятные подъемы и спуски. Здесь в тысячах мест могли притаиться вражеские засады; сотни раз можно было сбиться с пути. Если бы не сверкающий саркофаг высоко над головами, направлявший их, словно маяк, мешанина земли и мрамора превратилась бы в непроходимый лабиринт.

Чем дальше углублялись Серые Рыцари в усыпальницу, тем громче становились крики — как будто слой за слоем спускались все новые страдания. Между исковерканными глыбами мрамора виднелись скелетоподобные деревья. Аларик совершенно не удивился, осознав, что и они когда-то были человеческими существами, но порча деформировала их тела, пока кости не превратились в ветви. Теперь кричащие лица скрылись в стволах без кожи и мускулов. Над головой металась зловещие темные тени: Аларик лишь мельком мог разглядеть сгнившие глазницы, следящие за каждым их шагом.

Он оглянулся назад: Генхайн старался не отставать и не упускать Аларика и Танкреда из виду. До сих пор им не требовался огонь прикрытия, но Аларик не сомневался, что скоро все изменится. Ему придется полагаться на воинов Генхайна: они задержат врагов, пока остальные Серые Рыцари будут вести атаку.

Аларик тревожился о Санторо, оставшемся на противоположной стороне усыпальницы. Он опасался за серафимов Лакримы и за всех сестер Людмиллы, которые, возможно, попытаются пройти следом за Рыцарями. Смогут ли сестры проникнуть внутрь гробницы? Или близость Гаргатулота превратит их в новых врагов, с которыми придется сражаться Серым Рыцарям?

Что будет, то будет. Серых Рыцарей учили быть готовыми противостоять любому оружию, которое может обратить на них Враг, — даже сражаться против недавних союзников.

Вокс-связь в усыпальнице не действовала, но Аларика это и не удивило.

— Вы что-нибудь заметили? — спросил он десантников.

— Он за нами наблюдает, — мрачно ответил Дворн, сжимая молот Немезиды обеими руками.

Ликкос в поисках цели сосредоточенно переводил дуло псипушки с одной тени на другую.

Земля под ногами захрустела. Аларик посмотрел вниз и увидел кости пальцев, смешанные с обломками мрамора.

Серые Рыцари, еще не видя врага, могли ощутить его запах, холодную резкую вонь — как будто гниение, пропитавшее всю гробницу, сконцентрировалось и отвердело, превратилось в стену отвращения, способную остановить воинов. Это был запах грязи и разложения, давивший со всех сторон.

— Генхайн, прикрой нас огнем, скорее! — закричал Аларик, и тени внезапно ожили.

Святящиеся снаряды болтеров и лучи псипушки ударили по высоким теням, скрывавшимся между скал.

Стрельбу открыли десантники Генхайна и Танкреда. И в шквале болтерного огня из темноты выступили чудовища, готовые к атаке.

Первая реакция Аларика была вызвана скорее рефлексом, чем размышлениями: этому в долгих поединках его научил Танкред. И это было к лучшему: даже Серый Рыцарь мог промедлить, если бы сначала разглядел противника. Это существо лишь отдаленно напоминало гуманоида. Темно-серая кожа была прозрачной; под ней виднелись внутренние органы. Они извивались по всей длине корпуса, шеи, рук и ног. Все тело существа покрывала пленка прозрачной слизи, а руки заканчивались длинными гибкими щупальцами.

Аларик отрубил одно щупальце ударом алебарды, и на Серого Рыцаря брызнула едкая тягучая жидкость. Лицо чудовища едва ли можно было назвать лицом: огромный тонкий рот не закрывался, а на месте глаз были слепые мутные пятна. Существо испустило низкий угрожающий вой и снова бросилось на Аларика.

Аларик поспешно выстрелил, окатив шквалом болтерных снарядов противника и еще одно существо, идущее следом за первым. Нападавшее чудовище двигалось очень быстро: одно щупальце обвило рукоять алебарды, существо всем своим весом потянуло оружие вниз, внезапно подпрыгнуло выше роста Серого Рыцаря и обрушилось на Аларика с разверстой пастью.

Свободной рукой Аларик вцепился в глотку чудовищу и выпустил залп снарядов из встроенного в латную перчатку болтера, превратив голову врага в фонтан вонючих брызг. Существо пронзительно завизжало, но тугие мускулы обвили вокруг руки Аларика и присосались к доспехам. Несмотря на отвратительный запах чудовища, Рыцарь почувствовал запах дыма: это означало, что едкая субстанция существа разъедала наружный слой доспехов. Аларик напрягся, поднял монстра над землей и швырнул его в следующего нападавшего, сбив того с ног. Новый залп снарядов — и оба чудовища взорвались кислотными брызгами.

Аларик наконец-то смог свободно двигаться. Его десантники образовали тесный круг и отбивали нападение новых существ, покрытых разъедающих слизью. Аларик увидел, как Клостус высоко поднял одного из нападавших на острие алебарды и десантник Генхайна снес ему голову выстрелом из псипушки. Дворн с размаху опустил молот на ближайшего врага, и на его месте осталось только небольшое углубление в мраморе, заполненное слизью.

Оглянувшись, Аларик без труда отыскал взглядом Танкреда. Меч Мандулиса, беспрестанно

наносивший удары, яркими вспышками прорезал темноту. Извивающиеся щупальца падали на землю, истекая слизью, но текучие существа возрождались даже в тех случаях, когда Танкред разрубал их пополам. Один из врагов ринулся на Танкреда, намереваясь свалить его с ног, но правосудор смахнул его движением головы, ловко бросил на землю и наступил обеими ногами. Чудовище лопнуло и превратилось в ядовитую зловонную лужу.

— Клинки не помогут! — Аларик постарался перекричать оглушительный вой демонов. — Дворн! Разрывай их на части!

Отделение Аларика развернулось навстречу десятку врагов, выскочивших из тьмы, и перестроилось в клин во главе с Дворном. Дворн описывал молотом Немезиды широкие дуги, отбрасывая чудовищ назад и пробивая их тела насквозь. Остальные воины сосредоточились на стрельбе из болтеров, чтобы удерживать врагов на расстоянии.

— Война и отмщение! — взревел Танкред. — Стань моим щитом и моим скакуном! Стань возмездием, и я буду твоей дланью во тьме! Свет из тени! Смерть из смерти! Отмщение за погибших!

Аларик ощутил гул в голове и понял, что Танкред и его десантники концентрируют волю.

Они готовились применить холокост — средоточие веры Серых Рыцарей, сфокусированное в мозгу Танкреда и превращенное в оружие, доступное только лучшим воинам Императора. Аларик знал, что нанесение удара — достаточно трудная задача даже для полного отделения, а Танкреду и трем оставшимся его воинам потребуются все силы без остатка.

— Отмщение за погибших! — закричал Аларик, стараясь помочь Танкреду. — И только чистые возродятся из бездны!

Внезапное крещендо психического напряжения чуть не сбilo капитана с ног. И вот с клинка Мандулиса сорвалось ослепительно белое пламя веры. Взрывная волна потрясла камень. Аларик увидел, как ближайšie чудовища обратились в пепел, а затем их искаженные силуэты распались в пыль.

Существа, атаковавшие Дворна, пронзительно завизжали и закрылись щупальцами, точно хотели спрятаться от света. Авточувства Аларика отключились из-за перегрузки, и он уже ничего не видел, кроме чистой белизны и меча Мандулиса посередине, сверкающего застывшей молнией.

— Ложись! — раздался голос из-за спины Аларика, и капитан инстинктивно бросился на землю.

Боевые братья последовали его примеру. В следующее мгновение над их головами раздалась тяжелые удары. Освященные снаряды двух псипушек десантников Генхайна сотрясли тягучую плоть чудовищ, и психическая детонация разорвала их прогнившие тела.

Вскоре зрение вернулось к Аларику. Он лежал лицом вниз на земле, забрызганной зловонной дымящейся кровью. Быстро поднявшись на ноги, он увидел, что стоит на участке, сплошь покрытом рваными кусками плоти. Затем раздалась одиночные выстрелы: отделение Генхайна спускалось по склону, и космодесантники добивали тех врагов, что еще шевелились. Брат Ондурин послал струю освященного прометия из огнемета в гущу теней, и они с визгом рассеялись.

Доспехи воинов отделения Аларика еще дымились, и на серой броне появились бурые, выжженные едкой слизью пятна.

Десантники Танкреда пострадали еще сильнее. Сам командир отделения терминаторов, устало склонившись, стоял на коленях. Удар холокоста отнял у него почти все силы: Танкред и сам не ожидал, что ненависть его воинов окажется настолько мощной. Меч Мандулиса все еще сиял, и от его лезвия поднимались кольца дыма.

Брат Гловен, один из десантников Танкреда, лежал, не шевелясь. Брат Карлин перевернул

его и увидел, что вся передняя часть доспехов разъедена коррозией, а под ними обнажилась почерневшая плоть. Карлин опустил тело Гловена. Было ясно, что Серый Рыцарь мертв. Вероятно, его сразу сбили с ног, и доспехи не выдержали едкой слизи нападавших. Даже освященная броня терминатора оказалась недостаточно прочной против охранников гробницы святого Эвиссера.

Танкред обернулся к Карлину, носившему огнемет отделения.

— Сожги нашего брата, — приказал он, и Карлин послушно окатил тело Гловена струей пламени.

Всего через несколько секунд от тела Серого Рыцаря осталась только почерневшая оболочка доспехов.

Они не смогли даже забрать геносемя, чтобы вернуть в орден. Но Аларик поклялся, что если он выживет, то сделает все, чтобы сохранить память о Гловене для будущих воинов.

— Идем дальше, — сказал Аларик. — Держитесь вместе. С нами Император.

Серые Рыцари продолжили путь через скелетообразный город. Аларик видел, что над их головами кружатся все новые и новые чудовища, похожие на громадных стервятников.

При виде охранников химического завода на берегу озера Рапакс комиссар Танатал едва не впал в отчаяние. Вокруг здания из земли выползали ужасные существа; повсюду виднелись извивающиеся конечности и ухмыляющиеся рожи, которые что-то бормотали на тысяче непонятных наречий. Их были сотни и сотни — злобные монстры с огромными зубастыми ртами, с цепкими лапами и острыми когтями. И все они выкарабкивались из земли на защиту завода.

Танатал тогда решил, что смерть не входит в понятие долга. Быть разорванным в клочки безумной ордой — слишком большая плата за исполнение обязанностей перед Императором. Комиссаром овладел грех сомнений, решительность испарилась при виде врагов. Тучи пепла разошлись, страшная картина предстала его людям. Крики демонов достигли слуха, и солдаты в нерешительности остановились.

Но инквизитор Валинов не испугался. И, с благоговением глядя на него, Танатал ощутил, как рассеивается страх. Валинов с поднятым мечом без колебаний шагнул в кипящее море демонов, и они дрогнули от его решимости, завизжали от страха.

Валинов выкрикивал слова на странном шипящем наречии — Танатал догадался, что это была древняя молитва, посвященная Императору, — и демоны расступались под его натиском. Инквизитор прошел в самую середину нечестивой толпы, продолжая творить молитвы, призывающие силу. Свободной рукой он воспроизводил отрывистые священные знамения, от которых демоны убирались обратно в землю.

— Да устрашит вас присутствие вашего повелителя! — кричал Валинов, перейдя на высокий готик. — Почувствуйте Его прикосновение, сгорите от Его слов! Прочь, прочь слуги распада, убирайтесь в землю, долой с глаз праведных!

Слова Валинова заставили многих демонов скрыться под землей. Остальные твари вздрогнули и попятились, так что между балурианцами и гробницей образовался проход.

— Смотрите! — вскричал Танатал. — Смотрите, как пугает Врага слово Императора! Он с нами! Вперед, слуги Императора! Выполним наш долг перед человечеством!

— Враг дрогнул! — вторил ему Валинов, направляя балурианцев к входу в здание завода. — Мы — острие копья Императора! Ощутите Его дух, ведущий вперед! Возрадуйтесь: вам дано сокрушить основу разложения!

Лица солдат засияли радостным изумлением. Пехотинцы двинулись сквозь море демонов. Теперь враги жалобно выли, отвернув морды, и радужное сверкание их кожи потускнело от

досады и бессильного гнева.

Пепельная завеса в небе разорвалась. Яркий солнечный луч, какого на Вулканис Ульторе не видели сотни лет, осветил перерабатывающий завод, позолотил серые бетонные стены и очертил их сверкающей белизной.

Поистине око Императора отметило это место своим взглядом! Двери завода были открыты, словно приглашая балурианцев войти и очистить здание от скверны. Валинов храбро шагнул к проему, за ним двинулись сотни пехотинцев во главе с Танаталом.

Без всякого понукания балурианцы затащили старый боевой марш, который распевали еще мальчишками на первых парадах Балура. Это была песня о долге, отваге, тоске по дому и скитаниях между звезд. Такая неустранимость окончательно добила демонов, и они попрятались в тенях. Многие там и остались — слабые, беспомощные перед решимостью воинов и светом Императора в их сердцах.

Двери завода были совсем близко. Зияющая темнота молила о лучах света. Теперь Валинову не было необходимости подталкивать солдат: он пустился бегом и проскочил в разбитые двери. Танатал последовал за ним, и все воины хлынули внутрь, держа лазружья наперевес. Ни один не замедлил шага.

Вслед за ними в помещение ворвался и свет и осиял древние стены. На воинов с одобрением взглянули статуи героев Империиума. Высоко наверху, словно маяк, сверкала золотом гробница святого Эвиссера — это место балурианцам предстояло вырвать из вражеских рук.

А перед храмом выстроились враги. Они неясно мерцали, испуганные внезапным появлением бесстрашных балурианцев. Теперь им не помогут ни выкрашенные в красный цвет доспехи, ни ружья в сильных руках. С балурианцами шли Император и его самый отважный слуга — инквизитор Валинов. Они не подведут.

Танатал даже не сознавал, что поет вместе со всеми балурианцами. Он обнажил цепной меч и во главе сотен пехотинцев ринулся в атаку.

Канонесса Людмила ждала нападения из храма. Вокс-связь окончательно отказала, и канонесса не имела возможности узнать, что происходило внутри. Но она понимала, что Серые Рыцари и серафимы Лакримы ушли в храм, чтобы поскорее обезопасить это место, и никто не вышел обратно. Людмила уже собиралась приказать сестрам войти вслед за Серыми Рыцарями, как вдруг старшая сестра Гелоиза, командующая отделением Возмездия, доложила о странном колдовстве под землей. Вся почва вокруг завода заволновалась, снизу начали выбираться какие-то существа.

Гелоиза успела пройти половину пути между статуями к позиции Людмилы, как вдруг вражеская сила ворвалась внутрь.

— Сестры! Скорее к дверям завода! — распорядилась канонесса. — Гелоиза, быстро прячься в укрытие! Стреляйте по готовности! Остальным беглый огонь и приготовиться к битве! — Они выглядят как солдаты Балура, — доложила Гелоиза. — Может, нам надо...

Воздух разорвали тысячи лучей из сотен лазерных ружей, стрелявших очередями. Людмила с ужасом увидела, что все пространство пронизано рубиново-красными стрелами огня. Вдрагивали и падали древние статуи, превращаясь в груды осколков; лучи хлестали по ступеням храма и доспехам сестер. Где-то застучали выстрелы из тяжелых болтеров и мультимелт сестер Гелоизы. Но вскоре эти звуки потонули в грохоте лазружий и отвратительно громком парадном марше, вылетавшем из сотен глоток атакующих солдат.

Людмила, с инферно-пистолетом в руке, окинула взглядом боевых сестер. Они собирались у подножия ступеней храма и выстраивались в линию, но только половина успела занять

позицию, когда ударил первый залп стрельбы балурианцев.

Очереди тяжелых болтерных снарядов прошивали насквозь тела в ярко-синих доспехах. Брызги крови в прерывистых лучах лазеров казались застывшими в воздухе. Ответные лучи лазружей испещрили выбоинами мраморные ступени. На глазах Людмиллы многие сестры содрогались, когда лазерные снаряды находили слабые места в доспехах. Один из таких снарядов угодил в голень и чуть не сбил сестру с ног. Другая приняла удар нагрудником; у третьей разлетелись в клочья пробитые снарядами рукава накидки.

Перед Людмиллой встал ряд оскаленных солдатских лиц. Их вел комиссар с болт-пистолетом в одной руке и цепным мечом в другой. Первый ряд солдат был мгновенно сметен болтерным огнем сестер. Уцелевшие пехотинцы топтали раненых и убитых и упорно продвигались вперед. Их голоса, полные ярости и ненависти, становились все громче.

И во главе этой орды канонесса увидела инквизитора Валинова. Он шел прямо, не прячась и не сгибаясь под пулями; энергетический меч бросал серебряный отблеск на его лицо.

Волна атакующих солдат нахлынула на позиции сестер, и мир Людмиллы внезапно съезжился до крошечного пространства между сжатыми телами, колющими штыками и мечущимися лазерными лучами. Воздух наполнился запахом пропотевших тел и раскаленного оружия. Людмила крепко стояла на ногах среди напиравших солдат и стреляла направо и налево. Последний выстрел получился в упор: канонесса была уверена, что перегретый снаряд пробил насквозь сразу трех или четырех нападавших. Напор немного ослаб, и Людмила сумела отбросить тела солдат.

Теперь она не могла командовать войском, как подобало канонессе. Каждой из сестер приходилось сражаться самостоятельно.

— Во имя Трона! — закричал кто-то в толпе. Его голос взвился над криками ярости и стонами раненых, над лязгом клинков по доспехам и даже над болтерной стрельбой, приглушенной стиснутыми телами.

Из толчеи навстречу Людмилле вырвался один из солдат и приготовился нанести удар штыком сверху вниз. Она успела перехватить дуло оружия, потянула на себя, а второй рукой обвила шею солдата и поворачивала ее, пока не хрустнули позвонки. Затем нанесла тяжелый удар ногой — так, что под керамитовым сапогом затрещали кости, — и выстрелила в упор. Тело солдата разорвало надвое, а на том месте, где он лежал, образовалась обожженная дыра.

От крови слиплись волосы и лицо покрылось коркой. Грохот сражения, словно во сне, встал белой стеной шума. Солдаты и сестры погибали. Старшая сестра Аннализа цепным мечом отрубила обе ноги офицера, и лезвие, описав кровавую дугу, разбросало осколки брони. Сестра Глориана, закрыв лицо руками, упала на спину, и между ее пальцев ручьем хлынула кровь. Боевые сестры под натиском солдат отступали вверх по ступеням храма, не переставая разряжать в напиравшую толпу обоймы болтерных снарядов. Кое-кто оставался в самой гуще нападавших, пытаясь сдержать натиск при помощи боевых ножей и болтерных прикладов.

Мелькнула вспышка яркого света. Людмила увидела, что это энергетический меч — тот самый, что нес Валинов. Клинок описал дугу, и голова сестры, все еще со сжатыми от ярости зубами, пролетела по воздуху.

Валинов. Аларик говорил, что инквизитор их предал, и вот доказательство его измены. Инквизитор он или нет, но он убивает сестер и во имя Императора должен за это ответить.

Людмила стала пробираться сквозь толпу, выжигая путь инферно-пистолетом. В бушующей массе разгоряченных тел канонесса видела только горящий энергетический меч. Клинок колот и рубил без устали. Мощное поле рассекало керамитовые доспехи, брызгая горячими белыми искрами. Валинов, убивая, не переставал ухмыляться, и это было самым отвратительным зрелищем на свете.

Людмила ощутила, как внутри нее разгорается священный гнев. Подобное чувство она испытывала, слушая легенды проповедника о врагах Императора. Оно вело ее во время первых миссий, когда Людмила была боевой сестрой; оно же помогло ей подняться до ранга канонессы.

Ненависть помогала ей двигаться вперед даже после того, как луч лазружья прожег бедро, а приклад болтера едва не пробил череп. Людмила продолжала идти, несмотря на то, что глаза наполнились кровью, а вопли сестер и балурианцев перекрывали грохот стрельбы. Канонесса слышала призывы комиссара к атаке; эти призывы подгоняли ее, напоминая о том, что и балурианцы были преданы Валиновым.

Теперь Людмила отчетливо видела Валинова. Он освободил вокруг себя пространство, достаточное для размаха меча, и теснил отделение сестер, заставляя их подниматься вверх по ступеням. Вокруг не переставали гибнуть солдаты.

Людмила сделала последний бросок, оттолкнула и растоптала тяжелыми сапогами окружавших пехотинцев. Наконец она освободилась и рванулась вперед, держа перед собой инферно-пистолет.

Людмила была отличным стрелком. Она не должна промахнуться! Только не сейчас... Через ее гнев Император направит ее руку. Канонесса ощутила, как ее наполняет Его сила: ведь Он слышал все молитвы, прочитанные ею в течение жизни. Теперь Он наградит преданного слугу, выбрав инструментом Его отмщения...

Мелта-спираль активизировалась. Дуло полыхнуло огнем, и заряд энергии, вырвавшись наружу, понесся в центр груди Валинова.

Внезапно сверкнула ослепительно белая вспышка, и канонессу окатило жаром. Облик Валинова в белом сиянии словно выжгло на сетчатке глаз Людмиллы — это конверсионное поле рассеяло энергию снаряда и превратило ее в плену белого огня.

Энергетические доспехи. Дорогие, редкие, предмет желаний любого воина. Вероятно, предатель взял их в Центральном Улье, на оружейном складе губернатора — так же, как и энергетический меч. Людмила должна была догадаться. А теперь холодная волна отчаяния, подобная удару в живот, чуть не сбила ее с ног.

Канонесса тяжело опустилась на мраморный пол. Едва вспышка погасла, Валинов широко размахнулся и отсек ее руку с пистолетом по локоть, затем перехватил меч и нанес колющий удар в живот. Людмила ощутила, как лезвие вышло из спины. Ослепительный разряд боли лишил ее возможности дышать, заставил забыть даже об отрубленной руке. Леденящая агония, холодная и острая, как лезвие в теле, подхватила канонессу мощной волной. Снаряды замерли в воздухе. Крики отодвинулись далеко за непроницаемую стену. Император, ее сестры, Галактика, которую она клялась защищать, — все исчезло, осталась только агония.

А потом Валинов повернул меч, и в мозгу Людмиллы разверзлась зияющая чернота. Жизнь стала вытекать из рассеченного тела на мраморные ступени.

Валинов выдернул меч и вновь переключил внимание на сестер, защищавших вход в храм. Отступник даже не позаботился убедиться в смерти Людмиллы.

Ему это не требовалось. Людмила упала навзничь на ступени, уже понимая, что мертва. Только ее чувства этого пока не осознали. Она еще видела рвущихся вперед солдат, видела наступавшие на нее ноги и теплую кровь, растекающуюся вокруг.

Вместо крови в ней появлялась холодная пустота. Постепенно она разлилась по всему телу и поглотила канонессу. Гробница святого Эвиссера исчезла, и Людмила умерла.

Город кишел культистами — последователями Гаргатулота в одной из множества его форм. Когда-то давно они были унижены, растерзаны и отравлены грязью озера Рапакс. Затем воля Тысячеликого Принца их оживила. Сам город, как и культисты, служил Гаргатулоте. Стены были деформированы и превращены в раздутые, уродливые живые тела; некоторые из них приняли вид демонических личин. Улицы представляли собой бесконечные ловушки из качающихся обломков мрамора. Сияние саркофага окружало город ослепительным светом, но внутри стояла глубокая тьма.

Щупальца тянулись из-под упавших обломков зданий. Культисты семидесяти семи масок выскакивали из распахнутых окон, бросались с провисших крыш, брызгали ядовитой слюной, размахивали щупальцами, пытались утащить под землю и задушить.

Танкред возглавлял отряд, и меч Мандулиса не останавливался, рассекая культистов надвое при каждом взмахе. Рядом с командиром отделения пробивались сквозь осыпающиеся стены его могучие братья-терминаторы. Следом шли воины Аларика: они отгоняли культистов, которые пытались зайти сбоку или сзади, разделить отряд и окружить Серых Рыцарей поодиночке. Аларик неустанно рассекал алебардой Немезиды мускулистые тела, покрытые слизью, и сбивал злобно бормочущие головы. Молот Дворна крушил стены, а десантники Генхайна поливали пламенем огнеметов притаившихся за ними культистов.

В какой-то момент этой бесконечной битвы погиб брат Вьен. Тянувшиеся из земли лапы сумели стащить его вниз по склону, а затем, растворив броню на ноге, проникли к телу. Вьен состоял в отделении Аларика с тех пор, как того выбрали правосудором. Аларик знал Вьена как превосходного Серого Рыцаря, чьи личные молитвы отличались краткостью и сосредоточенностью. Это был вдумчивый и прилежный воин, который за трудами по философии и истории Империи проводил не меньше времени, чем на тренировках по стрельбе и рукопашному бою. Возможно, в скором времени он и сам бы стал правосудором, но погиб в зловещей тьме с последней молитвой на устах.

Серые Рыцари продолжали идти вверх по склону, а город становился все теснее. За каждым углом воинов поджидали культисты. Из стен стали проступать ухмыляющиеся лица. Мраморное небо над головами морщилось и колыхалось, словно сама реальность с трудом удерживалась над акрополем. В мозг Аларика пробивались чьи-то голоса, но психическая защита глушила постороннее влияние, пока слова уже невозможно было разобрать.

Встроенные в доспехи обереги, реагируя на пропитавшее гробницу зло, едва не примерзали к коже. Ледяной воздух запирал горло. Даже с усиленным метаболизмом космодесантника каждый вдох давался с трудом. Это место высасывало из него жизнь, здесь находилось настоящее средоточие смерти.

Акрополь уже нависал над Серыми Рыцарями: между ними и вершиной оставалась последняя линия зданий-паразитов. Их крыши обрамлял золотистый свет, но воины все еще оставались в глубокой тени. Между накренившимися домами не было проходов: Серым Рыцарям предстояло самим пробивать путь.

Еще один ряд домов — и они будут у цели. Еще одно укрытие — и достигнут открытой вершины.

Аларик направил отряд к сильно обветшавшей базилике — строению под купольной крышей, которое, казалось, вытекло из ставшего почти отвесным склона. Ступени трещали и

осыпались под ногами. Внутри царила крошечная тьма; но перед глазами космодесантников все выглядело темно-серым. Где-то наверху виднелись вырезанные в куполе фигуры: при взгляде на них казалось, что они движутся. На полу и стенах были выложены слова на незнакомом Аларику наречии, и буквы в них беспрестанно извивались. Все здание оказалось пустой оболочкой, лишенной жизни. Только пропитавшая камни ненависть удерживала их от разрушения. Едва Аларик ступил на пол базилики, как мрамор содрогнулся, обереги холодной спиралью обвили все тело, а резные фигуры неодобрительно отвернулись от благочестивого воина.

Отряд вошел в здание следом за Алариком. Терминаторские доспехи Танкреда сильно пострадали в боях, из-под наплечников сочилась кровь, и дыхание с трудом вырывалось из груди, как у загнанного зверя. Он и его воины взяли на себя основную тяжесть атаки: они пробивали стены и первыми врываются в гнезда культистов. Из всего отделения остались в живых только сам Танкред, Локат и Карлин, несущий огнемёт. Применение холокоста истощило их силы, и это оружие не удастся призвать на помощь еще раз.

— Мы уже близко, — сказал Танкред. — Я это чувствую. И меч тоже это знает.

Невероятно, но, даже покрытый ядовитой слизью и кровью, клинок Мандулиса сиял по-прежнему ярко. Отполированное до зеркального блеска лезвие даже в полной темноте отражало или само рождало свет.

— Еще один, — произнес Генхайн, поднявшийся со своими братьями на ступени базилики. — Еще один шаг.

В базилике врагам было негде спрятаться. Культисты ненадолго отступили; они перегруппировывались где-то неподалеку. У Серых Рыцарей появилось несколько секунд передышки.

— Если бы я был настоящим братом-капитаном, — заговорил Аларик, едва восстановив дыхание, — я бы знал, какую молитву мы должны прочитать в этом случае. Но я думаю, вы и сами знаете, что нам предстоит сделать. Мы не знаем, каковы у нас шансы выжить, — значит, будем сражаться так, словно они равны нулю. Неизвестно, с чем мы столкнемся, — значит, будем драться так, словно против нас выступают сами боги тьмы. Никто нас не вспомнит, и вряд ли нас когда-нибудь похоронят на Титане, — значит, мы здесь создадим собственный мемориал. Орден может нас потерять, и Империиум никогда не узнает даже о нашем существовании, но Враг — Враг о нас узнает.

Враг запомнит нас навсегда. Мы нанесем такой удар, что он не сможет забыть нас до тех пор, пока не догорят звезды, пока Император не победит его в конце всех времен. Даже умирая, Хаос в свою последнюю минуту будет думать о нас. Таким будет наш мемориал — шрамом на сердце Хаоса. Мы не можем проиграть, Серые Рыцари. Мы уже победили.

На мгновение наступила тишина, нарушаемая только дыханием Серых Рыцарей да угрожающим бормотанием самой базилики.

Дворн поднял молот Немезиды и шагнул к дальней стене, где резные безликие фигуры испуганно корчились, стараясь убраться подальше. Танкред, Локат и Карлин пошли следом, готовясь к последней атаке. После короткой безмолвной молитвы Дворн размахнулся молотом.

От мощного удара стена развалилась, и в отверстие хлынул ослепительный свет, обрисовав силуэты Дворна и Танкреда.

— Ты уже стал настоящим капитаном, Аларик! — крикнул Танкред и ринулся в проем.

Аларик и Генхайн последовали его примеру. Их авточувствам пришлось напрячься, чтобы уберечь зрение от внезапной перегрузки.

Сквозь пролом в стене Аларик выбежал на крутой мраморный склон, а затем поднялся к самому акрополю.

Психологическое воздействие свелось к одной резкой ноте — словно где-то запел в унисон огромный невидимый хор. Сверху струился яркий свет. Над прямоугольником белого мрамора, сиявшим ярче звезд, Аларик заметил херувима вроде тех, что были изображены рядом с имперскими святыми.

Здесь не было никаких культистов. Свет бы их мгновенно уничтожил.

Танкред прошел к центру гладкой каменной площадки, Генхайн и Аларик прикрывали его сзади. Саркофаг оказался таким огромным, что рядом с ним даже Танкред выглядел ребенком.

Танкред махнул рукой терминаторам, и Карлин с Локатом подбежали вплотную к саркофагу. Высоко подняв руки над головой, они всунули пальцы в щель между корпусом саркофага и крышкой.

Усиленная мускулатура и сервоузлы терминаторских доспехов придавали им силу, намного превосходящую мощь обыкновенного космодесантника. Два воина медленно налегли, и крышка сдвинулась. Танкред помог братьям приподнять каменную пластину, и все вместе они отбросили ее в сторону. Крышка с грохотом рухнула на камни акрополя и разлетелась на мелкие осколки.

Свет внезапно погас. Пение далекого хора превратилось в вопль. Внутри открытого саркофага что-то зашевелилось. Десантники Танкреда открыли стрельбу из штурмболтеров, к ним сразу же присоединился Генхайн. Но грохот стрельбы потонул в раздавшемся сверху реве. Аларик уже поднял оружие, чтобы прицелиться, но внезапно понял, что это бессмысленно.

Из саркофага медленно поднялась рука скелета, в которой каждый палец был длиной с руку десантника. Затем во тьме что-то шевельнулось, и появилась голова святого Эвиссера — огромная, полусгнившая; с почерневших костей лица свисали лохмотья разорванной кожи; остатки погребального савана, запятнанные гноем, прилипли к голове. Из опустевших глазниц сочилась зловонная жидкость. Рот оскалился кривыми зубами. Костлявая рука уперлась в землю, и из саркофага поднялся святой Эвиссер — громадный, искривленный монстр, полностью утративший человеческий вид.

Святой Эвиссер повторно взревел, широко открыв рот. От оглушительного звука по саркофагу пошли трещины. Болтерный залп ударил Эвиссеру в лицо, раздробив зубы, выбив осколки черепа, но скелет поднял вторую руку, схватил брата Локата за шею и с визгом бросил его на каменный пол. От удара в мраморе образовалась воронка, а терминаторские доспехи треснули. Святой Эвиссер поднял останки воина и вновь ударил его о пол. На этот раз мрамор окрасился кровью.

Танкред бросился в атаку. Аларик ничего другого от него и не ожидал, но святой Эвиссер взмахнул рукой, и Танкред взлетел в воздух. Аларик увидел, как правосудор вылетел за пределы акрополя и ударился в стену стоящей внизу базилики. Карлин, последний из отделения Танкреда, окатил чудовище струей пламени из огнемета, но падший святой даже не обратил на это внимания.

Святой Эвиссер выбрался из саркофага. Теперь, когда он выпрямился во весь рост, стало ясно, что монстр в несколько раз выше любого из Серых Рыцарей. Его нога ударила в пол, и по всему акрополю пробежала трещина, в которую посыпались обломки камней. Воины Аларика и Генхайна с трудом удержались на ногах, но им пришлось вцепиться в мраморные камни, чтобы не соскользнуть под ноги чудовищу. Монстр подобрал кусок мрамора величиной с человека, пронзительно взвизгнул и метнул снаряд в воинов Генхайна. На глазах Аларика край осколка разорвал пополам брата Гренна, а оторванная рука брата Салкина, кувыркаясь, полетела в сторону.

Аларик не слышал отчаянных предсмертных криков. Не слышал он и приказа Генхайна открыть огонь, не слышал даже собственного голоса, когда, уповая на священную ярость

братьев, призывал к отмщению. Аларик выпрямился и, несмотря на грозящую его авточувствам перегрузку, ринулся по наклонному полу на святого Эвиссера. Чудовище взмахнуло рукой, но Аларик увернулся, подскочил и нанес удар лезвием алебарды. Клинок угодил между подгнившими ребрами, пронзил высохшие внутренние органы и мертвую плоть. Аларик выдернул оружие и вновь нанес колющий удар. Теперь алебарда пронзила тело насквозь — так, что острый конец вышел из другого бока святого Эвиссера.

Аларик повернул оружие Немезиды, чтобы выдернуть его из тела, но в этот момент огромная рука святого Эвиссера обхватила его голову. Аларик почувствовал, что его ноги оторвались от земли. Он яростно размахивал алебардой, надеясь отсечь руку скелета, но между костями пальцев мог видеть лишь отвратительные мокрые глаза — бледные озера ненависти, полные безумия и Хаоса.

Обереги в доспехах едва выдерживали перегрузку; они жгли тело холодным огнем и вплавлялись в кожу. Только боль напоминала Аларика о том, что он пока жив. Он изогнулся и нажал пусковую кнопку болтера. Зная, что залп вряд ли спасет его, капитан Серых Рыцарей даже перед неминуемой смертью продолжал бороться любимыми способами.

Где-то позади сверкнула вспышка, и голова святого Эвиссера дернулась в сторону, полетели костяные осколки. Рука скелета разжалась. Аларик грохнулся на землю и тотчас увидел, как святой Эвиссер, принявший мощный удар палицы Немезиды, стряхивает со спины правосудора Санторо. Одна сторона черепа чудовища раскололась, и внутри показалась красноватая мешанина тканей, когда-то бывшая мозгом имперского святого.

Внезапно в мощи святого Эвиссера ударил залп болтерных снарядов. Сестра Лакрима, с окровавленным лицом и разбитой челюстью, карабкалась через завалившие акрополь камни. Следом шли ее сестры. Одна из серафимов, вооруженная двуручным огнеметом, окатывала святого струями пламени, отвлекая его внимание, пока вторая сестра палила в него из болт-пистолета.

Аларик отполз от ног святого Эвиссера. Брат Микрос, носивший огнемет в отделении Санторо, стукнулся рядом с ним о землю, и правая сторона его доспехов раскололась при падении. Аларик откатился в сторону, и в то же мгновение неподалеку грохнулся Санторо. Ему крепко досталось, но правосудор был жив. Его доспехи помялись, палица дымилась от прилипшей нечестивой плоти.

Аларик обхватил Санторо, и оба они, помогая друг другу, встали на ноги и заковыляли вверх по наклонному полу акрополя. Святой Эвиссер рванулся вперед, стараясь разбросать Серых Рыцарей и боевых сестер в разные стороны. Сестра Лакрима едва успела уклониться от удара, который раздробил руку одной из ее серафимов, а брат Марл со сломанной ногой отчаянно пытался отползти в сторону.

И вдруг на краю кратера, пробитого святым Эвиссером, появилась массивная фигура Танкреда. Его доспехи были почти полностью разбиты, керамитовые пластины искорежены до неузнаваемости, от неисправных сервоузлов летели искры, и кровь текла из дюжины пробоин. Лишь белки глаз сверкали яростью на окровавленном лице. Штурмболтер, встроенный в запястье доспехов, разбился при падении на стену базилики, но в другой руке Танкред сжимал меч Мандулиса.

Святой Эвиссер взмахнул ногой, и еще одна сестра взлетела в воздух, разбрасывая горящее топливо из разбитого прыжкового ранца. Падший святой, несмотря на непрекращающийся огонь болтеров со стороны отделения Генхайна, повернулся в сторону Аларика и Санторо.

Аларик знал, что должен делать. Санторо тоже.

Забыв о боли и голосах, звучащих в голове, Аларик вновь бросился в атаку. Святой Эвиссер отвел удар алебарды, и капитан едва устоял на ногах, но Санторо был уже рядом и ударом

палицы отбил руку чудовища. Аларик размахнулся заново, ударил снизу вверх и почувствовал, что клинок уперся в ребра Эвиссера. Но теперь Аларик не ставил целью убить святого Эвиссера.

Огромный монстр наклонился, и Аларику пришлось откатиться в сторону, чтобы увернуться от удара гигантского кулака, раздробившего камень за спиной Серого Рыцаря. Он услышал удар палицы Санторо по грудной клетке святого и понял, что чудовище должно покачнуться. Тогда Аларик попытался подрубить одну ногу святого Эвиссера и был вознагражден дождем каменных осколков.

— Я — молот, — затянул Танкред, и его голос, как ни странно, пробился сквозь шум. — Я — меч в Его руке, я — наконечник Его копья...

Танкред осторожно подходил к святому Эвиссеру, следя за каждым его движением. Аларику и Санторо было необходимо отвлечь внимание чудовища. Им надо было остаться в живых еще несколько мгновений, поскольку святой Эвиссер и был тем сосудом, через который должен был возродиться Гаргатулот. И убить его должен был только Танкред.

Святой Эвиссер вырвал из пола узкую и заостренную, словно лезвие, пластину мрамора. Он замахнулся, держа ее наподобие двуручного меча, но Аларик успел отскочить. Санторо встретил удар палицей Немезиды, и мрамор взорвался тысячами мелких осколков.

Эвиссер нагнулся к Санторо, намереваясь разорвать его пополам, однако Аларик оказался проворнее — он перехватил алебарду обеими руками и прыгнул навстречу павшему святому. Клинок вонзился точно в мокрую глазницу чудовища.

Раздался такой чудовищный вопль, что Аларик испугался за свои авточувства: мощная шумовая стена могла вызвать короткое замыкание. Эвиссер резко дернул головой — так что Аларика отбросило на разбитый мраморный склон и перед глазами Рыцаря завертелось темное небо гробницы. Ударом ноги Санторо был подброшен в воздух; тело правосудора неестественно выгнулось и пропало из виду за краем впадины в полу акрополя.

— Я — латная рукавица на Его длани! — взревел Танкред. — Я несу смерть Его врагам и проклятие предателям.

Из всех, с кем приходилось сражаться Аларику, Танкред был лучшим мастером боя на мечах. Его смог победить в поединке только брат-капитан Стерн. Святого Эвиссера поддерживали силы Хаоса, зато Танкред атаковал искусно и беспощадно. Меч Мандулиса сверкнул в воздухе, и огромная рука скелета, отсеченная по плечо, грохнулась на пол. Она рассыпалась на куски, а из раны вылетела молния. Танкред раз за разом наносил удары по туловищу монстра, меч звонко ударялся в ребра, фрагменты костей сыпались дождем, и позвонки пулями разлетались в стороны.

Святой Эвиссер упал на колени, а правосудор все продолжал наносить удары. Эвиссер поднял голову, но не успел он испустить вопль, как Танкред описал мечом широкую дугу и клинок рассек шею павшего святого.

Голова святого Эвиссера с искаженным от второй смерти лицом упала на пол. Из основания шеи вырвался луч чистейшего света и вонзился в темное небо.

Ноющий звук в голове возвысился до пронзительного крика. Он проникал в самую душу Аларика.

А затем акрополь взорвался вспышкой ослепительного света.

Голик Рен-Сар Валинов успел ворваться внутрь гробницы, чтобы присутствовать при возрождении своего повелителя.

За его спиной, при виде разваливающегося, прогнившего мира, выстроенного Хаосом над телом святого Эвиссера, замерли остолбеневшие балурианцы. Перед ними открылась пораженная гнилью оболочка города, кишевшего исчадиями семидесяти семи масок. Тяжелое

каменное небо дымилось; кругом валялись мраморные осколки, зияющие пропасти стерегли под ногами. Над сверкающим акрополем кружили огромные разноцветные демонические существа.

Многие балурианцы лишились разума в тот же миг, еще до взрыва акрополя. Валинов довел их до критического состояния, когда своими коварными словами и поступками привел в ярость и направил в усыпальницу. Теперь они сделали свое дело, и необходимость в них отпала — так что Валинов оставил их в когтях безумия. Для защиты от неосторожных и любопытных людей, которые могли нечаянно найти дорогу к гробнице, Гаргатулот воздвиг вокруг усыпальницы щит, воздействующий на чувства. Тысячеликий Принц защитил свою святыню барьером безумия, и многие балурианцы стали его жертвами. Но Валинов был не настолько слаб.

Некоторые балурианцы, лишившись всех понятий о морали, увидели перед собой красоту и свет. Перед ними предстал мир величия и славы, и солдаты радостно побежали ему навстречу, но лишь для того, чтобы провалиться в глубокие трещины или попасть в лапы немногочисленных культистов, не замеченных Серыми Рыцарями. Другие при виде открывшейся картины полностью лишились сил, их подсознание заблокировало все чувства, чтобы не подвергать разум риску полного безумия. Многим пришла в голову мысль, что все вокруг поражены разложением. Пехотинцы бросились на своих друзей: раздались громкие проклятия, загрохотали лазружья, засвистели боевые ножи.

Комиссар Танатал до последнего мгновения оставался верным долгу: он обвинял воинов в ереси и пособничестве демонам и одновременно пытался объяснить происхождение всей этой нечисти. Он напропалую палил по балурианцам, и те, кто еще был в состоянии что-то предпринять, бросились на него и свалили на землю. Комиссар исчез в толпе обезумевших солдат. Из свалки еще доносились выстрелы болт-пистолета: Танатал вершил правосудие Императора до тех пор, пока не был забит до смерти на треснувших мраморных плитах.

Валинова ничто не трогало. Та часть разума, которая могла поддаться безумию, давно исчезла из его мозга. Исчезла слабость духа, делающая человека доступным для псайкеров. Океан отчаяния, в котором утонул бы менее закаленный человек, казался отступнику теплой и приятной ванной.

Когда-то Валинов молился любому, кто мог его услышать, чтобы эти части разума зачахли и погибли. Они причиняли невыносимые страдания в те времена, когда Голику Рен-Сару Валинову приходилось выполнять жестокие и страшные задания Инквизиции под началом Барбиллуса. Гаргатулот услышал мольбы и лишил Валинова человеческих слабостей, освободил его от сомнений и морали. Это был величайший из даров, полученных человеком. Теперь Валинов без затруднений убивал и отправлял людей на гибель. Он отплатил Гаргатулоту преданной службой и теперь собирался навеки воссоединиться с господином.

Прогремел невероятной силы взрыв. Белый смерч разорвал акрополь на куски. Родовые муки Гаргатулота сотрясли камни, стерли с лица земли цеплявшийся за них город и в одно мгновение стряхнули все семьдесят семь масок. Ударная волна прокатилась по мраморным развалинам, словно круги от брошенного камня — по воде. Вся усыпальница вздулась от удара психической энергии, балурианцев отбросило назад: некоторые из них врезались в колонны, а другие вылетели обратно в сад статуй. Валинов был уверен, что мимо него пулей пронеслось и ударилось в дальнюю стену гробницы тело Серого Рыцаря.

Валинова ничто не трогало. Гаргатулот его защитит.

На месте города осталась только зияющая пасть обширного кратера.

И вот, наконец, свершилось возрождение Тысячеликого Принца. В полном сиянии своего могущества он появился в реальном мире.

Берег озера Рапакс покрылся рябью, словно вода. Это было единственным предупреждением, а затем крышу химического завода пробил столб мерцающей радужной плоти шириной в несколько сотен метров и высотой в целый километр. Подобно извержению вулкана, он вознесся к темному небу Вулканис Ультора.

Наружные конусы Центрального Улья словно съезжились по сравнению с колонной, поднявшейся из гробницы святого Эвиссера. Она переливалась цветами, которые могли существовать только в варпе. Реальность скручивалась и извивалась вокруг столба, как будто ее загоняли в такие измерения, которых не могло выдержать реальное пространство. По мере роста вокруг столба образовывались грозовые тучи колдовства; сверкающие туманы выстреливали разноцветными молниями. От тела колонны отделились огромные извивающиеся щупальца. Радуюсь вновь обретенной свободе, они хлестали во все стороны, вдребезги разбивая и сам завод, и оборонные укрепления вокруг него.

Почва в тени столба вскипела. Демоны, служившие глашатаями Гаргатулота, последовали за ним из варпа. Теперь они старались вытащить себя из-под земли.

На пустынных иссушенных равнинах, в подземных лабиринтах улья и в башнях аристократических замков ожило смертоносное колдовство. Многие люди сошли с ума. Другие упали мертвыми: их сердца остановил ужас. Весь Центральный Улей был объят паникой. Гаргатулот принес с собой страх — настолько всеобъемлющий, что даже те жители подземелий, кто никогда не видел небо над Вулканис Ультором, дрожали от ужаса перед демоническим принцем, показавшимся неподалеку от города.

Ненависть сгустилась и закапала со стен. Страдание разлилось холодным смертельным туманом и прокатилось по всем равнинам. Обман черными струями злобы пролился над остатками окопов и завладел всеми мыслями.

Колонна морщилась и извивалась, и на конце каждого щупальца стали образовываться ужасные и грозные существа. Тысяча новых лиц взглянула на Вулканис Ультор.

Аларик ударился о стену, и время остановилось.

Серый Рыцарь видел, как Гаргатулот показался из-под земли и ужасающе медленно развернул океан радужной плоти. Как из нее сформировалось демоническое копье, пронзившее потолок гробницы, и вознеслось к небу Вулканис Ультора. Как усыпальница развалилась на части, и демоническая плоть, поднявшаяся из-под земли, стерла в пыль и город-скелет, и мраморное основание акрополя.

Аларик медленно падал. Вслед ему летели обломки костей. Камни гробницы распадались один за другим.

Весь спектакль возрождения принца демонов разворачивался специально для Аларика, чтобы он мог пережить каждый момент безумия.

Аларик ужаснулся грандиозному размаху. Ему и раньше приходилось сталкиваться с демонами, но ни в одном из них не было и намека на такое колоссальное могущество. Разум отказывался воспринимать ужас Гаргатулота, бессмысленную силу щупалец, отошедших от его плоти, размах его появления в реальном мире...

— Как же ограничены твои мысли, — раздался голос, — что тебя поразила демонстрация малой толики моего могущества!

Аларик попытался оглянуться, но мускулы сковала смертельная медлительность. Они не хотели повиноваться. Голос казался знакомым Серому Рыцарю: он словно зарождался в его голове, а затем вырывался наружу.

Воздух сгустился. Перед глазами Аларика возникла фигура человека, словно необъятные знания Гаргатулота преобразовались в физическую форму. Тысячеликий Принц появился в

облике высокого, мускулистого, сурового на вид мужчины, одетого в звериные шкуры. Его сильное тело говорило о короткой, полной жестокости жизни, постоянных войнах, охоте и борьбе за выживание. Длинные черные волосы были завязаны на затылке и украшены птичьими когтями и перьями; в руке покачивалось копьё с кремневым наконечником.

Все культисты, поклонявшиеся Гаргатулоту, видели разные лица принца-демона. Облик, возникший перед взором Аларика, всплыл откуда-то из глубин сознания, из самых отдаленных уголков памяти, чтобы поведать капитану о его гибели.

— Так вот каким ты мне явился, — произнес Аларик, поскольку лишь губы еще не отказались ему повиноваться. — Это одно из тысячи твоих лиц?

— У меня их гораздо больше, чем тысяча.

Аларик не мог определить выражение лица говорившего: оно все время ускользало, как будто пристальный взгляд заставлял его меняться.

— В этом мире я был семьюдесятью семью масками — всеми воплощениями смерти, — продолжал голос. — На Фарфаллене я был Богом Последней Охоты. А для тебя я просто лицо, которое ты видишь перед собой.

За спиной принца-демона продолжало вырастать из-под земли его демоническое тело. Оно приняло форму огромного копья и через разрушенную крышу устремилось к небу. Толстые извивающиеся щупальца то тянулись к стенам гробницы, то торжествующе вздымались к небу.

Принц в человеческом облике оглянулся и посмотрел на демоническое тело то ли с восхищением, то ли с ностальгией:

— Это тело даровал мне Повелитель Перемен. Сам Тзинч. Сосуд для моей сущности — знаний, которые являются самым могущественным оружием перемен. С каждым убитым человеком, с каждым секретом, вырванным у моих последователей, с каждым моментом причиненных мною страданий я узнаю что-то новое и становлюсь больше. В последние месяцы я узнал очень много нового. Когда Мандулис изгнал меня, я был все равно что ребенком, но теперь усвоил много полезного. Я необходим Галактике, Серый Рыцарь. Время и пространство только ограничивают свободу. Мысли людей, словно засовы, держат все внутри. Сломите их души — и они будут свободны, а свобода и есть сущность Хаоса.

— Можешь лгать мне сколько угодно, — сказал Аларик. — Продолжай. Лги. И докажи, что я прав.

Принц снова повернулся к Аларику; на жестоком лице можно было увидеть лишь мимолетный намек на выражение.

— А ты меня очень заинтересовал, Аларик. В тебе есть то, что я впервые ощутил в Мандулисе, когда он умирал. Ты отгораживаешься от всех чувств, которые когда-то сделали тебя человеком. Ты теперь меньше, чем человек. Ты отсекаешь в своей душе те части, которые могли бы откликнуться на свет Повелителя Перемен. Ты называешь это верой — но если ты постигнешь величие будущего Галактики, каким его обещает Повелитель Перемен, ты поймешь, насколько преступно держать мысли в столь тесных границах.

— Однажды мы обнаружили тебя, демон. Мы отыщем тебя снова.

— И что потом? — В голосе Гаргатулота послышалась насмешка. — Где бы я был, если бы Мандулис меня не обнаружил? Здесь, Серый Рыцарь! Так я и сейчас нахожусь здесь — со всеми последователями, с выполненной для моего повелителя работой. Изгнание ничего не меняет. Почему ты отказываешься это признать? Хаос непобедим, и тебе это прекрасно известно.

Тело Гаргатулота достигло верхних слоев атмосферы Вулканис Ультора. Вокруг него собирались грозовые тучи, со сверкающих щупалец сорвались яркие искры молний. Глаза Тысячеликого Принца, стоящего перед Алариком, все с тем же жестоким равнодушием глядели на Серого Рыцаря, а тем временем гробницу словно засасывало в пылающую колонну.

— Серый Рыцарь, тебе стоит только оглянуться вокруг, и сам все увидишь. Что такое Хаос? Ты скажешь, что это страдание. Угнетение. Обман. Но разве все это неприменимо к твоему Империи? Вы преследуете талантливых и сильных духом. Вы пытаетесь их сломить или уничтожаете. Вы лжете своим гражданам и развязываете войны против тех, кто отважится выразить несогласие. Инквизиторы, которым ты подчиняешься, отыскивают мнимые провинности и по своей прихоти уничтожают миллионы людей. А почему? Почему вы так поступаете? Потому что вам известно о Хаосе, но вы не знаете, как его победить. Вы убиваете сограждан из страха, что они могут оказать помощь Врагу. Хаос заставляет Империум страдать. И как бы вы ни боролись, это никогда не изменится. Хаос существует в состоянии перманентной победы над вами. Вы — смертные — пляшете под нашу дудку. Вы угнетаете, мучаете и убиваете друг друга, потому что этого требуют от вас боги варпа. Империум основан на Хаосе. Мой повелитель Тзинч давным-давно выиграл эту войну.

Нечестивые слова бились в щит веры Аларика, словно залпы бортовых орудий космического корабля. Слова принца-демона проникали куда глубже любого колдовства: они пробирались между слоями психоустановки. Аларик чувствовал себя обнаженным. Никогда еще он не был настолько уязвим — даже когда был окружен и стоял под пулями, даже когда потерял Лигейю и остался один на один с загадкой Гаргатулота. Аларик позволил ярости разгореться сильнее и вытеснить страх.

— Мы тебя убили, демон, — гневно бросил Аларик. — Мы убили тебя мечом Мандулиса! Сверкающей молнией!

— Только сверкающая молния может очистить Галактику от присутствия Гаргатулота, — произнес принц-демон. — Я полагаю, вам это сказал Валинов? Когда вы сломили его на Мимасе? Неужели я должен тебе объяснять, что Валинова невозможно сломить? Я удалил из его разума все слабые части, когда сделал его своей собственностью. А знаешь, Серый Рыцарь, как приятно вводить в заблуждение, говоря правду? В этом есть своя ирония, и это вполне в духе Тзинча. Видишь ли, Валинов был прав. Меня невозможно убить, невозможно остановить. Единственный способ удалить меня из Галактики — это дать возможность закончить работу Тзинча, то есть превратить Галактику в обитель истинного Хаоса. И тогда я образу одно целое со своим повелителем, тогда перестану существовать. Только оружие, которым я был изгнан, обладает силой вернуть меня обратно, чтобы я мог закончить работу Хаоса и исчезнуть. Валинов говорил правду — только вы предпочли услышать другую истину.

Конечно, понял Аларик, Тысячеликий Принц сказал правду. Для каждого демона существовало определенное условие возвращения: назначенная дата, место, специфическое жертвоприношение или заклинание. Для Гаргатулота — как существа колоссальной силы — таких условий было множество. Он должен был возродиться через определенную реликвию Империи — тело святого Эвиссера. Это должно было произойти в пределах Шлейфа, и именно в назначенное время. И сосуд, через который произошло бы возвращение, должен быть разрушен тем самым оружием, каким был изгнан демон.

Гаргатулот мог создать святого, Шлейф и культистов, служивших его целям. Он мог разработать самый сложный план, чтобы вовремя привести все это в движение. Но принц-демон не мог создать меч Мандулиса. Оружие надо было доставить, что и сделали Серые Рыцари.

Аларик воспротивился этой мысли. Серые Рыцари не могли быть использованы! Они сражались и выполняли свой долг. Они не могли быть частью плана и инструментом в руках Врага.

— Ты рассказал, как все должно было быть, — сквозь сжатые зубы гневно сказал Аларик. — Ты не использовал нас, как использовал Лигейю. Мы должны были сразиться лицом к лицу, чтобы совершить то, что совершил до нас Мандулис. Мы освободили тебя, чтобы сразиться.

— Это говорит твое отчаяние, Серый Рыцарь. Ты был со мной с самого начала. Знаешь, это должен быть именно ты. Серые Рыцари со своими несгибаемыми душами просто великолепны. Превосходные инструменты. Вас невозможно запугать; вы — лучшие солдаты, когда-либо созданные Империеумом. Именно поэтому вы неуклонно выполняете тот план, что я, и только я, вложил в ваши головы. Мне надо было лишь указать вам верное направление, и вы исполнили все, что мне было нужно. Вы принесли мне меч Мандулиса, вы помогли разжечь конфликты по всему Шлейфу, вы превратили Вулканис Ультор в арену смертоубийства, чтобы мне было легче скрыть свои приготовления вплоть до того момента, когда я полностью проснулся. И я не могу противиться желанию после всего этого сломить твой дух.

Аларик видел, как погибают балурианцы. Осталась лишь небольшая группка людей в темно-синих мундирах, и те в своем безумии истребляли друг друга. Увидел он и Валинова, приветственно поднявшего руки.

— Как и у любого человека, у тебя есть недостатки, — продолжал Гаргатулот. — Но ты слишком горд, чтобы их видеть. Твой недостаток в том, что ты боишься, Аларик. Ты знаешь, что ни один из Серых Рыцарей до сих пор не поддавался проискам Врага. Где-то в глубине души ты боишься стать первым. Вот что делает тебя таким слабым в свободное от сражений время. Вот почему ты никогда не мог стать лидером. Почему, как думаешь, ты увидел меня в этом облике? — Гаргатулот указал на свое лицо жестокого дикаря. — Я появился перед тобой таким, каким ты мог бы стать. Я — то, чего ты боишься. Ты мог бы остаться таким, если бы хрупкая реальность не произвела тебя в Серые Рыцари. В глубине подсознания ты помнишь свою прежнюю жизнь в жестоком мире. И это напоминает тебе о возможных переменах: ты можешь стать тем, кто поклоняется мне. И я должен тебя заверить: этот страх обоснован, Аларик. Я потрачу немало времени, чтобы тебя сломить, а когда ты падешь, то станешь моим самым дорогим трофеем.

Аларик молчал. Ему недолго осталось жить. Но у него остался единственный шанс — а это даже больше, чем Аларик рассчитывал. Он должен использовать этот шанс. Ради павших боевых братьев и ради Лигейи. Ради Мандулиса — того, кто тысячу лет назад пожертвовал больше чем жизнью.

Не Гаргатулот привел его сюда. Все решения Аларик принимал самостоятельно. Меч Мандулиса, сражение с сестрами, поиски Гаргатулота на берегу озера Рапакс — все это его собственный выбор. Он выполнял свой план, а не замысел Гаргатулота. И оставался единственным шансом, чтобы это доказать.

Щит веры постепенно истончится. Надо действовать сейчас, пока он не исчез совсем и Гаргатулот не понял, что за ним хранится.

— Значит, это действительно конец, — сказал Аларик. — Но смерть в бою с Врагом — это уже победа, и этого ты не сможешь у меня отнять.

— Может, и не смогу, — ответил Гаргатулот. — Но после смерти ты будешь моим. Я могу потратить целую вечность, но добьюсь твоего падения.

— Тебе пришлось создать весь Шлейф, — продолжал Аларик, — святого Эвиссера, кардиналов, каждого жителя — всех надо было расставить по местам ради победы над нами. Вспомни. Ты привел свой замысел в движение еще до существования Шлейфа, поскольку знал, что меньшие меры не помогут. Ты сделал свою работу, демон. Ты так нас боялся, что передвинул, словно мебель, звездные системы — и все для того, чтобы заставить нас плясать под свою дудку.

— Умерь гордыню, Аларик. Тебе предстоит многого лишиться.

— Что ж, — послушно кивнул Аларик, — давай сделаем все как положено. Легенды говорят, что каждый Серый Рыцарь перед смертью должен произнести героические слова.

Последнее проклятие Врагу.

— Верно. Нечто такое, что напомнит тебе, насколько тщетны твои усилия.

— Хорошо.

Аларик заставил себя сконцентрироваться на висевшем перед ним лице. Он сосредоточился и поймал взгляд глаз Гаргатулота — жесткий, выразительный, решительный. Очень похожий на взгляд самого Аларика.

— Трас'клея'таллгрия... — начал Аларик.

И внезапно мир вернулся к прежним измерениям, а лицо Гаргатулота рассыпалось в пыль.

От колонны демонской плоти протянулось щупальце, плавно обогнуло развалины мраморной гробницы и подошло к тому месту, где в окружении мертвых балурианцев стоял Валинов. Затем из-под мерцающей кожи высунулись сотни рук, подняли Валинова и вперед головой внесли в тело Гаргатулота. Преданный слуга и глашатай Тысячеликого Принца получил долгожданную награду.

Повсюду вокруг себя Валинов ощущал силу — силу истинного знания, настолько сконцентрированного, что оно разъедало кожу, превращая и самого бывшего инквизитора в чистейшую субстанцию знания. Понятие о коже и костях освободилось из тюрьмы разума; вслед за ними в полужидкой среде Гаргатулота стали рассасываться и внутренние органы. Едва Валинов попал внутрь колонны, как на него уставились невыносимые для человеческого сознания лица. Они разглядывали величайшего помощника их господина, ставшего одним из них.

Валинов стал еще одним лицом Тысячеликого Принца — идолом, перед которым вскоре будут склоняться бесчисленные культисты. А когда Тзинч поглотит Галактику, когда везде воцарится Хаос, Валинов станет богом.

Высоко над Вулканис Ультором тысяча лиц Гаргатулота внезапно вздрогнули и спрятались в глубину колонны. Щупальца потемнели и тугими кольцами обвили вокруг пульсирующего столба. Собравшиеся тучи злобно полыхнули молниями; муки демона сконцентрировались до твердого состояния и жесткими красными прожилками вонзились в землю. Тусклые темные пятна, словно открытые раны, выступили на радужно переливающейся плоти.

Демоны оглушительно завизжали и попытались спрятаться обратно под землю. Их тела стали зыбкими; они проходили друг сквозь друга и погибали, когда светящаяся кровь и внутренние органы вытекали на иссохшую землю. Из миллионов глоток пронесся оглушительный предсмертный вой.

Посреди обломков разрушенной стены, у подножия колонны Гаргатулота сидел Серый Рыцарь Аларик. Его тело было сильно изранено, многие кости сломаны, доспехи помяты и покрыты трещинами, но он был жив и в сознании. Он выкрикивал те самые слова, которые инквизитор Лигейя не раз повторяла перед казнью.

Инквизиторы решили, что ее разум пострадал от влияния Гаргатулота и Лигейя говорила в состоянии припадка. Но Аларик знал, насколько прочен ее разум. Серый Рыцарь решил поверить ей в последний раз. Он запросил подробнейшие записи допросов Лигейи и выучил наизусть ту фразу, которую она повторяла снова и снова.

Это был не просто набор бессмысленных слогов. В непонятной фразе заключалось отчаянное предсмертное послание Лигейи тюремщикам; то была ее последняя попытка отомстить Тысячеликому Принцу.

— Йак'те'ландра'клаа!.. — кричал Аларик.

Исполненное тело Гаргатулота тускнело; от него отделялись куски размером с дом и

падали на землю отвратительными серыми хлопьями.

В конечном счете каждый демон является чьим-то слугой. У каждого есть свой хозяин, и повелителем могущественного Гаргатулота был сам Тзинч. Но для того чтобы демоны безоговорочно подчинялись, хозяин должен обладать непререкаемой властью. Потому каждому демону было дано имя. Люди могли называть его сотнями различных имен, но только одно было Истинным Именем.

Инквизитор Лигейя поняла, что Гаргатулот затронул ее мысли. Она сознавала неотвратимость скорого падения, а потому оставила мысли распахнутыми настежь. Ее разум впитывал информацию из любого доступного источника. Гаргатулот и был сам по себе информацией, и Лигейя, пожертвовав психикой, а в конечном счете — и жизнью, пропустила его через себя и нашла необходимые сведения. Она все поняла и в последние мгновения жизни нашла силы передать знания тюремщикам.

Из всех людей только Аларик доверял ей настолько, чтобы слышать истину.

Слог за слогом, невзирая на боль, как и Лигейя в предсмертные мгновения, Аларик произносил Истинное Имя Гаргатулота.

Звуки жгли губы Серого Рыцаря. Если бы не стержень веры, Аларик вообще не выжил бы, произнеся Истинное Имя демона. Оно состояло из нескольких сотен слогов, и Аларик знал, что малейшая ошибка приведет к провалу. Потому он старался не обращать внимания на боль и читать, читать, читать...

Гигантское тело Гаргатулота стало зеленовато-черным, затем на нем появились багровые пятна разложения. Лица перемещались под кожей, пытаясь добраться до самого центра тела и спрятаться от обжигающих слов, проникавших внутрь колонны. Кожа начала отслаиваться огромными пластинами и тяжелым градом сыпалась на землю. Щупальца усохли, превратились в серые мертвые дуги. Они с треском отламывались и падали вниз с громадной высоты.

Аларик воспроизвел последний слог, который даже не надеялся выдать из обожженного горла. Думая, что умирает от истощения сил, он упал лицом вниз на осколки битого мрамора у остатков стены.

Сознание едва не покинуло Рыцаря, перед глазами все затянуло темнотой, но предсмертный вопль Гаргатулота пробился сквозь боль. Это был низкий и грозный рев — жалобный и в то же время яростный. Полный боли и ненависти. Предсмертная агония, насыщенная злобой.

Аларик с трудом открыл глаза. Колонна над развалинами гробницы осыпалась кусками мертвой слизи и клонилась к земле. Наконец в основании Гаргатулота что-то закрипело и взорвалось. Тысячеликий Принц стал падать на лежащие к востоку от завода равнины, на укрепления обороны, которые недавно занимали сестры Ордена Кровавой Розы.

Гаргатулот падал медленно, словно нехотя, с оглушительным треском, обрывая тысячи сухожилий, привязавших его к земле.

Аларик заставил себя подняться на ноги. В воздухе густо, словно черный снег, летали хлопья усохшей кожи. Алебарда Немезиды лежала неподалеку. Аларик проковылял несколько шагов и поднял оружие.

В это мгновение он услышал, как колоссальная масса Гаргатулота ударилась о землю.

Аларик стал карабкаться на груды развалин, чтобы выглянуть из гробницы. Он чувствовал, как по телу растекаются болеутоляющие средства, но и они были не в силах победить боль, накатывающую со всех сторон. Гаргатулот превратился в огромную умирающую груды плоти. Демоны постепенно растворялись в земле.

Через завалы камней к Аларику с трудом пробрался правосудор Генхайн. Показались еще

двое Серых Рыцарей. Аларик узнал в одном из них — помятом и закопченном — терминатора. Скорее всего, это брат Карлин — ведь Танкред наверняка погиб.

Их осталось меньше десятка. Карлин, двое воинов из отделения Генхайна, двое воинов Аларика... Из отделения Санторо не было видно никого, Аларик даже не знал, сколько всего их добралось до акрополя. Лакримы и ее сестер тоже не стало.

Аларик вновь обернулся к Гаргатулоте. Истинное Имя, произнесенное вслух, ослабило демона. Шок от необходимости подчиниться новому, смертному хозяину, вызвал нестабильность всех его тканей. Но Тысячеликий Принц не умер.

Аларик, а с ним и вся его команда стали спускаться к упавшему принцу демонов. Серые Рыцари еще не закончили работу.

В конце концов, Гаргатулота добились не Серые Рыцари, а тяжелая пехота Балура. Солдаты, окутанные клубами пепла, навели на принца демонов дальнобойные орудия и завершили дело, начатое космодесантниками. Никто из пехотинцев не понимал, что произошло на их глазах. Никто из них не видел Серых Рыцарей. Солдатам было известно лишь об огромных разрушениях, произошедших на Вулканис Ульторе, о гибели большей части их отряда и о том, что во всем этом виновато упавшее существо.

К операции были привлечены два танка «Леман Русс». Уцелевшие офицеры обрушили их огонь на Гаргатулота. В плоть демона врезались танковые снаряды, затем начался обстрел из тяжелых орудий. Земля быстро пропиталась разноцветной кровью; покрытая пеплом иссохшая равнина превратилась в вонючее болото, из которого в озеро Рапакс потек извилистый ручей.

Оставшиеся в живых сестры Кровавой Розы тоже присоединились к атаке. Их единственный уцелевший танк «Экзорцист» обстреливал Гаргатулота ракетами. Двенадцатый отряд разведчиков Металора, после длительного марша с позиций на южной оконечности линии обороны, тоже добавил огонь своих немногих оставшихся легких орудий. В результате Гаргатулот превратился в бесформенную, вязкую, обожженную и истекающую кровью грудку.

Балурианцы первыми осмелились приблизиться, следом за ними подошли разведчики Металора. Лучи лазружей вспыхнули рубиновым ливнем, и кровь Гаргатулота стала превращаться в облака зловонного пара. Воины обоих отрядов, полные ненависти, возникшей в момент выхода Гаргатулота из-под земли, пристегнули штыки и бросились расчленять лежащую тушу. Боевые сестры от них не отставали и под пение молитв праведного гнева огнем болтеров превращали плоть демона в однородное тесто. Старшие сестры кромсали ткани Тысячеликого Принца цепными мечами.

Мало кто заметил Серых Рыцарей. Их осталось совсем немного, а все вокруг было скрыто облаками дыма и пара. Аларик и Генхайн бок о бок рубили останки врага алебардами Немезиды и методично превращали демоническое тело в отвратительное озеро клейкой крови.

Где-то за неизменными облаками небосклона Вулканис Ультора солнце клонилось к горизонту. Аларик чувствовал, как жизнь постепенно покидает Гаргатулота. Серый Рыцарь оставался на берегу озера Рапакс, ожидая сигнала от своего внутреннего стержня об окончательной победе над принцем демонов.

Аларик был изранен: рука со штурмболтером сломана, грудная пластина треснула, и осколки ребер застряли в полости. Дышать он мог только третьим легким. Обычный человек давно бы умер от таких ран. Но медицинские учреждения Центрального Улья подождут. Аларик никуда не собирался уходить, пока не будет полной уверенности в смерти Гаргатулота. И слабое биение остатков воли демона постепенно угасало. Аларик сидел, опершись на древко алебарды, и чувствовал, как на равнины опускается ночной холод. Ждать оставалось недолго.

Правосудор Генхайн пытался собрать всех оставшихся в живых Серых Рыцарей и отыскать по возможности больше тел павших братьев. Он обнаружил тело Санторо, искалеченное почти до неузнаваемости после взрыва акрополя. Тело лежало всего в нескольких метрах от того места, где стоял Аларик, — еще немного, и капитан тоже мог погибнуть. Некоторые десантники Санторо были убиты еще раньше, о чем Аларик даже не знал. Так же как и серафимов Лакримы, их убили культисты Гаргатулота по пути к акрополю. Тела Танкреда не обнаружили; Аларик знал, что его и не найдут.

А меч Мандулиса уцелел — он блестел на краю воронки, образовавшейся на месте химического завода. Теперь его взял Генхайн. Командир отделения Возмездия обернул клинок тканью, чтобы лезвие не отражало мрачных последствий битвы. Именно Генхайну предстояло вместе с Дурендином спуститься в подземелья Титана к усыпальнице Мандулиса и вернуть меч хозяину. А до тех пор меч будет оставаться закрытым. Он выполнил свою работу.

Сестры Кровавой Розы разыскивали своих погибших. Аларик видел, как они извлекли тело канонессы из груды обломков мрамора на месте ступеней гробницы. Весь перерабатывающий завод превратился в кратер, заполненный обломками, и теперь невозможно было разобрать, где заканчивалась реальная территория здания и начиналась аномалия усыпальницы. Повсюду лежали тела убитых балурианцев. Для доставки трупов обратно в оборонительные траншеи были откомандированы две «Химеры».

Погибло слишком много людей. Скорее всего, эти потери невосполнимы.

В темном болоте демонской крови что-то зашевелилось. Аларик, преодолевая боль, подошел ближе и увидел извивающееся человеческое тело.

У него не было кожи, полностью разъеденной кислотой. Все тело покрывала слизь; лишенные век глаза дико вращались, руки придерживали внутренности, готовые вывалиться на землю.

В первый момент Аларик решил, что перед ним кто-то из балурианцев. Но затем он узнал энергетический меч, еще висевший на потрепанном поясе. Тот самый меч, что Аларик видел на Валинове, когда отступник приветствовал возрождение Гаргатулота в реальном мире.

Аларик хотел послушать стенания Валинова, но тот уже не мог говорить. Да это и не имело значения. Гаргатулот изверг из себя тело слуги в тот момент, когда Аларик произнес Истинное Имя демона. Валинов посвятил Гаргатулоту жизнь, и даже больше, чем жизнь, — душу и все свое существо, но в последний момент оказался разделен с повелителем. Предсмертные муки не имели никакого значения для Валинова, но мучительная боль неудачи стала пыткой, которой мог бы гордиться сам Гаргатулот.

Возможно, надо было позволить Валинову и дальше переносить мучительное отчаяние. Но Ордо Еретикус однажды уже приговорили его к смерти, и Аларик знал, что они ждут свершения приговора.

— Властью, данной мне Священным ордосом Инквизиции Императора, — произнес Аларик, — и как брат-капитан Серых Рыцарей Ордо Маллеус, я действую в интересах правосудия Энцелада и передаю твою душу на суд Императора.

Нагнувшись, Аларик поднял Валинова за шиворот. Валинов уперся в него безумным взглядом и весь дрожал; с его мокрого покрасневшего тела стекала отвратительная слизь.

— Но у тебя, — продолжал Аларик, — нет души. Так что это конец всему, Голик Рен-Сар Валинов. Это — абсолютное уничтожение.

Аларик медленно прошел от тела Гаргатулота на берег озера Рапакс, мерцавшего разноцветной пленкой в бледных лучах едва видимой за облаками луны. Там капитан опустился на колени у самой кромки и бросил Валинова в отравленные воды.

Валинов слабо сопротивлялся. Его усилия постепенно сошли на нет, но Аларик терпеливо

ждал, пока не убедился, что бывший инквизитор мертв. А потом еще долго, молча и неподвижно, сидел на берегу озера.

Правосудор Генхайн пришел за ним при свете разгоравшегося дня. Генхайн взял в отряде металорских разведчиков «Химеру» и на ней доставил Серых Рыцарей обратно в Центральный Улей. Там космодесантникам и боевым сестрам предстояло залечивать раны в ожидании транспортного корабля, который переправит воинов в специализированные аптекарионы.

Карлин остался жив. Несмотря на осколочные ранения по всему телу, он не выпускал из рук огнемет. В отделении Генхайна остались Тарн, Ондурин и Салкин, лишившийся полностью отрубленной руки. Выжили десантники Аларика — Холварн, Дворн и Ликкос. И сам Аларик. Из отделения Санторо не осталось никого.

«Химера» тряслась по полю недавнего сражения к Центральному Улью. Аларик не мог не оглянуться на огромное темное пятно, оставшееся от Гаргатулота.

Конечно, еще не все кончено. Гаргатулот не может быть убит бесповоротно. Но Серые Рыцари — вместе с Лигейей, вместе с Мандулисом — доказали, что он может быть побежден. И теперь Ордо Маллеус предстояло позаботиться о том, чтобы он всегда оставался побежденным.

Солнце прорвалось сквозь тучи, но оно осветило только следы разрушений и загрязнения, груды обломков, горы трупов. Медленно, очень медленно начиналась длительная работа по очищению Шлейфа Святого Эвиссера от влияния Гаргатулота.

С невысокой гряды в глубине равнины за уничтожением Гаргатулота наблюдала культист смерти Ксианг. Она до конца выполнила последний приказ своей госпожи Лигейи — убедилась, что принц демонов вызван в реальный мир и Серые Рыцари получили возможность его уничтожить.

Ксианг оказалась в совершенно новом для нее положении. У нее не было хозяина. Раньше она служила секте имперской церкви, требующей кровавых жертв во славу Императора, потом поклялась в верности Лигейе. Ксианг никогда не оставалась без хозяина, и теперь ее обуревали странные чувства. Ее мысли, движения, решения теперь принадлежали только ей одной. Она перестала быть инструментом чужой воли. Теперь предстояло повиноваться только собственным желаниям.

Возможно, в скором будущем она найдет другого хозяина и подчинится его воле. А может, ей понравятся новые ощущения. Вулканис Ультор не хуже других мест подходит для того, чтобы начать новую жизнь. Можно исследовать унылые дикие равнины, можно спуститься в нижние слои улья, там проверить свои способности и научиться чему-то новому у его обитателей.

Культист смерти отвернулась от мертвого принца демонов и направила взгляд в другой конец равнины — на восток, где едва виднелись очертания улья Верданус. Ксианг задумалась, сможет ли она найти такого же хозяина, какой была Лигейя. А потом спросила себя, хочет ли она этого.

Без малейшего напряжения сильных мышц Ксианг отправилась в дальний путь.

В глубине Титана было очень холодно. Маленькую, низкую, максимально защищенную от психического воздействия комнату освещала единственная, слабо мерцавшая свеча. Помещение было оборудовано всего несколько дней назад — как тайное и безопасное хранилище, чтобы надежно сберечь и не выпустить из-под контроля чрезвычайно важную информацию. Комната находилась в глубине катакомб Титана, охранялась легионами погибших десантников, и отыскать ее могли только капелланы Серых Рыцарей.

Главным предметом обстановки был единственный стол. За ним, над огромной раскрытой книгой, склонился сервитор-писец. Книга была новой, недавно переплетенной и содержала пока лишь пустые страницы.

У противоположной стены комнаты стояли капеллан Дурендин и инквизитор Никсос. Дурендин привел Никсосу в это место, поскольку хранилище было построено по его настоянию. Никсос постепенно оправлялся от ран, полученных по время неудавшейся казни Валинова, но все еще выглядел больным, уставшим и казался старше своих лет. Он мог двигаться только благодаря сервоузлам своего экзоскелета.

— Можешь начинать, — сказал Никсос.

Писец начал ровным округлым почерком выводить на титульной странице заглавие книги: «Вторая книга "Codicium Aeternum"».

Содержит описания и названия демонов, даты и продолжительность их изгнания, а также детали борьбы с ними, дабы враг был известен и его махинации раскрыты до того, как будут воплощены...»

Инквизитор Никсос стал диктовать детали отчета Аларика, данного им в аптекарионе. Правосудор поведал о хитроумных планах Гаргатулота по созданию ложного святого, который должен был стать ключевой фигурой возрождения Тысячеликого Принца. Об использовании Серых Рыцарей для доставки оружия, изгнавшего демона, и об организации бесчисленных культов для маскировки его деятельности. Теперь на Шлейфе Святого Эвиссера проходила операция изгнания этих самых культистов, под руководством инквизитора Клаэса и провоста Марешаля. И эта работа продлится долгие десятилетия, если вообще когда-нибудь закончится.

Никсос не забыл упомянуть и деятельность Лигейи, и то, что Аларик оказался единственным, кто верил ей до самого конца. Старик инквизитор перечислил многих и многих граждан Империи, погибших в результате происков Гаргатулота, и еще больше людей, которые должны были погибнуть в мирах Шлейфа в процессе искоренения влияния демона.

Наконец сервитор-писец занес в книгу все сведения, имевшиеся у Ордо Маллеус, и расчеты имперских мудрецов относительно предполагаемых сроков возрождения Гаргатулота. Он может вновь появиться в реальном мире через тысячу лет. Но в этот раз Ордо Маллеус не даст ему шанса.

— А это — как можно точнее, — предупредил инквизитор Никсос. — Каждый слог должен быть произнесен абсолютно точно, иначе изгнание не состоится. Знайте, что Истинное Имя демона Гаргатулота звучит так: Трас'клея'таллгрия...

В течение нескольких минут инквизитор Никсос с трудом произносил последовательность звуков. Когда же все закончилось, писца-сервитора отправили на уничтожение, чтобы звуки Истинного Имени не могли заронить семена ереси в имплантированный биологический мозг.

После этого инквизитор Никсос отправился на Япет, оттуда — к Оку Ужаса, чтобы продолжить борьбу во имя Императора. Одна глава истории Гаргатулота завершилась. К тому времени, когда начнется другая, Никсосу и всех тех, кто боролся с принцем демонов, уже не будет в живых.

Закончились самые необходимые дела, все найденные тела были захоронены под поверхностью Титана. Были сделаны все отчеты для Ордо Маллеус; выжившие тщательно исполнили обряды очищения. Аларика предоставили несколько дней отдыха, пока Адептус Астартес не примут решение о присвоении ему звания брата-капитана.

Он получил разрешение на кратковременное посещение Мимаса, где дознаватели проводили Аларика к месту смерти инквизитора Лигейи.

Там ничего не осталось. Камеру демонтировали, лишь кольцо в скале напоминало о

креплении кабеля к поверхности спутника.

Тело Лигейи было кремировано, и прах рассеян на орбите, чтобы от нее не сохранилась ни одна частица.

Аларик смог лишь прочитать короткую молитву об упокоении ее души, но это было больше, чем сделал кто-либо другой: Лигейя умерла предателем, так что никто не позаботился, чтобы ее душа была направлена к Императору. Молитва была недолгой, всего лишь несколько священных слов в противопоставление ужасу ереси. Но и этого было достаточно.

«Как много людей должны были погибнуть, — думал Аларик, глядя на голую поверхность Мимаса с диском Сатурна в небе. — И сколько еще обречены на страдания».

Но борьба этого стоила. И потому существовали Серые Рыцари. Война никогда не заканчивается, но иногда в ней можно одержать победу.